This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

V Soc 751.17.14

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

М. Туганъ-Барановскій

Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи и соціализма

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНІЕ

М. Туганъ-Барановскій

Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи и соціализма

TUGAN-BARANOVSKII
= „OCHERKI IZ NOVEISHEI ISTORII"

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНІЕ

Евдокія М. Каудин
Инж-ръ Сол

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).
1907.

V Soc 751.17.14
V

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
SEP 21 1970

70 * 1

ИЗЪ ПРЕДИСЛОВІЯ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Читатель не найдетъ въ этой книгѣ систематической исторіи экономическихъ и соціалистическихъ ученій. Я начинаю свои «Очерки» съ Адама Смита и останавливаюсь въ нихъ лишь на томъ, что мнѣ казалось болѣе важнымъ и существеннымъ. Поэтому, моя книга не можетъ быть учебникомъ; но именно благодаря отсутствію въ ней того матеріала, который обычно загромождаетъ учебники и дѣлаетъ ихъ такими непригодными для чтенія, она можетъ, какъ я надѣюсь, оказаться небезполезной въ качествѣ книги для чтенія и руководства для самообразованія. Я старался сдѣлать ее общедоступной безъ ущерба серьезности содержанія. Говоря о немногомъ, я могъ сравнительно дольше останавливаться на каждомъ отдѣльномъ предметѣ изложенія и стремился дать хотя и отрывочную, но достаточно опредѣленную картину движенія общественно-экономическихъ идей въ закончившемся столѣтіи.

20 февраля 1905 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНІЮ.

Четвертое изданіе воспроизводитъ безъ перемѣнъ текстъ третьяго.

Авторъ.

10 сентября 1907 г.

ОЧЕРКЪ I.

Происхожденіе англійскаго капитализма.

Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ господствуетъ въ настоящее время своеобразный экономическій строй, называемый капиталистическимъ потому, что въ основѣ его лежитъ господство капитала надъ трудомъ, наемный трудъ рабочаго въ пользу капиталиста, владѣльца предметовъ, необходимыхъ для производства.

Какъ же возникъ этотъ строй, столь привычный намъ теперь и столь тѣсно связанный со всѣмъ дурнымъ и хорошимъ современной цивилизаціи? Первымъ представителямъ экономической науки—экономистамъ XVIII и начала XIX вѣка—капиталистическій строй казался естественной и какъ бы необходимо присущей человѣческой природѣ формой хозяйства. Но теперь мы знаемъ, что это не такъ. Капиталистическій строй продуктъ не только историческаго развитія, но и сравнительнаго недавняго развитія: чтобы прослѣдить происхожденіе современнаго капитализма, не нужно восходить къ сѣдой древности.

Возьмемъ капиталистическую страну по преимуществу, хозяйственная исторія которой изучена, къ тому же, всего лучше--Англію. Достаточно отойти въ глубь англійской исторіи на нѣсколько столѣтій, чтобы потерять всякіе слѣды современнаго капитализма. Англія XII—XIII вѣка—это совсѣмъ другой міръ, не имѣющій ничего общаго съ современной Англіей крупнаго капитала, которая намъ такъ хорошо извѣстна.

Передъ нами чисто земледѣльческая страна, совсѣмъ не ведущая самостоятельной иностранной торговли. Въ ней около сотни городовъ; но большинство городовъ мы бы назвали крупными деревнями. Однимъ изъ главныхъ занятій горожанъ является земледѣліе. Число жителей даже первоклассныхъ городовъ (кромѣ Лондона) не превышаетъ 7—8 тысячъ. Деревня безусловно господствуетъ въ экономической жизни страны.

Деревенское хозяйство слагается въ прочную организацію, устойчивую и неподвижную, истинный фундаментъ всего соціальнаго строя средневѣковой Англіи. Земля подѣлена между отдѣльными помѣстьями-манорами. Во главѣ манора стоитъ господинъ, лордъ; въ составъ ма-

нора входитъ деревня и частныя земли лорда, — лежавшія черезполосно съ деревенскими землями. Деревенскіе жители вначалѣ были крѣпостными лорда, обязанными 2—3 дня въ недѣлю работать на землѣ господина (кромѣ добавочныхъ работъ во время весенней и осенней пахоты и жатвы); затѣмъ ихъ отработки замѣняются разъ навсегда опредѣленными и неизмѣнными денежными платежами въ пользу лорда. Отличительной чертой манорiальной жизни является ея почти полная экономическая автономность и независимость. Маноръ былъ замкнутымъ экономическимъ міромъ, жившимъ своей особой жизнью и почти не вступавшимъ въ соприкосновеніе со всѣмъ, что было внѣ его. Въ составъ деревни входятъ не только землевладѣльцы, но и ремесленники. Большинство селъ имѣетъ своихъ кузнецовъ и плотниковъ, которые первоначально были должностными лицами общины и держали землю подъ условіемъ исполненія работъ въ пользу помѣщика и поселянъ; затѣмъ они стали работать по найму за опредѣленную плату. Каждый крестьянскій дворъ обрабатывалъ для своихъ нуждъ добываемое имъ сырье и почти не нуждался въ покупкѣ продуктовъ чужого труда. Только соль, желѣзо, деготь и немногіе другіе менѣе важные товары поселяне манора должны были покупать на сторонѣ.

Всѣ отношенія между поселянами и лордомъ были прочно закрѣплены закономъ и обычаемъ. Для индивидуальной свободы, личнаго усмотрѣнія, произвола не было мѣста; стародавній обычай опуталъ со всѣхъ сторонъ неразрывными сѣтями всякаго обитателя манора и поставилъ его въ строго опредѣленныя отношенія къ другимъ членамъ той же экономической группы.

Скудная промышленность и торговля были сосредоточены въ городахъ. Въ XII вѣкѣ въ городахъ создаются организаціи торговаго класса—купеческія гильдіи, монополизировавшія городскую торговлю. Предметомъ торговли были, главнымъ образомъ, тѣ произведенія ближайшихъ деревень, въ которыхъ чувствовало недостатокъ городское населеніе: зерно, шерсть и т. п. Столѣтіемъ позже возникаютъ организаціи городскихъ ремесленниковъ—ремесленныя гильдіи. Первыми самыми вліятельными ремесленными гильдіями были гильдіи ткачей и сукноваловъ. Всѣ эти организаціи выполняли чрезвычайно важную хозяйственную функцію: регулированіе торговопромышленнаго оборота страны. Мы видѣли, что въ земледѣліи неподвижный обычай создавалъ опредѣленныя и закоченѣвшія формы хозяйственныхъ отношеній. Во главѣ земледѣльческой группы стоялъ лордъ, объединявшій хозяйство манора и сосредоточивавшій въ своихъ рукахъ нити управленія маноромъ. Въ городѣ не было такого господина и не могло быть, такъ какъ городское населеніе состояло не изъ крѣпостныхъ, а изъ свободныхъ людей. Городскіе купцы и городскіе ремесленники представляли собой самостоятельныхъ хозяевъ, не обязанныхъ подчиняться

какому-либо одному господствующему лицу. Но отсюда не вытекло хозяйственной свободы, а, наоборотъ, создалась весьма сложная и удивительно выработанная система общественнаго принужденія и всесторонняго регулированія городской торговли и промышленности.

Всѣмъ извѣстно, что такое представлялъ собой средневѣковый цехъ. Школа Смита, выступившая съ требованіемъ экономической свободы, видѣла въ цехахъ только порожденіе узко-эгоистическихъ и вредныхъ для экономическаго прогресса стремленій городскихъ ремесленниковъ и торговцевъ монополизировать въ свою пользу наиболѣе выгодные роды занятій. Но болѣе глубокое изученіе исторіи цеховъ привело экономическую науку къ совершенно иной оцѣнкѣ цеха. Цехъ былъ удивительно стройнымъ и совершеннымъ общественнымъ учрежденіемъ, вполнѣ приспособленнымъ къ условіямъ средневѣкового городского хозяйства. На основѣ цеховой организаціи выросла цвѣтущая городская промышленность среднихъ вѣковъ. Смѣлая фигура средневѣкового ремесленника, умѣющаго стойко отстаивать интересы родного города и грудью отразить нападенія хищныхъ рыцарей, трудолюбиваго и зажиточнаго, проникнутаго сознаніемъ права каждаго на обезпеченный заработокъ, относящагося къ своему ремеслу съ почти артистическимъ чувствомъ, любящаго это ремесло и гордящагося имъ, полна своеобразной прелести и красоты. Гармоничный строй жизни средневѣковаго города покоился на цеховой организаціи, задачи которой, въ лучшую пору цеховъ, сводились къ обезпеченію всѣмъ производителямъ—членамъ цеха—достаточнаго и равномѣрнаго заработка, а потребителямъ—товара хорошаго качества за умѣренную цѣну. Цѣли эти достигались строжайшимъ регламентированіемъ цеховой властью, подъ болѣе или менѣе дѣйствительнымъ контролемъ городского управленія, всего хозяйственнаго процесса, съ его начала—покупки сырья—до конца—продажи товара потребителю. Городъ или цеховая власть пользовались правомъ прямого таксированія всѣхъ товаровъ, поступающихъ въ оборотъ городской торговли, равно какъ и регулированія заработной платы.

Капиталъ—денежныя средства—игралъ не значительную роль въ хозяйствѣ средневѣковаго ремесленника. Орудія труда были очень просты и не требовали большихъ затратъ. Что касается до сырья, то оно весьма часто или даже въ большинствѣ случаевъ не было собственностью ремесленника и принадлежало заказчику, который доставлялъ это сырье ремесленнику для обработки за извѣстную плату. Ремесленникъ получалъ плату за свой трудъ, но онъ не былъ наемнымъ рабочимъ заказчика, такъ какъ работалъ своими инструментами и стоялъ въ соціальномъ отношеніи совершенно на одинаковомъ уровнѣ съ заказчикомъ, пріобрѣтавшемъ продуктъ для собственнаго потребленія. Благодаря регулированію промышленности цеховыми властями, никто изъ ремесленниковъ не могъ разсчитывать на значитель-

ное расширеніе производства, но, поскольку возможенъ былъ успѣхъ, успѣхъ опредѣлялся не капиталомъ, а искусствомъ и добросовѣстностью ремесленника.

Рабочаго класса въ современномъ смыслѣ слова, т.-е. обособленнаго класса людей, не располагающихъ капиталомъ и потому живущихъ продажей своей рабочей силы, средневѣковый городъ въ свою лучшую пору совсѣмъ не зналъ. Разумѣется, цеховой мастеръ работалъ не одинъ, его помощниками въ работѣ были подмастерья и ученики. Но и тѣ и другіе не были особымъ рабочимъ классомъ, такъ какъ ученикъ, по окончаніи срока ученичества, дѣлался или прямо мастеромъ, или же подмастерьемъ, а подмастерье, черезъ болѣе или менѣе продолжительный срокъ, обыкновенно становился мастеромъ. Такимъ образомъ, ученики, подмастерья и мастера не были различными соціальными классами, а лишь различными возрастными группами одного и того же класса.

Въ болѣе позднее время, при упадкѣ цеховаго строя, когда цехи стали пользоваться своей экономической силой въ интересахъ своихъ членовъ и начали ставить различныя преграды для достиженія правъ мастера, подмастерья обособились въ особый классъ, враждебный мастерамъ. Но въ золотую пору цеховъ подмастерье былъ членомъ семьи мастера и менѣе всего видѣлъ въ немъ своего врага; заработная плата подмастерья нормировалась обычаемъ и обыкновенно составляла половину платы, получавшейся самимъ мастеромъ.

Городскіе рынки, по опредѣленнымъ базарнымъ днямъ, были пунктами обмѣна сельскихъ и городскихъ произведеній. Періодическія ярмарки, пріурочивавшіяся обыкновенно къ осени, служили мѣстомъ продажи произведеній отдаленныхъ графствъ, а также иностранныхъ товаровъ. Что касается до этихъ послѣднихъ, то они попадали въ Англію исключительно черезъ посредство иностранныхъ купцовъ. Компанія голландскихъ и фландрскихъ купцовъ образовывала въ Лондонѣ Лондонскую ганзу; компанія германскихъ купцовъ называлась Тевтонской ганзой. Эти компаніи представляли собой сплоченныя и замкнутыя торговыя общества, въ рукахъ которыхъ былъ сосредоточенъ не только ввозъ иностранныхъ товаровъ въ Англію, но и вывозъ англійскихъ товаровъ за границу. Только со второй половины XIII вѣка англійскіе торговцы начинаютъ принимать активное участіе въ иностранной торговлѣ и создаютъ собственныя организаціи для вывоза туземныхъ произведеній на иностранные рынки.

Такова была Англія въ послѣдній періодъ средневѣковья. Надъ всѣмъ царилъ обычай, и твердыя, опредѣленныя формы права давали мало простора для индивидуальной свободы. Страна слагалась въ экономическомъ отношеніи изъ множества замкнутыхъ экономическихъ группъ, внутри которыхъ все было закрѣплено и урегулировано общественной властью.

Современному человѣку, привыкшему къ экономической свободѣ и широкимъ мѣновымъ сношеніямъ, связывающимъ въ одно цѣлое хозяйство не только всей страны, но даже всего міра, узкій и стѣснительный средневѣковый строй можетъ казаться страннымъ и непонятнымъ. Экономисты XVIII вѣка находили его даже противоестественнымъ. И однако, этотъ строй обладалъ удивительной живучестью. Остатки его продержались вплоть до XIX вѣка. Въ эпоху Адама Смита цехи и гильдіи были еще вполнѣ реальнымъ экономическимъ зломъ, значительно стѣснявшимъ свободное развитіе частной предпріимчивости; регулированіе производства общественной властью вызываетъ въ теченіе всего XVIII вѣка жалобы крупныхъ предпринимателей; мѣстныя власти сохранили вплоть до XIX вѣка право нормированія заработной платы: мелкое производство было господствующимъ въ англійской промышленности вплоть до великихъ техническихъ изобрѣтеній конца XVIII вѣка, возвѣстившихъ человѣчеству новую эру—машиннаго производства.

Потребовалось около пяти столѣтій, чтобы окончательно разрушить средневѣковую организацію промышленности. Эпохой наибольшаго расцвѣта цеховъ нужно считать XIV столѣтіе. Затѣмъ начинается медленный упадокъ средневѣковаго городского строя. Упадокъ этотъ былъ вызванъ весьма сложными причинами и выражался различными признаками, по господствующимъ и основнымъ фактомъ всей послѣдующей экономической эволюціи слѣдуетъ признать ростъ торговли и торговаго капитала.

Торговля не играла большой роли въ хозяйствѣ средневѣковаго города. Вся мелочная регламентація производства, сбыта и цѣны ремесленныхъ продуктовъ покоилась на близости потребителя къ производителю, между которыми не было промежуточнаго посредника—торговца. Такъ какъ въ ремеслѣ долгое время преобладала работа по непосредственному заказу потребителя, изъ собственнаго матеріала послѣдняго, то для купца въ этой сдѣлкѣ не было мѣста. Но если даже ремесленныя издѣлія работались для продажи, все же они предназначались въ большинствѣ случаевъ для узкаго мѣстнаго рынка: покупателями и потребителями были, главнымъ образомъ, жители даннаго города и его окрестностей. Поэтому, и въ этомъ случаѣ особому торговому посреднику дѣлать было нечего—ремесленникъ былъ вмѣстѣ и торговцемъ. Купечество, правда, было и въ средневѣковомъ городѣ самымъ вліятельнымъ и богатымъ классомъ, но оно вело торговлю не мѣстными городскими издѣліями, а частью сельскими продуктами, частью же издѣліями отдаленныхъ мѣстностей и городовъ—въ томъ числѣ и другихъ странъ.

Но чѣмъ больше развивались мѣновыя сношенія между отдѣльными городами и отдѣльными странами, тѣмъ важнѣе становилась роль торговца и тѣмъ большее количество продуктовъ, раньше чѣмъ перейти

къ потребителямъ, стало проходить черезъ каналъ торговли. Ростъ городской промышленности естественно привелъ къ тому, что нѣкоторыя отрасли производства, находившія почему-либо въ данномъ городѣ особенно благопріятныя условія для своего развитія, переросли мѣстный рынокъ и стали нуждаться въ болѣе отдаленныхъ рынкахъ. Эти рынки были доступны лишь при посредствѣ купца. О ростѣ торговыхъ сношеній между отдѣльными городами Англіи можно судить по торговымъ договорамъ, которые города заключали съ цѣлью обезпечить своимъ жителямъ свободу торговли за предѣлами родного города. Къ концу среднихъ вѣковъ Англія была покрыта цѣлой сѣтью такихъ договоровъ, которые были до извѣстной степени аналогичны современнымъ договорамъ между отдѣльными государствами. Договоры эти связывали въ одно экономическое цѣлое отдѣльные города и всю страну, и, такимъ образомъ, изъ городского хозяйства постепенно выростало народное хозяйство.

Одновременно съ внутренней торговлей развивалась и внѣшняя торговля. Долгое время важнѣйшимъ предметомъ англійскаго вывоза была шерсть; затѣмъ, на мѣсто шерсти становится сукно. Важнѣйшимъ фактомъ въ развитіи англійскаго суконнаго производства, а вмѣстѣ и всей англійской промышленности, и даже земледѣлія (ибо условія суконнаго производства оказали, какъ мы увидимъ ниже, глубочайшее вліяніе на состояніе англійскаго земледѣлія), слѣдуетъ считать появленіе во второй половинѣ XIV вѣка новаго вліятельнаго общественнаго класса — крупныхъ суконныхъ торговцевъ. Одновременно съ этимъ создается въ Англіи и спеціальная организація для вывоза сукна за границу. Англійское сукно появляется на европейскомъ континентѣ и вступаетъ въ упорную борьбу съ фландрскимъ сукномъ.

Борьба эта продолжается нѣсколько столѣтій, сопровождаясь иногда войнами, и заканчивается полной побѣдой англійскаго сукна и разрушеніемъ фландрской промышленности.

Измѣненіе условій сбыта сукна не замедлило повліять и на формы производства его. Пока сукно продавалось самимъ ремесленникомъ мѣстному потребителю, цеховая организація съ ея мелочной регламентаціей всего хозяйственнаго процесса работала превосходно. Мастера, не располагавшіе сколько-нибудь значительнымъ капиталомъ и работавшіе на узкій мѣстный рынокъ, легко мирились съ тѣми преградами къ расширенію производства, которыя создавались цехомъ. Но крупный суконный торговецъ, капиталистъ, находился въ иномъ положеніи. Въ его распоряженіи былъ сравнительно большой капиталъ и для него былъ открытъ сравнительно широкій рынокъ. Купецъ продавалъ сукно далеко за предѣлами родного города и былъ совершенно независимъ отъ цеха по отношенію къ сбыту своихъ товаровъ. Какъ продавецъ, купецъ не могъ пользоваться защитой цеха; какъ покупатель,

онъ терпѣлъ ущербъ отъ цеховыхъ правилъ, стремившихся къ огражденію интересовъ городского ремесла. Поэтому крупный суконный торговецъ не могъ не стать элементомъ, враждебнымъ цеховой организаціи.

И, дѣйствительно, мы видимъ, что по мѣрѣ роста суконнаго экспорта и возрастанія могущества купеческаго капитала совершается медленная, но чрезвычайно многозначительная эволюція.

Въ городѣ не было мѣста для иного производства, кромѣ цеховаго. И вотъ промышленность, чтобы избѣжать власти цеха, уходитъ изъ города въ деревню. Деревенская промышленность не подлежала цеховой регламентаціи; деревня представляла собой, поэтому, открытое свободное поле для развитія новыхъ формъ промышленности.

Такимъ образомъ, возникаетъ первая чисто капиталистическая форма промышленности, такъ называемая домашняя промышленность. Отличительныя черты ея заключаются въ слѣдующемъ. Руководителемъ промышленнаго предпріятія является болѣе или менѣе крупный капиталистъ, раздающій матеріалъ для обработки на домъ мелкимъ производителямъ. Послѣдніе за извѣстную плату превращаютъ этотъ матеріалъ въ готовый продуктъ, который и возвращается заказчику-капиталисту. Съ чисто формальной стороны, домашняя система крупной промышленности сходна съ ремесломъ—и въ томъ и въ другомъ случаѣ мелкій производитель обрабатываетъ по заказу матеріалъ заказчика. Но по своему экономическому содержанію ремесло глубоко отличается отъ домашней промышленности: въ ремеслѣ заказчикомъ является потребитель, а въ домашней промышленности заказы поступаютъ отъ крупнаго капиталиста, имѣющаго въ виду дальнѣйшую перепродажу продукта, полученіе барыша. Поэтому, въ ремеслѣ мелкій производитель сохраняетъ свою самостоятельность, а въ домашней системѣ производитель есть такой же наемный рабочій капиталиста, какъ и при работѣ въ капиталистической мастерской. Домашняя промышленность по заказу торговца есть несомнѣнно капиталистическая промышленность, ибо въ ней всѣ отличительныя черты капиталистическаго способа производства имѣются на лицо.

Образованіе капиталистическаго класса крупныхъ суконныхъ торговцевъ сопровождалось и развитіемъ капиталистической домашней суконной промышленности. Купцы раздавали шерсть деревенскимъ ткачамъ, полученную ткань окончательно обрабатывали въ своихъ мастерскихъ и затѣмъ пускали сукно въ продажу. Эта форма промышленности энергично развивается въ Англіи начиная съ XV столѣтія и достигаетъ своего наибольшаго расцвѣта въ XVIII вѣкѣ. Цеховая промышленность хирѣетъ и цеховой мастеръ уступаетъ мѣсто капиталисту-предпринимателю. Образуется новый предпринимательскій классъ частью изъ торговцевъ, присоединившихъ къ торговлѣ промышленное производство, частью же изъ болѣе предпріимчивыхъ городскихъ ремесленниковъ, расширившихъ свои операціи путемъ раздачи работы на дома.

Совершенно сходная эволюція наблюдается и въ другихъ отрасляхъ промышленности, кромѣ суконной. Такъ, въ половинѣ XVIII вѣка система крупной промышленности господствуетъ въ производствѣ бумазеи. Манчестерскіе купцы раздавали пряжу сотнямъ экономически вполнѣ зависимыхъ отъ нихъ деревенскихъ ткачей. Въ Стаффордширѣ и Ворчестерширѣ такой же характеръ имѣла ковка гвоздей: торговцы желѣзомъ раздавали его деревенскимъ гвоздарямъ, которые за извѣстную плату ковали гвозди для купцовъ у себя на дому. Подобныя же отношенія наблюдались въ льняной промышленности, шелковой, обработкѣ кожи и пр.

Въ то же время крупная промышленность развивалась въ Англіи и въ другой формѣ—въ формѣ мануфактуры. Уже въ XVI вѣкѣ въ Англіи появляются крупныя капиталистическія мастерскія для выдѣлки сукна, въ которыхъ раздѣленіе труда было проведено очень далеко. Законодательство боролось съ такими капиталистическими предпріятіями, опасными конкурентами для мелкихъ суконщиковъ, но остановить развитія ихъ не могло. При Елизаветѣ число суконныхъ мануфактуръ значительно увеличилось; при Стюартахъ возникло много новыхъ мануфактуръ того же рода въ восточныхъ графствахъ Англіи, особенно въ Норвичѣ, несмотря на то, что общественное мнѣніе Англіи было настроено къ такимъ мануфактурамъ очень враждебно и мелкіе мастера неоднократно подавали петиціи въ парламентъ съ просьбами принять мѣры противъ распространенія крупныхъ мастерскихъ. Но капиталисты-суконщики были уже важными и вліятельными господами. По словамъ одной современной книги, «они принимали гостей у себя дома такъ, какъ король при дворѣ», и парламентъ былъ отчасти подъ ихъ вліяніемъ.

Вотъ какъ описывается въ одномъ стихотвореніи XVI вѣка суконная мануфактура нѣкоего Джона Ньюбери:

Въ горницѣ, просторной и длинной,
Стоятъ двѣсти ткацкихъ станковъ,
И двѣсти человѣкъ—истинная правда—
Работаютъ рядомъ на этихъ станкахъ.
У каждаго стана хорошенькій мальчикъ
Радостно работаетъ надъ челнокомъ,
А въ горницѣ рядомъ сотня женщинъ
Безъ устали чешетъ шерсть,
Распѣвая звонкими голосами веселыя пѣсни.
А въ другой горницѣ двѣсти дѣвушекъ,
Въ красныхъ юбкахъ и бѣлоснѣжныхъ платкахъ,
Прядутъ и поютъ сладко, какъ соловьи.

Это наивное описаніе прелестей недавно возникшаго крупнаго капиталистическаго производства исходило, разумѣется, не отъ рабочихъ, которые всего менѣе были склонны воспѣвать «неустанную» работу. Мануфактура развивалась рядомъ съ домашней промышленностью въ

теченіе всего XVIII столѣтія, но домашняя промышленность все же была въ теченіе этого времени въ Англіи преобладающей формой капиталистическаго производства.

Великія географическія открытія XVI вѣка были поворотнымъ пунктомъ исторіи и ознаменовали собой наступленіе новой міровой эпохи. Послѣдствіемъ ихъ было перемѣщеніе центра тяжести международной торговли съ береговъ Средиземнаго моря къ Атлантическому океану, къ морскому пути въ Америку и Индію. Сначала Голландія, затѣмъ Англія становятся первыми морскими и торговыми державами міра. Классъ крупныхъ торговцевъ-капиталистовъ быстро растетъ. Новая могучая соціальная сила—капиталъ—мало-по-малу завоевываетъ господствующее положеніе въ хозяйственномъ и соціальномъ строѣ Англіи. Начинается эпоха меркантилизма: иностранная торговля, дающая легкую возможность наживы, признается единственно производительнымъ занятіемъ, и вся государственная политика сводится къ поощренію всѣми мѣрами этой торговли. Такъ какъ торговля эта сопровождалась большимъ рискомъ, требовала большой затраты капитала, и потому была не подъ силу отдѣльному предпринимателю, то стали возникать крупныя торговыя компаніи, получавшія исключительное право вести торговлю въ той или иной странѣ, благодаря чему онѣ легко наживали огромные капиталы. Въ теченіе всего XVI, XVII и XVIII столѣтій Англія захватываетъ земли во всѣхъ частяхъ свѣта и создаетъ свою колоссальную колоніальную имперію. Крупная промышленность Англіи получаетъ огромный обезпеченный внѣшній рынокъ. Сокровища, собираемыя въ заморскихъ странахъ, приливаютъ въ метрополію, пополняя ея капиталы. Благодаря открытію Америки, запасы драгоцѣнныхъ металловъ въ Европѣ, уменьшавшіеся со времени паденія римской имперіи, увеличиваются въ огромной пропорціи; происходитъ настоящая революція товарныхъ цѣнъ. Приливъ золота и серебра даетъ мощный толчокъ развитію денежнаго хозяйства.

Такимъ образомъ, ходъ развитія англійской крупной промышленности былъ, вкратцѣ, таковъ. Международная торговля создала крупный купеческій капиталъ. Крупный купеческій капиталъ подчинилъ себѣ ремесленника и деревенскаго производителя, которые стали брать матеріалъ для работы у торговцевъ и прекратили работу изъ собственнаго матеріала. Мелкое самостоятельное производство частью постепенно превратилось, рядомъ незамѣтныхъ переходовъ, въ домашнюю систему крупной промышленности; частью оно было поглощено мануфактурой, которая создалась купеческимъ капиталомъ, перешедшимъ отъ торговли къ производству тѣхъ продуктовъ, которые вывозились за границу. Частью же оно продолжало существовать въ прежнемъ видѣ и болѣе или менѣе успѣшно отстаивало свою позицію.

Мы видѣли, какъ сложился въ Англіи классъ крупныхъ капита-

листовъ. Но капиталистъ предполагаетъ рабочаго; это — различные полюсы одного и того же общественнаго отношенія. Средневѣковая Англія, въ періодъ расцвѣта городского строя, почти не знала рабочаго класса. Откуда же взялись въ XVII—XVIII вѣкѣ многочисленные промышленные рабочіе, работавшіе по найму у себя дома и въ мастерскихъ капиталистовъ?

Уже со второй половины XV-го вѣка въ Англіи создаются элементы для будущаго промышленнаго пролетаріата. Въ лучшую пору цеховъ подмастерья не были особымъ соціальнымъ классомъ, такъ какъ всякій или почти всякій подмастерье могъ разсчитывать достинуть съ теченіемъ времени положенія мастера. Но увеличеніе конкуренціи со стороны подмастерьевъ и ухудшеніе условій существованія цеховой промышленности повели къ тому, что цеховыя власти стали намѣренно затруднять доступъ въ сословіе мастеровъ. Только дѣти мастеровъ легко достигали этого важнаго званія, безъ котораго при цеховомъ строѣ ремесла не было возможности сдѣлаться самостоятельнымъ хозяиномъ промышленнаго предпріятія. Чѣмъ болѣе усиливались монополистическія тенденціи цеховыхъ мастеровъ, тѣмъ рѣзче обособливались мастера отъ подмастерьевъ. Потерявъ доступъ къ званію мастера, подмастерья стали рабочимъ классомъ въ современномъ смыслѣ слова.

Соціальное дифференцированіе мастеровъ и подмастерьевъ не замедлило обнаружиться весьма рѣзкими и недвумысленными признаками. Пока тѣ и другіе были однимъ классомъ, подмастерья не образовывали своихъ особыхъ обществъ, враждебныхъ мастерамъ. Но уже съ XV-го вѣка въ Англіи возникаютъ такія общества, съ которыми мастера упорно, но безуспѣшно, боролись. Эти общества вполнѣ аналогичны современнымъ рабочимъ союзамъ; они преслѣдовали тѣ же цѣли — улучшеніе условій продажи рабочей силы — и тѣми же средствами, изъ которыхъ стачка была и остается могущественнѣйшимъ орудіемъ воздѣйствія рабочихъ на хозяевъ. Общества (или «братства») подмастерьевъ въ Англіи не были такъ многочислены, какъ въ Германіи, но все же существованіе ихъ обнаружено въ цѣломъ рядѣ цеховыхъ ремеслъ. Подмастерья сложились, такимъ образомъ, въ особый экономическій классъ наемныхъ рабочихъ, находившійся въ рѣзкомъ антагонизмѣ къ классу хозяевъ.

Ряды промышленнаго пролетаріата пополнялись еще сельскимъ пролетаріатомъ, созданнымъ аграрной революціей XVI-го вѣка. Съ XV-го столѣтія манориальный строй начинаетъ быстро разлагаться. Къ этому времени уже всѣ крѣпостныя повинности приняли денежную форму. Лордъ обрабатывалъ свои земли наемнымъ трудомъ, но огромное большинство сельскихъ рабочихъ было мелкими собственниками или арендаторами земельныхъ участковъ. Прежній единый маноръ распался на частное владѣніе лорда, общинныя земли, пользо-

ваніе которыми принадлежало всей общинѣ (это были, главнымъ образомъ, пустоши, а также выгонъ и луга) и мелкіе крестьянскіе участки, находившіеся или въ собственности, или въ постоянномъ пользованіи крестьянъ. Право собственности на большинство участковъ, которыми крестьяне пользовались изъ поколѣнія въ поколѣніе за точно опредѣленные и фиксированные платежи въ пользу лорда, оставалось неопредѣленнымъ. Аграрная революція XVI-го вѣка заключалась, преимущественно, въ экспропріаціи лордами крестьянъ этой категоріи и въ раздѣлѣ значительной части общинныхъ земель. Права крестьянъ, державшихъ земельные участки по обычаю, основывались только на обычномъ правѣ и были лишены строго юридическаго, законнаго обезпеченія. Пока лорды не имѣли достаточныхъ мотивовъ нарушать вѣковыя обычныя права своихъ держателей, права эти не терпѣли ущерба отъ отсутствія законной защиты. Но въ XV столѣтіи въ Англіи стала быстро развиваться суконная промышленность. Шерсть сдѣлалась самымъ выгоднымъ продуктомъ сельскаго хозяйства. Лорды отвѣтили на это превращеніемъ своихъ пахотныхъ полей въ пастбища для овецъ. Такъ какъ земля пріобрѣла очень большую цѣнность, то лорды, не довольствуясь своими старинными владѣніями, воспользовались своимъ политическимъ и экономическимъ могуществомъ для захвата участковъ обычныхъ держателей, насильственно экспропріируя земледѣльческое населеніе. Крестьянскія хижины сносились съ лица земли и мѣсто ихъ заступали овчарни. Этотъ наглый грабежъ исконнаго достоянія крестьянина совершался на законномъ основаніи — судьи были на сторонѣ лордовъ, что и неудивительно, ибо сами судьи были заинтересованы въ этомъ грабежѣ, принадлежа къ земельному дворянству. Раздѣлъ общинныхъ земель былъ также фактической экспропріаціей деревенскаго населенія, ибо бѣднѣйшая часть крестьянства не получила при этомъ никакого вознагражденія за утрачиваемыя права пользованія выгономъ для пастьбы скота и пр., а болѣе достаточные крестьяне получали все же гораздо меньше, чѣмъ лорды, которые въ качествѣ сильнѣйшей стороны умѣли обезпечить себѣ львиную долю общинной земли.

Такимъ образомъ, къ концу XVI-го столѣтія Англія уже далеко отошла отъ твердыхъ и опредѣленныхъ формъ средневѣковья. Новый соціальный строй—капитализмъ—прокладываетъ себѣ дорогу. Главной твердыней капитала все еще остается иностранная торговля; но уже и внутренняя торговля подпадаетъ вліянію крупнаго капитала. Капитализмъ даетъ первые ростки въ промышленности—въ формѣ домашней системы и мануфактуры. Въ земледѣліи крестьянское хозяйство далеко не исчезаетъ (еще въ началѣ XVIII-го вѣка крестьянское хозяйство едва ли не преобладало въ Англіи), но терпитъ жестокіе удары отъ крупнаго землевладѣнія и отступаетъ передъ натискомъ этого послѣдняго. Въ то же время въ городѣ создается многочислен-

ный пролетаріатъ, постоянно пополняемый свѣжимъ притокомъ сельскаго пролетаріата.

Процессъ разложенія крестьянскаго хозяйства былъ особенно энергиченъ въ XVI вѣкѣ; затѣмъ онъ замедлился на нѣсколько столѣтій, чтобы возобновиться съ новой силой въ концѣ XVIII-го столѣтія. XVII вѣкъ и первая половина XVIII-го вѣка были періодомъ сравнительнаго благополучія англійскаго сельскаго населенія, благодаря тому, что ростъ домашней промышленности въ деревняхъ доставилъ важные подсобные заработки крестьянину. Есть полное основаніе думать, что положеніе трудящихся массъ въ Англіи во всякомъ случаѣ не ухудшилось въ промежутокъ между концомъ XVI и половиной XVIII столѣтія.

Въ XVI вѣкѣ сложилось новое экономическое и соціальное законодательство Англіи, еще сохранявшее тѣсную связь со средневѣковой организаціей производства, но уже проникнутое новымъ духомъ: государственная власть заступаетъ мѣсто городской власти. Законодательство это продержалось нѣсколько столѣтій. Въ центрѣ его стоитъ знаменитый законъ Елизаветы объ ученичествѣ (изданный въ 1562 г.), который былъ отмѣненъ только въ началѣ XIX вѣка. Важнѣйшія постановленія этого закона были слѣдующія: право самостоятельно заниматься ремесломъ или быть подмастерьемъ присвоивается только лицамъ, прошедшимъ семилѣтній курсъ ученія; въ ученики могли приниматься только дѣти достаточныхъ родителей и при томъ на трехъ учениковъ хозяинъ непремѣнно долженъ былъ давать работу одному подмастерью, взрослому рабочему, окончившему семилѣтній курсъ; на всякаго ученика, превосходившаго это число, долженъ былъ содержаться лишній подмастерье. Рабочій день былъ установленъ лѣтомъ — въ 12 час., зимой—отъ восхода до заката солнца. Рабочіе договоры должны были заключаться не менѣе какъ на годъ, а заработная плата устанавливалась ежегодно мировыми судьями и городскими властями. При извѣстныхъ условіяхъ мировымъ судьямъ было предоставлено право принуждать къ работѣ, по требованію хозяевъ, взрослыхъ подмастерьевъ; всѣ же не имѣвшіе средствъ къ жизни взрослые мужчины, не занимавшіеся никакимъ ремесломъ, могли быть принуждаемы къ исполненію земледѣльческихъ работъ. Рабочимъ было запрещено мѣнять свое мѣстожительство безъ разрѣшенія подлежащихъ властей.

Законъ Елизаветы имѣлъ цѣлью, во-первыхъ, оградить мелкихъ промышленниковъ отъ опасной для нихъ конкуренціи крупныхъ предпринимателей капиталистовъ; во-вторыхъ, обезпечить хозяевамъ, главнымъ образомъ землевладѣльцамъ, достаточный контингентъ рабочихъ по цѣнамъ, устанавливаемымъ самими землевладѣльцами. Этимъ закономъ не только ограничивалось число лицъ, находившихъ себѣ занятія въ промышленности (благодаря чему вся масса труда должна была скопляться въ земледѣліи), но и передавалось назначеніе заработной

платы землевладѣльцамъ, которые занимали всѣ должности по мѣстному самоуправленію, въ томъ числѣ и должности мировыхъ судей. Землевладѣльцы получали законныя права надъ земледѣльческими рабочими.

Но, конечно, законъ объ ученичествѣ противорѣчилъ интересамъ крупныхъ предпринимателей-капиталистовъ. Если бы законъ соблюдался строго, то развитіе мануфактуры стало бы почти невозможнымъ. Однако, капиталисты были уже важными господами и при столкновеніи съ закономъ уступали не они, а законъ. Дѣло устроилось слѣдующимъ образомъ: законъ былъ истолкованъ въ ограничительномъ смыслѣ и совсѣмъ пересталъ примѣняться ко всѣмъ отраслямъ промышленности, которыя не имѣли большого значенія въ эпоху изданія закона. Такъ, напр., хлопчатобумажное производство никогда не подчинялось этому закону. Въ новыхъ промышленныхъ городахъ Англіи, какъ, напр., въ Манчестерѣ, Бирмингамѣ, Вольвергэмптонѣ и др., существовало множество производствъ, въ которыхъ законы объ ученичествѣ не имѣли никакой силы.

Что касается до старинныхъ отраслей промышленности, вродѣ суконнаго производства, полотнянаго, шелковаго и пр., то относительно ихъ законъ номинально оставался въ силѣ, но фактически свободно нарушался крупными предпринимателями. Многочисленныя петиціи мастеровъ въ теченіе всего XVIII вѣка доказываютъ, что законъ Елизаветы обходился очень часто. Даже въ мелкомъ производствѣ постановленія закона объ ученичествѣ плохо исполнялись на практикѣ (хотя все таки большинство мелкихъ мастеровъ проходили семилѣтній курсъ). Въ отдѣльныхъ же случаяхъ, когда эти постановленія соблюдались, они нерѣдко являлись источникомъ совершенно безсмысленныхъ стѣсненій для самихъ рабочихъ.

Другія постановленія закона исполнялись еще меньше. Рабочая плата должна была, какъ сказано, устанавливаться по закону мировыми судьями. Это постановленіе закона примѣнялось, главнымъ образомъ, въ земледѣліи. Въ XVII и XVIII вѣкахъ плата земледѣльческимъ рабочимъ, дѣйствительно, опредѣлялась мировыми судьями. Но въ обрабатывающей промышленности установленіе рабочей платы мировыми судьями было возможно лишь до тѣхъ поръ, пока производство было несложнымъ, не имѣло крупныхъ размѣровъ, и одни и тѣ же рабочіе служили у хозяевъ по десяткамъ лѣтъ. Съ развитіемъ крупной промышленности всѣ эти условія измѣнились, и требованіе закона о заработной платѣ скоро перестало выполняться. Въ суконной промышленности заработная плата въ послѣдній разъ была установлена мировыми судьями въ 1720 г.

Старинная организація англійской промышленности въ началѣ XVIII вѣка продолжала держаться, но уже пришла въ полный упадокъ и, хотя и была очень стѣснительна для развивавшихся новыхъ формъ

промышленности, не могла воспрепятствовать ихъ развитію. Богатые предприниматели были такой крупной силой, что почти при всякомъ столкновеніи закона съ ихъ интересами уступали не они, а законъ. Въ другомъ положеніи была рабочая масса. Она мало пользовалась выгодами новаго порядка вещей и въ то же время тяжело чувствовала стѣснительность стариннаго законодательства, не признававшаго свободы личности. Со времени Елизаветы приходы должны были сами заботиться о содержаніи своихъ бѣдныхъ. Вполнѣ понятно, что приходскія власти очень неохотно допускали на свою территорію малообезпеченныхъ людей, могущихъ сдѣлаться бременемъ для прихода. И вотъ, при Карлѣ II, приходу предоставляется важное право высылать на первоначальное мѣстожительство всѣхъ неимущихъ пришельцевъ. Благодаря этому, англійскій рабочій былъ совершенно лишенъ свободы передвиженія и отданъ въ распоряженіе приходскихъ властей—представителей мѣстнаго крупнаго землевладѣнія.

Непригодность старинной организаціи промышленности къ новымъ условіямъ производства и сбыта была такъ очевидна, что, наконецъ, и парламентъ долженъ былъ уступить. Въ 1756 г. парламентъ подтвердилъ постановленіе закона Елизаветы, чтобы заработная плата въ суконномъ производствѣ западныхъ графствъ Англіи устанавливалась мировыми судьями. Но немедленно же парламентъ былъ заваленъ петиціями суконщиковъ-капиталистовъ, неопровержимо доказывавшихъ неисполнимость попытки парламента вернуться къ старымъ забытымъ порядкамъ. Мелкіе мастера-суконщики были за законъ, но хозяева-капиталисты рѣшительно требовали свободы отъ всякаго вмѣшательства государства. Парламетнъ колебался: сначала онъ издалъ дополненіе къ закону, еще болѣе ограничивавшее свободу рабочаго договора. Но новое направленіе побѣдило: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ парламентъ принялъ мѣру огромнаго принципіальнаго значенія—только что изданный законъ былъ отмѣненъ безъ всякихъ ограниченій и этимъ самымъ рабочій договоръ былъ признанъ свободнымъ. Мировые судьи лишились права регулировать заработную плату рабочихъ въ суконномъ производствѣ. Съ этого времени экономическая политика Англіи направилась по новому пути, приведшему уже въ слѣдующемъ вѣкѣ къ глубочайшему преобразованію всего соціальнаго и экономическаго строя страны.

Точно также, и въ общемъ строѣ внѣшней торговли Англіи наблюдаются къ половинѣ XVIII вѣка глубокія перемѣны. Торговыя компаніи не могутъ отстоять своихъ исключительныхъ правъ на торговлю и отступаютъ передъ конкуренціей частныхъ торговцевъ. Африканская компанія совсѣмъ прекращаетъ существованіе, другія клонятся къ упадку. Остъ-Индская компанія, несмотря на свои колоссальныя богатства и могущество, принуждена терпѣть быстрый ростъ частной торговли съ Остъ-Индіей. Вообще же въ XVIII вѣкѣ обще-

ственное мнѣніе Англіи видимымъ образомъ измѣняетъ свое отношеніе къ привилегированнымъ компаніямъ. Въ началѣ этого вѣка необходимость такихъ компаній не подвергалась сомнѣнію и вопросъ былъ только въ томъ, какую организацію имъ слѣдовало придать. Но нѣсколько позже новыя привилегированныя компаніи совсѣмъ не разрѣшались парламентомъ, а сохраненіе старыхъ становилось все болѣе затруднительнымъ. Развитіе частной предпріимчивости, не останавливавшейся передъ нарушеніемъ закона, дѣлало привилегіи компаній мертвой буквой.

Гораздо устойчивѣе было направленіе таможенной политики, которому Англія упорно слѣдовала въ теченіе многихъ столѣтій. Въ этой области опека государства не показывала никакихъ признаковъ ослабленія. Государство попрежнему признавало своей обязанностью поощреніе туземной промышлености путемъ запрещенія ввоза или обложенія высокой пошлиной иностранныхъ фабрикантовъ, выдачи премій за вывозъ туземныхъ произведеній и предоставленія имъ монопольнаго рынка въ колоніяхъ. Таможенный тарифъ Англіи разросся до такой степени, принялъ такой хаотическій и безпорядочный видъ, вслѣдствіе нагроможденія все новыхъ и новыхъ пошлинъ, что, когда Питтъ въ 1787 г. предпринялъ громадный трудъ приведенія въ систему и порядокъ таможеннаго тарифа, для этого потребовалось не менѣе 3.000 отдѣльныхъ парламентскихъ постановленій.

Таково было положеніе Англіи въ ту эпоху, когда политическая экономія сложилась въ законченную науку въ системѣ великаго шотландца—Адама Смита. Капиталистическій строй энергично развивался, но еще былъ далеко отъ господства; старинныя формы промышленности еще не утратили своей жизненности. Старинное законодательство, регулировавшее отношенія труда и капатала, еще сохраняло юридическую силу, несмотря на свое полное несоотвѣтствіе новымъ условіямъ экономической жизни. Капиталистическая эра уже началась, но полный расцвѣтъ капитализма былъ еще впереди.

рода, то кончите тѣмъ, что совсѣмъ порвете всякія связи съ человѣческимъ обществомъ, къ великому вреду обѣихъ сторонъ».

Въ этихъ письмахъ обращаетъ вниманіе, между прочимъ, тонъ несомнѣннаго превосходства, съ которымъ Юмъ обращается къ Смиту. Такъ можетъ говорить учитель съ любимымъ ученикомъ. И чрезвычайно характерно, что творецъ «Богатства народовъ» занялъ въ своихъ личныхъ отношеніяхъ къ Юму такую позицію, несмотря на то, что, какъ экономистъ, онъ былъ несравненно выше Юма. Труды Юма по политической экономіи не представляютъ собой ничего выдающагося и теперь забыты, между тѣмъ какъ слава Смита, какъ экономиста, нисколько не померкла съ годами.

Въ тонѣ письма Юма къ Смиту ярко сказалось различіе ихъ натуръ. Юмъ былъ энергичнымъ и безтрепетнымъ бойцомъ, настойчивымъ и упорнымъ, умѣвшимъ подчинять другихъ людей. Не удивительно, что въ этой дружеской связи господствующая роль досталась Юму.

Смитъ не обладалъ большимъ нравственнымъ мужествомъ. Незадолго передъ смертью Юмъ обратился къ нему съ просьбой позаботиться объ изданіи нѣкоторыхъ его сочиненій, имѣвшихъ антирелигіозный характеръ. Смитъ уклонился отъ исполненія порученія своего умиравшаго друга. Недостатокъ нравственнаго мужества отразился и на его взглядахъ—на его склонности къ компромиссу, на его неувѣренности въ осуществимости его собственныхъ любимыхъ идей. И тѣмъ не менѣе, Смитъ былъ благородной натурой. Благо человѣчества было единственнымъ маякомъ, по которому направлялся жизненный путь великаго экономиста. Ни тщеславіе, ни жажда популярности, ни заискиваніе передъ могущественными людьми, ни классовой эгоизмъ не омрачали его мысли, остававшейся всегда чистой, какъ струя горной воды. Все, что онъ говорилъ, онъ говорилъ съ глубокимъ убѣжденіемъ въ своей правотѣ. Онъ не унижалъ науку до прислужничества господствующимъ классамъ, какъ это такъ часто дѣлали его послѣдователи. По возвышенности, ясности и гармоничности своего духа Смитъ напоминаетъ древнихъ мудрецовъ Эллады.

Что же представляла собой экономическая система Смита, изложенная имъ въ «Богатствѣ народовъ» (1776)? Мы постарались охарактеризовать хозяйственное положеніе Англіи въ эпоху Смита. Система его явилась концентрированнымъ выраженіемъ соціальныхъ особенностей и духа его времени—и въ этомъ секретъ ея поразительнаго успѣха среди современниковъ и могущественнаго вліянія на умы.

Мы уже говорили, что первая половина XVIII вѣка была для Англіи, прежде всего, переходною эпохой. Старыя формы хозяйства—мелкое самостоятельное производство—уступали мѣсто новымъ—капиталистической промышленности. Обмѣнъ быстро развивался и втягивалъ въ свой круговоротъ все новыя отрасли производства. Соціальное

и экономическое законодательство Англіи, сложившееся еще въ періодъ господства мелкаго производства, стѣсняло развитіе новыхъ хозяйственныхъ формъ и было неудобно какъ крупнымъ предпринимателямъ, такъ и рабочимъ. Техническія преимущества новаго хозяйственнаго строя—капиталистическаго и, въ частности, крупнаго производства, были очевидны, но соціальныя послѣдствія этого строя еще не успѣли обнаружиться.

И вотъ, мы видимъ, что съ первыхъ же строкъ «Богатства народовъ» Смитъ указываетъ на крупное производство, какъ на главнѣйшее средство увеличенія народнаго богатства. Классическій примѣръ булавочной мануфантуры является для нашего экономиста подходящей иллюстраціей колоссальнаго роста производительности труда, благодаря раздѣленію послѣдняго. Но раздѣленіе труда, въ глазахъ Смита, неразрывно связано съ обмѣномъ. «На раздѣлеяіе труда,—читаемъ въ «Богатствѣ народовъ»,—доставившее такія громадныя выгоды, не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на результатъ человѣческой мудрости, предвидѣвшей то общее благосостояніе, которое будетъ вызвано имъ; оно было необходимымъ, хотя и весьма медленнымъ постепеннымъ послѣдствіемъ извѣстнаго стремленія, свойственнаго всѣмъ людямъ, помимо какой бы то ни было, заранѣе разсчитанной, общей выгоды, стремленія, побуждающаго ихъ къ торгу, къ обмѣну одной вещи на другую вещь«. Обмѣнъ представляется Смиту важнѣйшею силой, двигающей впередъ человѣческое хозяйство. «Человѣкъ непрерывно нуждается въ помощи ближнихъ, но тщетно ожидалъ бы онъ ее исключительно отъ ихъ благорасположенія... «Дай мнѣ то, что мнѣ нужно, и ты получишь то, что нужно тебѣ», большая часть всѣхъ, столь необходимыхъ для насъ, услугъ получается именно такимъ образомъ. Не отъ расположенія къ намъ мясника, пивовара или булочника ожидаемъ мы нашего обѣда, а отъ пристрастія ихъ къ своимъ собственнымъ выгодамъ. Мы обращаемся не къ гуманнымъ чувствамъ ихъ, а къ эгоистическимъ; мы говоримъ имъ не о нашихъ нуждахъ, а объ ихъ выгодѣ».

Степень возможнаго раздѣленія труда ограничивается распространеніемъ обмѣна, иначе говоря—обширностью рынка. Если обмѣнъ, рынокъ, не великъ, то спеціализаціи занятій полагаются узкіе предѣлы. Въ глухой деревушкѣ каждый крестьянинъ долженъ быть и плотникомъ, и мясникомъ, и булочникомъ, такъ какъ, занимаясь только однимъ промысломъ, онъ не могъ бы себя прокормить. Въ деревенской лавкѣ можно найти всевозможные товары—гвозди и деревянное масло, деготь и ситцы, веревки и стеклянную посуду—товары, которые въ городахъ продаются въ разныхъ лавкахъ. Причина этого различія понятна: если бы деревенская лавка попробовала спеціализироваться на продажѣ гвоздей, или ситцевъ, или стеклянной посуды, то скоро должна была бы прекратить торговлю по недостатку покупателей, т.-е. по ограниченности рынка.

Итакъ, развитіе обмѣна является важнѣйшей причиной возрастающаго раздѣленія и увеличивающейся производительности труда, или что то же, роста народнаго богатства. Отъ обмѣна и раздѣленія труда выигрываетъ не только одна часть общества, владѣющая средствами производства, но и всѣ классы общества, безъ исключенія. «Огромное увеличеніе количества произведеній во всѣхъ искусствахъ и ремеслахъ, вытекающее изъ раздѣленія труда, вызываетъ въ благоустроенномъ обществѣ общее благосостояніе, развивающееся до самыхъ послѣднихъ классовъ населенія. У каждаго работника является излишекъ въ произведеніяхъ его труда...» «Между домашней утварью какого-нибудь европейскаго государя и утварью трудолюбиваго и порядочнаго крестьянина окажется, быть можетъ, меньшее различіе, чѣмъ между обстановкой послѣдняго и обстановкой какого-нибудь африканскаго короля, царствующаго надъ десятками тысячъ нагихъ дикарей».

Такимъ образомъ, съ первыхъ же страницъ «Богатства народовъ» Смитъ намѣчаетъ свою основную идею. Обмѣнъ—самая великая и прогрессивная хозяйственная сила; свободная игра хозяйственныхъ интересовъ приводитъ къ наибольшему благополучію всѣхъ. Отсутствіе общаго плана и единой мысли въ хозяйственномъ строѣ, покоящемся на свободномъ обмѣнѣ, порождаетъ хозяйственную гармонію, недостижимую для сознательной воли и мысли законодателя. Идеализація свободнаго товарохозяйственнаго строя и признаніе его самымъ совершеннымъ типомъ человѣческаго общежитія—вотъ въ чемъ заключается, слѣдовательно, основная идея «Богатства народовъ».

Идея эта находилась въ связи со всѣмъ міросозерцаніемъ Смита, какъ оно выразилось не только въ «Богатствѣ народовъ», но и въ его философскомъ трудѣ «Теорія нравственныхъ чувствъ». Смитъ глубоко проникнутъ убѣжденіемъ въ эгоистической природѣ человѣка. Авторъ «Исторіи цивилизаціи Англіи»—Бокль—высказалъ мнѣніе, что въ «Теоріи нравственныхъ чувствъ» нашъ философъ, по методологическимъ соображеніямъ, исходитъ изъ противоположнаго представленія о человѣческой природѣ, чѣмъ въ «Богатствѣ народовъ»: а именно, въ первомъ своемъ трудѣ Смитъ принимаетъ основнымъ мотивомъ человѣческой дѣятельности чувство симпатіи, между тѣмъ какъ во второмъ онъ кладетъ въ основаніе всѣхъ своихъ разсужденій о дѣйствіяхъ человѣка посылку эгоизма. Однако, мнѣніе Бокля не можетъ быть поддерживаемо. Симпатію, о которой говорится въ «Теоріи нравственныхъ чувствъ», никакъ нельзя смѣшивать или даже отожествлять (какъ это дѣлаетъ Бокль) съ благожелательствомъ, любовью къ ближнимъ, готовностью жертвовать личными интересами ради интересовъ другихъ людей. Наоборотъ, во многихъ мѣстахъ своего философскаго труда Смитъ выражаетъ убѣжденіе, что чувство безкорыстной любви къ ближнимъ не только играетъ совершенно ничтожную роль въ жизни людей вообще, но даже и въ качествѣ стимула нравственнаго поведе-

нія отступаетъ на задній планъ передъ другими, болѣе могущественными, мотивами. «Не нѣжное чувство гуманности, не слабая искра благожелательности, которую природа заронила въ нашу душу, даетъ намъ возможность побѣждать сильнѣйшія стремленія себялюбія: болѣе могучая сила, болѣе сильные побудительные мотивы дѣйствуютъ въ подобныхъ случаяхъ. Этой силой является разумъ, наша совѣсть, нашъ собственный зритель въ нашей душѣ, человѣкъ внутри насъ, великій судья и цѣнитель нашего поведенія. Если я хочу причинить зло другимъ людямъ, то этотъ судья возвышаетъ свой голосъ, способный заглушить сильнѣйшую страсть, и говоритъ мнѣ, что я являюсь такой же человѣческою личностью, какъ и другіе, что я не лучше другихъ и что безстыдное и слѣпое себялюбіе повлечетъ за собой возмездіе, негодованіе и презрѣніе ко мнѣ со стороны другихъ». Подъ симпатіей, на которой основывается наше нравственное чувство, Смитъ понимаетъ нашу способность воспроизводить въ своей душѣ, путемъ воображенія, чувства и ощущенія другихъ людей. Дѣлая дурной поступокъ, мы невольно представляемъ себѣ и то осужденіе, которое этотъ поступокъ долженъ встрѣтить со стороны другихъ людей. Такимъ образомъ, мы, помимо своей воли, носимъ своего судью внутри насъ— и боязнь этого внутренняго суда, а не любовь къ людямъ, является основой нравственнаго поведенія. Смитъ отнюдь не считаетъ безнравственными такія чисто эгоистическія чувства, какъ честолюбіе, стремленіе къ превосходству надъ другими людьми, къ побѣдѣ надъ соперниками, къ улучшенію своего соціальнаго положенія — при томъ, разумѣется, условіи, чтобы это стремленіе не приводило къ причиненію вреда соперникамъ. Словомъ, добросовѣстная конкуренція не встрѣчаетъ никакого осужденія со стороны Смита. Вся его этическая система построена на признаніи эгоистическихъ побужденій главными двигателями человѣческаго поведенія.

Итакъ, человѣкъ является въ глазахъ автора «Теоріи нравственныхъ чувствъ» своекорыстнымъ существомъ. Отсюда легко было придти къ мысли, что лучшее средство достигнуть общаго благополучія—это предоставить каждому свободу осуществлять свои интересы. Законодательная опека выступала въ эпоху Смита въ слишкомъ неблагопріятномъ свѣтѣ, чтобы истинный другъ народа, какимъ былъ великій экономистъ, могъ относиться къ ней безъ недовѣрія. Смитъ зналъ, что забота объ общихъ интересахъ, объ интересахъ государственнаго могущества, о національной славѣ, развитіи отечественной промышленности и пр. и пр. такъ часто прикрывала собой эгоистическія стремленія немногихъ осуществить свои частныя выгоды въ ущербъ справедливымъ интересамъ огромнаго большинства. Ничего нѣтъ удивительнаго, что для Смита, какъ и для другихъ лучшихъ людей XVIII вѣка, свобода стала священнымъ лозунгомъ, который заставлялъ сильнѣе всего биться ихъ сердца и переполнялъ энтузіаз-

момъ ихъ души. Ученіе объ естественномъ правѣ давало теоретическое обоснованіе этой вѣры въ свободу. Ученіе это утверждало, что каждый человѣкъ, въ силу своей разумной природы, обладаетъ извѣстными прирожденными правами, которыя для государственной власти должны быть святыней. Единственнымъ справедливымъ обоснованіемъ государственной власти является добровольное согласіе членовъ общества на отчужденіе въ пользу государства, въ общихъ интересахъ, нѣкоторой доли той присущей разумному существу свободы, которая составляетъ естественное достояніе человѣка. Ограниченіе свободы отдѣльнаго лица допустимо лишь постольку, поскольку этого требуетъ обезпеченіе свободы другихъ лицъ.

Такова была доктрина естественнаго права, профессоромъ котораго былъ, между прочимъ, и Смитъ. Однако, легко видѣть, что въ примѣненіи къ историческому государству доктрина эта могла имѣть смыслъ лишь въ качествѣ постулированія должнаго, идеала, но никакъ не въ качествѣ констатированія существующаго. Историческое государство цѣликомъ основывалось на насиліи, и это прекрасно сознавалось всѣми. Конструированіе нормъ политической жизни при предположеніи свободнаго договора имѣло, поэтому, лишь идеальный интересъ— оно не могло сложиться въ положительную науку о реальныхъ отношеніяхъ общежитія. По этой причинѣ, доктрина естественнаго права въ ученіи о государствѣ, несмотря на свое великое историческое значеніе въ качествѣ одного изъ могущественныхъ идейныхъ факторовъ революціи, не повела къ созданію положительной науки государственнаго права. Эта послѣдняя наука, поскольку таковая вообще существуетъ, скорѣе выросла изъ противоположной концепціи, такъ называемой, исторической школы права, величайшимъ представителемъ которой былъ Савиньи.

Другое дѣло, область народнаго, иначе говоря, товарнаго хозяйства. Какимъ бы стѣсненіямъ ни подвергался обмѣнъ (а стѣсненія эти въ эпоху меркантилизма были, дѣйствительно, громадны), все же въ экономическомъ оборотѣ область свободы всегда была очень велика. Для новаго хозяйственнаго строя—капиталистическаго—быстро развивавшагося въ XVIII вѣкѣ, свобода была воздухомъ, безъ котораго жизнь невозможна. Этотъ строй былъ прямо немыслимъ безъ свободы договора, которая составляла такую недостижимую утопію въ области государственнаго права. И потому развитіе этого строя не могло не сопровождаться ростомъ экономической свободы. Мы видѣли въ предыдущемъ очеркѣ, какъ безсильно было устарѣлое законодательство Англіи, построенное на принципѣ законодательной опеки и регламентированіи хозяйственной жизни, остановить распространеніе свободнаго духа капиталистическаго хозяйства, разрушавшаго исторически сложившіяся формы общежитія и лишавшаго внутренняго со-

держанія враждебные ему юридическіе институты, если послѣдніе номинально и оставались въ силѣ.

Итакъ, въ товарномъ хозяйствѣ свобода договора была не только теоретической предпосылкой естественнаго права, но въ значительной мѣрѣ объективной реальностью. Даже въ эпоху Смита область свободы въ экономической жизни Англіи была несравненно шире области государственнаго принужденія. Поэтому, изученіе взаимныхъ отношеній частныхъ хозяйствъ, при предположеніи ихъ свободными и самоопредѣляющимися единицами, пріобрѣтало вполнѣ реальный смыслъ и значеніе. Изъ этого изученія и возникла теорія политической экономіи.

Нѣкоторые изслѣдователи исторіи экономическихъ идей обратили въ недавнее время особое вниманіе на тѣсную связь доктрины естественнаго права съ теоретической политической экономіей. Въ важнѣйшихъ трактатахъ естественнаго права въ XVIII вѣкѣ имѣлись отдѣлы, посвященные изученію законосообразностей свободнаго товарнаго обмѣна. Уже теоретики естественнаго права—Гуго Гроцій, Пуффендорфъ, Христіанъ Вольфъ и др.—выяснили нѣкоторые изъ важнѣйшихъ законовъ, управляющихъ стихійнымъ товарнымъ обращеніемъ, представленнымъ самому себѣ. Такъ, ученіе о цѣнѣ было однимъ изъ весьма детально разработанныхъ отдѣловъ естественнаго права; роль спроса и предложенія, какъ факторовъ цѣны, и труда, какъ регулятора среднихъ цѣнъ, была извѣстна предшественнику Смита въ Глазго по каѳедрѣ моральной философіи и естественнаго права—Гетчисону—не менѣе, чѣмъ Смиту. Вообще нельзя не согласиться съ нѣмецкимъ экономистомъ Гасбахомъ, что «зачатки систематической теоретической политической экономіи заключены въ другой наукѣ, естественномъ правѣ. Система теоретической экономической науки постепенно развилась изъ составной части естественнаго права».

Политическая экономія, какъ наука о законахъ, управляющихъ товарнымъ хозяйствомъ, имѣетъ, такъ сказать, два корня. Съ одной стороны, она возникла изъ практическихъ нуждъ государственнаго и частнаго хозяйства. Меркантилизмъ—экономическое ученіе, господствовавшее въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій и достигнувшее особаго развитія на порогѣ новаго времени, въ XVI и XVII вѣкахъ,—былъ не столько теоріей, сколько системой практической политики своего времени. И потому трудно указать теоретиковъ меркантилизма. Практики—государственные дѣятели, какъ Кромвель или Кольберъ,—могутъ считаться самыми яркими выразителями меркантилизма. Развитіе денежнаго хозяйства въ связи съ ростомъ государства выдвинуло для государственной власти на первый планъ заботу о привлеченіи въ страну звонкой монеты. Меркантилизмъ и былъ системой способовъ достиженія этой цѣли. А такъ какъ всякая практика предполагаетъ какую-либо теорію, то создалась и теорія меркантилизма, признававшая звон-

кую монету, золото и серебро, преимущественной или даже исключительной формой народнаго богатства.

Экономическія и финансовыя потребности естественно вызываютъ попытки объясненія экономическихъ явленій. Но человѣческій разумъ, какимъ бы цѣлямъ онъ ни служилъ, все же остается самимъ собой: честная и серьезная умственная работа не можетъ не сопровождаться стремленіемъ къ познанію истины, законовъ бытія, ради нихъ самихъ, независимо ни отъ какихъ практическихъ видовъ. Поэтому, усложненіе задачъ экономической политики со времени развитія денежнаго хозяйства вело постепенно, хотя и медленно, къ созданію новой научной дисциплины—политической экономіи, вырабатывавшей теоретическіе отправные пункты практическихъ мѣропріятій, требовавшихся временемъ.

Такимъ образомъ, политическая экономія, подобно прочимъ наукамъ, выростала на почвѣ нуждъ и потребностей своего времени. Но одновременно съ этимъ, созданіе политической экономіи шло и совсѣмъ другимъ путемъ. Если, одной своей стороной, экономическая наука соприкасается съ шумомъ и гамомъ уличнаго базара или биржи, то своей другой стороной политическая экономія близка къ безстрастному покою философскаго созерцанія. Экономическая наука должна была рѣшить чисто абстрактную проблему: въ какія формы сложится игра человѣческихъ интересовъ, если предположить свободу этой игры? Отдѣльныя частныя хозяйства являлись какъ бы атомами товарохозяйственнаго міра. Психическія силы, управляющія этими атомами, предполагались извѣстными. Важнѣйшей изъ этихъ силъ можно было считать личный интересъ. Надлежало установить, путемъ чистаго умозрѣнія, каковы будутъ законы взаимодѣйствія и равновѣсія хозяйственнаго цѣлаго. Задача эта напоминала задачи механики, съ тою разницей, что мѣсто мертвыхъ частицъ матеріи и физическихъ силъ заступали мыслящія и чувствующія личности и психическія силы.

Такая задача была достаточно грандіозна, чтобы увлечь воображеніе философа. И мы видимъ, что величайшими экономистами были именно люди съ широкими философскими интересами и съ любовью къ абстрактному мышленію. Среди великихъ экономистовъ можно указать очень не многихъ, на своемъ личномъ опытѣ испытавшихъ суету рынка, явленія котораго были предметомъ ихъ изученія. Большинство же этихъ людей, лучше всѣхъ другихъ понимавшихъ законы такъ называемаго «практическаго дѣла», были наиболѣе непрактичными людьми на свѣтѣ. Самымъ яркимъ образчикомъ экономистовъ этого типа былъ, какъ видно изъ предыдущаго, тотъ, кого обыкновенно считаютъ творцомъ экономической науки—Адамъ Смитъ, философъ, совершенно равнодушный къ богатству, жившій интересами, безконечно далекими отъ какихъ бы то ни было практическихъ дѣлъ.

Итакъ, идеализація свободнаго, нерегулируемаго, стихійнаго товар-

наго хозяйства непосредственно вытекала у Смита изъ его философскаго міросозерцанія, которое было, вмѣстѣ съ тѣмъ, міросозерцаніемъ вѣка. Физіократы—предшественники Смита въ области построенія экономической теоріи—стояли на почвѣ того же міросозерцанія, равно какъ и почти всѣ лучшіе умы Франціи и Англіи эпохи революціи. Центральнымъ пунктомъ этого міросозерцанія была вѣра въ свободу и вражда къ государственной опекѣ. Человѣческое общество разсматривалось не какъ исторически развившійся организмъ, а какъ договорный союзъ автономныхъ личностей, обладающихъ прирожденными неотчуждаемыми правами. Міросозерцаніе это находилось въ самой тѣсной связи съ соціальнымъ строемъ своей эпохи. Для соціальнаго творчества XVIII вѣка время выдвинуло огромную задачу—освобожденія личности отъ государственной опеки. Борьба велась подъ знаменемъ свободы; свобода была впереди, была цѣлью, къ которой стремились, и идеализація хозяйственнаго строя, основаннаго на свободѣ договора, была неизбѣжна.

«Богатство народовъ» съ начала до конца проникнуто мыслью, что лучшее или даже единственное средство обезпечить общее благополучіе заключается въ предоставленіи каждому свободы заботиться о своихъ интересахъ. Въ концѣ II тома «Богатства народовъ» Смитъ поясняетъ, въ чемъ заключается «простая и нехитрая система естественной свободы», рекомендуемая имъ на мѣсто всевозможныхъ системъ поощренія и стѣсненія. «Всякій человѣкъ,—говоритъ нашъ авторъ,—пока онъ не нарушаетъ законовъ справедливости, имѣетъ безспорное право слѣдовать по пути, указанному ему его личнымъ интересомъ, и употреблять по своему усмотрѣнію свой трудъ и капиталъ.. Государь совершенно освобождается благодаря этому отъ обязанности, исполнить которой онъ не имѣетъ средствъ и для надлежащаго исполненія которой не хватило бы никакой человѣческой мудрости и никакихъ познаній,—обязанности руководить трудомъ людей и направлять его самымъ выгоднымъ образомъ для цѣлаго общества. При системѣ естественной свободы государю остается исполнить три обязанности, правда, важныя, но ясныя, простыя и доступныя для обыкновеннаго пониманія. Первая состоитъ въ защитѣ общества отъ всякаго насилія или нашествія со стороны другихъ независимыхъ обществъ. Вторая состоитъ въ защитѣ каждаго члена общества отъ несправедливостей и притѣсненій со стороны другого члена общества, или въ установленіи справедливаго суда. Наконецъ, третья его обязанность состоитъ въ приведеніи въ исполненіе и поддержаніи общественныхъ предпріятій и нѣкоторыхъ учрежденій, которыя не могутъ быть исполнены и содержимы на счетъ одного или нѣсколькихъ людей».

Въ другомъ мѣстѣ своего труда Смитъ замѣчаетъ, что «забота о личной выгодѣ естественно и необходимо побуждаетъ человѣка избрать именно тотъ путь, который оказывается наиболѣе выгоднымъ

для общества». «Преслѣдуя свою собственную выгоду, человѣкъ часто работаетъ на общую пользу болѣе дѣйствительнымъ образомъ, чѣмъ если бы задался такою цѣлью... Государственный человѣкъ, который принялъ бы на себя трудъ указывать частнымъ лицамъ, какъ они должны употреблять свои капиталы, мало того, что занялся бы совершенно безполезнымъ дѣломъ, но онъ присвоилъ бы себѣ власть, которую было бы безразсудно поручить не только одному лицу, но какому бы то ни было совѣту или сенату». Подобнаго рода замѣчанія въ изобиліи разсѣяны во всѣхъ отдѣлахъ «Богатства народовъ».

Всѣмъ извѣстно, что Смитъ былъ величайшимъ защитникомъ свободы какъ внутренней, такъ и внѣшней торговли. На этой защитѣ и основался безпримѣрный успѣхъ «Богатства народовъ». Для огромнаго большинства читателей авторъ этого трактата былъ только апостоломъ свободы торговли. Критика Смита направлялась, главнымъ образомъ, на систему меркантилизма и государственной опеки, во всѣхъ ея проявленіяхъ. Теоретическое обоснованіе меркантилизма—мысль объ исключительной важности въ народномъ хозяйствѣ денегъ—признается Смитомъ безусловно ложнымъ. Деньги—такой же товаръ, какъ и всѣ другіе товары. Поэтому стремленіе меркантилистовъ къ обезпеченію выгоднаго товарнаго баланса, т.-е. перевѣса вывоза товаровъ надъ ввозомъ, благодаря чему деньги могли бы приливать въ страну—ложно въ самомъ своемъ корнѣ. Наибольшая сумма богатства можетъ быть достигнута предоставленіемъ каждому полной свободы продавать и покупать по своему усмотрѣнію. Къ торговой политикѣ государства вполнѣ приложимо правило, которымъ руководствуется каждый купецъ: покупать на самомъ дешевомъ рынкѣ и продавать на самомъ дорогомъ. Поэтому всякія покровительственныя пошлины, удорожающія товары, равно какъ и вывозныя преміи, поощряющія однѣ отрасли промышленности въ ущербъ другимъ, вредны для общества. Не менѣе вредны всякія стѣсненія свободы передвиженія и приложенія труда внутри страны. Каждый долженъ быть свободнымъ въ выборѣ занятія и мѣстожительства. Цеховые привилегіи, законы объ осѣдлости, стѣснявшіе передвиженіе рабочихъ, законы объ ученичествѣ и монополіи разнаго рода должны быть отмѣнены.

Какъ видно изъ предыдущаго, почти всѣ эти требованія экономической политики были выдвинуты жизнью и заслуга Смита заключалась только въ отчетливомъ формулированіи и теоретическомъ обоснованіи ихъ. Мы уже указывали, что законъ объ ученичествѣ, сохраняя свою номинальную силу, почти пересталъ соблюдаться на практикѣ въ XVIII вѣкѣ; до такой степени сила вещей—иначе говоря, новыя экономическія отношенія—была противъ него. Какъ было упомянуто, англійскій парламентъ задолго до появленія «Богатства народовъ» вступилъ въ области рабочаго законодательства на новый путь, отмѣнивъ въ 1756 г. для суконнаго производства законъ о регулирова-

ніи заработной платы мировыми судьями. Вообще, вся унаслѣдованная отъ эпохи меркантилизма система регулированія промышленности внутри страны вызывала въ Англіи въ XVIII вѣкѣ недовольство общественнаго мнѣнія; система эта была выгодна немногочисленнымъ и, притомъ, падающимъ общественнымъ классамъ, и противорѣчила интересамъ растущаго класса капиталистовъ и, отчасти, рабочихъ. Система государственной опеки отмирала сама собой и держалась, въ значительной мѣрѣ, лишь въ силу соціальной инерціи; нерѣдко сохранялась только внѣшняя форма этой системы, только мертвая буква закона, въ то время, какъ его живое содержаніе давно отлетѣло. Достаточно было могущественнаго идейнаго удара, каковой былъ нанесенъ безсмертнымъ трудомъ Смита, чтобы устарѣвшее, подгнившее, почти необитаемое зданіе государственнаго регулированія промышленности и внутренней торговли Англіи рухнуло.

Въ области внѣшней торговли Англіи система государственной опеки была гораздо живучѣе, и въ концѣ XVIII вѣка не обнаруживала никакихъ признаковъ упадка; но это еще не доказываетъ, что она, дѣйствительно, соотвѣтствовала потребностямъ англійской промышленности. Какъ бы мы ни оцѣнивали преимущества протекціонизма и свободной торговли, во всякомъ случаѣ ясно, что протекціонизмъ имѣетъ значеніе только на извѣстной стадіи развитія туземной промышленности, когда промышленность эта недостаточно окрѣпла, чтобы выдержать конкуренцію иностранной. Но нѣтъ никакого смысла охранять то, на что никто не нападаетъ. А въ эпоху Смита важнѣйшія отрасли англійской промышленности стояли уже такъ высоко, что только застарѣлая боязнь иностраннаго соперничества, привычка къ государственной опекѣ, побуждали англійскихъ промышленниковъ настаивать на сохраненіи покровительственныхъ пошлинъ, которыя были для нихъ совершенно излишни. Лучшимъ доказательствомъ ненужности протекціонизма для англійской промышленности служитъ послѣдующій быстрый успѣхъ идеи свободной торговли именно среди англійскихъ промышленниковъ. Объ этомъ намъ еще придется говорить впослѣдствіи, теперь же достаточно указать на то, что хотя во время Смита англійскій таможенный тарифъ имѣлъ болѣе запретительный характеръ, чѣмъ тарифъ какой-либо иной страны Европы, не прошло и сорока лѣтъ со времени смерти Смита, какъ Англія стала во главѣ движенія въ пользу свободной торговли и по сіе время остается единственной европейской страной, въ которой покровительственныя пошлины совершенно отсутствуютъ.

Мы уже указывали, что Смитъ занялъ вполнѣ опредѣленную позицію въ разыгрывавшейся на его глазахъ великой борьбѣ старыхъ и новыхъ формъ хозяйства, мелкаго самостоятельнаго производства и капитализма: онъ былъ всей душой на сторонѣ новаго промышленнаго строя. Благодѣтельныя послѣдствія для всѣхъ классовъ населенія

отъ развитія обмѣна и крупнаго производства кажутся ему настолько очевидными, что онъ почти не обсуждаетъ вопроса, соотвѣтствуетъ ли происходящая промышленная революція интересамъ массы населенія или нѣтъ. Новыя формы хозяйства выше въ техническомъ отношеніи, онѣ увеличиваютъ народное богатство, и потому Смитъ безъ всякихъ колебаній становится на ихъ сторону. Распаденіе общества на три класса—землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ—кажется Смиту вполнѣ естественнымъ строемъ общества, не требующимъ объясненія, хотя онъ и признаетъ, что на болѣе низшихъ ступеняхъ развитія общество не распадается на классы, и продуктъ труда принадлежитъ самому производителю, владѣющему землей и необходимыми орудіями производства. Интересы этихъ трехъ классовъ, по мнѣнію Смита, относятся очень различно къ интересу всего общества въ совокупности. А именно, доходъ землевладѣльцевъ, рента, возростаетъ по мѣрѣ накопленія народнаго богатства; чѣмъ общество богаче, тѣмъ больше спросъ на продукты земледѣлія, тѣмъ выше цѣна послѣднихъ, а, слѣдовательно, и рента землевладѣльца. Успѣхи обрабатывающей промышленности также выгодны землевладѣльцамъ, выигрывающимъ въ данномъ случаѣ въ качествѣ потребителей мануфактурныхъ издѣлій. Такимъ образомъ, землевладѣльческій классъ выигрываетъ при возрастаніи народнаго богатства и проигрываетъ при его паденіи. Интересы этого класса совпадаютъ, слѣдовательно, съ общественными.

Рабочій классъ точно также заинтересованъ въ общемъ преуспѣяніи, такъ какъ чѣмъ скорѣе накопляются капиталы, тѣмъ больше спросъ на трудъ и тѣмъ выше заработная плата; цѣлымъ рядомъ историческихъ примѣровъ Смитъ старается твердо установить свое основное положеніе, что высота заработной платы находится въ прямомъ отношеніи къ росту народнаго богатства—не къ абсолютной величинѣ богатства, а именно къ темпу его наростанія. Самыя высокія цѣны на трудъ наблюдаются не въ самыхъ богатыхъ странахъ, а въ тѣхъ, которыя болѣе всего преуспѣваютъ въ промышленности и торговлѣ, гдѣ богатство растетъ всего быстрѣе. Необычайная высота заработной платы въ Сѣверной Америкѣ объясняется именно быстрымъ ростомъ богатства этой страны. Если же богатство какой-либо страны и очень велико, но не возрастаетъ, то заработная плата не можетъ быть въ ней высока, такъ какъ увеличеніе населенія при неподвижномъ состояніи богатства быстро приводитъ къ переполненію рабочаго рынка, къ превышенію предложенія рабочихъ рукъ сравнительно съ требованіемъ на нихъ и къ паденію заработной платы. Еще хуже положеніе рабочаго въ тѣхъ странахъ, богатство которыхъ сокращается. Нищета и голодъ массы населенія составляютъ неизбѣжный удѣлъ такихъ странъ, такъ какъ въ нихъ спросъ на рабочія руки падаетъ значительно ниже предложенія.

Отсюда видно, что главный интересъ рабочихъ заключается, по мнѣнію Смита, въ быстромъ накопленіи богатства и капиталовъ — иными словами, интересы рабочаго класса, точно такъ же, какъ и землевладѣльческаго, вполнѣ совпадаютъ съ интересами всего общества какъ цѣлаго. Въ другомъ положеніи, говоритъ Смитъ, находится классъ предпринимателей, капиталистовъ. Накопленіе капиталовъ, поднимающее заработную плату, стремится понизить прибыль. Прибыль на капиталъ выше всего въ бѣдныхъ странахъ, гдѣ капиталовъ мало, и ниже всего въ богатыхъ странахъ, гдѣ капиталъ въ избыткѣ. Зависитъ это отъ того, что увеличеніе предложенія капиталовъ, по закону спроса и предложенія, понижаетъ плату за пользованіе капиталомъ—процентъ. Повышеніе заработной платы, увеличеніе доли рабочихъ, вызываемое ростомъ капиталовъ, не можетъ не сопровождаться сокращеніемъ прибыли, доли капиталистовъ. Поэтому интересы класса капиталистовъ не только не совпадаютъ съ интересами всего общества, но прямо противоположны имъ.

Эти соображенія Смита выясняютъ, какимъ образомъ онъ могъ быть горячимъ сторонникомъ новаго промышленнаго строя, оставаясь другомъ рабочихъ. Теоретическія убѣжденія приводили его къ выводу, что отъ успѣховъ промышленности выигрываетъ больше всего самъ рабочій.

Во всякомъ случаѣ, искренность сочувствія Смита рабочимъ классамъ не можетъ быть заподозрѣна. «Всегда,—говоритъ онъ,—когда законодательство вмѣшивается въ разбирательство споровъ между хозяевами и ихъ работниками, оно спрашиваетъ мнѣнія первыхъ; поэтому, когда издается постановленіе въ пользу работниковъ, оно бываетъ справедливо и благоразумно; но не всегда бываетъ такъ же, когда законодательство высказывается въ пользу хозяевъ». Ничто не вызываетъ такого негодованія Смита, какъ стѣсненіе свободы рабочаго находить себѣ заработокъ тамъ и такимъ образомъ, гдѣ и какъ онъ этого желаетъ. «Самое священное и неприкосновенное право собственности,—говоритъ съ глубокимъ убѣжденіемъ Смитъ,—есть право на свой собственный трудъ, потому что изъ этого права вытекаютъ всѣ прочія права собственности. Все имущество бѣднаго состоитъ въ его силѣ и ловкости его рукъ; мѣшать ему употребить эту силу и ловкость такъ, какъ онъ заблагоразсудитъ, если онъ никому не причиняетъ этимъ вреда, есть явное насиліе надъ этой первоначальной собственностью».

Крупный капиталъ въ эпоху Смита имѣлъ очень миролюбивый видъ. Въ большинствѣ случаевъ работа исполнялась на дому у рабочаго; рабочій начиналъ и кончалъ работу, когда хотѣлъ, жилъ въ деревнѣ, сохранялъ свой клочекъ земли, хотя и работалъ не на себя, а на хозяина. На мануфактурахъ условія работы были иныя, но зато мануфактурные рабочіе получали большой заработокъ, нерѣдко большій,

чѣмъ доходы мелкихъ мастеровъ. Все заставляло думать, что интересы рабочаго класса не только не требуютъ сохраненія прежняго хозяйственнаго строя, но, напротивъ, именно ради рабочихъ слѣдуетъ желать какъ можно болѣе скораго торжества капиталистическаго производства.

Единственнымъ классомъ, интересы котораго, по мнѣнію Смита, не совпадаютъ съ общими, является классъ капиталистовъ. Изъ «Богатства народовъ» можно привести очень много мѣстъ, гдѣ Смитъ выражаетъ свое негодованіе противъ этого класса. Вотъ, напр., какими словами онъ заканчиваетъ первую книгу своего труда. «Всякое предложеніе новаго закона, исходящее отъ этого разряда людей (капиталистовъ) должно быть встрѣчено съ крайнимъ недовѣріемъ, ибо оно исходитъ отъ класса людей, интересъ которыхъ никогда не можетъ вполнѣ совпадать съ интересами всего народонаселенія, и состоитъ, вообще, въ томъ, чтобы провести общество и даже обременить его, что уже неоднократно и удавалось имъ дѣлать, при всякомъ удобномъ случаѣ». Въ другомъ мѣстѣ Смитъ говоритъ о молчаливой стачкѣ для пониженія заработной платы, въ которой всегда находятся хозяева. «Хозяевамъ, по меньшему числу ихъ, гораздо легче стакнуться; къ тому же, законъ дозволяетъ имъ заключать условія такого рода или, по крайней мѣрѣ, не запрещаетъ имъ этого, между тѣмъ какъ онъ строго преслѣдуетъ стачки рабочихъ. Мы не знаемъ парламентскихъ постановленій противъ заговора въ пользу пониженія заработной платы, но мы имѣемъ множество ихъ противъ заговоровъ, имѣющихъ цѣлью повысить ее». Членъ парламента, какъ бы ни былъ великъ его личный авторитетъ, который рискнулъ бы поддерживать какую бы то ни было мѣру, клонящуюся къ свободной торговлѣ, рисковалъ бы, по словамъ Смита, подвергнуться клеветѣ, оскорбленіямъ и даже личной опасности со стороны заинтересованныхъ промышленниковъ. Именно вслѣдствіе этой могущественной оппозиціи, у Смита вырвалось малодушное признаніе, что «надѣяться на полную свободу торговли въ Великобританіи было бы такимъ же безуміемъ, какъ ожидать осуществленія въ ней республикъ Утопіи или Океаніи».

Въ виду этого, какую горькую иронію исторіи составляетъ тотъ непредвидѣнный Смитомъ фактъ, что его идеи сослужили службу именно классу капиталистовъ! Крупные промышленники, составлявшіе оплотъ протекціонизма въ эпоху «Богатства народовъ», скоро стали главной опорой движенія въ пользу свободной торговли. Промышленная революція, идейнымъ провозвѣстникомъ которой былъ Смитъ, совершилась, главнымъ образомъ, въ ихъ интересахъ.

Въ теоретической части «Богатства народовъ» выдающуюся роль играетъ ученіе о капиталѣ; подъ капиталомъ Смитъ разумѣетъ ту долю созданныхъ трудомъ запасовъ, которая предназначается не для собственнаго потребленія владѣльца, а для дальнѣйшаго производства. Весь

общественный продуктъ распадается, по Смиту, на двѣ части: одна идетъ на возстановленіе затраченнаго на производство капитала, другая поступаетъ въ распоряженіе непроизводительныхъ классовъ общества,—собственниковъ земли и капитала, и непроизводительныхъ рабочихъ, трудъ которыхъ не создаетъ новыхъ цѣнностей (чиновники, солдаты, ученые, люди свободныхъ профессій и пр.). Та часть общественнаго продукта, которая обращается на возстановленіе капитала, поступаетъ въ распоряженіе производительныхъ рабочихъ. Распаденіе общества на производительные и непроизводительные классы соотвѣтствуетъ распаденію общественнаго продукта на капиталъ и чистый доходъ (прибыль и ренту). Чѣмъ большая доля общественнаго продукта превращается въ капиталъ, капитализируется, иначе говоря, поступаетъ въ распоряженіе производительныхъ рабочихъ, тѣмъ быстрѣе растетъ народное богатство. Доказывая несущественность торговаго баланса (т.-е. соотношенія ввоза и вывоза товаровъ), которому меркантилисты придавали такое значеніе, Смитъ настаиваетъ на первенствующей важности въ общественной экономіи баланса между непроизводительнымъ потребленіемъ и накопленіемъ капитала, такъ какъ именно этимъ балансомъ и опредѣляется ростъ общественнаго богатства. Поэтому Смитъ рѣшительно отвергаетъ взглядъ, по которому непроизводительные расходы правительства и роскошь богатыхъ людей полезны для страны въ качествѣ стимула промышленности.

Какую роль игралъ Смитъ въ исторіи политической экономіи? Въ новѣйшее время по этому вопросу устанавливается все больше согласія. Первоначальное отношеніе къ Смиту—неограниченнаго преклоненія или столь же безусловнаго осужденія—смѣнилось теперь болѣе спокойной и безпристрастной оцѣнкой его историческаго значенія. Конечно, несправедливо мнѣніе, будто «Богатство народовъ» создало экономическую науку. Во всѣхъ важнѣйшихъ частяхъ своей системы Смитъ имѣлъ многочисленныхъ предшественниковъ; нѣкоторые изъ нихъ даже превосходили его по силѣ мысли. Уже давно указывалось на связь ученія Смита съ работами физіократовъ—школы французскихъ экономистовъ, глава которыхъ, Кенэ, умеръ незадолго до выхода въ свѣтъ «Богатства народовъ». Дѣйствительно, заслуги физіократовъ въ дѣлѣ созданія современной экономической науки громадны; по оригинальности мысли и теоретической законченности системы, Кенэ стоитъ выше великаго шотландца. Кенэ принадлежитъ честь перваго теоретическаго построенія системы политической экономіи, какъ органическаго цѣлаго. Въ этомъ отношеніи Смитъ былъ простымъ ученикомъ Кенэ. Ученіе о капиталѣ также заимствовано Смитомъ у физіократовъ. Что касается до требованія экономической свободы, то въ этомъ отношеніи вліяніе физіократовъ на нашего мыслителя не могло быть особенно значительнымъ, такъ какъ раньше ихъ, въ одной рѣчи, сказанной въ 1755 г., онъ высказалъ это требованіе съ полной опредѣленностью и

почти въ той же формѣ, какъ и въ «Богатствѣ народовъ». Во всякомъ случаѣ, система Смита уже потому не можетъ считаться заимствованной у физіократовъ, что по самому кардинальному пункту—по вопросу объ исключительной производительности земледѣльческаго труда,—онъ расходится съ физіократами (хотя и по этому пункту слѣды вліянія физіократовъ ясно видны во многихъ мѣстахъ «Богатства народовъ», напр., въ разсужденіяхъ Смита о большей полезности для страны земледѣлія, чѣмъ промышленности и торговли и пр.). Система физіократовъ, при всей своей стройности и логическомъ изяществѣ, страдала кореннымъ и неустранимымъ недостаткомъ—отрицаніемъ производительности неземледѣльческаго труда. Поэтому, какъ ни блестяще были разработаны ея детали и какъ ни геніальна была ея общая конструкція, она не могла пріобрѣсти практическаго значенія и оказала могущественное вліяніе на общественную мысль лишь черезъ посредство системы Смита.

Обвиненія творца «Богатства народовъ» въ неоригинальности многихъ его отдѣльныхъ выводовъ и положеній вполнѣ справедливы; но это нисколько не умаляетъ значенія его геніальнаго труда. Оригинальность великаго экономиста заключалась не въ частностяхъ, а въ цѣломъ: его система является самымъ полнымъ и совершеннымъ выраженіемъ идей и стремленій его эпохи—эпохи паденія прежняго хозяйственнаго строя, основаннаго на государственной опекѣ, и развитія капиталистическаго строя, для котораго свобода была естественной стихіей. Отсюда и историческое значеніе и безпримѣрное въ исторіи политической экономіи вліяніе «Богатства народовъ».

ОЧЕРКЪ III.

Промышленная революція.

Исходнымъ пунктомъ великой промышленной революціи, начало которой можно относить къ концу XVIII вѣка, было преобразованіе условій обмѣна. Мы уже говорили, что возникновеніе капиталистической промышленности въ Англіи было непосредственно вызвано ростомъ морской торговли, подъ вліяніемъ великихъ географическихъ открытій XVI вѣка. Но до половины XVII столѣтія торговля все-таки была очень ограничена и не играла господствующей роли въ экономической жизни даже Англіи по очень простой причинѣ: море было широкой дорогой, открытой для всѣхъ предпріимчивыхъ людей, но сообщенія внутри страны были крайне затруднительны вслѣдствіе плохого состоянія дорогъ. Артуръ Юнгъ описываетъ, въ какомъ состояніи были дороги въ Англіи въ концѣ прошлаго вѣка; путешествіе по нимъ было сопряжено съ опасностью для жизни. Товары между самыми важными торговыми пунктами должны были перевозиться не иначе, какъ на вьючныхъ лошадяхъ — никакая телѣга не могла выдержать этихъ дорогъ. За нѣсколько десятковъ миль отъ морского берега торговля уже падала, а внутри страны рѣшительно преобладало натуральное хозяйство. Но со второй половины XVIII вѣка условія внутренняго сообщенія стали измѣняться въ Англіи къ лучшему; дороги по прежнему оставались почти непроѣзжими, но съ 1755 г. Англія энергично приступила къ созданію сѣти каналовъ, сыгравшихъ въ XVIII вѣкѣ такую же роль, какъ желѣзныя дороги въ слѣдующемъ вѣкѣ. Къ концу столѣтія Англія получила, въ видѣ каналовъ, превосходные внутренніе пути сообщенія, по которымъ дешево и быстро могли перевозиться самые громоздкіе товары — могли подвозиться сырой матеріалъ и топливо для возникавшихъ фабрикъ и отвозиться для продажи готовые продукты.

Каналы энергично двинули впередъ экономическую эволюцію Англіи. Они открыли для торговли внутренній рынокъ — и съ этого времени паденіе мелкаго производства пошло быстрѣе, тѣмъ болѣе, что въ концѣ XVIII вѣка капиталъ получилъ, наконецъ, то оружіе, которое обезпечило ему окончательное торжество. Оружіемъ этимъ была машина.

Изобрѣтеніе машинъ было первымъ словомъ промышленной революціи. Значеніе машинъ въ исторіи человѣчества не можетъ быть преувеличено. Человѣческій разумъ зналъ болѣе высокіе тріумфы, но никогда ни одинъ продуктъ человѣческой мысли не вызывалъ такихъ глубокихъ перемѣнъ во внѣшнихъ условіяхъ жизни человѣчества, какъ машины. Машины знаменовали собой начало новой эры—освобожденія людей изъ-подъ власти внѣшней природы; онѣ явились, поэтому, плодотворнѣйшей побѣдой человѣческаго духа, той прометеевой искрой, изъ которой разгорѣлось великое пламя, охватившее со всѣхъ сторонъ старый міръ человѣческихъ отношеній. Не существуетъ болѣе поразительнаго вещественнаго символа господства человѣческаго сознанія надъ матеріей, чѣмъ стройныя и блестящія массы металла, послушно повинующіяся человѣческой волѣ и выполняющія работы, во много разъ превышающія мускульныя силы людей. Человѣкъ, какъ животное, какъ носитель механической энергіи, потерялъ, благодаря машинамъ, свое прежнее хозяйственное значеніе сравнительно съ человѣкомъ, какъ существомъ разумнымъ, какъ источникомъ психической силы.

Изобрѣтеніе прядильной и ткацкой машины не было дѣломъ случая или геніальности отдѣльнаго лица. И прядильная, и ткацкая машина явились результатомъ упорной работы цѣлыхъ поколѣній изобрѣтателей. Чисто экономическія условія—усиленіе спроса на хлопчато-бумажную пряжу и ткань, благодаря развитію торговли—вызвали чрезвычайную потребность въ усовершенствованіи орудій пряденія и ткачества. Потребность въ ускореніи пряденія повела къ изобрѣтеніямъ Аркрайта, Гаргривса и Кромптона; а когда машинное производство пряжи вызвало огромное увеличеніе предложенія послѣдней, то изобрѣтеніе ткацкой машины дало возможность столь же быстро превращать эту пряжу въ ткань. Сначала прядильныя машины приводились въ движеніе руками или водой, пока, наконецъ, Джемсъ Уаттъ, изобрѣтатель новой паровой машины, не снабдилъ прядильныя фабрики той двигательной силой, въ которой онѣ нуждались — паромъ. Наступила новая міровая эпоха—эпоха пара и машиннаго производства.

Изобрѣтеніе машинъ радикально измѣнило позиціи крупнаго и мелкаго производства. Мы указывали выше на устойчивость мелкаго производства въ Англіи XVIII вѣка. Устойчивость эта объяснялась, въ значительной мѣрѣ, тѣмъ, что крупное производство стояло въ техническомъ отношеніи почти на той же почвѣ, какъ и мелкое. Машины все перемѣнили. Первыя машины нашли себѣ примѣненіе въ бумагопряденіи—и здѣсь уже къ началу XIX вѣка фабрика окончательно вытѣснила мелкую мастерскую и изготовленіе бумажной пряжи на дому совершенно прекратилось. Въ области ткачества борьба машины и ручного труда была гораздо упорнѣе и растянулась на много десятилѣтій, но также закончилась побѣдой фабрики.

Измѣненіе способовъ производства повело къ чрезвычайному росту народнаго богатства.

Только благодаря удивительному развитію своей фабричной промышленности (главнымъ образомъ, хлопчатобумажной), Англія могла выдержать тяжелую борьбу съ Франціей, потребовавшую колоссальныхъ финансовыхъ затратъ; и потому нельзя не согласиться съ извѣстнымъ замѣчаніемъ, что Аркрайту и Уатту Англія болѣе обязана своими морскими и сухопутными тріумфами, чѣмъ Нельсону и Веллингтону.

Мы видѣли въ предыдущемъ очеркѣ, что для Смита возрастаніе народнаго богатства было синонимомъ соціальнаго прогресса. Чѣмъ быстрѣе растетъ богатство страны, тѣмъ лучше должно быть положеніе рабочихъ — таковъ былъ основной тезисъ Смита. И, дѣйствительно, для эпохи «Богатства народовъ» это было вполнѣ справедливо: страна богатѣла, а положеніе рабочихъ улучшалось. Промышленная революція значительно ускорила ростъ народнаго богатства Англіи. Какъ же это отразилось на интересахъ различныхъ классовъ населенія?

Классъ крупныхъ землевладѣльцевъ много выигралъ отъ промышленной революціи. Земледѣльческая техника сдѣлала за это время значительные успѣхи, хотя и не такіе поражающіе, какъ въ области обрабатывающей промышленности; сѣвооборотъ былъ улучшенъ, воспитаніе скота было поставлено на раціональную почву, земледѣльческія орудія были усовершенствованы (былъ изобрѣтенъ паровой плугъ). Результатомъ этихъ улучшеній явилось громадное возрастаніе землевладѣльческаго дохода. Такъ какъ одной изъ важнѣйшихъ причинъ возрастанія ренты было значительное вздорожаніе хлѣба, то вмѣстѣ съ землевладѣльцами выиграли и фермеры, особенно тѣ, кто арендовалъ землю по долгосрочнымъ контрактамъ. Именно въ это время пріобрѣлъ значеніе новый классъ богатыхъ фермеровъ - капиталистовъ, которые по своему общественному положенію, привычкамъ и образу жизни не имѣли ничего общаго съ рабочими.

Еще больше выиграли отъ промышленной революціи фабриканты и торговцы—вообще капиталистическій классъ. Крупныя состоянія наживались въ это время предпріимчивыми людьми съ поразительной быстротой. Эпоха войны съ Франціей была для англійскихъ промышленниковъ, несмотря на затрудненія международной торговли, золотымъ временемъ, о баснословныхъ барышахъ котораго слагались впослѣдствіи цѣлыя легенды. Только потому, что оба господствующихъ класса—лендлорды и капиталисты—находили войну для себя выгодной, Англія могла съ такимъ упорствомъ вести борьбу съ Наполеономъ. Торговецъ прежняго времени, перевозившій товары на вьючныхъ лошадяхъ и путешествовавшій для торговыхъ сношеній по окрестнымъ городамъ верхомъ, несмотря ни на какую погоду, исчезъ окончательно;

его мѣсто занялъ купецъ-капиталистъ современнаго типа, ведущій свои дѣла изъ торговаго центра при помощи цѣлой арміи служителей—приказчиковъ, конторщиковъ и торговыхъ агентовъ. Точно также мелкій предприниматель былъ въ значительной мѣрѣ вытѣсненъ крупнымъ фабрикантомъ.

Почти половина колоссальнаго англійскаго бюджета стала уходить на платежъ процентовъ по государственному долгу — своего рода подать населенія капиталистическому классу, ссудившему правительство нужными ему деньгами.

Вообще, не можетъ быть сомнѣнія, что промышленная революція была чрезвычайно выгодна имущимъ классамъ. Пожалованіе титула баронета Ричарду Аркрайту, изобрѣтателю ватерной прядильной машины, и національныхъ наградъ другимъ изобрѣтателямъ было выраженіемъ общественнаго мнѣнія страны, признавшаго этихъ людей благодѣтелями своего отечества.

Но, страннымъ образомъ, ростъ народнаго богатства сопровождался не менѣе быстрымъ ростомъ народнаго обнищанія. Издержки на содержаніе бѣдныхъ увеличивались въ ужасающей прогрессіи, заработная плата падала. Факты рѣшительно опровергли ученіе Смита о заработной платѣ. Возрастаніе національнаго богатства оказалось равносильнымъ обѣднѣнію народной массы.

Средневѣковый хозяйственный строй не способствовалъ быстрому промышленному прогрессу и накопленію богатствъ, но онъ обезпечивалъ извѣстный достатокъ всѣмъ участникамъ производства, какъ хозяевамъ, такъ и рабочимъ. Земледѣліе соединялось съ обрабатывающей промышленностью и всякій рабочій находилъ себѣ дома занятіе на время, свободное отъ полевыхъ работъ. Капиталистическое хозяйство повело къ полному разъединенію земледѣльческой и обрабатывающей промышленности. И въ городѣ, и въ деревнѣ заурядному англійскому рабочему въ 20—30 годахъ прошлаго столѣтія жилось несравненно хуже, чѣмъ до промышленной революціи. Всѣ современные писатели жалуются на обѣднѣніе народа.

Ручной ткачъ не находилъ болѣе подсобнаго занятія въ земледѣліи; въ то же время ему пришлось выдерживать уничтожающую конкуренцію ткацкой машины, которая хотя и медленно, но неуклонно замѣщала фабрикой ручное производство. Съ каждымъ усовершенствованіемъ ткацкой машины цѣна ткани падала, а вмѣстѣ съ тѣмъ падалъ и заработокъ ручного ткача. Но все-таки основной причиной обѣднѣнія ручныхъ ткачей было не столько усовершенствованія ткацкаго механизма, сколько тѣ общія причины, которыя могутъ быть объединены понятіемъ развитія капитализма. Развитіе капитализма вызвало образованіе избыточнаго населенія, котораго не знала Англія прежняго времени. Сельскіе рабочіе, которые должны были бросить земледѣліе (о чемъ рѣчь будетъ впереди), мелкіе производители, не

выдержавшіе конкуренціи съ крупнымъ производствомъ, рабочіе, вытѣсненные машинами, представители всевозможныхъ профессій, процвѣтавшихъ при прежнихъ порядкахъ и неприспособившихся къ новымъ хозяйственнымъ условіямъ,—вся эта масса рабочаго люда лишилась своихъ прежнихъ заработковъ и должна была устремиться въ тѣ отрасли промышленности, которыя были для всѣхъ доступны. Именно это и вызвало общее переполненіе рабочаго рынка и паденіе цѣны чернорабочаго труда.

Условія существованія земледѣльческихъ рабочихъ были не лучше, чѣмъ ручныхъ ткачей. Деревенскіе рабочіе лишились своихъ прежнихъ вспомогательныхъ промысловъ; ручная прялка, бывшая въ XVIII вѣкѣ главной опорой крестьянской семьи, не могла выдержать конкуренціи съ машиной и была заброшена, какъ ненужный хламъ. Точно также сдѣлались невыгодными и другіе мелкіе промыслы и земледѣльцы остались только при земледѣліи. Для мелкаго земледѣльца это было тяжелымъ ударомъ, отъ котораго онъ не могъ оправиться.

Еще больше значенія въ томъ же смыслѣ имѣлъ раздѣлъ общинныхъ земель между отдѣльными собственниками, который пошелъ особенно быстро въ первыя десятилѣтія XIX вѣка. Въ это время цѣна земельной собственности сильно возросла, что не могло не повліять на стремленіе крупныхъ землевладѣльцевъ къ округленію своихъ помѣстій. Раздѣлъ общинныхъ земель въ большинствѣ случаевъ сводился просто на просто къ отбиранію общинной земли въ пользу крупныхъ землевладѣльцевъ. При этомъ нужно имѣть въ виду, что общинныя земли въ половинѣ XVIII вѣка составляли около $^1/_6$ части всей территоріи Англіи и представляли собой, по своимъ почвеннымъ условіямъ, едва ли не лучшія земли страны.

Поглощеніе мелкихъ фермъ крупными, вызванное вздорожаніемъ цѣны хлѣба въ началѣ XIX вѣка и перестройкой всего англійскаго земледѣлія на новый ладъ, съ введеніемъ интенсивныхъ способовъ обработки земли, дорогихъ машинъ и проч., также приводило къ сокращенію числа земледѣльческихъ рабочихъ. Нерѣдко изгнаніе избыточнаго рабочаго населенія изъ деревень принимало принудительный характеръ и сопровождалось возмутительными жестокостями. Сисмонди разсказываетъ исторію знаменитой «очистки» помѣстій графини Соутерландской въ 1810—1820 г., сопровождавшейся изгнаніемъ 15 тысячъ человѣкъ коренныхъ обитателей страны и обращеніемъ громаднаго имѣнія, занимавшаго почти цѣлое графство, въ нѣсколько десятковъ крупныхъ фермъ, предназначенныхъ исключительно для разведенія овецъ. Такія «очистки» съ цѣлью обращенія пахотной земли въ пастбище и сѣнокосъ производились въ особенно большихъ размѣрахъ въ Шотландіи и Ирландіи.

Именно въ эту эпоху, т.-е. въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, исчезъ окончательно мелкій земельный собственникъ, йоменъ, слава и

гордость Англіи прежняго времени. Англія стала классической страной крупнаго землевладѣнія; вмѣстѣ съ тѣмъ относительная численность земледѣльческаго населенія стала падать.

Перейдемъ теперь къ тому, какъ отражались эти глубокія экономическія перемѣны на соціальныхъ отношеніяхъ Англіи. Разсматриваемая эпоха въ особенности замѣчательна тѣмъ, что съ нея начинается современная исторія, характеризующаяся рѣзко выраженной борьбой классовъ. Классовыя противоположности существовали и раньше, но никогда онѣ не выступали такъ ярко на первый планъ исторіи, какъ въ новѣйшее время. При средневѣковомъ феодальномъ строѣ зависимость крѣпостного отъ сеньера была сильнѣе, чѣмъ въ наше время зависимость рабочаго отъ капиталиста; но въ отношеніяхъ между господствующимъ и подчиненнымъ классомъ раньше и теперь была глубокая разница. Прежнія отношенія носили въ большей или меньшей степени патріархальный характеръ. Что касается до рабочихъ и мелкихъ мастеровъ, то отношенія между ними были во многихъ случаяхъ почти дружескими.

Съ торжествомъ капитализма единственной связью между людьми сдѣлалось то, что Карлейль мѣтко окрестилъ названіемъ «cash nexus»— «связь наличныхъ денегъ». Предприниматель видѣлъ въ рабочемъ не человѣка, но «рабочія руки», живую машину, отличавшуюся многими неудобствами сравнительно съ неодушевленной машиной, но безъ которой все-таки нельзя было обойтись. Для рабочаго хозяинъ былъ представителемъ чуждой и враждебной силы, съ которой нужно было бороться, насколько хватало энергіи. Интересы хозяевъ новаго типа и рабочихъ были совершенно противоположны. Тойнби, авторъ прекрасной книги «Промышленная революція въ Англіи», приводитъ слова одного англійскаго фабриканта начала прошлаго вѣка, характеризующія общее настроеніе того времени: «Соединить высшіе и низшіе классы общества,—заявлялъ съ увѣренностью этотъ фабрикантъ, — такъ же невозможно, какъ смѣшать воду и масло: у этихъ классовъ ничего нѣтъ общаго. Интересъ предпринимателя заключается въ томъ, чтобы выжать возможно больше работы за возможно меньшую сумму денегъ». Такъ относились фабриканты къ рабочимъ — и послѣдніе платили имъ тою же монетой.

Введеніе новаго промышленнаго строя не вызвало въ Англіи политической революціи, такъ какъ политическое господство капиталистическаго класса было и такъ обезпечено. Тѣмъ не менѣе, водвореніе новыхъ хозяйственныхъ формъ осуществилось въ Англіи только послѣ долгой и ожесточенной борьбы. Англійское общество раскололось на двѣ враждующихъ группы: крупныхъ собственниковъ и предпринимателей съ одной стороны, и мелкихъ предпринимателей и рабочихъ—съ другой. Интересы мелкихъ мастеровъ и ихъ рабочихъ были въ данномъ случаѣ солидарны. И тѣ и другіе имѣли вѣрный зарабо-

токъ при прежнемъ хозяйственномъ строѣ и не могли надѣяться сохранить такое же обезпеченное положеніе при новыхъ условіяхъ производства. Рабочимъ грозило ухудшеніе ихъ матеріальнаго положенія, а мастера опасались потерять свою независимость и спуститься въ ряды пролетаріата. Поэтому и тѣ и другіе дѣйствовали вполнѣ согласно и усердно поддерживали другъ друга.

Вражда мелкихъ мастеровъ и рабочихъ къ машинному производству выразилась прежде всего въ разрушеніи машинъ. Почти всѣ изобрѣтатели XVIII вѣка навлекали на себя преслѣдованія толпы и должны были спасаться бѣгствомъ отъ своихъ раздраженныхъ соотечественниковъ. Такъ, изобрѣтеніе прядильной машины «Дженни» Джемсомъ Гаргривсомъ вызвало цѣлое возстаніе въ его родномъ городѣ; толпы мастеровъ-прядильщиковъ врывались въ дома, гдѣ находились новыя прядильныя машины, и разрушали всѣ машины, которыя имѣли болѣе 20 веретенъ. Гаргривсъ долженъ былъ бѣжать изъ Ноттингама. Машина Аркрайта вызвала еще больше волненій среди народа: многія изъ построенныхъ имъ фабрикъ были сожжены и разграблены, власти неоднократно должны были прибѣгать къ вооруженной силѣ для огражденія имущества фабрикантовъ. Пиль, дѣдъ знаменитаго министра, бывшій однимъ изъ самыхъ раннихъ фабрикантовъ, едва спасъ свою жизнь отъ нападенія толпы; его фабрика была уничтожена. Разрушенія машинъ продолжались и въ первыя десятилѣтія XIX вѣка; среди рабочихъ чулочной промышленности образовалось въ началѣ столѣтія даже особое тайное общество, которое поставило своею цѣлью уничтоженіе машинъ. Это общество, подъ названіемъ «леддитовъ», дѣйствовало въ теченіе ряда лѣтъ и наводило страхъ на собственниковъ машинъ. Правительство прибѣгло, для охраненія собственности фабрикантовъ, къ мѣрамъ исключительной строгости: за разрушеніе машинъ была назначена смертная казнь, и, дѣйствительно, нѣсколько рабочихъ было повѣшено.

Но рабочимъ не трудно было убѣдиться, что такіе пріемы борьбы съ новыми формами производства ни къ чему привести не могутъ. Сознавая это, рабочіе пытались бороться съ фабричнымъ производствомъ болѣе систематически. Въ началѣ XIX вѣка среди рабочихъ суконной промышленности Іоркшира возникаетъ очень вліятельный союзъ, имѣвшій свои развѣтвленія во множествѣ городовъ Англіи и Шотландіи. Союзъ этотъ возбудилъ большую тревогу среди фабрикантовъ; парламентская коммиссія 1806 г., изслѣдовавшая положеніе суконной промышленности, признала его крайне опаснымъ и вреднымъ, какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Союзъ энергично выступилъ на защиту прежнихъ отношеній между хозяевами и рабочими. Главной его цѣлью было проведеніе въ жизнь, осуществленіе на практикѣ, номинально оставшагося въ полной силѣ законодательства Елизаветы объ ученичествѣ. Въ число членовъ союза

входили не только рабочіе, но и мелкіе мастера. Несмотря на такой составъ, это былъ несомнѣнный рабочій союзъ, проявившій свою дѣятельность, въ числѣ прочаго, организаціей цѣлаго ряда стачекъ.

Агитація этого союза въ пользу стариннаго рабочаго законодательства и вообще стариннаго экономическаго строя нашла себѣ въ англійской рабочей средѣ благодарную почву. На многочисленныхъ митингахъ рабочіе постановляли, что домашняя система промышленности выгоднѣе для страны, чѣмъ фабричная. Парламентъ былъ буквально заваленъ петиціями, покрытыми тысячами подписей, въ которыхъ испрашивалось принятіе разнообразныхъ мѣръ для огражденія мелкой промышленности отъ конкуренціи фабрикъ. Старые законы до такой степени вышли изъ употребленія, что большинство агитаторовъ за семилѣтній курсъ ученія сами не прошли этого курса; тѣмъ не менѣе движеніе въ пользу возстановленія законодательства Елизаветы все возрастало. Кромѣ обязательнаго курса ученія, рабочіе требовали возстановленія давно забытаго закона о правительственномъ нормированіи заработной платы. Многочисленные рабочіе союзы, которые въ это время пріобрѣли уже значительное вліяніе, поставили это своей главной цѣлью. Въ 1812 г. одному изъ самыхъ вліятельныхъ такихъ союзовъ—союзу хлопчато-бумажныхъ ткачей—удалось истребовать судебное постановленіе, которымъ предписывалось властямъ опредѣлить заработную плату, согласно точному смыслу закона. Послѣ долгихъ усилій было выработано расписаніе рабочихъ платъ и получено законное утвержденіе, но хозяева отказались ему подчиниться. Послѣдовала одна изъ самыхъ обширныхъ стачекъ. Отъ Карлейля до Абердина остановились всѣ ткацкіе станки; 40.000 ткачей почти одновременно прекратили работу. Стачка продолжалась болѣе трехъ недѣль и конецъ ея былъ совершенно неожиданный: въ одинъ прекрасный день весь комитетъ стачки былъ арестованъ по обвиненію въ устройствѣ незаконнаго сообщества и всѣ члены его были приговорены къ продолжительному тюремному заключенію. Это разбило стачку и рабочіе должны были покориться очевидно незаконнымъ притязаніямъ хозяевъ, отказывавшихся подчиняться судебнымъ рѣшеніямъ.

Стачка эта была одной изъ многихъ преслѣдовавшихъ ту же цѣль—возстановленіе стараго порядка. Между 1810 и 1812 г. рабочіе союзы возбудили рядъ исковъ противъ хозяевъ, нарушавшихъ законы Елизаветы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ рабочимъ удавалось добиться отъ суда обвинительныхъ приговоровъ противъ хозяевъ, но практическихъ послѣдствій эти приговоры не имѣли; въ большинствѣ же случаевъ суды по разнымъ формальнымъ предлогамъ отказывали въ искахъ рабочимъ. Тогда борьба была перенесена на парламентскую почву. Петиціи рабочихъ и жалобы ихъ на дѣйствія хозяевъ были такъ многочисленны, что парламентъ долженъ былъ образовать для

разсмотрѣнія жалобъ особый комитетъ. Комитетъ опросилъ многихъ свидѣтелей, изъ которыхъ громадное большинство показывало въ пользу сохраненія закона Елизаветы; въ парламентъ поступали въ этомъ смыслѣ все новыя петиціи, число подписей на которыхъ превысило 300.000. Напротивъ, число подписей на петиціяхъ крупныхъ предпринимателей въ пользу отмѣны закона едва достигало 2.000. И та и другая сторона устраивала публичные митинги для поддержанія своихъ требованій: рабочіе говорили объ интересахъ бѣдныхъ людей, единственною собственностью которыхъ были ихъ мозолистыя руки, а капиталисты ссылались на интересы промышленности и естественныя права человѣка. Конецъ всей этой агитаціи оказался, однако, не тотъ, котораго ожидали ея иниціаторы: въ 1815 г. елизаветинскій законъ объ ученичествѣ былъ цѣликомъ отмѣненъ парламентомъ.

Движеніе рабочихъ въ пользу сохраненія или, вѣрнѣе, возстановленія стариннаго законодательства было съ самого начала обречено на неудачу, такъ какъ рабочіе стремились остановить жизнь, задержать экономическое развитіе страны путемъ законодательныхъ постановленій, возникшихъ на почвѣ совершенно иныхъ хозяйственныхъ условій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, движеніе это свидѣтельствовало о пробудившемся классовомъ сознаніи англійскихъ рабочихъ. И хотя непосредственная цѣль означеннаго движенія достигнута отнюдь не была, тѣмъ не менѣе оно не осталось безъ очень важнаго результата: оно чрезвычайно содѣйствовало укрѣпленію и росту рабочихъ союзовъ, настолько же специфическаго продукта новѣйшаго экономическаго строя, насколько выставленныя рабочими требованія отражали собой хозяйственныя условія прежняго времени.

Причина быстраго распространенія рабочихъ союзовъ, начиная съ послѣднихъ годовъ XVIII вѣка, заключалась не въ чемъ иномъ, какъ въ развитіи новыхъ формъ промышленности—крупныхъ капиталистическихъ предпріятій. Капиталистическій строй повелъ къ разъединенію труда и капитала, къ образованію рабочаго пролетаріата. Пока работа по найму была только переходнымъ состояніемъ подмастерья, впослѣдствіи дѣлавшагося самостоятельнымъ хозяиномъ, до тѣхъ поръ рабочіе не составляли особаго общественнаго класса; поэтому, не могло быть и особой организаціи рабочихъ. Но какъ только наемная работа стала постояннымъ состояніемъ извѣстнаго класса людей, возникла и особая организація рабочихъ—рабочіе союзы. Такимъ образомъ народился и занялъ первое мѣсто въ ряду великихъ вопросовъ нашего времени рабочій вопросъ, котораго еще Смитъ совершенно не зналъ.

Въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ раньше всего развилось капиталистическое производство, раньше появились и союзы. Такъ, въ западныхъ графствахъ Англіи суконное производство уже

въ XVII вѣкѣ имѣло капиталистическій характеръ; соотвѣтственно этому самые ранніе союзы возникаютъ именно въ этой мѣстности. Въ 1717 г. власти г. Брадинча жалуются парламенту, «что уже нѣсколько лѣтъ суконные ткачи, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, образовали общество и при помощи возмутительныхъ и насильственныхъ мѣръ собираютъ деньги со многихъ рабочихъ». Подобныя же жалобы на суконныхъ ткачей западныхъ графствъ продолжались въ теченіе всего XVIII вѣка. Напротивъ, въ Іоркширѣ, гдѣ господствовала мелкая промышленность, о союзахъ рабочихъ ничего не было слышно до конца XVIII столѣтія, когда возникновеніе суконныхъ фабрикъ повело къ образованію чрезвычайно обширнаго союза, о которомъ мы только что говорили.

Отношеніе англійскаго правительства къ рабочему движенію лучше всего опредѣляется законами, которые издаются въ теченіе всего XVIII столѣтія одинъ за другимъ для прекращенія рабочихъ союзовъ; строгость этихъ законовъ все усиливалась и, наконецъ, въ концѣ вѣка всякіе союзы или стачки между рабочими съ цѣлью поднятія заработной платы или уменьшенія рабочихъ часовъ были запрещены подъ угрозой тяжелыхъ наказаній. Но всѣ эти законы, хотя они давали предпринимателямъ въ руки сильное оружіе, которымъ послѣдніе неоднократно и пользовались (какъ, напр., въ вышеописанной стачкѣ хлопчатобумажныхъ ткачей), оказались совершенно безсильными остановить развитіе классовой организаціи рабочихъ.

Такимъ образомъ, промышленная революція чрезвычайно обострила классовой антагонизмъ рабочихъ и хозяевъ. Борьба труда и капитала, разъ начавшись, уже не прекращалась. Рабочіе, для которыхъ успѣхи капиталистической промышленности были, на первыхъ порахъ, равносильны пониженію уровня существованія и обѣднѣнію рабочей массы, естественно выступили врагами промышленной революціи. Не понимая всей необходимости совершавшагося экономическаго процесса, они пытались остановить колесо исторіи, ходъ котораго причинялъ имъ столько страданій, и вернуться къ старому порядку вещей, уже давно отжившему свое время и потерявшему реальную силу. И рабочіе были разбиты. Но изъ этой борьбы они вынесли нѣчто такое, что, въ концѣ концовъ, должно было даровать имъ побѣду—ясное сознаніе своихъ классовыхъ интересовъ и профессіональную организацію.

Какъ бы то ни было, въ эпоху промышленной революціи рабочіе выступали въ защиту старыхъ идеаловъ, осужденныхъ исторіей. Напротивъ, капиталисты выступали съ самымъ новымъ, передовымъ ученіемъ о спасительности промышленной свободы. Доктрины Смита, на успѣхъ которыхъ такъ мало разсчитывалъ самъ авторъ, были восприняты общественнымъ мнѣніемъ Англіи съ поразительной быстротой. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ «Бо-

гатства народовъ», эта книга начинаетъ цитироваться въ парламентѣ. Министры, мотивируя вносимые ими законопроекты, ссылаются на Смита какъ на самый высокій и всѣми признаваемый авторитетъ. Новая доктрина столь быстро овладѣвала умами, выставляемыя ею политическія и экономическія требованія казались такими естественными и очевидными, что не позже, какъ въ 1806 г. одна парламентская коммиссія съ важностью заявляетъ: «право каждаго человѣка употреблять свой капиталъ по собственному усмотрѣнію, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства или препятствія, поскольку этимъ не нарушаются права другихъ лицъ, составляетъ одну изъ тѣхъ привилегій, которую свободная и благодѣтельная конституція этой страны издавна пріучила всякаго британца считать своимъ прирожденнымъ достояніемъ». Общественное мнѣніе Англіи успѣло уже совершенно позабыть, что право свободнаго распоряженія капиталомъ не только не было стариннымъ основаніемъ англійской конституціи, но что, наоборотъ, англійская конституція была долгое время проникнута діаметрально противоположнымъ духомъ и что это право было провозглашено, какъ нѣчто совершенно новое и расходящееся съ обычными взглядами, никѣмъ инымъ, какъ Смитомъ. Въ 1811 г. другая парламентская коммиссія говоритъ, что «стѣсненіе свободы промышленности или свободы каждаго человѣка располагать своимъ временемъ и трудомъ такъ, какъ онъ считаетъ наиболѣе для себя выгоднымъ, нарушаетъ основные принципы благосостоянія и благополучія страны». Идеи «Богатства народовъ» уже настолько вкоренились въ умахъ господствующаго класса, что признаются неподлежащими доказательству, а тѣмъ болѣе спору. Еще черезъ нѣсколько лѣтъ парламентъ закончилъ дѣло освобожденія труда и капитала отъ правительственныхъ стѣсненій отмѣной всего рабочаго законодательства Елизаветы.

Чѣмъ же объясняются неожиданно быстрые успѣхи новаго экономическаго ученія? Отвѣтъ ясенъ—тѣмъ, что оно было выгодно господствующимъ классамъ. Рабочіе остались чужды новымъ идеямъ потому, что для нихъ, въ описываемую историческую эпоху, промышленная свобода была такъ же невыгодна, какъ она была выгодна капиталистамъ. Такая грубо матеріальная подкладка торжества новой доктрины лучше всего доказывается тѣмъ, что торжество это было далеко не полное. Рабочее законодательство Англіи было преобразовано въ смыслѣ идей Смита уже въ началѣ XIX вѣка,—хотя тѣ, защитѣ которыхъ великій экономистъ посвятилъ столько краснорѣчивыхъ страницъ—сами рабочіе—всѣми силами боролись противъ этихъ преобразованій. «Эгоистическій и жаждущій монополій», по выраженію Смита, классъ крупныхъ фабрикантовъ и торговцевъ съ восторгомъ ухватился за его ученіе о свободѣ труда. Напротивъ, ученіе Смита о свободѣ внѣшней торговли, о вредѣ протекціонизма, упорно отвергалось гос-

подствующими классами и потребовалось много десятилѣтій борьбы и агитаціи, чтобы побудить англійскихъ землевладѣльцевъ и фабрикантовъ допустить иностранное соперничество. Такое различное отношеніе господствующихъ классовъ Англіи къ двумъ нераздѣльнымъ частямъ новой доктрины объясняется очень просто: свобода труда была имъ выгодна, а свободы внѣшней торговли они опасались. И потому трудъ сталъ свободенъ въ Англіи гораздо раньше, чѣмъ освободилась внѣшняя торговля.

ОЧЕРКЪ IV.

Школа Смита.

«Богатство народовъ» вышло въ свѣтъ до промышленной революціи или, во всякомъ случаѣ, въ самомъ началѣ ея. Соціальныя противорѣчія капиталистическаго строя были неизвѣстны Смиту; онъ искренно вѣрилъ, что капиталистическій строй и не заключаетъ въ себѣ этихъ противорѣчій. Свобода товарнаго хозяйства являлась, въ его глазахъ, единственнымъ, но зато вполнѣ надежнымъ средствомъ достиженія общаго благополучія; бѣдные должны были выиграть отъ нея еще болѣе, чѣмъ богатые. По ученію Смита, главный интересъ рабочаго класса заключается въ ростѣ народнаго богатства. Промышленная революція дала могучій толчокъ этому росту; естественно было ожидать что самымъ знаменательнымъ послѣдствіемъ промышленной революціи будетъ чрезвычайное улучшеніе положенія рабочаго класса, общее поднятіе жизненнаго уровня рабочаго.

Дѣйствительность представила, однако, какъ мы видѣли, совершенно обратную картину. Чѣмъ скорѣе росло богатство, тѣмъ ужаснѣе становилась бѣдность. Мрачная нищета захватывала въ свои цѣпкія руки все новые слои населенія. Оптимистическія надежды на свободу оправдались лишь на половину: промышленная свобода оказалась, дѣйствительно, превосходнымъ средствомъ развитія производительныхъ силъ страны; но всѣ выгоды этого достались небольшой группѣ собственниковъ. Остальная же масса населенія, по мѣрѣ роста богатства, глубже и глубже погружалась въ нищету, изъ которой, казалось, не было выхода и спасенія.

Вмѣсто ожидавшейся гармоніи интересовъ дѣйствительность обнаружила рѣзкіе и неумолимые классовые антагонизмы. Новый соціальный строй, возникшій на почвѣ свободы конкуренціи и крупнаго производства, былъ безконечно далекъ отъ той идилліи, которая рисовалась въ будущемъ людямъ XVIII вѣка. Передъ общественнымъ сознаніемъ открылась новая глубочайшая проблема, которая опредѣлила собой направленіе экономической мысли въ теченіе всего послѣдующаго столѣтія вплоть до нашихъ дней: проблема бѣдности. Для Смита вопросы производства стояли на первомъ планѣ; почти все его внима-

ніе сосредоточено на условіяхъ наибольшаго развитія производительныхъ силъ страны и на причинахъ, задерживающихъ это развитіе. Законы распредѣленія почти не были изслѣдованы Смитомъ, и то немногое, что было сказано имъ въ этомъ отношеніи, принадлежитъ къ числу наиболѣе слабыхъ мѣстъ его великаго труда. Напротивъ, для послѣ-смитовской политической экономіи именно явленія распредѣленія становятся центральнымъ предметомъ изслѣдованія.

Вопросъ о причинахъ устойчивости бѣдности среди растущаго богатства заслонилъ, по своей важности, всѣ другіе вопросы, поставленные капиталистическимъ строемъ экономической наукѣ. Отвѣчая на этотъ вопросъ, политическая экономія распалась на нѣсколько школъ или направленій, сохраняющихъ свою обособленность и теперь. Одно направленіе тѣсно примкнуло къ идеямъ Смита, углубило и развило его систему, существенно переработало и усовершенствовало многія важныя части ея (въ особенности ученіе о распредѣленіи), но въ общемъ осталось вѣрнымъ духу «Богатства народовъ». Нерегулируемый товарохозяйственный строй признается этимъ направленіемъ наилучшимъ или даже единственно возможнымъ хозяйственнымъ устройствомъ современнаго человѣчества. Правда, наиболѣе выдающіеся ученики Смита—Мальтусъ и Рикардо—совершенно отказались отъ смитовскаго оптимизма, такъ ярко и своеобразно окрашивавшаго міровоззрѣніе ихъ учителя. Но суть дѣла отъ этого нисколько не измѣнилась—хозяйственный идеалъ Мальтуса и Рикардо въ общемъ тотъ же, что и Смита. Свобода конкуренціи и частная собственность представляютъ и въ ихъ глазахъ предѣлъ, его же не прейдеши, соціальнаго устройства. Другое направленіе—соціализмъ—является полной противоположностью перваго, и усматриваетъ именно въ этихъ основаніяхъ капиталистическаго строя коренную причину неисчислимой массы зла и страданія, органически связанныхъ съ товарнымъ хозяйствомъ. Съ точки зрѣнія соціализма частная собственность на средства производства есть корень соціальнаго зла и для уничтоженія бѣдности необходимъ переходъ средствъ производства въ распоряженіе всего общества. Наконецъ, третье направленіе, эклектическое и занимающее позицію, промежуточную между двумя первыми, стремится сохранить товарохозяйственный строй, смягчивъ въ то же время, путемъ усиленія государственнаго вмѣшательства въ интересахъ слабыхъ, рѣзкость классовыхъ антагонизмовъ. Выразителемъ перваго направленія явилась такъ называемая классическая школа политической экономіи—главнымъ образомъ, Мальтусъ и Рикардо, вліяніе которыхъ на развитіе экономической мысли далеко не прекратилось и до настоящаго времени.

I.

Мальтусъ.

Томасъ Робертъ Мальтусъ (1766—1834) происходилъ изъ зажиточной англійской помѣщичьей семьи, но, какъ младшій сынъ, не унаслѣдовалъ родового помѣстья и поступилъ въ духовное званіе. Его имя неразрывно связано съ такъ называемымъ «принципомъ» или «закономъ» народонаселенія. Въ 1798 г. онъ выпустилъ книгу подъ этимъ заглавіемъ («Опытъ о принципѣ народонаселенія»), которая сразу обратила на себя общее вниманіе, выдержала рядъ изданій, вызвала ожесточенныя нападки и страстныя похвалы и обезсмертила имя автора; какого мнѣнія мы бы ни держались о достоинствахъ и недостаткахъ этого произведенія, оно должно быть признано одною изъ наиболѣе вліявшихъ книгъ, когда-либо написанныхъ.

Нѣтъ ни одного образованнаго человѣка, не знающаго имени Мальтуса, хотя бы по наслышкѣ и не имѣющаго, хотя бы смутнаго и превратнаго, представленія о томъ, что называютъ мальтузіанствомъ. И, что удивительнѣе всего, въ образованномъ мірѣ и теперь,—болѣе, чѣмъ черезъ сто лѣтъ,—такъ же мало согласія въ оцѣнкѣ ученія Мальтуса, какъ и въ первые годы по выходѣ его знаменитой книги. По отношенію къ этому автору почти не существуетъ средняго мнѣнія. Его считаютъ или геніальнымъ ученымъ, или плагіаторомъ и тупицей; благороднѣйшимъ другомъ человѣчества или безсердечнѣйшимъ эгоистомъ, какихъ когда-либо создавала исторія; человѣкомъ истинной религіозности или же представителемъ наиболѣе возмутительнаго вида религіознаго лицемѣрія; однимъ изъ наиболѣе гуманныхъ реформаторовъ или же наиболѣе опаснымъ врагомъ общественныхъ реформъ.

Говорятъ, двое рыцарей вступили однажды въ жестокій бой изъ-за спора, какого цвѣта былъ щитъ, висѣвшій между ними. Одному щитъ казался краснымъ, другому голубымъ. Оба были убѣждены въ собственной правотѣ и во лжи другого. И оба были правы, и не правы. Щитъ былъ двухъ цвѣтовъ: одна сторона его была красная, другая—голубая.

Мы думаемъ, что въ основѣ споровъ о Мальтусѣ лежитъ недоразумѣніе нѣсколько сходнаго свойства. Если бы воззрѣнія Мальтуса представляли собой законченную и логически стройную систему, одинъ цѣлостный и недѣлимый организмъ (какъ, напр., система Смита), то мы стояли бы передъ альтернативой—принимать Мальтуса цѣликомъ или цѣликомъ же отвергать его. Но мы постараемся показать, что, такъ называемое, мальтузіанство обнимаетъ собой два совершенно независимыхъ круга идей, два различныхъ ученія, изъ которыхъ одно можетъ быть истиннымъ, въ то время какъ другое ложно, и объек-

тивная научная цѣнность которыхъ, дѣйствительно, весьма неодинакова.

По своему содержанію «Опытъ о принципѣ народонаселенія» представляется сухимъ и мало интереснымъ научнымъ трактатомъ преимущественно описательнаго характера. Статистическій и историческій матеріалъ, не имѣющій никакого отношенія къ злобамъ дня, занимаетъ большую часть «Опыта». Тѣмъ не менѣе, сочиненіе Мальтуса было не безстрастнымъ «трудомъ» академическаго ученаго, но полемической книгой, написанной въ интересахъ опредѣленной политической доктрины, почти политическимъ памфлетомъ. Именно такъ оно и было понято современниками. Эта сухая работа произвела впечатлѣніе удара молніи. Мертвыя цифры и груды безпорядочно нагроможденныхъ историческихъ фактовъ говорили современникамъ могучимъ языкомъ, вызывавшимъ сильнѣйшія страсти людей. Любовь и вражда сразу запылали вокругъ этой книги, совершенно лишенной чего бы то ни было похожаго на яркое настроеніе или горячее чувство.

Непосредственнымъ поводомъ къ появленію «Опыта» было политическое броженіе широкихъ массъ англійскаго населенія въ концѣ XVIII вѣка. Время было крайне тревожное — французская революція находила себѣ горячій откликъ въ умахъ и по ту сторону Ламанша. Въ англійской литературѣ распространялись идеи, не уступавшія французскимъ по своему радикализму и безпощадной враждѣ къ господствовавшему политическому и соціальному строю. Противъ одного изъ самыхъ вліятельныхъ представителей англійскаго радикализма—Вилльяма Годвина,—и выступилъ Мальтусъ со своимъ «Опытомъ».

Годвинъ былъ послѣдователемъ Руссо. Онъ одинаково нападалъ какъ на политическій, такъ и на экономическій строй Англіи. Будучи рѣшительнымъ республиканцемъ и демократомъ, онъ въ то же время признавалъ корнемъ соціальнаго зла частную собственность. Причины нищеты и страданій народной массы Годвинъ искалъ въ несправедливостяхъ общественныхъ учрежденій. Въ идеалѣ ему рисовался общественный строй, полный равенства, братства и свободы—нѣчто въ родѣ мирнаго коммунизма. Эти идеи Годвинъ высказывалъ—надо замѣтить весьма расплывчато, туманно и неясно,—во многихъ сочиненіяхъ, одно изъ которыхъ — «О политической справедливости» — имѣло большой успѣхъ и выдержало рядъ изданій.

Новыя идеи требовали и новыхъ аргументовъ для борьбы съ ними. Такіе аргументы и были даны Мальтусомъ. Основная мысль «Опыта» казалась геніальной по своей простотѣ и убѣдительности. Авторъ нисколько не думалъ отрицать всѣхъ тѣхъ фактовъ, которые вызывали негодованіе радикаловъ. Да, народная нищета достигаетъ ужасающихъ размѣровъ. Да, богатства распредѣлены чрезвычайно неравномѣрно. Не менѣе справедливо указаніе радикаловъ на отсутствіе какого бы то ни было улучшенія положенія народной массы при всѣхъ успѣхахъ

промышленности и торговли. Но слѣдуетъ ли отсюда, что господствующіе въ обществѣ классы несутъ отвѣтственность за страданія народа? Нисколько, отвѣчаетъ Мальтусъ, ибо причина бѣдности коренится не въ соціальномъ устройствѣ, а въ *самой природѣ вещей.*

Стремленіе къ размноженію есть одинъ изъ самыхъ могущественныхъ инстинктовъ нашей животной природы. Если ничто не сдерживаетъ этого стремленія, то человѣчество должно размножаться въ геометрической прогрессіи (т.-е., какъ 1, 2, 4, 8, 16 и т. д.). Періодъ удвоенія населенія Мальтусъ принимаетъ, на основаніи примѣра Соединенныхъ Штатовъ, при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ въ 25 лѣтъ. Но легко понять, что средства существованія населенія не могутъ расти столь же быстро. Такъ, можно, пожалуй, допустить, что количество хлѣба, производимаго въ данной странѣ, напр., Англіи, увеличится, при благопріятныхъ условіяхъ, черезъ двадцать пять лѣтъ вдвое. Но совершенно невѣроятно, чтобы ростъ производства хлѣба могъ идти такимъ же быстрымъ темпомъ неопредѣленно долгое время, весьма скоро увеличеніе производства пищи натолкнется на непреодолимыя препятствія, ибо территорія страны ограничена, а для повышенія урожайности данной земельной площади существуютъ предѣлы. Поэтому, если мы допустимъ, что каждыя двадцать пять лѣтъ количество средствъ существованія увеличивается на одну и ту же величину, т.-е., въ ариѳметической прогрессіи (какъ 1, 2, 3, 4 и т. д.), то мы никоимъ образомъ не уменьшимъ размѣровъ возможнаго повышенія производительности почвы.

И то и другое положеніе Мальтуса кажется совершенно безспорнымъ. Суть дѣла тутъ, разумѣется, не въ геометрической и ариѳметической прогрессіяхъ, которыя взяты лишь для иллюстраціи, а въ томъ, что стремленію человѣчества къ размноженію нельзя указать предѣловъ, между тѣмъ какъ увеличенію средствъ существованія человѣческаго рода положены, несомнѣнно, предѣлы и, притомъ, довольно узкіе.

Что же слѣдуетъ изъ этихъ столь простыхъ и очевидныхъ посылокъ? Выводъ огромной, потрясающей важности, бросающій совершенно новый и неожиданный свѣтъ на соціальную проблему. Населеніе стремится размножаться быстрѣе, чѣмъ могутъ расти средства къ существованію. Каково бы ни было соціальное устройство, ростъ населенія очень быстро обгонитъ возможное увеличеніе средствъ существованія, если только этотъ ростъ не будетъ задержанъ особыми препятствіями, какъ, напр., пороки, войны, болѣзни, нищета, голодъ, вообще все то, что или дѣлаетъ невозможнымъ дѣторожденіе, или же убиваетъ человѣка.

Иными словами, пока люди не овладѣютъ своимъ инстинктомъ размноженія, до тѣхъ поръ бѣдность будетъ неизбѣжнымъ удѣломъ большинства населенія. Уничтожая излишніе экземпляры человѣческой

породы, для которыхъ на свѣтѣ не находится мѣста, природа лишь возстанавливаетъ равновѣсіе между стремленіемъ къ неограниченному размноженію населенія и ограниченностью средствъ существованія людей.

«Человѣкъ, пришедшій въ занятый уже міръ, не имѣетъ ни малѣйшаго права требовать себѣ пропитанія: онъ лишній на землѣ... На великомъ жизненномъ пиру нѣтъ для него мѣста». Эта фраза Мальтуса лучше всего характеризуетъ сущность его взглядовъ на соціальный вопросъ. Правда, фраза эта, вызвавшая своею откровенностью взрывъ негодованія противъ автора, имѣется только въ двухъ первыхъ изданіяхъ «Опыта», и отсутствуетъ въ послѣдующихъ. Но отъ этого она нисколько не утрачиваетъ своего значенія. Вообще, первое изданіе книги Мальтуса, написанное подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ работы Годвина, во многомъ отличается отъ послѣдующихъ изданій той же книги. Рѣзкости перваго очерка были сглажены, общій тонъ сдѣланъ менѣе рѣшительнымъ и опредѣленнымъ. Измѣненія коснулись не только частностей, но и очень существеннаго.

Въ первомъ изданіи Мальтусъ признавалъ порокъ или разнаго рода бѣдствія единственными силами, возстановляющими равновѣсіе между знаменитыми прогрессіями. Получалась безотрадная альтернатива— моральныя или соціальныя бѣдствія признавались неизбѣжнымъ удѣломъ человѣчества. Соціальный пессимизмъ нашелъ въ этомъ воззрѣніи свое наиболѣе яркое выраженіе.

Въ послѣдующихъ изданіяхъ «Опыта» Мальтусъ призналъ, хотя и со многими оговорками и болѣе для виду, чѣмъ въ серьезъ, дѣйствіе еще одного препятствія чрезмѣрному размноженію населенія: нравственнаго самообузданія человѣка. Какъ разумное существо, человѣкъ предвидитъ послѣдствія своихъ поступковъ и, чтобы не подвергаться страданіямъ нищеты, можетъ добровольно воздерживаться отъ вступленія въ бракъ и отъ дѣторожденія. Такимъ образомъ, нравственное самообузданіе, порокъ и несчастіе—вотъ три основныхъ силы, ограничивающія размноженіе человѣчества. Двѣ первыя силы имѣютъ предупредительный характеръ (предупреждаютъ чрезмѣрное размноженіе), послѣдняя—разрушительный. Предупредительныя и разрушительныя препятствія находятся въ обратномъ отношеніи другъ къ другу—чѣмъ слабѣе предупредительныя препятствія, тѣмъ сильнѣе разрушительныя, и обратно.

Легко понять, какое значеніе имѣло для Мальтуса признаніе дѣйствія нравственнаго самообузданія. Альтернатива порока или нищеты исчезаетъ и для человѣчества открывается выходъ къ улучшенію своего положенія. Впрочемъ, самъ авторъ относится къ возможности этого выхода съ большимъ скептицизмомъ; съ полнымъ основаніемъ онъ сомнѣвается въ томъ, чтобы масса населенія была способна къ подавленію могучаго инстинкта, вложеннаго въ насъ природой. Нравствен-

ное самообузданіе, какъ средство избѣгнуть дѣйствія жестокаго закона народонаселенія, явилось для Мальтуса скорѣе лицемѣрной моральной уступкой, къ которымъ нашъ пасторъ былъ весьма склоненъ. Въ качествѣ духовнаго лица, имѣющаго дѣло съ проникнутымъ ханжествомъ англійскимъ обществомъ, онъ не могъ удержаться на той безнадежно пессимистической позиціи, которую занялъ вначалѣ. Онъ не могъ заявить, что Творецъ поставилъ человѣчество передъ альтернативой порока или нищеты—и нравственное самообузданіе, въ которое почтенный священнослужитель нисколько не вѣрилъ, явилось превосходнымъ выходомъ изъ этого затруднительнаго положенія.

Таково, весьма не сложное, содержаніе знаменитаго «закона» Мальтуса. Въ глазахъ самого автора его законъ вполнѣ объясняетъ великую проблему бѣдности. Въ предисловіи ко второму изданію своего «Опыта» нашъ пасторъ говоритъ, что «большею частью этой причинѣ (т.-е. закону народонаселенія) слѣдуетъ приписать какъ нищету и бѣдствія низшихъ классовъ народа во всякой странѣ, такъ и безплодность усилій, употреблявшихся до сихъ поръ высшими классами для облегченія этихъ бѣдствій». «Почти все,—замѣчаетъ онъ въ IV книгѣ «Опыта»,—что до сихъ поръ предпринималось для облегченія участи бѣдныхъ, стремилось, при содѣйствіи изысканной заботливости, только покрыть непроницаемымъ покровомъ этотъ вопросъ и скрыть отъ несчастныхъ настоящую причину ихъ нищеты. Между тѣмъ какъ заработной платы едва хватаетъ на прокормленіе двухъ дѣтей, работникъ женится и на его рукахъ оказываются пятеро или шестеро. Это повергаетъ его въ безвыходное положеніе. Онъ жалуется на заработную плату, недостаточную для содержанія семейства... онъ уличаетъ въ скаредности богатыхъ, отказывающихся подѣлиться съ нимъ своимъ избыткомъ; онъ обвиняетъ общественныя учрежденія въ пристрастіи и несправедливости; онъ обвиняетъ само Провидѣніе, предназначившее ему такую плачевную участь, со всѣхъ сторонъ осаждаемую лишеніями и страданіями... Ему не приходитъ въ голову обратить свои взоры на дѣйствительную причину своихъ страданій. Онъ обвиняетъ самого себя послѣ всѣхъ, а между тѣмъ, на дѣлѣ, онъ одинъ только и достоинъ порицанія». «Народъ долженъ винить, главнымъ образомъ, самого себя въ собственныхъ страданіяхъ». «Главная и непрерывная причина бѣдности мало или вовсе не зависитъ отъ образа правленія или отъ неравномѣрнаго распредѣленія имущества; богатые не въ силахъ доставить бѣднымъ работу и пропитаніе; поэтому бѣдные, по самой сущности вещей, не имѣютъ права требовать отъ нихъ работы и пропитанія: вотъ какія важныя истины вытекаютъ изъ закона народонаселенія. Если эти истины всюду распространятся... то низшіе классы населенія станутъ болѣе миролюбивы и послушны; они не такъ легко будутъ готовы къ возмущеніямъ...

ихъ труднѣе будетъ волновать соблазнительными и поджигательными книжками».

Эти выписки вполнѣ характеризуютъ общественное содержаніе ученія Мальтуса. Почтенный пасторъ хотѣлъ разбить на-голову не только Годвина, но и всѣхъ другихъ соціальныхъ реформаторовъ настоящаго и будущаго, всѣхъ тѣхъ, кто видитъ причину соціальнаго зла не въ бѣднякѣ, изнемогшемъ подъ тяжестью борьбы за существованіе, а въ общественномъ устройствѣ, дѣлающемъ условія этой борьбы столь неравными для богатыхъ и бѣдныхъ. И надо признать, что соображенія этого остроумнаго защитника историческихъ несправедливостей, снимающія всякую отвѣтственность съ богатыхъ и перелагающія ее цѣликомъ на самихъ бѣдняковъ, были такого свойства, что не могли не производить глубокаго впечатлѣнія. Въ соображеніяхъ этихъ истина такъ искусно переплетена съ ложью, что даже сильный умъ подвергается опасности согласиться съ хитрымъ пасторомъ.

Мы уже говорили, что ученіе Мальтуса не обладаетъ внутреннимъ единствомъ. Въ своемъ «Опытѣ» онъ изслѣдуетъ два различныхъ вопроса, доказываетъ двѣ совершенно разныя вещи, не давая себѣ въ этомъ отчета и постоянно путая ихъ. Во-первыхъ, онъ изслѣдуетъ моменты, регулирующіе размноженіе населенія. Свои выводы въ этомъ отношеніи онъ формулируетъ въ слѣдующихъ трехъ положеніяхъ:

«1) Народонаселеніе неизбѣжно ограничивается средствами существованія;

«2) Народонаселеніе неизмѣнно размножается всюду, гдѣ возрастаютъ средства существованія, если только не будетъ остановлено какими-либо чрезвычайными и явными препятствіями;

«3) Эти препятствія... сводятся, въ концѣ концовъ, къ нравственному воздержанію, пороку и несчастію».

Вторая задача Мальтуса заключается въ выясненіи проблемы бѣдности. Чѣмъ вызывается бѣдность въ современномъ обществѣ? На это нашъ авторъ даетъ категорическій отвѣтъ: преимущественно, чрезмѣрнымъ размноженіемъ населенія. Но, конечно, вопросъ объ условіяхъ размноженія человѣческаго рода и вопросъ о причинахъ бѣдности суть логически два различныхъ вопроса, отвѣты на которыхъ могутъ быть различны. Если и признать, что быстрое размноженіе должно приводить къ бѣдности — отсюда еще не слѣдуетъ, что та бѣдность, которая исторически сопутствуетъ современному обществу, вызывается именно этой причиной. Чрезмѣрное размноженіе есть лишь одна изъ *возможныхъ*, мыслимыхъ причинъ бѣдности, но есть-ли она *дѣйствительная* причина бѣдности въ современномъ обществѣ? Отвѣтъ на это можетъ быть тотъ или иной, но онъ отнюдь не предрѣшенъ вышеприведенными положеніями Мальтуса о связи размноженія населенія съ запасомъ средствъ существованія.

Итакъ, разсмотримъ обѣ части знаменитаго ученія порознь —

ученіе о народонаселеніи и ученіе о бѣдности. Первое ученіе формулировано Мальтусомъ въ трехъ вышеприведенныхъ тезисахъ. Можно ли съ ними согласиться?

Первый тезисъ гласитъ, что «населеніе неизбѣжно ограничивается средствами существованія». Трудно представить себѣ, что можно возразить противъ этого тезиса, такъ какъ онъ почти относится къ категоріи тѣхъ, которые Кантъ называетъ аналитическими, т.-е. такихъ, въ которыхъ только раскрывается содержаніе подлежащаго, но ничего новаго къ этому содержанію не прибавляется. Понятно, что безъ средствъ существованія существованіе невозможно,—врядъ ли кто рѣшится отрицать эту очевидную, но весьма мало плодотворную истину.

Второй и третій тезисы болѣе содержательны. Они заключаютъ въ себѣ все существенно цѣнное въ ученіи Мальтуса. Мальтусъ разсматриваетъ стремленіе человѣчества къ размноженію, какъ стихійную силу, сдерживаемую препятствіями двоякаго рода — предупредительными и разрушительными. Каждый органическій видъ — въ томъ числѣ и человѣкъ — обладаетъ стремленіемъ къ неограниченному размноженію и очень скоро заполнилъ бы землю, если бы его размноженію не полагались внѣшнія препятствія. Отсюда вытекаетъ борьба за существованіе между организмами. Теорія Дарвина, по признанію самого автора, возникла какъ обобщеніе на весь органическій міръ ученія Мальтуса относительно законовъ, регулирующихъ размноженіе населенія.

Мы считаемъ это ученіе, въ своей основѣ, совершенно вѣрнымъ. Можно признавать неудачной формулировку, данную Мальтусомъ своему знаменитому закону; это относится въ особенности къ пресловутымъ прогрессіямъ. Ариѳметическая прогрессія увеличенія средствъ существованія есть совершенно произвольное предположеніе автора, имѣющее за себя не болѣе данныхъ, чѣмъ всякій другой рядъ чиселъ, возрастающихъ не очень быстро. Очевидно, выбирая эту прогрессію, авторъ хотѣлъ дать математическое выраженіе закону падающей производительности почвы, о которомъ намъ придется говорить ниже въ очеркѣ воззрѣній Рикардо. Законъ этотъ является основаніемъ господствующей теоріи земельной ренты и можетъ считаться вполнѣ правильнымъ. Не нужно только забывать, что названный законъ вступаетъ въ дѣйствіе лишь на опредѣленной ступени развитія производительныхъ силъ, и что проявленію его препятствуютъ всѣ факторы, повышающіе производительность общественнаго труда. Поэтому ни о какой абстрактно-математической формулировкѣ означеннаго закона не можетъ быть и рѣчи.

Впрочемъ, и для самого Мальтуса ариѳметическая и геометрическая прогрессіи являлись лишь иллюстраціей неизбѣжности столкновенія между неограниченнымъ стремленіемъ къ размноженію населенія и ограниченностью средствъ къ существованію. Относительно послѣд-

няго положенія, т.-е. того, что средства существованія человѣческаго рода ограничены, не можетъ быть, конечно, спора. Но слѣдуетъ ли согласиться съ Мальтусомъ, что дѣйствіе инстинкта размноженія не имѣетъ опредѣленныхъ границъ? Цѣлый рядъ авторовъ — въ томъ числѣ Спенсеръ — оспаривали это положеніе съ чисто біологической стороны. Спенсеръ построилъ даже особую теорію, согласно которой способность къ размноженію организмовъ находится въ обратномъ отношеніи къ высотѣ ихъ индивидуальнаго развитія. Чѣмъ выше организмъ, тѣмъ менѣе способенъ онъ къ размноженію. Поэтому, по мѣрѣ успѣховъ цивилизаціи, способность человѣчества къ размноженію должна падать, и въ будущемъ можетъ установиться полное равновѣсіе между ростомъ населенія и средствъ существованія, помимо какихъ бы то ни было предупредительныхъ или разрушительныхъ препятствій.

Это можетъ быть и такъ—судить о томъ, что будетъ черезъ многія сотни или тысячи лѣтъ, мы не беремся. Какъ біологическая теорія, взглядъ Спенсера не представляетъ собой ничего неправдоподобнаго, хотя еще меньше его можно считать доказаннымъ. Но даже если бы Спенсеръ былъ совершенно правъ, его теорія нисколько не колебала бы закона народонаселенія Мальтуса. Быть можетъ, впослѣдствіи способность къ размноженію человѣческаго рода будетъ ослаблена; но теперь и за все время историческаго существованія человѣчества способность эта была достаточно сильна, чтобы въ нѣсколько столѣтій переполнить земной шаръ; и если этого нѣтъ, если на землѣ много свободнаго мѣста, то лишь потому, что тѣ или иныя силы противодѣйствовали размноженію населенія. Что же это были за силы? Очевидно, онѣ должны были или препятствовать дѣторожденію или убивать человѣка, т.-е. должны были относиться къ категоріи предупредительныхъ или разрушительныхъ препятствій по терминологіи нашего автора. Если бы теорія Спенсера была неоспорима, все же она могла бы имѣть значеніе для *будущаго* человѣчества, *настоящее* же и *прошедшее* подчиняется законамъ народонаселенія, указаннымъ Мальтусомъ.

Разсмотримъ теперь ученіе о бѣдности того же автора. Бѣдность массы населенія, замѣчаемая у всѣхъ народовъ, какъ у цивилизованныхъ, такъ и нецивилизованныхъ, объясняется, согласно Мальтусу, не особенностями соціальнаго устройства, но чрезмѣрнымъ размноженіемъ населенія. Вытекаетъ ли это положеніе изъ изложеннаго ученія о народонаселеніи? Нисколько. *Если* населеніе будетъ размножаться безъ всякихъ задержекъ въ теченіе долгаго времени, то послѣдуетъ бѣдность—это несомнѣнно; но если населеніе бѣдно—значитъ-ли это, что оно чрезмѣрно размножалось? Вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ лишь спеціальнымъ изслѣдованіемъ, и отвѣтъ на него отнюдь не предрѣшается предыдущими положеніями. Чрезмѣрное размноженіе есть лишь одна изъ *возможныхъ* причинъ бѣдности, и фактическое

изслѣдованіе бѣдности въ извѣстныхъ намъ историческихъ обществахъ показываетъ, что дѣйствіе этой причины почти всегда покрывается другими, несравненно болѣе могущественными причинами. Въ особенности это вѣрно относительно современнаго общества—капиталистическаго, характернѣйшей особенностью котораго является устойчивость бѣдности среди растущаго богатства. Капиталистическое хозяйство страдаетъ не отъ ограниченности производительныхъ силъ, не отъ скудости предметовъ потребленія и орудій производства, а отъ избытка того и другого. Современный аграрный кризисъ, отъ котораго терпятъ лишенія земледѣльческіе классы всего цивилизованнаго міра, вызывается не недостаткомъ хлѣба, а чрезмѣрнымъ обиліемъ его, приводящимъ къ паденію цѣны продукта и общему разстройству денежнаго хозяйства земледѣльца. Если рабочіе не находятъ занятій во время промышленнаго застоя, то отнюдь не вслѣдствіе недостаточности пищи для пропитанія или недостаточности орудій труда, при помощи которыхъ работа могла бы совершаться. И того, и другого больше, чѣмъ надо: земледѣлецъ не знаетъ, куда дѣвать свой хлѣбъ, а машиностроительный фабрикантъ не можетъ найти сбыта для своихъ машинъ. Бѣдность, создаваемая богатствомъ, должна считаться характеристической чертой современнаго хозяйственнаго строя; этимъ именно отличается бѣдность нашего времени отъ бѣдности въ прежнія историческія эпохи. Что же можетъ дать для пониманія современной проблемы бѣдности ученіе Мальтуса? Ровно ничего—оно совершенно безпомощно передъ ней.

Но даже оставляя въ сторонѣ капиталистическое общество, и въ другихъ историческихъ обществахъ бѣдность весьма рѣдко была слѣдствіемъ чрезмѣрнаго размноженія населенія. Это доказывается лучше всего историческимъ матеріаломъ, приводимымъ самимъ Мальтусомъ въ его «Опытѣ». Мальтусъ описываетъ многочисленные примѣры крайней бѣдности населенія среди изобилія даровъ природы; бѣдность вызывается въ этихъ случаяхъ или неумѣньемъ человѣка пользоваться силами природы, или захватомъ незначительной частью населенія, принадлежащею къ привилегированнымъ, правящимъ классамъ общества, тѣхъ матеріальныхъ благъ, которыхъ не хватаетъ большинству. Вообще, бѣдность фигурируетъ въ описательной части «Опыта» Мальтуса почти всегда въ качествѣ *причины*, препятствующей размноженію населенія, но не въ качествѣ *слѣдствія* этого размноженія. Поэтому, собственныя историческія и статистическія изслѣдованія Мальтуса, иллюстрируя его *ученіе о населеніи*, показывая, какимъ образомъ бѣдность вліяетъ на численность населенія, въ то же время опрокидываютъ *его ученіе о бѣдности*, доказывая несостоятельность его взгляда, по которому причина бѣдности заключается не въ особенностяхъ соціальнаго устройства, а въ ходѣ размноженія населенія.

Инородческое населеніе Сибири находится въ крайней бѣдности и быстро вымираетъ. Можно ли сказать, что бѣдность инородцевъ обусловливается ихъ чрезмѣрной численностью? Если бы это было такъ, то по мѣрѣ сокращенія числа инородцевъ ихъ благосостояніе росло бы. На самомъ же дѣлѣ наблюдается обратное: и вымираніе и обѣднѣніе инородцевъ идутъ все въ возрастающей прогрессіи. Другимъ аналогичнымъ примѣромъ, приводимымъ Марксомъ въ I томѣ «Капитала», является Ирландія, огромное сокращеніе населенія которой нисколько не увеличило благосостоянія народа. Обѣднѣніе народной массы въ Англіи въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій было вызвано вполнѣ опредѣленными соціальными причинами; когда эти причины перестали дѣйствовать, экономическое положеніе рабочаго класса стало улучшаться, хотя размноженіе населенія не прекратилось.

Ложное ученіе о бѣдности, извлеченное Мальтусомъ изъ его истиннаго, въ своихъ основахъ, ученія о населеніи, находилось въ несомнѣнной связи съ соціальными симпатіями автора. Онъ былъ однимъ изъ наиболѣе рѣзкихъ и опредѣленныхъ защитниковъ классовыхъ интересовъ—интересовъ земельной аристократіи. Его работа возникла на почвѣ соціальныхъ антагонизмовъ; придумывая аргументы противъ воззрѣній, колебавшихъ основы дорогого ему соціальнаго устройства, нашъ пасторъ наталкивается на поразившую его мысль о законахъ, управляющихъ размноженіемъ населенія. Быстро оцѣнивъ значеніе этихъ новыхъ соображеній, онъ спѣшитъ воспользоваться ими, какъ оружіемъ противъ своихъ политическихъ противниковъ. Чистая наука попала въ свалку общественной борьбы; и, какъ это всегда бываетъ, теоретическая мысль осложнилась въ этой свалкѣ столькими посторонними практическими соображеніями, что въ общественномъ сознаніи эти послѣднія совершенно скрыли теоретическую основу ученія.

Врядъ ли существуетъ писатель, вызвавшій столько ненависти къ себѣ, какъ Мальтусъ, — и мы не можемъ не считать эту ненависть вполнѣ заслуженной. Ибо Мальтусъ не былъ чистымъ ученымъ; онъ выступилъ въ роли борца за опредѣленные соціальные интересы и проявилъ готовность жертвовать ради этихъ интересовъ самыми святыми и высокими чувствами человѣка. Мы видѣли, что, по его взглядамъ, никто не виновенъ въ лишеніяхъ бѣдняка, кромѣ самого бѣдняка; отсюда естественно вытекало холодное, безучастное отношеніе къ страданіямъ бѣдности. И дѣйствительно, никто не проповѣдывалъ бездушія и эгоизма съ такой откровенностью, съ такимъ цинизмомъ, какъ Мальтусъ. Эгоизмъ получалъ въ мальтузіанствѣ научную санкцію; если частная благотворительность и допускалась хитрымъ пасторомъ на словахъ, то для всякаго проницательнаго читателя было очевидно, что почтенный служитель церкви дѣлаетъ въ данномъ случаѣ лицемѣрную уступку общественному мнѣнію, не имѣя нравственнаго мужества признать естественные выводы своихъ посылокъ. Впрочемъ, и

въ томъ, что говоритъ Мальтусъ, имѣется достаточно матеріала для характеристики безсердечнаго духа, проникающаго все его ученіе. Такъ, во многихъ мѣстахъ своего «Опыта» нашъ христіанинъ предостерегаетъ отъ «слишкомъ щедрой» помощи страдающимъ отъ нужды. Умирающія отъ голода дѣти не заслуживаютъ въ его глазахъ заботы государства, ибо «для общества одинъ ребенокъ легко замѣняется другимъ». «Отвѣтственность дѣтей,—замѣчаетъ Мальтусъ,—нисколько не виновныхъ въ дурномъ поведеніи отца семейства, быть можетъ, покажется слишкомъ жестокой. Но это опять одинъ изъ неизмѣнныхъ законовъ природы и слѣдуетъ нѣсколько разъ подумать, прежде чѣмъ рѣшиться на систематическое противодѣйствіе ему». Такого рода тирады, приправляемыя ссылками на добродѣтель и Провидѣніе (и въ данномъ случаѣ Мальтусъ опирается на слова Библіи о наказаніи дѣтей за грѣхи отцовъ), достаточно оправдываютъ чувство негодованія, съ которымъ люди съ сердцемъ и душей отнеслись къ проповѣди лицемѣрнаго пастора.

Отрицая полезность радикальныхъ мѣръ, предлагавшихся Годвиномъ и другими утопистами, нашъ защитникъ существующаго тѣмъ энергичнѣе настаивалъ на реформѣ, не менѣе радикальной въ своемъ родѣ, всѣ выгоды которой должны были бы, однако, достаться тому общественному классу, представителемъ котораго онъ являлся—земельной аристократіи. А именно, Мальтусъ выступилъ энергичнымъ противникомъ такъ называемыхъ «законовъ о бѣдныхъ»—стариннаго елизаветинскаго законодательства, согласно которому приходы были обязаны содержать на счетъ сборовъ съ мѣстной недвижимой собственности всѣхъ лицъ, неспособныхъ къ прокормленію собственными средствами. Такъ какъ расходы на содержаніе бѣдныхъ ложились, главнымъ образомъ, на землевладѣльцевъ, то понятно, что землевладѣльцы были крайне заинтересованы въ отмѣнѣ законовъ о бѣдныхъ. Несмотря на то, что законы эти существовали въ теченіе столѣтій и совершенно вошли въ сознаніе англійскаго народа, столь консервативный писатель, какъ Мальтусъ, не побоялся предложить столь рѣшительную мѣру, какъ совершенный отказъ государства отъ какой бы то ни было помощи бѣднымъ. Государство должно, по его мнѣнію, открыто заявить, что оно не признаетъ ни за кѣмъ *права* содержаться на общественный счетъ; съ этою цѣлью могъ бы быть изданъ законъ, согласно которому въ приходскихъ пособіяхъ будетъ отказано всѣмъ, родившимся послѣ обнародованія закона. Такимъ образомъ, расходы на содержаніе бѣдныхъ станутъ постепенно сокращаться и, наконецъ, совсѣмъ исчезнутъ; землевладѣльцы избавятся отъ лежащаго на нихъ бремени содержанія своихъ неимущихъ согражданъ.

Отмѣна законовъ о бѣдныхъ была важнѣйшимъ пунктомъ соціальной программы Мальтуса. Классовой характеръ этого требованія очевиденъ. Тѣ же интересы защищались нашимъ авторомъ и въ дру-

гихъ частяхъ его программы. Такъ, будучи, въ общемъ, вѣрнымъ послѣдователемъ Смита, онъ рѣзко расходится со своимъ учителемъ по таковому существенному вопросу, какъ вопросъ о свободѣ торговли. Мы видѣли, что Смитъ былъ сторонникомъ свободы торговли безъ всякихъ ограниченій. Мальтусъ также признаетъ свободу торговли идеаломъ торговой политики; но *пока*, для переживаемой исторической эпохи, онъ требуетъ одного изъятія изъ общаго правила свободной торговли: торговля хлѣбомъ не должна быть свободна—національное земледѣліе должно быть ограждено отъ соперничества иностраннаго хлѣба высокими пошлинами. Чтобы понять значеніе этого отступленія Мальтуса отъ основного ученія Смитовской школы, нужно имѣть въ виду, что послѣ окончанія войны съ Франціей въ Англіи были установлены, въ интересахъ англійскихъ землевладѣльцевъ, огромныя пошлины на иностранный хлѣбъ. Борьба изъ-за свободы торговли велась главнымъ образомъ на этой почвѣ: англійская промышленность не нуждалась въ таможенной охранѣ, но англійское земледѣліе имѣло полное основаніе опасаться иностранной конкуренціи. Протекціонизмъ имѣлъ въ Англіи преимущественно аграрный характеръ и защитникомъ этого протекціонизма выступилъ такой выдающійся ученикъ Смита, какъ Мальтусъ. Очевидно, интересы землевладѣльческаго класса были въ вопросахъ практической политики аріадниной нитью Мальтуса.

Въ томъ же смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ выясненія классовой окраски ученія Мальтуса, весьма характерно, что онъ рѣзко разошелся со школой Смита и по другому пункту—по вопросу о фабричномъ законодательствѣ. Господствовавшая школа политической экономіи сдѣлала въ Англіи въ первыя десятилѣтія XIX вѣка все возможное, чтобы затормозить изданіе фабричныхъ законовъ, охранявшихъ трудъ женщинъ и дѣтей. Оппозиція эта вызывалась понятной причиной: фабриканты были противъ фабричныхъ законовъ, а за ними шли и ихъ друзья — экономисты школы Смита. Только одинъ Мальтусъ, со стороны котораго, казалось бы, труднѣе всего было ожидать сочувствія государственному вмѣшательству въ интересахъ рабочаго класса, высказался за фабричные законы. Но странная непослѣдовательность Мальтуса становится совершенно понятной, если имѣть въ виду соціальныя отношенія его времени. Земельная аристократія и торгово-промышленная буржуазія были въ Англіи борющимися классами въ теченіе всей первой половины XIX вѣка. Эта борьба оставила глубочайшій слѣдъ на всемъ соціальномъ законодательствѣ Англіи. Борьба велась изъ-за политическаго и экономическаго преобладанія того и друг[illegible] Хлѣбные законы, фабричные законы и парламентская рес[illegible] важнѣйшими предметами этой борьбы. Фабричные за[illegible]нимъ козыремъ въ политической игрѣ землевладѣль- ц[illegible]азательства гибельности хлѣбныхъ пошлинъ для на- р[illegible]янія, землевладѣльцы отвѣчали ссылкой на эксплоа-

тацію труда на фабрикахъ. Вполнѣ естественно, что Мальтусъ, въ качествѣ представителя землевладѣльческаго класса, занялъ по вопросу о фабричныхъ законахъ позицію, опредѣлявшуюся землевладѣльческими интересами.

Итакъ, на примѣрѣ Мальтуса мы видимъ, что политической экономіи не удалось сохранить послѣ Смита того безпристрастнаго отношенія къ классовымъ интересамъ, которое такъ своеобразно характеризуетъ позицію великаго шотландца. Экономическія ученія приняли въ XIX вѣкѣ вполнѣ опредѣленную классовую окраску — благодаря большей классовой дифференцированности общества. То же самое мы увидимъ и на примѣрѣ другого еще болѣе замѣчательнаго ученика Смита—Рикардо.

II.

Рикардо.

Давидъ Рикардо (1772—1823) оказалъ такое вліяніе на развитіе политической экономіи, какъ ни одинъ другой писатель послѣ Смита. Наведенный на изслѣдованіе экономическихъ законовъ чисто практическими соображеніями, онъ создалъ абстрактную теорію, которая на долгое время совершенно вытѣснила наблюденіе изъ области научнаго изученія хозяйственныхъ явленій. Будучи типичнымъ представителемъ интересовъ капиталистическаго класса, онъ въ то же время больше, чѣмъ кто-либо другой изъ не соціалистовъ, содѣйствовалъ развитію научной теоріи соціализма. Вліяніе Рикардо почувствовалось во всѣхъ сферахъ экономической мысли; трудно сказать, какая экономическая школа въ большей мѣрѣ обязана Рикардо, ибо всѣ онѣ заимствовали существенные элементы своихъ ученій изъ воззрѣній этого замѣчательнаго мыслителя. И даже его враги должны были, противъ своей воли, слѣдовать указаннымъ имъ путямъ. Одно время, подъ вліяніемъ, такъ называемой, исторической школы политической экономіи, стало модой отрицать значеніе Рикардо. Но лучшимъ опроверженіемъ этихъ нападокъ на величайшаго теоретика экономической науки могутъ служить собственныя работы его порицателей. Если удалить изъ ходячихъ учебниковъ и курсовъ политической экономіи исторической школы загромождающій ихъ описательный и историческій матеріалъ, то все наиболѣе существенное въ области теоріи окажется заимствованнымъ у Рикардо. Всѣ теоретическія нововведенія сведутся къ скромнымъ размѣрамъ ограниченій основныхъ положеній Рикардо.

Интересна біографія этого замѣчательнаго человѣка. Сынъ банкира-еврея, переселившагося въ Лондонъ изъ Голландіи, онъ не получилъ никакого систематическаго образованія. Уже съ 14 лѣтъ Рикардо начинаетъ заниматься биржевыми операціями, что, разумѣется, указываетъ на быстрое и преждевременное умственное развитіе. Но какое

странное примѣненіе находитъ эта столь рано созрѣвшая умственная сила! Биржа — вотъ тотъ храмъ науки, гдѣ получаетъ воспитаніе великій экономистъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ молодой Рикардо дѣлаетъ рѣшительный шагъ, который грозитъ лишить его всякихъ средствъ къ жизни: онъ принимаетъ христіанскую религію и порываетъ, поэтому, всякія связи со своимъ убѣжденнымъ евреемъ-отцомъ. Почти мальчикъ, безъ посторонней помощи, безъ руководительства, безъ денегъ, онъ дѣлается биржевымъ маклеромъ и принимается за биржевыя спекуляціи. Конечно, никогда биржа не видѣла на своей службѣ болѣе благородную умственную силу. Могучій мыслитель въ роли биржевого дѣльца—такія зрѣлища не часто представляетъ исторія.

И биржа оказалась благосклонной къ своему самому великому служителю. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ Рикардо пріобрѣтаетъ огромное богатство, къ 25 годамъ онъ уже милліонеръ, уже одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ банкировъ Лондона. Но здѣсь и сказывается, что Рикардо былъ созданъ изъ иного матеріала, чѣмъ биржевые дѣльцы. Послѣ такихъ блистательныхъ успѣховъ, въ виду еще болѣе грандіозныхъ перспективъ того же рода впереди, онъ внезапно охладѣваетъ къ наживѣ. Его перестаетъ интересовать шумный и низменный міръ, въ которомъ онъ выросъ и вращался. Онъ ликвидируетъ дѣла, пріобрѣтаетъ помѣстье и начинаетъ знакомиться съ научной литературой; сперва его привлекаетъ математика, затѣмъ онъ заинтересовывается химіей и зоологіей. Окончательный выборъ его останавливается на политической экономіи, при чемъ рѣшающую роль сыграло чтеніе «Богатства народовъ». Такому сильному логику, какъ Рикардо, было не трудно замѣтить логическіе промахи Смита, общая система котораго произвела на него глубокое впечатлѣніе. Желая исправить очевидные недочеты этой системы, Рикардо пришелъ къ построенію своей собственной теоріи, отличительной чертой которой была необыкновенная точность, ясность и логическое изящество выраженія мысли. Какъ логическій умъ, Рикардо не знаетъ себѣ соперника въ экономической литературѣ. По количеству, его литературная дѣятельность была мало производительна: всѣ его литературные труды образуютъ собой небольшой томъ, большую часть котораго занимаютъ полемическіе памфлеты по вопросамъ денежнаго обращенія, почти не представляющіе теперь интереса. Но по своему значенію въ исторіи экономической науки главная работа Рикардо «Начала политической экономіи и налоговъ» (1817 г.) можетъ быть съ полнымъ правомъ поставлена рядомъ съ «Богатствомъ народовъ» Смита.

Въ этой работѣ авторъ далъ общій очеркъ теоріи политической экономіи. Современная наука ввела существенныя измѣненія во многія положенія Рикардо, но, въ своихъ основныхъ чертахъ, послѣднія и до нынѣ образуютъ собой то, что называютъ наукой о народномъ хозяйствѣ. Единственнымъ крупнымъ шагомъ впередъ въ области

общей теоріи политической экономіи послѣ Рикардо можно считать новую теорію цѣнности, выдвинутую въ 70 хъ и 80-хъ годахъ рядомъ ученыхъ и пользующуюся теперь почти общимъ признаніемъ въ академическихъ сферахъ: мы имѣемъ въ виду, такъ называемую, теорію предѣльной полезности, о которой у насъ будетъ рѣчь впереди. Вообще можно думать, что мы находимся теперь наканунѣ полной перестройки теоретическаго зданія политической экономіи. Но это дѣло будущаго— закончившійся же XIX вѣкъ въ области экономической науки можетъ быть названъ вѣкомъ Рикардо.

Краеугольнымъ камнемъ экономической системы Рикардо является его ученіе о цѣнности. Мѣновая цѣнность (т.-е. среднее отношеніе, въ которомъ обмѣниваются предметы) свободно воспроизводимыхъ товаровъ устанавливается затраченнымъ на производство этихъ товаровъ трудомъ. Это положеніе Рикардо отнюдь не представляетъ собой великаго научнаго открытія, каковымъ его склонны считать многіе. Если даже признавать названное положеніе, съ ограниченіями, указанными самимъ Рикардо, правильнымъ, все же оно слишкомъ банально, чтобы быть научнымъ открытіемъ. Что мѣновыя отношенія товаровъ до извѣстной степени регулируются стоимостью производства, а слѣдовательно и трудомъ—честь открытія этой истины не можетъ быть приписана никакому отдѣльному экономисту, ибо послѣдняя была всегда всѣмъ извѣстна. Она принадлежитъ къ числу тѣхъ элементарныхъ выводовъ изъ повседневнаго хозяйственнаго опыта, безъ которыхъ самое хозяйство было бы немыслимо. Такъ какъ хозяйство представляетъ собою планомѣрную и разумную дѣятельность человѣка, то знаніе основныхъ и простѣйшихъ хозяйственныхъ соотношеній должно считаться существеннымъ условіемъ возможности самого хозяйственнаго процесса.

Далѣе, нужно имѣть въ виду: во-1-хъ, что, съ точки зрѣнія Рикардо, трудъ регулируетъ цѣнность только части товаровъ, а именно, свободно воспроизводимыхъ (цѣнность тѣхъ товаровъ, количество которыхъ *не* можетъ быть увеличено въ желаемыхъ размѣрахъ, зависитъ, по словамъ Рикардо, исключительно отъ ихъ относительной рѣдкости); во-2-хъ, что трудъ является регуляторомъ лишь среднихъ, а отнюдь не рыночныхъ цѣнъ, и въ-3-хъ, что даже по отношенію къ среднимъ цѣнамъ свободно воспроизводимыхъ товаровъ—трудъ есть важнѣйшій, но отнюдь не единственный регуляторъ.

О связи цѣнности съ трудовыми затратами говорятъ многіе писатели задолго до Рикардо. Такъ, остроумный англійскій экономистъ конца XVII столѣтія—Вилльямъ Петти—формулируетъ это ученіе не менѣе ясно, чѣмъ Рикардо. Въ самомъ началѣ XVIII вѣка та же мысль высказывается вполнѣ опредѣленно Франклиномъ. У предшественника Смита Стюарта и французскаго писателя Кантильона мы встрѣчаемъ то же объясненіе цѣнности. Ученіе Смита о цѣнности

страдаетъ спутанностью и неопредѣленностью, которая отличаетъ многія мѣста его труда. Тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что такой труизмъ, какъ зависимость среднихъ цѣнъ товаровъ отъ стоимости производства, а слѣдовательно, и отъ труда, былъ хорошо знакомъ Смиту, какъ, повторяемъ, и всякому экономисту, когда-либо задумывавшемуся надъ вопросомъ о факторахъ, регулирующихъ цѣны товаровъ.

Оригинальность Рикардо заключалась не въ томъ, что онъ призналъ связь между трудовою стоимостью и цѣнностью, а въ томъ, что онъ положилъ трудовую теорію цѣнности въ основаніе ученія о распредѣленіи. Ученіе о распредѣленіи, какъ мы указывали, было и остается главнымъ предметомъ изслѣдованія политической экономіи послѣ Смита. «Опредѣлить законы, регулирующіе распредѣленіе, составляетъ главную задачу политической экономіи», говоритъ Рикардо въ предисловіи къ своимъ «Началамъ политической экономіи». У предшественниковъ Рикардо ученіе о распредѣленіи не находилось ни въ какой связи съ ученіемъ о цѣнности. Рикардо привелъ оба эти ученія въ тѣсную связь.

Къ трудовой теоріи цѣнности не только русскій читатель относится со своего рода мистическимъ чувствомъ. Она является для многихъ чѣмъ-то завѣтнымъ и дорогимъ, какъ бы принципомъ справедливости къ трудящимся. Только этимъ и можно объяснить ту страстность, которая и понынѣ неизмѣнно отличаетъ споры о такомъ, казалось бы, абстрактномъ предметѣ, какъ цѣнность. Страстность эта объясняется вполнѣ понятными причинами. Для огромнаго большинства сторонниковъ трудовой теоріи цѣнности она служитъ научнымъ обоснованіемъ правового требованія первенствующей важности—права рабочихъ на весь продуктъ производства.

Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что Рикардо былъ совершенно чуждъ такого этическаго пониманія трудовой теоріи цѣнности. Если Рикардо строитъ свою теорію распредѣленія на трудовой теоріи, то лишь по вполнѣ понятнымъ соображеніямъ методологическаго свойства. Распредѣленіе общественнаго продукта между различными классами общества совершается при посредствѣ цѣнности—каждому классу достается опредѣленная доля цѣнности продукта въ видѣ заработной платы, прибыли или ренты. Важнѣйшимъ (но не единственнымъ) факторомъ цѣнности является трудъ. Для простоты изслѣдованія можно принять, отвлекаясь отъ второстепенныхъ факторовъ цѣнности, что цѣнность пропорціональна труду, затраченному на производство продукта; къ аналогичному методу прибѣгаетъ механика, изучая движеніе тѣла въ безвоздушномъ пространствѣ, хотя сопротивленіе воздуха сопутствуетъ каждому движенію въ воздушной средѣ. Въ такомъ случаѣ ученіе о распредѣленіи сведется къ изслѣдованію пропорцій, въ которыхъ создаваемая въ процессѣ производства трудовая цѣнность

распредѣляется между общественными классами, принимающими тѣмъ или инымъ способомъ участіе въ производствѣ. Изученіемъ этихъ пропорцій и занятъ Рикардо. Трудовая теорія цѣнности представляетъ для него не болѣе, какъ методологическое допущеніе, условное значеніе котораго вполнѣ сознается имъ. Онъ отнюдь не утверждаетъ, будто цѣнность создается *только* трудомъ; но, изучая законы распредѣленія цѣнности, онъ считаетъ удобнымъ свести цѣнность къ какому-либо простому началу, и таковымъ онъ признаетъ человѣческій трудъ. Во всякомъ случаѣ, Рикардо совершенно чуждъ мысли, будто цѣнность, *реально*, есть не что иное, какъ трудъ, вложенный рабочимъ въ предметъ труда.

Допустивъ, что цѣнность продукта пропорціональна затраченной на его производство работѣ, Рикардо приступаетъ къ изученію законовъ, регулирующихъ распредѣленіе этой цѣнности между различными классами населенія. Остановимся прежде всего на распредѣленіи цѣнности между капиталистами — владѣльцами созданныхъ человѣкомъ средствъ производства—и рабочими. Доходъ первыхъ — прибыль, доходъ вторыхъ—заработная плата. Такъ какъ подлежащую распредѣленію цѣнность мы признаемъ, исходя изъ трудовой теоріи цѣнности, трудомъ, вложеннымъ рабочимъ въ предметъ труда, то ясно, что капиталисты не могутъ ничего прибавить къ этой цѣнности. Прибыль и заработная плата суть, слѣдовательно, доли, на которыя распадается цѣнность, созданная рабочимъ. Рикардо нисколько не интересуется вопросомъ, по какому праву капиталисты получаютъ свою долю въ общемъ продуктѣ труда. Полученіе прибыли капиталистомъ есть для него реальный фактъ, происхожденіе котораго онъ не изслѣдуетъ. Все вниманіе Рикардо сосредоточено на изученіи *пропорцій*, въ которыхъ распредѣляется общественный продуктъ.

Итакъ, отчего зависитъ высота прибыли? Прибыль есть доля капиталистовъ въ общемъ трудовомъ продуктѣ; эта доля должна быть тѣмъ меньше, чѣмъ выше доля рабочихъ. Такимъ образомъ, Рикардо приходитъ къ выводу, что высота прибыли находится въ обратномъ отношеніи къ заработной платѣ, какъ долѣ рабочихъ въ трудовомъ продуктѣ.

Это теоретическое положеніе было равносильно признанію наличности коренного, неустранимаго антагонизма интересовъ труда и капитала. Классовая борьба рабочихъ и капиталистовъ получала научную обосновку. Повышеніе прибыли равносильно пониженію заработной платы, выигрышъ рабочаго равносиленъ потерѣ капиталиста—такова доктрина Рикардо, высказанная имъ прямо и рѣзко, безъ всякихъ фиговыхъ листковъ, безъ всякихъ попытокъ ослабить ея грозное значеніе сантиментальными и лицемѣрными соображеніями моральнаго свойства, до которыхъ былъ такой охотникъ Мальтусъ.

Прибыль находится, такимъ образомъ, въ тѣсной обратной зави-

симости отъ заработной платы. Заработная плата, въ свою очередь, есть не что иное, какъ цѣна рабочей силы. Какъ и всякая другая цѣна, заработная плата можетъ подниматься и падать подъ вліяніемъ колебаній спроса и предложенія. Но существуетъ для каждой страны одинъ общій уровень, къ которому тяготѣетъ заработная плата. Этотъ уровень Рикардо называетъ «естественной цѣной труда». «Естественная цѣна труда есть та, которая вообще необходима для доставленія рабочимъ средствъ къ существованію и къ продолженію своего рода». Она различна въ разныхъ странахъ, въ зависимости отъ различія привычекъ и образа жизни рабочихъ; то, что въ однѣхъ странахъ считается роскошью, составляетъ въ другихъ необходимую принадлежность жизни, безъ которой рабочіе не могутъ обойтись. Рыночная цѣна труда не можетъ на долгое время разойтись съ естественной, такъ какъ если первая цѣна повысится сравнительно со второй, то увеличеніе благосостоянія рабочихъ поведетъ къ усиленному размноженію населенія; предложеніе рабочихъ рукъ возрастетъ и рыночная заработная плата понизится до уровня естественной. Если же рыночная заработная плата упадетъ ниже естественной, то вымираніе населенія поведетъ къ сокращенію предложенія труда и повышенію цѣны послѣдняго.

Такимъ образомъ, естественная заработная плата есть тотъ центръ, вокругъ котораго колеблется рыночная цѣна труда. Выраженная въ деньгахъ, естественная оплата труда должна измѣняться въ зависимости отъ цѣны предметовъ потребленія рабочаго класса. Чѣмъ выше цѣна предметовъ этого рода, тѣмъ выше должна быть и денежная плата рабочаго.

Выраженная въ предметахъ потребленія (а не въ деньгахъ), естественная плата мало измѣняется во времени для каждой отдѣльной страны. Рикардо не высказывается вполнѣ опредѣленно по чрезвычайно важному вопросу—повышается или понижается естественная заработная плата (въ своемъ потребительномъ значеніи) по мѣрѣ прогресса общества. Но нѣкоторыя отдѣльныя замѣчанія его звучатъ такъ, какъ будто бы онъ совершенно не вѣрилъ въ возможность такого повышенія, иначе говоря, улучшенія экономическаго положенія рабочаго класса. Въ данной области Рикардо вполнѣ раздѣлялъ взгляды Мальтуса, оказавшаго на него могущественное вліяніе и въ другихъ отношеніяхъ.

Ученіе Рикардо объ устойчивости естественной заработной платы было впослѣдствіи воспринято Лассалемъ и провозглашено послѣднимъ «желѣзнымъ закономъ заработной платы». Законъ этотъ гласитъ, по мнѣнію Лассаля, что какія бы усилія ни употребляли рабочіе для улучшенія своего экономическаго положенія, усилія эти, при господствѣ капиталистическаго строя, должны остаться тщетными, ибо за-

коны конкуренціи неизбѣжно сводятъ заработную плату къ минимуму средствъ существованія.

Хотя Рикардо и не формулировалъ своего ученія въ такой категорической формѣ, какъ это сдѣлалъ Лассаль, все же нельзя не признать формулировку Лассаля соотвѣтствующей духу воззрѣній Рикардо. Экономическіе факты начала вѣка давали, повидимому, полное подтвержденіе этому пессимистическому ученію, которое для Рикардо имѣло еще болѣе мрачный смыслъ, чѣмъ для соціалиста Лассаля, ибо Рикардо не вѣрилъ въ возможность соціалистическаго преобразованія общества.

Кромѣ капиталистовъ, есть еще другой общественный классъ, не принимающій участія въ работѣ и тѣмъ не менѣе пользующійся долей въ общественномъ продуктѣ—классъ землевладѣльцевъ. Какъ прибыль есть доходъ капиталистовъ, заработная плата—рабочихъ, такъ земельная рента (т.-е. плата за пользованіе землей) есть доходъ землевладѣльцевъ. Изъ какихъ же источниковъ уплачивается рента? Мы видѣли, что трудовая цѣнность, создаваемая рабочимъ въ процессѣ производства, распредѣляется между рабочимъ и капиталистомъ. Никакого избытка въ пользу землевладѣльца, повидимому, не остается, между тѣмъ землевладѣлецъ исправно получаетъ свою ренту.

Рента сходна съ прибылью тѣмъ, что обѣ онѣ суть формы нетрудового дохода; и рента, и прибыль получаются путемъ *вычета* въ пользу собственниковъ земли или капитала части трудовой цѣнности общественнаго продукта. И капиталистъ, и землевладѣлецъ не создаютъ никакой новой цѣнности, въ противоположность рабочему, заработная плата котораго есть не что иное, какъ часть цѣнности, созданной имъ же самимъ.

Но, съ другой стороны, рента противоположна прибыли въ томъ отношеніи, что высота прибыли непосредственно опредѣляется высотой заработной платы. Прибыль и заработная плата суть двѣ антагонистическія формы дохода. Никакого антагонизма между заработной платой и рентой не существуетъ. Если бы заработная плата поднялась такъ высоко, что совершенно поглотила бы прибыль, рента не потерпѣла бы никакой перемѣны. Рента вполнѣ независима какъ отъ прибыли, такъ и отъ заработной платы и подчиняется своимъ особымъ законамъ.

Основаніемъ ренты является естественное и неизбѣжное неравенство различныхъ источниковъ производительной силы природы. Такъ, земельные участки различаются по степени своего плодородія. Одинаковое количество труда, приложенное къ почвѣ неодинаковаго качества, поведетъ къ производству неодинаковаго количества хлѣба. На болѣе плодородной почвѣ то же количество труда дастъ болѣе хлѣба, чѣмъ на почвѣ худшаго качества. Если спросъ на хлѣбъ такъ великъ, что нельзя довольствоваться обработкой однихъ лучшихъ участковъ,

то подъ обработку попадутъ и худшіе участки. А такъ какъ цѣна хлѣба будетъ одна и та же, на какой бы землѣ хлѣбъ ни производился, то различіе урожайности хлѣба на разныхъ участкахъ будетъ сопровождаться и различіемъ денежной выручки съ каждаго участка. При этомъ цѣна хлѣба будетъ регулироваться стоимостью производства его на самомъ худшемъ изъ обрабатываемыхъ участковъ, по слѣдующей причинѣ: чтобы обработка этого участка не прекратилась, денежная выручка съ послѣдняго должна окупить, съ обычной прибылью, затраченный на обработку капиталъ, для чего, въ свою очередь, требуется, чтобы цѣна хлѣба достигла соотвѣтствующей высоты. Поэтому цѣна хлѣба должна быть такова, чтобы производство его на наихудшемъ изъ участковъ, подпадающихъ обработкѣ, давало какъ разъ обычную прибыль на затраченный капиталъ.

Итакъ, денежная выручка съ участковъ различнаго плодородія будетъ различна, при чемъ на наихудшемъ изъ участковъ выручка эта будетъ только покрывать съ обычной прибылью вложенный капиталъ. На лучшихъ участкахъ капиталъ будетъ приносить, слѣдовательно, нѣкоторый избыточный доходъ, который будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ выше плодородіе участка. Кому же достанется этотъ избыточный доходъ? Очевидно, не арендатору земельнаго участка, такъ какъ если бы земельные собственники отдавали лучшіе участки за такую же плату, какъ и худшіе, то всѣ брали бы въ аренду только лучшіе участки. Слѣдовательно, избыточный доходъ съ лучшихъ, по своимъ природнымъ свойствамъ, земельныхъ участковъ долженъ достаться не кому иному, какъ землевладѣльцамъ. Доходъ этотъ и составляетъ земельную ренту. Наихудшій изъ обрабатываемыхъ участковъ не можетъ дать никакой ренты, ибо сборъ съ него не даетъ никакого избыточнаго дохода и только возстановляетъ съ обычной прибылью затраченный капиталъ; но всѣ участки лучшаго качества будутъ давать ренту, высота которой будетъ равняться разницѣ между сборомъ съ даннаго участка лучшаго качества и сборомъ съ наихудшаго изъ обрабатываемыхъ участковъ.

Но если бы даже вся земля была одинаковаго плодородія, все же земельная рента должна была бы возникнуть, благодаря различію производительности послѣдовательныхъ затратъ земледѣльческаго капитала. Къ обработкѣ одного и того же участка земли можетъ быть приложено больше или меньше капитала; по чисто физическимъ условіямъ, каждая послѣдующая затрата капитала въ земледѣліи менѣе производительна, чѣмъ предыдущая. Увеличеніе затраты земледѣльческаго капитала не сопровождается пропорціональнымъ ростомъ количества собираемаго продукта (если на обработку десятины затратить не 10, а 20 рублей, то продуктъ возрастетъ не вдвое, а въ меньшей степени, напр., въ полтора раза, или на одну треть и т. д.). Поэтому, если, благодаря большему спросу на хлѣбъ и повышенію его цѣны,

становится выгоднымъ увеличить затрату капитала въ земледѣліи, т.-е. перейти къ болѣе интенсивному хозяйству, то болѣе раннія затраты начинаютъ давать избыточный доходъ, который и поступаетъ въ пользу землевладѣльца, образуя его ренту совершенно такъ же, какъ это имѣетъ мѣсто при переходѣ къ обработкѣ участковъ худшаго качества. Послѣдовательныя затраты капитала различной производительности играютъ при этомъ роль, вполнѣ аналогичную участкамъ земли различнаго плодородія. Высокая земельная рента есть не причина, а слѣдствіе высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ. Если бы землевладѣльцы совсѣмъ отказались отъ ренты, цѣна хлѣба не понизилась бы нисколько, ибо послѣдняя совершенно независима отъ ренты. «Хлѣбъ дорогъ не потому, что уплачивается рента, но рента уплачивается потому, что хлѣбъ дорогъ».

Такова сущность знаменитой теоріи Рикардо. Теорію эту можно считать въ настоящее время общепринятой; въ построеніи ея Рикардо имѣлъ предшественниковъ (въ томъ числѣ и Мальтуса), но въ исторіи науки она останется связанной съ именемъ Рикардо по той же причинѣ, по которой ученіе о населеніи связывается съ именемъ Мальтуса. Отдѣльныя вѣрныя и даже глубокія мысли еще не составляютъ эпохи въ наукѣ; только когда эти мысли связываются въ стройную систему, приводящую въ порядокъ разрозненныя наблюденія и остроумныя догадки многихъ изслѣдователей, наука торжествуетъ побѣду. Теорія ренты Рикардо, какъ и ученіе о населеніи Мальтуса, были какъ разъ такими научными системами, почему мы можемъ съ полнымъ правомъ приписывать названныя теоріи именно этимъ ученымъ.

Законъ ренты заканчиваетъ ученіе о распредѣленіи. Три основныя формы народнаго дохода—заработная плата, прибыль и рента—находятъ себѣ полное объясненіе въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Изъ этихъ трехъ формъ дохода, двѣ первыя тѣсно связаны другъ съ другомъ и находятся во взаимномъ антагонизмѣ. Въ этой области кипитъ непрерывная экономическая борьба, рѣшающая, какая доля общественнаго продукта достанется создателю продукта—рабочему, и какая руководителю предпріятія и собственнику орудій труда — капиталисту.

Напротивъ, рента стоитъ внѣ этой борьбы, ибо величина ренты устанавливается моментами, лежащими внѣ воздѣйствія отдѣльныхъ группъ населенія. Высота земельной ренты опредѣляется не борьбой арендатора съ землевладѣльцемъ, а общими условіями земледѣльческаго производства въ странѣ. Конечно, государство имѣетъ возможность повліять на земельную ренту: такъ, всякое стѣсненіе ввоза хлѣба въ страну увеличиваетъ спросъ на туземный хлѣбъ, цѣна хлѣба растетъ, въ обработку поступаютъ земельные участки низшаго качества и рента повышается. Но въ данномъ случаѣ рента поднялась лишь потому, что повысилась цѣна хлѣба—другими словами, измѣнились усло-

вія земледѣльческаго производства. Если же условія этого рода остаются неизмѣнными, то никакія усилія арендаторовъ или землевладѣльцевъ не могутъ повліять на ренту.

Мы говорили выше, что Рикардо, при всей абстрактности своихъ теоретическихъ построеній, былъ вполнѣ опредѣленнымъ защитникомъ классовыхъ интересовъ—именно интересовъ капиталистическаго класса. Его ученіе о распредѣленіи строго объективно,—но тѣмъ не менѣе ему очень легко можетъ быть приданъ такой видъ, при которомъ классовыя симпатіи автора выступятъ съ полною ясностью. Капиталистъ есть собственникъ капитала, т.-е., накопленнаго продукта предшествовавшаго труда, въ то же время капиталистъ — руководитель предпріятія. Право собственности капиталиста на капиталъ можетъ основываться на его личномъ предшествовавшемъ трудѣ; капиталистъ можетъ разсматриваться (и дѣйствительно разсматривается Рикардо и его школой), какъ особенно бережливый и предпріимчивый рабочій, сберегающій плоды своей работы. Руководя предпріятіемъ, капиталистъ исполняетъ чрезвычайно важное хозяйственное дѣло, безъ котораго было бы немыслимо никакое производство. Поэтому, несмотря на признаніе неизбѣжнаго антагонизма между заработной платой и прибылью, Рикардо совершенно чуждъ мысли, что полученіе прибыли есть, съ этической точки зрѣнія, менѣе правомѣрная форма извлеченія дохода, чѣмъ полученіе заработной платы. И капиталистъ, и рабочій, въ глазахъ школы Рикардо, суть два противника, одинаково необходимые для работы хозяйственнаго механизма.

Совсѣмъ иное положеніе землевладѣльца. Это—монополистъ, владѣлецъ даровой силы природы, въ созданіи которой онъ не принималъ никакого участія. Столь же мало онъ участвуетъ и въ руководительствѣ предпріятіемъ, всецѣло лежащемъ на арендаторѣ. Хозяйственная роль землевладѣльца сводится, слѣдовательно, къ простому присвоенію продуктовъ чужого труда. Землевладѣлецъ никому не нуженъ и единственнымъ юридическимъ основаніемъ его участія въ дѣлежѣ общественнаго продукта является право силы.

Это впечатлѣніе несправедливости землевладѣльческаго дохода еще усиливается ученіемъ Рикардо относительно вліянія общественнаго прогресса и роста народнаго богатства на различныя формы народнаго дохода. Мы указывали, при очеркѣ воззрѣній Смита, что, съ точки зрѣнія этого экономиста, интересы землевладѣльцевъ и рабочихъ солидарны съ интересами всего общества, а интересы капиталистовъ противоположны послѣднимъ. Рикардо разсматриваетъ тотъ же вопросъ, но рѣшаетъ его иначе.

Заработная плата въ предметахъ потребленія мало измѣняется при ростѣ народнаго богатства. Но по своей трудовой цѣнности заработная плата имѣетъ стремленіе повышаться, благодаря тому, что повышается цѣнность пищи—главнымъ образомъ, хлѣба. Чѣмъ гуще на-

селеніе, тѣмъ большая площадь земли поступаетъ въ обработку. При первоначальномъ заселеніи страны обрабатываются лишь наиболѣе плодородныя земли, но, по мѣрѣ роста населенія, начинаютъ культивироваться все худшіе и худшіе участки. Благодаря этому цѣна земледѣльческихъ продуктовъ растетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и рента, и растетъ по своей цѣнности, но не по количеству предметовъ потребленія, заработная плата.

Итакъ, общественный прогрессъ ведетъ къ росту богатства землевладѣльческаго класса. Благосостояніе рабочаго класса, выражаемое количествомъ предметовъ потребленія, которыми располагаютъ рабочіе, нисколько не прогрессируетъ. Но такъ какъ по своей цѣнности рабочая плата растетъ, то прибыль капиталистовъ падаетъ. Поэтому, процентъ прибыли имѣетъ естественное стремленіе, по мѣрѣ прогресса общества, понижаться.

Чѣмъ быстрѣе идетъ ростъ народнаго богатства и сопутствующій ему ростъ населенія, тѣмъ ниже опускается процентъ прибыли. На извѣстной ступени этого роста паденіе процента прибыли приводитъ и къ абсолютному сокращенію общей суммы доходовъ капиталистическаго класса: съ большаго капитала капиталисты получаютъ меньшую абсолютную прибыль.

Такимъ образомъ, общественный прогрессъ слѣдующимъ образомъ вліяетъ на интересы различныхъ классовъ населенія. Рабочіе отъ него не выигрываютъ нисколько, капиталисты проигрываютъ. Кому же достаются всѣ плоды успѣховъ промышленности и культуры? Кто остается въ барышахъ? Отвѣтъ ясенъ: только землевладѣльцы, единственный общественный классъ, не принимающій ни прямо, ни косвенно никакого участія въ производствѣ. Они жнутъ, гдѣ не сѣяли, и имъ достаются плоды усилій всѣхъ остальныхъ группъ населенія.

Правда, Рикардо не дѣлаетъ крайнихъ выводовъ изъ своей теоріи ренты, которые напрашиваются сами собой: онъ не утверждаетъ, что частная земельная собственность есть зло, а землевладѣльцы—истинные враги общества. Эти выводы изъ теоріи Рикардо были сдѣланы впослѣдствіи многими его послѣдователями, изъ которыхъ достаточно упомянуть апостола націонализаціи земли, Генри Джорджа.

По вопросамъ практической политики Рикардо нерѣдко выступалъ противникомъ аграрныхъ интересовъ. Самымъ важнымъ изъ этихъ вопросовъ былъ, съ точки зрѣнія землевладѣльцевъ, вопросъ о хлѣбныхъ пошлинахъ.

На почвѣ хлѣбныхъ законовъ оба господствующихъ класса Англіи—капиталистическая и землевладѣльческая аристократія—вступили въ ожесточенную борьбу, растянувшуюся на нѣсколько десятилѣтій. Мы видѣли, что Мальтусъ выступилъ защитникомъ хлѣбныхъ пошлинъ. Рикардо не менѣе энергично нападалъ на хлѣбные законы. Отмѣна послѣднихъ была боевымъ кличемъ рикардіанцевъ, почти безраздѣльно

господствовавшихъ среди политико-экономовъ второй четверти XIX вѣка. По этому пункту Мальтусъ и Рикардо являются двумя антиподами. Тѣмъ трогательнѣе согласіе обоихъ ученыхъ по вопросу о законахъ о бѣдныхъ: Рикардо не менѣе категорически, чѣмъ Мальтусъ, отвергалъ государственную помощь бѣднымъ. Все это находитъ себѣ объясненіе въ классовыхъ симпатіяхъ того и другого ученаго. Интересы буржуазіи и аристократіи сталкивались на хлѣбныхъ законахъ и были вполнѣ солидарны въ законахъ о бѣдныхъ. И потому Рикардо расходился съ Мальтусомъ по первому вопросу и вполнѣ сходился по второму.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ вопросахъ практической политики Рикардо былъ идеологомъ капиталистическаго класса. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ однимъ изъ безпристрастнѣйшихъ изслѣдователей общественныхъ явленій, какихъ мы только знаемъ. Объективизмъ нашего мыслителя проявился особенно ярко въ важномъ вопросѣ о вліяніи машинъ на интересы рабочихъ классовъ. Мы говорили выше о сопротивленіи, которое рабочіе оказали введенію машинъ. Рабочіе отнеслись къ машинамъ, какъ къ своимъ опаснымъ конкурентамъ, отбивавшимъ у нихъ заработокъ. Напротивъ, ученые экономисты доказывали, что машины не могутъ быть никому вредны. Всѣ классы населенія должны выиграть отъ введенія машинъ: землевладѣльцы выигрываютъ въ качествѣ потребителей машинныхъ издѣлій; капиталисты, сверхъ того, получаютъ дополнительную прибыль при самомъ введеніи машинъ, пока цѣны продукта не понизились до уровня новыхъ издержекъ производства; рабочіе же также выигрываютъ въ качествѣ потребителей и въ то же время денежная плата ихъ не можетъ понизиться, такъ какъ капиталъ, освободившійся, благодаря сокращенію числа рабочихъ въ отрасляхъ промышленности съ машиннымъ производствомъ, переходитъ въ другія отрасли промышленности, которыя и даютъ занятіе всѣмъ рабочимъ, вытѣсненнымъ машинами. Кто же былъ правъ въ этомъ спорѣ— невѣжественные рабочіе или ученые экономисты?

Рикардо вначалѣ вполнѣ примкнулъ къ господствующему взгляду. Но его научная голова была сильнѣе его капиталистическаго сердца. Обдумавъ вопросъ, онъ замѣтилъ грубый софизъ въ аргументаціи, доказывавшей, что рабочіе, вытѣсняемые машиной изъ одной отрасли промышленности, находятъ себѣ занятіе въ другой. Ну а если машины будутъ вводиться во *всѣхъ* отрасляхъ промышленности,—и тогда спросъ на трудъ не сократится? Мы не будемъ останавливаться на соображеніяхъ Рикардо, побудившихъ его признать правыми рабочихъ, а заблуждающимися—ученыхъ. Для насъ достаточно отмѣтить, что по вопросу огромной важности и въ теоретическомъ и практическомъ отношеніи Рикардо высказалъ взглядъ, не согласный съ буржуазными интересами, и имѣлъ мужество открыто признать свою ошибку. Конечно, это дѣлаетъ великую честь уму и сердцу Рикардо

и доказываетъ, что классовыя симпатіи не суть нѣчто непреодолимое для честнаго мыслителя. Но было бы весьма неосновательно вывести изъ этого, во всякомъ случаѣ, рѣдкаго примѣра огульное заключеніе о независимости научной мысли отъ классовыхъ вліяній.

При оцѣнкѣ взглядовъ Рикардо нельзя не остановиться на его методѣ.

Всѣ его разсужденія имѣютъ совершенно абстрактный характеръ: онъ исходитъ всегда изъ общихъ, точно установленыхъ посылокъ, число которыхъ крайне ограничено—вродѣ аксіомъ геометріи—и шагъ за шагомъ, путомъ строгой дедукціи, приходитъ къ выводамъ, которые въ глазахъ его самого, имѣли точность и неоспоримость выводовъ математики. Благодаря этому мотоду, самые затруднительные практическіе вопросы рѣшались Рикардо съ такою легкостью, что его современники были просто ослѣплены этимъ поразительнымъ искусствомъ. Одинъ изъ нихъ, лордъ Брумъ, сказалъ какъ-то, что «Рикардо кажется человѣкомъ, упавшимъ съ другой планеты». Какимъ же образомъ этотъ банкиръ и биржевой дѣлецъ, человѣкъ практическаго дѣла, явился творцомъ абстрактнаго метода въ экономической наукѣ? На это можно отвѣтить, что именно на биржѣ онъ и усвоилъ свой методъ. Игра на биржѣ есть самая абстрактная хозяйственная дѣятельность, какую только можно себѣ представить. Биржевая игра совершенно отвлекается отъ конкретнаго значенія биржевыхъ бумагъ, являющихся на биржѣ воплощеніемъ абстрактной цѣнности, и ничего больше. Биржа есть тотъ идеальный рынокъ, изъ предположенія котораго исходилъ великій великій теоретикъ политическвй экономіи—рынокъ, на которомъ царитъ полная свобода конкуренціи, на которомъ капиталъ безъ всякихъ задержекъ переходитъ изъ одной формы помѣщенія въ другую, благодаря чему становится возможнымъ пропорціональное размѣщеніе капитала между отдѣльными родами предпріятій соотвѣтственно ихъ относительной выгодности. Самъ биржевой дѣятель представляетъ собой то разумное эгоистическое существо, руководимое однимъ стремленіемъ къ пріобрѣтенію, которое лежитъ въ основаніи всѣхъ дедукцій Рикардо.

По той же причинѣ Огюстъ Контъ, въ своихъ фантастическихъ планахъ будущаго общественнаго устройства, предоставлялъ высшую административную власть въ государствѣ будущаго банкирамъ, какъ людямъ наиболѣе привыкшимъ къ абстрактнымъ операціямъ. Неудивительно, что Рикардо, выросшій въ мірѣ биржи, усвоилъ и специфическій методъ этого міра.

Въ исключительномъ пользованіи этимъ методомъ лежитъ и сила и слабость великаго экономиста. Въ области абстрактной экономической теоріи—иначе говоря, въ области установленія абстрактныхъ законовъ стихійнаго, не регулируемаго товарнаго хозяйства—Рикардо не знаетъ себѣ соперниковъ. Все самое существенное и цѣнное въ этой области

сдѣлано имъ. Но, какъ соціологъ, онъ представляетъ собой совершенно ничтожную величину. Обладая крайне скуднымъ общимъ образованіемъ и будучи знакомъ, по личному опыту, только съ узкимъ и ограниченнымъ, однообразнымъ и тусклымъ міромъ биржи,—міромъ, лишеннымъ соприкосновенія съ живыми производительными силами природы и общества, Рикардо не могъ понимать сложности общественной жизни. Немногочисленныя и скудныя по своему содержанію абстракціи замѣняли ему живого человѣка. Онъ не могъ себѣ представить никакого другого общественнаго или хозяйственнаго устройства, кромѣ того, съ которымъ былъ знакомъ по личному опыту. Мальтусъ выступилъ горячимъ защитникомъ историческаго строя Англіи и боролся съ соціальными утопистами; Рикардо не могъ принимать участія въ этой борьбѣ по той простой причинѣ, что самая мысль о возможности иного, некапиталистическаго строя не укладывалась въ его голову.

Мальтусъ и Рикардо были самыми замѣчательными представителями послѣсмитовской политической экономіи, оставшейся вѣрной доктринамъ «Богатства народовъ». Но мы видѣли, какъ глубоко измѣнилась въ ученіяхъ школы оцѣнка результатовъ той самой свободы, на которую возлагалъ столько надеждъ Смитъ. Глубокій, безнадежный пессимизмъ смѣнилъ прежній радостный, бодрый оптимизмъ. Ни Мальтусъ ни Рикардо не вѣрили, чтобы возможенъ былъ какой-либо иной общественный строй, кромѣ капиталистическаго. Какую же перспективу открывалъ рабочимъ классамъ капиталистическій строй? Перспективу вѣчной нищеты, безъ выхода и просвѣта. Таковъ былъ приговоръ науки. Но люди, которыхъ этотъ приговоръ непосредственно касался, не могли съ нимъ помириться. Политическая экономія становится въ рядахъ англійскихъ рабочихъ въ первыя десятилѣтія XIX вѣка крайне непопулярной. Рабочіе не писали книгъ и потому протестовали не словомъ, а дѣломъ, противъ всякаго рода «желѣзныхъ законовъ», открывавшихся экономистами: не смущаясь тѣмъ, что наука объявила ихъ положеніе безнадежнымъ, они упорно и успѣшно боролись за улучшеніе своей участи. Но не одни рабочіе отказались принять мрачныя предсказанія экономистовъ за голосъ истинной науки. Къ нимъ присоединились люди съ горячимъ сердцемъ и могучимъ полетомъ ума, люди съ творческой мечтой и художественнымъ воображеніемъ—великіе утописты.

ОЧЕРКЪ V.

Утопическій соціализмъ.

Со времени появленія знаменитой полемической книги Энгельса о Дюрингѣ въ соціалистической литературѣ утвердилась мысль, что соціализмъ прошелъ въ своемъ развитіи два фазиса: до Маркса онъ представлялъ собой утопію, послѣ Маркса сталъ наукой. И такъ какъ, по мнѣнію того же Энгельса, утопія есть нѣчто, исключающее науку, то Марксъ оказывается истиннымъ творцомъ современнаго научнаго соціализма. Эта точка зрѣнія можетъ считаться въ настоящее время болѣе или менѣе общепринятой, что не мѣшаетъ ей заключать въ себѣ, если не глубокую ошибку, то, по меньшей мѣрѣ, значительную дозу преувеличенія.

На самомъ дѣлѣ, утопическій соціализмъ гораздо научнѣе, чѣмъ допускалъ Энгельсъ, а въ такъ называемомъ научномъ соціализмѣ гораздо больше утопіи, чѣмъ думалъ авторъ «Капитала». Противопоставленіе науки утопіи несостоятельно въ томъ отношеніи, что наука и утопія отнюдь не являются противорѣчащими понятіями. Утопія не есть вздоръ или нелѣпость. Утопія—это идеалъ. Всякій идеалъ содержитъ въ себѣ нѣчто неосуществимое, безконечно далекое и недоступное, мечту, нѣкоторое присуще нашей духовной природѣ стремленіе выйти изъ предѣловъ возможнаго, подняться надъ міромъ явленій. Осуществленный, или, что то же, *осуществимый* идеалъ потерялъ бы всю свою красоту, всю свою особую и чарующую притягательную силу. Идеалъ недостижимъ, ибо въ противномъ случаѣ это не былъ бы идеалъ, а простое эмпирическое понятіе. Идеалъ принадлежитъ къ числу такихъ идей нашего разума, какъ идеи безконечности, свободы, долга, которыя выходятъ за предѣлы опытнаго познанія или ближайшей пользы, и назначеніе которыхъ заключается въ указаніи направленія, пути, слѣдуя которымъ нашъ разумъ достигаетъ своихъ высшихъ цѣлей — приведенія къ верховному единству нашего опытнаго познанія и практическаго дѣла. Идеалъ играетъ роль звѣзды, по которой въ ночную пору заблудившійся путникъ выбираетъ дорогу; сколько бы ни шелъ путникъ, онъ никогда не приблизится къ едва мерцающему, удаленному на неизмѣримыя разстоянія свѣтилу. Но да-

лекая, прекрасная звѣзда вѣрно указываетъ путь и ея не замѣнитъ прозаическій и вполнѣ доступный фонарь подъ руками.

Если идеалъ можно сравнить со звѣздой, то наука играетъ роль фонаря. Съ однимъ фонаремъ, не зная куда итти, не выйдешь на истинную дорогу; но и безъ фонаря ночью рискуешь сломать себѣ шею. И идеалъ, и наука въ равной мѣрѣ необходимы для жизни. Идеалъ даетъ намъ верховныя цѣли нашей дѣятельности; наука указываетъ средства для осуществленія этихъ цѣлей и снабжаетъ насъ вѣрнымъ критеріемъ для опредѣленія, что въ нашихъ цѣляхъ и въ какой мѣрѣ, въ какое время осуществимо.

Въ виду этого, мы никакъ не можемъ согласиться съ противопоставленіемъ утопическаго соціализма научному. Великіе утописты — Оуэнъ, Сенъ-Симонъ и Фурье — далеко не были только утопистами. Что касается до Оуэна, то этотъ утопистъ оказался, передъ судомъ исторіи, величайшимъ практикомъ. Онъ явился иниціаторомъ и творцомъ самаго трезваго, самаго разсудочнаго, самаго практическаго — слишкомъ практическаго—рабочаго движенія нашихъ дней, такъ называемаго, кооперативнаго движенія. Современные продолжатели дѣла Оуэна упрекаютъ въ утопизмѣ именно марксистовъ, противопоставляя свои ограниченныя, близкія и успѣшно достигаемыя цѣли мечтательнымъ задачамъ соціалъ-демократовъ. А Сенъ-Симонъ и Фурье были величайшими изслѣдователями соціальныхъ явленій, какихъ мы только знаемъ.

Такимъ образомъ, существуютъ серьезныя основанія, чтобы совсѣмъ отказаться отъ обычнаго дѣленія соціализма на утопическій и научный. И если мы, тѣмъ не менѣе, объединяемъ трехъ названныхъ соціальныхъ мыслителей общимъ названіемъ утопистовъ, то это лишь потому, что и Оуэну, и Сенъ-Симону, и Фурье, свойственна одна чрезвычайно характерная черта: вѣра во всемогущество человѣческой мысли, въ силу идеи. Первые соціалисты закончившагося вѣка еще не вполнѣ порвали связь съ раціоналистическимъ міровоззрѣніемъ XVIII столѣтія. Этотъ раціоналилизмъ чувствуется даже въ Сенъ-Симонѣ, хотя именно Сенъ-Симонъ, болѣе чѣмъ кто-либо другой, поработалъ для построенія противоположнаго, историческаго міровоззрѣнія. Всѣ три великихъ утописта, при своей геніальности и глубинѣ пониманія человѣческой природы и современнаго имъ общества, были проникнуты прямо трогательнымъ по своей наивности довѣріемъ къ разуму человѣка. Сенъ-Симонъ былъ однимъ изъ творцовъ философіи исторіи. Это не помѣшаго ему, какъ и Оуэну и Фурье, вѣрить, что его собственныя литературныя произведенія представляютъ собой болѣе могущественную историческую силу, чѣмъ всѣ сложившіяся вѣками и тысячелѣтіями общественныя формы, чувства, привычки, симпатіи и антипатіи, вѣрованія, нравы и убѣжденія людей. И Оуэнъ, и Сенъ-Симонъ, и Фурье придумывали, *изобрѣтали* новый общественный строй, какъ механикъ

изобрѣтаетъ новую машину. Они вѣрили въ превосходство своихъ изобрѣтеній передъ всякими другими и для примѣненія этихъ изобрѣтеній на практикѣ—для перестройки всего человѣчества на новыхъ началахъ — оставался только сущій пустякъ: растолковать неумнымъ и невѣжественнымъ людямъ, какъ хорошо имъ будетъ житься при новыхъ условіяхъ. Отсюда вытекалъ и специфическій методъ осуществленія новаго соціальнаго порядка, характерный для всѣхъ утопистовъ: методъ мирной пропаганды, путемъ печати, новыхъ взглядовъ, безъ всякаго посредства политической борьбы. Политическія формы, съ точки зрѣнія утопистовъ, имѣли столь же мало значенія, по отношенію къ осуществимости новаго строя, какъ и вообще историческія отношенія общежитія. Пока истина скрывалась отъ взоровъ человѣчества, люди могли коснѣть въ невѣжествѣ и угнетать другъ друга. Но теперь истина показалась во всемъ блескѣ—новый, блаженный общественный порядокъ придуманъ и люди, если только они не совершенные безумцы, должны поспѣшить устроить свою жизнь на новыхъ началахъ.

Это міровоззрѣніе было болѣе ими менѣе обще тремъ названнымъ соціальнымъ мыслителямъ и оно даетъ намъ право называть ихъ утопистами. При этомъ нужно, однако, оговориться, что наша характеристика утопизма требуетъ значительныхъ ограниченій по отношенію къ Сенъ-Симону, который былъ наиболѣе наученъ изъ трехъ. Въ числѣ утопистовъ Оуэну принадлежитъ первое мѣсто по практическому вліянію его идей на рабочее движеніе.

I.

Оуэнъ.

Исторія—большая фантазерка. Она любитъ неожиданныя, причудливыя комбинаціи, которыя не придумаешь по заказу. Мы уже видѣли мало образованнаго биржевого игрока въ роли замѣчательнѣйшаго теоретика политической экономіи. Теперь передъ нами богатый фабрикантъ, проповѣдующій общность имущества, возстающій противъ зла наемной работы; человѣкъ съ поразительными способностями къ практическому дѣлу, съ совершенно исключительной коммерческой сметкой въ роли самаго смѣлаго, фантастическаго утописта. Робертъ Оуэнъ былъ очень плодовитымъ авторомъ и написалъ на своемъ вѣку огромное множество книгъ, брошюръ, памфлетовъ, адресовъ, статей по самымъ различнымъ поводамъ и вопросамъ. Но, безъ сомнѣнія, самое интересное, поучительное и глубокое его произведеніе—это его собственная жизнь. Писатель совершенно исчезаетъ въ Оуэнѣ передъ борцомъ и соціальнымъ реформаторомъ. Въ его личности, поразительной по своей дѣятельной мощи и трогательной добротѣ и любви къ

людямъ, лежитъ ключъ къ пониманію его единственной въ своемъ родѣ исторической роли.

Одной изъ своихъ статей Оуэнъ далъ характерное названіе, которое можно было бы поставить эпиграфомъ ко всей его литературной дѣятельности, даже болѣе, ко всей его жизни: «Попытка превратить этотъ сумасшедшій домъ въ разумный міръ». На склонѣ лѣтъ Оуэнъ не могъ не придти къ убѣжденію, что эта попытка безнадежна; но весь его чрезвычайно богатый жизненный опытъ только подтверждалъ его невысокое мнѣніе о человѣческомъ родѣ. Его ошибка заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ постоянно забывалъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и говорилъ съ безумцами, какъ съ людьми, вполнѣ владѣющими умственными способностями.

Первые шаги Оуэна на жизненномъ пути (род. въ 1771 г, умеръ въ 1858 г.) тѣсно связаны съ ростомъ фабричной промышленности. Сынъ бѣднаго ремесленника въ маленькомъ уэльскомъ городкѣ, онъ былъ всѣмъ обязанъ самому себѣ. Его успѣхи на поприщѣ обогащенія были столь же быстры и блистательны, какъ и успѣхи другого знаменитаго дѣятеля въ области общественной мысли—Рикардо. Но въ то время, какъ Рикардо, банкиръ и биржевой дѣлецъ, былъ далекъ отъ сѣрой народной массы, которая своимъ потомъ и трудомъ создаетъ богатство, Оуэнъ самъ вышелъ изъ этой массы и до конца жизни не терялъ тѣснаго соприкосновенія съ ней. 10 лѣтъ онъ поступилъ въ суконную лавку, затѣмъ сдѣлался прикащикомъ. Ему было только 18 лѣтъ, когда онъ рѣшился начать самостоятельное дѣло и устроилъ въ одномъ изъ тѣсныхъ переулковъ Манчестера маленькую бумагопрядильную фабричку съ нѣсколькими незадолго передъ тѣмъ изобрѣтенными прядильными (мюльными) машинами. Его дѣло пошло отлично, но, будучи человѣкомъ смѣлой иниціативы, Оуэнъ скоро бросилъ свое крохотное предпріятіе, для того, чтобы поступить управляющимъ на настоящую большую бумагопрядильную фабрику съ нѣсколькими сотнями рабочихъ. Въ это время ему еще не было 30 лѣтъ; затѣмъ его жизненная карьера идетъ быстрыми скачками. Вскорѣ онъ покупаетъ, во главѣ компаніи капиталистовъ, одну изъ старѣйшихъ въ Шотландіи огромную бумагопрядильную фабрику въ Нью-Ланаркѣ и становится полновластнымъ распорядителемъ ея. Съ этого времени начинается и реформаторская дѣятельность Оуэна, сначала стяжавшая ему общее уваженіе и почетъ, сдѣлавшая его одной изъ наиболѣе вліятельныхъ и авторитетныхъ личностей въ Англіи, а затѣмъ приведшая къ совершенному разрыву неисправимаго утописта съ современнымъ ему образованнымъ обществомъ и потерѣ имъ всякаго авторитета.

Первый и самый блестящій періодъ дѣятельности Оуэна связанъ съ Нью-Ланаркомъ. Онъ сталъ во главѣ обширнаго фабричнаго населенія въ 2 — 3 тысячи человѣкъ, населенія, представлявшаго собой наиболѣе деградированную группу людей, какую только можно себѣ

представить. Всѣ ужасы нерегулируемой фабричной системы имѣлись въ концентрированномъ видѣ въ Нью-Ланаркѣ. Почти четверть рабочихъ были дѣтьми пауперовъ, купленными у приходовъ; это были въ полномъ смыслѣ слова бѣлые рабы, съ которыми обращались, какъ съ рабочимъ скотомъ, и которыхъ только такое обращеніе могло побудить къ работѣ. Въ числѣ этихъ дѣтей, работавшихъ по 12 и болѣе часовъ въ день, были семи, шести и даже пятилѣтняго возраста. Взрослые рабочіе состояли изъ всевозможнаго общественнаго отброса, такъ какъ при началѣ фабричной промышленности сколько-нибудь порядочный рабочій не шелъ на фабрику, представлявшуюся ему чѣмъ-то вродѣ кромѣшнаго ада, гдѣ губили и тѣло и душу людей. Преступники, бродяги, пьяницы, пауперы — вотъ изъ кого слагалось населеніе Нью-Ланарка. Эта разношерстная, грубая, дикая и своевольная толпа сдерживалась сколько-нибудь въ порядкѣ только желѣзной дисциплиной и суровыми наказаніями и штрафами. Положеніе Оуэна затруднялось еще тѣмъ, что рабочіе-шотландцы видѣли въ немъ, какъ англичанинѣ, иностранца и относились къ нему съ сугубымъ недовѣріемъ.

И несмотря на все это чрезъ нѣсколько лѣтъ управленія фабрикой Оуэну удалось достигнуть поразительныхъ, прямо феерическихъ результатовъ. Какъ будто онъ обладалъ волшебной силой для искорененія дурныхъ свойствъ людей и ихъ нравственнаго возрожденія! Два года, по словамъ Оуэна, длилась горячая битва между нимъ и подвластнымъ ему фабричнымъ населеніемъ Нью-Ланарка. Рабочіе видѣли въ немъ своего злѣйшаго врага; онъ рѣшилъ держать себя съ ними, какъ искренній другъ. Его неизмѣннаго доброжелательства не могло побѣдить никакое проявленіе ненависти рабочихъ. Оуэнъ сократилъ рабочій день, повысилъ заработную плату, уменьшилъ дѣтскую работу, организовалъ цѣлую сѣть учрежденій воспитательнаго характера, общественныя кухни, столовыя и жилища, лавки для снабженія рабочихъ за дешевую цѣну провизіей лучшаго качества, позаботился о пенсіяхъ для престарѣлыхъ, кассахъ взаимопомощи, медицинской помощи для больныхъ и т. д., и т. д. Въ результатѣ получилось полное пересозданіе рабочаго населенія. Нью-Ланаркъ сталъ единственной въ мірѣ фабрикой по своему образцовому устройству, по благосостоянію, довольству и образованности своихъ рабочихъ, по высокому уровню ихъ умственнаго и нравственнаго развитія. Можно было бы усумниться въ дѣйствительности достигнутыхъ Оуэномъ успѣховъ, если бы не свидѣтельства многихъ частныхъ лицъ и нѣсколькихъ правительственныхъ и общественныхъ коммиссій, осматривавшихъ учрежденія Нью-Ланарка и воздававшихъ самыя восторженныя хвалы его руководителю и патрону. Слава Нью-Ланарка гремѣла во всемъ свѣтѣ и ежегодно около 2.000 лицъ, въ числѣ которыхъ были и царственныя особы, посѣщало эту удивительную фабрику, на которой производились въ огромныхъ

размѣрахъ любопытнѣйшіе соціальные эксперименты, какіе когда-либо видѣлъ міръ.

И что всего поразительнѣе—эти эксперименты не только не вредили коммерческому успѣху дѣла, не только не шли въ ущербъ барышамъ фабриканта, но приводили къ еще болѣе быстрому росту богатства послѣдняго. Нью-Ланарская фабрика была куплена Оуэномъ въ 1798 г. за 60 тысячъ ф. с.; въ 1812 г. она цѣнилась уже въ 200 тысячъ ф. с. (т.-е., около двухъ милліоновъ рублей), при чемъ доходъ съ нея достигалъ 12% этой послѣдней суммы.

Все это время Оуэнъ еще не выступалъ въ литературѣ. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова самоучкой и его образованіе оставалось до конца жизни скуднымъ. Его дѣятельность въ Нью-Ланаркѣ не вытекала ни изъ какой теоріи; но теорія естественно вытекала изъ нея. Эту теорію Оуэнъ и изложилъ въ своемъ первомъ литературномъ произведеніи—«Новый взглядъ на общество или опытъ о принципахъ образованія человѣческаго характера», вышедшемъ въ 1813—1816 гг. и содержащемъ, несмотря на свою краткость, все существенное въ его основныхъ теоретическихъ воззрѣніяхъ, которымъ онъ оставался вѣренъ въ теченіе всей своей жизни.

Отправнымъ пунктомъ Оуэна въ его разсужденіяхъ является постоянно повторяемое имъ положеніе, что человѣкъ не создаетъ и не можетъ самъ создать своего характера. Характеръ человѣка слагается подъ вліяніемъ условій его жизни и воспитанія, причемъ самъ человѣкъ играетъ вполнѣ пассивную роль. Тезисъ этотъ, который отнюдь не можетъ считаться оргинальной мыслью Оуэна и былъ внушенъ ему господствовавшей въ то время утилитарной философіей Бентама, приводитъ нашего автора къ выводу, что человѣкъ не можетъ считаться отвѣтственнымъ за свои достоинства или недостатки, отвѣтственность за которые всецѣло падаетъ на общество. Всѣ люди могутъ быть сдѣланы добродѣтельными, если только они будутъ поставлены въ обстановку, благопріятствующую развитію ихъ хорошихъ свойствъ. «Съ помощью надлежащихъ мѣръ, говоритъ Оуэнъ,—можно пріучить человѣка жить въ какой угодно странѣ безъ нищеты, безъ преступленій и безъ наказаній; потому что всѣ эти несчастія проистекаютъ изъ ложныхъ системъ воспитанія, основанныхъ на грубомъ незнаніи человѣческой природы... Въ человѣкѣ можно воспитать какія угодно чувства, свойства и какой угодно характеръ... Причина всѣхъ золъ—невѣжество, происходящее отъ заблужденій, переданныхъ нашему поколѣнію предшествующими, и, главнымъ образомъ, отъ величайшаго изъ заблужденій, отъ того взгляда, будто личности сами образуютъ свой характеръ».

Оуэнъ даетъ яркую картину бѣдствій рабочаго населенія Англіи подъ вліяніемъ фабричной системы. «Съ тѣхъ поръ, какъ на британскихъ фабрикахъ были повсемѣстно введены машины,—съ негодова-

ніемъ говоритъ онъ,—на человѣка стали смотрѣть, какъ на машину второстепенную и низшую. Стали обращать гораздо больше вниманія на усовершенствованіе дерева, металла и сырыхъ матеріаловъ, чѣмъ на человѣческое тѣло и душу».

Вопросъ объ уничтоженіи бѣдности связывался для Оуэна съ болѣе широкимъ вопросомъ о нравственномъ перевоспитаніи человѣчества.

Кто же долженъ выступить въ роли спасителей человѣчества изъ глубины бѣдствій и порока, въ которую оно впало? Тѣ самые, кто теперь получаетъ выгоды отъ этого порядка вещей. «Стоитъ только обнаружить страданія милліоновъ,—надѣется Оуэнъ,—чтобы вынудить у лицъ, управляющихъ міромъ, восклицаніе: «можетъ-ли существовать подобное положеніе вещей и могли-ли мы не знать о немъ?..» При существованіи вѣрныхъ средствъ для предупрежденія преступленій можно ли предполагать, чтобы британскіе законодатели отказались приводить эти мѣры въ дѣйствіе, какъ скоро узнаютъ ихъ? Нѣтъ, я увѣренъ, что ни государь, ни министры, ни парламентъ, ни одна изъ религіозныхъ и политическихъ партій не захочетъ обнаружить такой наклонности къ вопіющей несправедливости». Далѣе нашъ наивный утопистъ обращается къ фабрикантамъ и капиталистамъ съ тѣмъ же, съ чѣмъ онъ обращается и къ правительству. По его мнѣнію, возможно искоренить нищету и нравственно воскресить рабочее населеніе безъ всякаго ущерба для кого-бы то ни было. Доказательствомъ этого является, въ глазахъ Оуэна, его опытъ въ Нью-Ланаркѣ. Его богатство не потерпѣло никакого ущерба отъ его соціальныхъ опытовъ. Почему же невозможно повторить такой же опытъ въ большихъ размѣрахъ для всей страны? «Привилегированные классы докажутъ свою мудрость, если будутъ искренно содѣйствовать лицамъ, не желающимъ тронуть ни іоты изъ ихъ теперішнихъ мнимыхъ выгодъ, напротивъ, старающимся доставить возможное счастье какъ этимъ привилегированнымъ классамъ, такъ и всему обществу».

Въ этомъ своеобразномъ сплетеніи вѣрныхъ и глубокихъ мыслей съ самымъ дѣтскимъ незнаніемъ людей обнаруживается весь Оуэнъ, съ его яснымъ пониманіемъ общественныхъ недуговъ и человѣческихъ слабостей и непоколебимой, простодушной вѣрой въ хорошія свойства человѣческой природы. Обращаться къ парламенту и фабрикантамъ съ предложеніемъ выступить на защиту рабочихъ было такъ же остроумно, какъ увѣщевать волковъ позаботиться объ овцахъ. Непониманіе соціальныхъ антагонизмовъ и глубокихъ причинъ классовой борьбы въ современномъ капиталистическомъ обществѣ было кореннымъ недостаткомъ міросозерцанія не только Оуэна, но и всего утопическаго соціализма. И Оуэнъ никогда не могъ избавиться отъ этого недостатка, несмотря на горькія разочарованія, которыя ему пришлось перенести впослѣдствіи.

Въ 1818 г. онъ обратился съ двумя адресами къ государямъ, со-

бравшимся на ахенскій конгрессъ, въ которыхъ увѣщевалъ ихъ принять мѣры къ прекращенію бѣдствій рабочаго класса. Само собою разумѣется, что адресы эти остались безъ всякаго отвѣта со стороны государей; но отвѣтъ Оуэнъ все-таки получилъ. На одномъ обѣдѣ, данномъ въ его честь во Франкфуртѣ, Оуэнъ указалъ на нищету и невѣжество рабочихъ классовъ и на необходимость помочь рабочимъ; одинъ изъ участниковъ обѣда, офиціальное лицо, секретарь германскаго сейма Гейнцъ тонко и насмѣшливо замѣтилъ на это: «Правительствамъ хорошо извѣстно все то, о чемъ вы говорите. Но зачѣмъ имъ искоренять невѣжество и бѣдность? Развѣ это поможетъ имъ управлять народомъ?»

No help from "above".

Блестящій успѣхъ Нью-Ланарка являлся, въ глазахъ Оуэна, доказательствомъ осуществимости въ самыхъ широкихъ размѣрахъ предлагаемыхъ имъ соціальныхъ преобразованій. Но нашъ утопистъ упускалъ изъ виду одно коренное различіе: во главѣ Нью-Ланарка стоялъ человѣкъ такой огромной духовной мощи, направленной на благо людей, какъ онъ самъ. И понятно, если бы всѣ фабриканты, или хотя многіе изъ нихъ, походили на Оуэна, то въ планахъ его не было бы ничего утопическаго. Къ сожалѣнію, такихъ фабрикантовъ, какъ хозяинъ Нью-Ланарка, мы знаемъ не очень много—точнѣе говоря, не знаемъ никого, кромѣ него самого.

Въ періодъ управленія Нью-Ланаркомъ Оуэнъ былъ лучшимъ и благороднѣйшимъ типомъ гуманнаго фабриканта-филантропа, но не болѣе. Его еще нельзя было назвать соціалистомъ; всѣ его планы улучшенія участи рабочаго класса покоились на существующихъ отношеніяхъ труда и капитала. Онъ выступилъ иниціаторомъ нѣкоторыхъ важныхъ соціальныхъ реформъ; такъ, ему принадлежитъ великая заслуга проведенія фабричнаго закона 1819 г., регулировавшаго трудъ дѣтей на фабрикахъ. Съ этого закона начинается фабричное законодательство Англіи (болѣе ранніе законы не имѣли никакого практическаго значенія), завершившееся, послѣ нѣсколькихъ десятилѣтій упорной борьбы, великой и славной побѣдой рабочаго класса—биллемъ 1847 г. о десятичасовомъ рабочемъ днѣ. Но все это было соціальной реформой, а не соціализмомъ. Рѣшительный шагъ въ сторону соціализма Оуэнъ сдѣлалъ лишь въ 1817 г., докладомъ комитету, изслѣдовавшему мѣры помощи нуждающемуся населенію Англіи.

Образованіе этого комитета было вызвано тяжелымъ промышленнымъ кризисомъ, повлекшимъ за собой безработицу и обостреніе нужды рабочихъ классовъ. Массы голодныхъ рабочихъ волновались во всѣхъ крупныхъ промышленныхъ центрахъ страны. Разрушенія и поджоги фабрикъ, столкновенія рабочихъ съ полиціей и войсками, демонстраціи, оканчивавшіяся побоищами и выстрѣлами, были обычными явленіями. Оуэнъ попалъ въ число членовъ комитета, образованнаго изъ извѣстнѣйшихъ лицъ Англіи, для выработки средствъ

борьбы съ нищетой, ростъ которой пугалъ общественное мнѣніе, и выступилъ съ грандіознымъ планомъ переустройства всего хозяйственнаго строя страны на новыхъ началахъ. Вмѣсто того, чтобы тратить совершенно непроизводительно огромныя суммы на содержаніе нищихъ, не занимающихся никакимъ полезнымъ трудомъ, ничего не производящихъ и развращающихся морально, государство должно, по мнѣнію Оуэна, приступить къ систематической организаціи труда нищихъ. Для этой цѣли государство должно заняться устройствомъ общинъ одновременно земледѣльческаго и промышленнаго характера. Населеніе каждой общины не должно превышать 1.500 человѣкъ. Всѣ жители общины должны жить въ одномъ зданіи и обрабатывать собственными силами общинную землю въ размѣрѣ 300—400 дес. на каждую общину. Хозяйственныя работы должны производиться сообща за счетъ общины, причемъ изготовляемые продукты поступаютъ въ распоряженіе общины. Каждая семья имѣетъ свою особую квартиру въ общинномъ домѣ, но дѣти съ трехлѣтняго возраста воспитываются сообща. Обѣдъ долженъ получаться изъ общественной кухни. Община всецѣло беретъ на себя содержаніе каждаго своего члена, требуя отъ него соотвѣтствующей его силамъ и способностямъ работы. Такъ какъ все производство и потребленіе будутъ организованы въ крупныхъ размѣрахъ, то послѣдуетъ огромная экономія въ расходахъ и огромный выигрышъ въ производительности труда. Благодаря этому общины, при первоначальной поддержкѣ со стороны государства, получатъ возможность сами себя содержать, доставляя своему населенію такія удобства и такое благосостояніе, которыя совершенно недоступны рабочему классу при современныхъ условіяхъ производства. Преимущества общинной работы должны быть такъ велики, что Оуэнъ надѣется на постепенное вытѣсненіе этимъ новымъ типомъ хозяйственныхъ организацій господствующей системы наемнаго труда. Такимъ образомъ, мало-по-малу, безъ всякаго принужденія и безъ ущерба кому бы то ни было, наемная работа прекратится и кооперативныя общины (какъ Оуэнъ называетъ ихъ) станутъ единственными формами хозяйственныхъ предпріятій. Планомѣрная организація труда замѣнитъ существующую свободу конкуренціи, сводящуюся къ борьбѣ всѣхъ со всѣми. Незанятые капиталы, не находящіе работы рабочіе, пустующіе земельные участки найдутъ себѣ выгодное примѣненіе. Пауперизмъ исчезнетъ благодаря тому, что производительныя силы общества, которыя теперь остаются безъ надлежащаго использованія вслѣдствіе неорганизованности общественнаго хозяйства, будутъ утилизироваться по опредѣленному плану въ общихъ интересахъ.

Этотъ проектъ знаменовалъ собой рѣшительный поворотъ въ дѣятельности Оуэна. Передъ нами уже не гуманный фабрикантъ, разсчитывающій на поднятіе благосостоянія рабочаго класса путемъ частич-

ныхъ улучшеній условій труда. Новыя задачи открываются передъ великимъ утопистомъ; дѣло идетъ о созданіи новаго міра общественныхъ отношеній, въ которомъ не должно быть ни хозяевъ, ни рабочихъ, ни господъ, ни слугъ, ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. Историческое зданіе нерегулируемаго обществомъ частнаго хозяйства должно пойти на сломъ, какъ не удовлетворяющее своему назначенію—обезпеченія наибольшаго богатства и благосостоянія всѣмъ членамъ общества. На смѣну существующаго хозяйственнаго строя долженъ быть созданъ новый, въ основу котораго будетъ положена разумная, планомѣрная организація общественнаго хозяйства въ интересахъ всѣхъ.

Съ этого времени кипучая общественная дѣятельность все болѣе и болѣе захватываетъ Оуэна. Онъ превращается въ самаго неутомимаго агитатора, какого только можно себѣ представить. Изъ-подъ его пера выходятъ массы памфлетовъ, статей, записокъ, проектовъ, онъ устраиваетъ по всей странѣ митинги, гдѣ произноситъ длинныя рѣчи и ведетъ дебаты со своими противниками, онъ участвуетъ, чрезъ посредство друзей, въ парламентской дѣятельности, стремясь воздѣйствовать на правительство, организовываетъ всевозможныя общества для распространенія и практическаго осуществленія своихъ идей. Мало-помалу отношеніе господствующаго общества къ Оуэну измѣняется; честность его намѣреній, безкорыстіе его побужденій еще не заподозриваются (впослѣдствіи ему пришлось пережить и это), но его авторитетъ, какъ богатаго фабриканта и удачнаго общественнаго реформатора, исчезаетъ, въ виду новаго характера его дѣятельности. Въ этомъ апостолѣ новой вѣры видятъ уже не благоразумнаго и заслуживающаго довѣрія практическаго человѣка, а вреднаго и опаснаго безумца и мечтателя. Восторженныя похвалы, къ которымъ такъ привыкъ Оуэнъ въ началѣ своей карьеры, смѣняются все болѣе рѣзкими порицаніями, которыя постепенно переходятъ въ ожесточенную брань и клевету. Пропасть между смѣлымъ реформаторомъ и образованнымъ обществомъ быстро растетъ; отъ его былой популярности среди вліятельныхъ и богатыхъ людей, лордовъ, архіепископовъ и даже принцевъ крови, не остается и слѣда. Онъ теряетъ своихъ прежнихъ друзей, многіе изъ которыхъ дѣлаются его непримиримыми врагами.

Но одиночество не грозитъ Оуэну! Если богатые отъ него отворачиваются, то тѣмъ болѣе горячія симпатіи несутся къ нему отъ бѣдняковъ. Идеи, съ которыми благородный мечтатель обращался къ королямъ и фабрикантамъ, находятъ себѣ въ другой средѣ благодарную почву и даютъ богатые ростки. Тысячи англійскихъ рабочихъ проникаются взглядами Оуэна и становятся его одушевленными учениками и послѣдователями. Англійскій рабочій дѣлается энтузіастомъ новаго евангелія, проповѣдуемаго богатымъ фабрикантомъ, отрекшимся отъ своего класса, принявшимъ въ свои руки дѣло слабыхъ и угнетенныхъ. И чѣмъ полнѣе отчужденность Оуэна отъ людей науки

и капитала, тѣмъ сильнѣе, интимнѣе и неразрывнѣе его связь съ обширнымъ, жалкимъ и страдающимъ міромъ бѣдныхъ и невѣжественныхъ, жадно ищущихъ и не находящихъ выхода изъ окружающаго ихъ мрака.

Для характеристики взглядовъ Оуэна, а вмѣстѣ и всего утопическаго соціализма, весьма поучительно его отношеніе къ политическимъ реформамъ. Двадцатые годы были временемъ чрезвычайно энергичнаго политическаго движенія въ Англіи, имѣвшаго цѣлью парламентскую реформу—расширеніе числа избирателей въ парламентъ. Оуэнъ всегда выступалъ противъ этого движенія, равно какъ и противъ позднѣйшаго политическаго движенія 30-хъ и 40-хъ годовъ—чартизма. Съ точки зрѣнія Оуэна, форма правленія не имѣла никакого значенія по отношенію къ экономическому положенію народной массы и къ осуществленію проектируемыхъ имъ соціальныхъ реформъ. На конгрессѣ своихъ послѣдователей въ 1832 г. онъ даже заявилъ, что «деспотическія правительства нерѣдко оказываются лучшими, чѣмъ, такъ называемыя, демократическія... по отношенію къ кооперативной системѣ не имѣетъ ровно никакого значенія, деспотично-ли правительство или нѣтъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Оуэнъ до конца жизни остался чуждъ идеи классовой борьбы. Онъ неизмѣнно настаивалъ на томъ, что его планы отнюдь не враждебны богатымъ. При господствѣ кооперативной системы всѣ выиграютъ, всѣмъ станетъ лучше. Рабочіе выиграютъ, разумѣется, гораздо больше, чѣмъ хозяева, такъ какъ положеніе тѣхъ и другихъ сравняется. Но и хозяева не проиграютъ: жизнь въ новомъ мірѣ, исполненномъ свободы, братской любви и общаго благополучія, при огромномъ ростѣ народнаго богатства, благодаря соединенію труда и производству въ крупныхъ размѣрахъ, благодаря разумному и планомѣрному использованію силъ природы, примѣненію машинъ, усовершенствованію самаго человѣка путемъ раціональнаго воспитанія и обученія, будетъ настолько счастливѣе, богаче наслажденіемъ и прекраснѣе, чище и выше во всѣхъ отношеніяхъ жалкой жизни въ современномъ обществѣ, страдающемъ отъ бѣдности, преступленій, пороковъ и угнетеній всякаго рода, которые не могутъ не отравлять существованія даже и богатаго человѣка, что и богатые имѣютъ всѣ основанія пламенно желать этого новаго міра. «Тѣ, кто проводитъ новые принципы общества, — сказалъ Оуэнъ въ засѣданіи одного кооперативнаго конгресса,—не желаютъ причинять зла кому бы то ни было и не желаютъ что бы то ни было отнимать у богатыхъ, ибо они имѣютъ возможность создать больше новаго богатства, чѣмъ кто-либо въ состояніи потребить». По словамъ Голайока, ученика Оуэна и автора «The History of the Cooperation in England», «Оуэнъ всегда оставался вѣренъ той идеи, что кооперація не засовываетъ руки ни въ чей карманъ и не посягаетъ ни на чью личность».

Никакія разочарованія, никакіе горькіе уроки, которые ему въ такомъ изобиліи преподносила жизнь, не могли разрушить въ этомъ удивительномъ человѣкѣ его прирожденной вѣры въ людей. По своей натурѣ онъ не могъ проповѣдывать вражды; со словомъ любви онъ обращался ко всѣмъ—и если богатые оставались глухи къ его проповѣди, то это вызывало въ великомъ соціалистѣ только жалость къ этимъ неразумнымъ людямъ, не понимающимъ своихъ собственныхъ интересовъ.

Поэтому вполнѣ естественно, что Оуэнъ не сочувствовалъ всякимъ проявленіямъ классовой борьбы. Онъ не былъ другомъ стачекъ и хотя самъ принималъ энергичное участіе въ рабочихъ союзахъ и даже стоялъ во главѣ многихъ изъ нихъ, но видѣлъ задачу ихъ не въ борьбѣ съ хозяевами, а во взаимопомощи рабочихъ и накопленіи денежныхъ средствъ для устройства кооперативныхъ предпріятій. Съ этой цѣлью Оуэнъ образовалъ въ 1833 г. огромную федерацію рабочихъ союзовъ, число членовъ которой считалось около полумилліона. Федерація эта, называвшаяся «General Union of the Productive Classes», просуществовала недолго и черезъ нѣсколько лѣтъ распалась. Но несмотря на эту неудачу, вліяніе Оуэна на рабочіе союзы было очень глубоко и, въ общемъ, благотворно, такъ какъ соціалистъ Оуэнъ внесъ въ англійское рабочее движеніе духъ энтузіазма, котораго оно раньше было чуждо. Что же касается до ошибокъ Оуэна, то онѣ не были восприняты рабочимъ классомъ.

Въ 1823 г. нашъ соціальный реформаторъ выпустилъ очень интересный памфлетъ «An Explanation of the Causes of the present Distress», въ которомъ онъ, между прочимъ, съ полной ясностью формулируетъ центральный фактъ промышленной революціи. Этимъ центральнымъ фактомъ является, по мнѣнію Оуэна, разрушеніе прежняго мелкаго производства, при которомъ производитель былъ собственникомъ орудій производства и продукта своего труда. Новый промышленный строй основывается на соединеніи въ одномъ предпріятіи обширныхъ группъ рабочихъ, при чемъ никто изъ нихъ въ отдѣльности не можетъ сказать, что въ окончательномъ продуктѣ ихъ совмѣстной работы принадлежитъ ему, и что другимъ. Такимъ образомъ, коллективное владѣніе является естественнымъ дополненіемъ коллективнаго производства, и Оуэнъ предлагаетъ закончить дѣло промышленной революціи передачей въ общее пользованіе земли и капитала.

Къ двадцатымъ годамъ относятся и практическія попытки нашего соціалиста создать ячейку будущаго соціальнаго строя—кооперативную общину. Самая крупная изъ такихъ попытокъ была сдѣлана въ Америкѣ. Старая Европа оказалась малопригодной почвой для воспріятія новаго ученія. И вотъ Оуэнъ, въ несокрушимой увѣренности въ осуществимости своихъ соціальныхъ утопій, покидаетъ родину и ѣдетъ въ новый міръ—въ Америку. Здѣсь, въ штатѣ Индіана, въ глухой,

малонаселенной мѣстности, онъ пріобрѣтаетъ 10.000 дес. земли, принадлежавшей раньше одной религіозной общинѣ. Поселокъ носилъ символическое имя «Гармони» (Гармонія). Оуэнъ переименовываетъ его въ Нью-Гармони и приступаетъ къ устройству своей общины. New Harmony Принципы, положенные въ ея основу, были формулированы однимъ изъ его участниковъ слѣдующимъ образомъ:

1. «Цѣль ассоціаціи состоитъ не въ томъ, чтобы богатыхъ подвести подъ уровень бѣдныхъ, а въ томъ, чтобы всѣмъ обезпечить наибольшую сумму истиннаго богатства, физическаго и духовнаго.

2. «Кооперативная община должна быть устроена на началахъ самой неограниченной свободы. Никто не можетъ быть принуждаемъ вступать въ нее или оставаться въ ней.

3. «Всѣ труды будутъ добровольны; вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы сдѣлать по возможности привлекательными занятія въ общинѣ; будутъ употребляться всѣ механическія средства для исполненія необходимыхъ работъ непріятныхъ, нездоровыхъ, или слишкомъ тяжелыхъ.

4. «Будетъ кооперативная общность въ изготовленіи продуктовъ физическаго или умственнаго труда; всякій будетъ работать въ соотвѣтствіи со своими влеченіями и въ согласіи съ интересами всѣхъ.

5. «Будетъ общность собственности относительно всѣхъ земель, домовъ и всякаго другого недвижимаго имущества, равно какъ всѣхъ инструментовъ, сырыхъ матеріаловъ, предназначенныхъ для производства, и всякихъ другихъ предметовъ, извѣстныхъ подъ именемъ капитала въ самомъ обширномъ значеніи слова, т.-е. всего того, что не предназначается для непосредственнаго потребленія.

6. «Предметы, предназначаемые для непосредственнаго потребленія, будутъ получаться изъ общественныхъ магазиновъ и могутъ сдѣлаться собственностью только въ моментъ потребленія. Что касается до предметовъ, которые потребляются не сразу, какъ напр., жилые покои или мебель, то они могутъ принадлежать отдѣльному лицу только на время потребленія ихъ.

7. «Община будетъ сама управлять своими дѣлами или непосредственно, или посредствомъ во всякое время смѣняемыхъ уполномоченныхъ. Права и обязанности всѣхъ взрослыхъ членовъ совершенно равны; права женщинъ вполнѣ равны правамъ мужчинъ.

8. «Несогласія между членами общины будутъ оканчиваться въ нѣдрахъ общества посредствомъ дружескаго соглашенія, безъ употребленія какихъ бы то ни было мѣръ строгости, кромѣ удаленія изъ общины.

9. «Воспитаніе дѣтей будетъ общее съ того времени, когда для нихъ не будутъ нужны заботы матерей; но при этомъ родители не лишаются возможности наблюдать за дѣтьми и оказывать имъ ласки».

Таковъ былъ выработанный Оуэномъ планъ коммунистической

общины, въ которой общность имущества должна была соединяться съ общностью труда, безъ всякаго опредѣленнаго принципа распредѣленія продуктовъ между членами общины, кромѣ потребностей каждаго. Неудивительно, что опытъ Нью-Гармони, въ концѣ концовъ, окончился полнымъ фіаско; удивительнѣе, что такое фантастическое предпріятіе могло осуществиться и хотя нѣсколько лѣтъ держаться не безъ нѣкотораго блеска. Около 1.000 человѣкъ—энтузіастовъ, бѣдняковъ и просто проходимцевъ и искателей приключеній — откликнулось на зовъ Оуэна. Община вскорѣ распалась на нѣсколько меньшихъ, нѣкоторыя изъ которыхъ, на первыхъ порахъ, оправдывали самыя горячія надежды искателей новой правды. Вотъ, напр., въ какихъ привлекательныхъ краскахъ описываетъ жизнь въ одной изъ такихъ общинъ, образовавшейся преимущественно изъ болѣе интеллигентныхъ людей, одинъ изъ ея участниковъ въ 1862 г.

«Послѣ трудовъ мы почти каждый вечеръ устраиваемъ балы, концерты или общія бесѣды. У насъ есть прекрасный оркестръ, равно какъ и другія утонченности общественной жизни. Наши ученыя и литературныя собранія хотя немногочисленны, но согласіемъ и гармоніей превосходятъ собранія въ большихъ городахъ. Забава служитъ вознагражденіемъ труду и дѣятельность находитъ въ отдыхѣ вознагражденіе, неизвѣстное лѣнивымъ. Наши молодыя женщины, вставъ изъ-за фортепіано, идутъ доить коровъ или стряпать на кухнѣ, что весьма забавляло герцога Саксенъ-Веймарскаго, который прожилъ у насъ съ недѣлю. Его секретарь танцовалъ на всѣхъ нашихъ балахъ въ костюмѣ общины; этотъ костюмъ состоитъ изъ изящной греческой туники и широкихъ панталонъ для мужчинъ. Женскій костюмъ также походитъ на этотъ. Тотъ и другой сдѣланы такъ, чтобы нисколько не стѣснять движеній человѣка.

«...Можетъ быть, на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ столь большаго числа людей, соединенныхъ въ одномъ мѣстѣ, столь свободныхъ отъ предразсудковъ и столь далекихъ отъ всѣхъ старыхъ ошибокъ, политическихъ и религіозныхъ... Мы имѣемъ отъ пяти до шести тысячъ томовъ лучшихъ сочиненій, и довольно времени для того, чтобы просвѣщать себя чтеніемъ и разговорами. Изъ будущихъ поколѣній мы надѣемся образовать человѣческую расу, болѣе совершенную, чѣмъ тѣ, которыя существовали до сихъ поръ, и на развалинахъ стараго общества создать новое, устройство котораго будетъ согласно съ природой и потребностями человѣка».

Въ 1827 г. въ разныхъ пунктахъ Соединенныхъ Штатовъ существовало уже до 20 кооперативныхъ общинъ сходнаго характера. Но всѣ онѣ, какъ и слѣдовало ожидать, благополучно распались черезъ нѣсколько лѣтъ. Неудача попытокъ такого рода — создать на началахъ братской любви маленькій новый міръ, какъ цвѣтущій и благоуханный базисъ среди безпредѣльной и мрачной пустыни стараго

міра—не представляетъ собой ничего удивительнаго. Жители Нью Гармони воспитались и выросли въ совершенно иной соціальной обстановкѣ, чѣмъ та, которую они стремились создать въ своей кооперативной общинѣ. Ихъ нравы, привычки, характеры, симпатіи, потребности развились на почвѣ борьбы за существованіе и закона конкуренціи, верховныхъ владыкъ капиталистическаго міра. Какъ же могли они годиться для созданія новаго общества, основной законъ котораго требовалъ безкорыстнаго служенія общимъ интересамъ? Порыва энтузіазма могло хватить на нѣсколько лѣтъ, но огонь воодушевленія не принадлежитъ къ числу прочныхъ и устойчивыхъ строительныхъ матеріаловъ. Новый соціальный строй требуетъ и новаго человѣка, который не можетъ явиться по первому зову благороднаго мечтателя.

Итакъ, американскій опытъ окончился полнымъ крушеніемъ. Столь же неудачны были попытки устройства кооперативныхъ общинъ и въ Англіи. Но все это нисколько не поколебало непобѣдимой вѣры Оуэна въ свое дѣло. Каждая новая неудача только пришпоривала его почти нечеловѣческую энергію; его пропаганда развертывалась все шире и шире, захватывала все новые и новые слои общества. О кипучей дѣятельности этого замѣчательнаго человѣка можно составить себѣ представленіе по слѣдующему разсчету, приводимому Ребо, авторомъ книги «Etudes sur les Reformateurs». По словамъ Ребо, Оуэнъ за время 1826—1837 гг. произнесъ около 1.000 публичныхъ рѣчей, издалъ около 500 адресовъ разнымъ классамъ общества, написалъ около 2.000 газетныхъ и журнальныхъ статей и сдѣлалъ отъ 200 до 300 путешествій. Въ 30-хъ годахъ число послѣдователей Оуэна въ Англіи считалось уже сотнями тысячъ; идеи великаго соціалиста глубоко вкоренились въ умахъ англійской рабочей массы, смотрѣвшей на него, какъ на новаго Моисея, обѣщающаго вывести свой народъ изъ капиталистическаго плѣненія.

Около этого времени Оуэнъ занялся новымъ предпріятіемъ, на которое онъ, по своему обыкновенію, возлагалъ великія надежды — устройствомъ «рабочей биржи». Подъ этимъ названіемъ онъ разумѣлъ весьма своеобразное учрежденіе, идея котораго возникла у него подъ вліяніемъ тяжелыхъ промышленныхъ кризисовъ, причинявшихъ такія страданія англійскому рабочему населенію. Непосредственной причиной или, во всякомъ случаѣ, наиболѣе очевиднымъ симптомомъ этихъ кризисовъ было переполненіе рынка товарами и невозможность сбыта послѣднихъ, несмотря на то, что общественная потребность въ этихъ товарахъ была далека отъ удовлетворенія. Въ кризисахъ особенно выпукло обнаруживается своеобразный парадоксъ капиталистическаго хозяйства—парадоксъ бѣдности, вызываемой богатствомъ. Такъ называемое перепроизводство товаровъ отнюдь не означаетъ собой, что товаровъ имѣется больше, чѣмъ общество можетъ потребить ихъ; у огромнаго большинства населенія остается масса неудовлетворенныхъ

потребностей. Товары не находятъ сбыта только потому, что у тѣхъ лицъ, которыя испытываютъ нужду въ нихъ, не хватаетъ средствъ для покупки этихъ товаровъ. Съ другой стороны, отсутствіе сбыта товаровъ разстраиваетъ промышленность, ведетъ къ сокращенію производства, безработицѣ и еще большей бѣдности.

Отсюда легко притти къ мысли, что возможно уничтожить кризисы увеличеніемъ покупательныхъ средствъ въ рукахъ населенія. Но откуда взять эти средства? Оуэнъ рѣшилъ, что эти средства могутъ быть созданы, если только отказаться отъ употребленія, какъ мѣноваго посредника, денегъ. Вмѣсто денегъ мѣновымъ посредникомъ должны стать просто бумажные знаки, на которыхъ обозначено, какое количество средняго человѣческаго труда заключено въ данномъ товарѣ. Естественное мѣрило цѣнности есть трудъ. Однако, при существующихъ способахъ обмѣна, цѣнности товаровъ сравниваются лишь при посредствѣ денегъ. Кто не имѣетъ денегъ, тотъ не можетъ ничего купить, хотя бы онъ и располагалъ трудовой цѣнностью, заключенной въ товарѣ. Чтобы избавить производителей отъ гибельной власти денегъ, достаточно создать учрежденія, въ которыхъ трудовая цѣнность товаровъ выражалась бы не деньгами, а ничего не стоющими бумажными знаками, при чемъ обмѣнъ товаровъ совершался бы при посредствѣ этихъ бумажныхъ знаковъ. Такимъ учрежденіемъ и должна была стать «рабочая биржа» Оуэна.

Каждый кліентъ этой биржи имѣлъ право доставить въ нее любой товаръ для сбыта. Свѣдущія лица устанавливали, какое количество труда было потрачено на производство этого товара, и выдавали собственнику товара квитанцію, на которой было обозначено это количество труда. Эта квитанція могла быть обмѣниваема на любой другой товаръ равной трудовой цѣнности, имѣвшійся въ распоряженіи биржи. Такимъ образомъ, обмѣнъ совершался безъ всякаго посредства денегъ и цѣнность товаровъ измѣрялась только трудомъ. «Рабочая биржа» должна была, по мнѣнію Оуэна, произвести полный переворотъ въ условіяхъ товарнаго сбыта, прекратить кризисы, уничтожить зависимость производителя отъ денежнаго капитала и обезпечить каждому рабочему пользованіе продуктами его труда.

Теперь для насъ вполнѣ ясна ошибочность основной идеи «рабочей биржи». Невозможность сбыта товаровъ зависитъ не отъ недостатка денегъ, а отъ непропорціональнаго распредѣленія общественнаго производства. Оуэнъ разсчитывалъ организовать обмѣнъ, оставляя неорганизованнымъ общественное производство. Но именно въ неорганизованности общественнаго производства и лежитъ корень зла, основная причина промышленныхъ крисовъ. Если производитель изготовляетъ не тѣ товары, которые требуются потребителемъ, то товары эти должны остаться непроданными, какова бы ни была организація обмѣна. Затрудненіе сбыта указываетъ на непропорціональность распре-

дѣленія общественнаго производства; гарантировать сбытъ всѣхъ товаровъ, независимо отъ того, соотвѣтствуютъ-ли они спросу или нѣтъ, значило бы уничтожить тотъ естественный механизмъ, которымъ въ настоящее время возстановляется пропорціональность общественнаго производства. Если бы каждый могъ разсчитывать продать свой товаръ, все равно, нуженъ этотъ товаръ или не нуженъ потребителю, то предложеніе товаровъ перестало бы приспособляться къ спросу, производитель пересталъ бы руководствоваться вкусами и нуждами потребителя, и всякая пропорціональность должна была бы исчезнуть въ народномъ хозяйствѣ.

Поэтому, всѣ подобныя попытки организаціи обмѣна безъ посредства денегъ, при неорганизованности общественнаго производства, неизмѣнно кончались неудачей. «Рабочая биржа» стояла передъ альтернативой: или принимать только такіе товары, на которые имѣлся спросъ, и по той цѣнѣ, по которой покупатели соглашались эти товары пріобрѣтать — но въ такомъ случаѣ биржа не удовлетворяла своему назначенію—обезпечить сбытъ всѣхъ товаровъ по ихъ трудовой цѣнности, или же биржа, оставаясь вѣрной своей задачѣ, должна была безъ разбора принимать всякіе товары по ихъ трудовой цѣнности, не имѣя никакой возможности сбыть эти товары, за отсутствіемъ на нихъ спроса.

«Рабочая биржа» была новой неудачей Оуэна. Она продержалась около двухъ лѣтъ благодаря денежной поддержкѣ со стороны, но, въ концѣ концовъ, должна была ликвидировать свои дѣла съ большимъ убыткомъ.

Послѣдующая дѣятельность Оуэна тѣсно связана со всѣми движеніями англійскихъ рабочихъ 30-ыхъ и 40-ыхъ годовъ. Онъ близко стоялъ къ агитаціи въ пользу 10-часового рабочаго дня; съ чартизмомъ Оуэнъ боролся, хотя изъ рядовъ его послѣдователей вышли нѣкоторые вожди чартистовъ. Главнымъ литературнымъ произведеніемъ Оуэна этой эпохи можетъ считаться его работа «A book of the new moral world». «Новый нравственный міръ», картину котораго рисуетъ нашъ уже убѣленный сѣдинами мечтатель, не имѣетъ ничего общаго со старымъ міромъ. Каждый гражданинъ новаго общества будетъ занятъ въ возрастѣ отъ 12 — 25 лѣтъ какимъ-либо полезнымъ производствомъ; затѣмъ дѣятельность его найдетъ себѣ примѣненіе въ другихъ сферахъ — въ области общественнаго управленія, художественнаго и научнаго творчества и т. д. Современные большіе города должны исчезнуть. Ихъ замѣнятъ общины, разсѣянныя по всей странѣ, съ населеніемъ въ 500—3.000 человѣкъ, въ рукахъ котораго земледѣліе будетъ соединяться съ обрабатывающей промышленностью. Обмѣнъ будетъ происходить только между отдѣльными общинами, но вообще его область сократится. Обитатели «новаго нравственнаго міра» будутъ жить вмѣстѣ, въ обширныхъ роскошныхъ домахъ, частная

собственность совершенно исчезнетъ, женщины будутъ пользоваться полной равноправностью съ мужчинами, воспитаніе дѣтей будетъ лежать на общинѣ. Бракъ станетъ вполнѣ свободнымъ и люди будутъ сходиться и расходиться только по взаимному влеченію. Само собою разумѣется, что тюрьмы, наказанія, полиція, войско и вообще всѣ средства насилія стараго міра не найдутъ себѣ мѣста въ мірѣ будущаго.

Эти соціальныя фантазіи, значеніе которыхъ заключалось въ новомъ соціальномъ идеалѣ, показываемомъ Оуэномъ человѣчеству, не мѣшали великому утописту дѣятельно работать надъ практическимъ улучшеніемъ нашего стараго міра. Мы подходимъ теперь къ главному практическому дѣлу Оуэна, блестящій успѣхъ котораго покрываетъ всѣ неудачи, которыми судьба такъ щедро усѣяла жизненный путь бѣднаго мечтателя, наивно повѣрившаго въ возможность сокрушить силою любви древняго могучаго дракона, столько тысячелѣтій терзающаго человѣчество—бѣдность.

Мы видѣли, какъ далеко заносился Оуэнъ въ своихъ соціальныхъ фантазіяхъ. Но въ натурѣ этого поразительнаго человѣка было единственное въ своемъ родѣ соединеніе необузданнаго полета воображенія съ самымъ трезвымъ пониманіемъ практическаго дѣла. Утопистъ Нью-Гармони былъ въ то же время разсчетливымъ хозяиномъ Нью-Ланарка. Эта драгоцѣнная черта, составлявшая главную силу Оуэна, спасла дѣло его жизни. Среди общаго крушенія начатыхъ имъ предпріятій мало-по-малу упрочилось и окрѣпло могучее и практическое *кооперативное* движеніе, которое представляетъ въ настоящее время, на ряду съ трэдъ-юніонизмомъ, одну изъ главныхъ формъ самопомощи рабочихъ во всемъ мірѣ и которое въ огромныхъ размѣрахъ содѣйствовало несомнѣнному подъему за послѣднее время экономическаго благосостоянія и соціальной мощи рабочаго класса Запада.

Неутомимая пропаганда Оуэна повела къ тому, что сотни тысячъ трезвыхъ и практическихъ англійскихъ людей повѣрили въ проповѣдуемое имъ новое евангеліе. Но усвоивъ новую вѣру, они не перестали быть практическими людьми. Они вѣрили въ будущее наступленіе «новаго нравственнаго міра». Что же дѣлать, однако, теперь, пока міръ еще не измѣнился? Ждать они не могли и искали немедленнаго дѣла. И такое ближайшее практическое дѣло нашлось. Оуэнъ объяснилъ имъ, въ какой огромной мѣрѣ возрастаютъ экономическія силы вслѣдствіе ихъ соединенія; разрозненные бѣдняки, соединившись вмѣстѣ, могутъ достигнуть благосостоянія. Задача заключалась въ томъ, чтобы дать возможность мелкимъ производителямъ и потребителямъ воспользоваться выгодами крупнаго производства и потребленія, въ такихъ заманчивыхъ краскахъ рисуемыми Оуэномъ. Но для крупнаго производства требуется и крупный капиталъ,—откуда же его взять? Ощупью и шагъ за шагомъ практическая мысль англичанина искала

рѣшенія этой трудной задачи. Наконецъ, мало-по-малу, путь къ достиженію цѣли сталъ выясняться. Если рабочій не располагаетъ ни шиллингомъ капитала, то все же онъ представляетъ собой нѣкоторую экономическую силу въ качествѣ потребителя. Лавочникъ, продающій рабочему провизію, живетъ барышами, получаемыми со многихъ подобныхъ бѣдняковъ. Въ своей совокупности, бѣдняки эти достаточно богаты, чтобы поддерживать лавочника и давать ему высокіе барыши. Почему же потребители, соединившись вмѣстѣ, не могутъ замѣнить лавочника и сохранить всѣ эти барыши въ своихъ карманахъ? Такимъ образомъ можетъ возникнуть фондъ, который постепенно, послѣ ряда лѣтъ, можетъ превратиться въ крупный капиталъ, необходимый для организаціи производства на кооперативныхъ началахъ.

Итакъ, первымъ шагомъ къ кооперативному производству является кооперація потребителей. Потребители соединяютъ свои средства, заводятъ кооперативную лавочку, изъ которой берутъ товары и сберегаютъ въ свою пользу прибыль лавочника. Вотъ основная идея такъ называемыхъ кооперативныхъ потребительныхъ обществъ, получившихъ въ настоящее время повсюду такое развитіе.

Когда идея этой организаціи достаточно выяснилась, во всей Англіи стали возникать потребительныя товарищества среди рабочихъ. Въ 1832 г. такихъ товариществъ насчитывалось уже около 500. Большинство изъ нихъ были очень мелкими и плохо организованы. Всѣ они были проникнуты идеями Оуэна и разсматривали кооперацію потребленія только, какъ первый шагъ къ кооперативной организаціи производства; поэтому они стремились накапливать свои дивиденды для образованія фонда будущей производительной ассоціаціи.

Въ нѣсколько лѣтъ Англія покрылась цѣлой сѣтью потребительныхъ товариществъ. Связью между ними являлись различнаго рода общества, непрерывно возникавшія по иниціативѣ Оуэна и также быстро распадавшіяся; кооперативное движеніе имѣло нѣсколько своихъ газетъ, тщательно слѣдившихъ за всѣми успѣхами кооперативнаго дѣла и стремившихся улучшить его организацію.

Однако, первые успѣхи оказались весьма эфемерными. Огромное большинство первоначальныхъ потребительныхъ ассоціацій не продержалось и нѣсколькихъ лѣтъ и быстро распалось, вслѣдствіе ли неумѣлости руководителей, неподготовленности рабочихъ, необезпеченности имущества ассоціацій въ юридическомъ отношеніи, неудовлетворительности внутренней организаціи или другихъ причинъ.

Но сѣмя, брошенное Оуэномъ, не заглохло. Прошелъ десятокъ лѣтъ и кооперативное движеніе возобновилось съ новой силой. Колыбелью этого новаго движенія былъ маленькій ланкаширскій городокъ Рочдэль, гдѣ въ 1844 г. 28 рабочихъ основали крошечное потребительное общество съ нѣсколькими фунтами капитала. Изъ этого слабаго ростка

выросло современное могущественное кооперативное движеніе Англіи, съ его милліонами членовъ, многими десятками милліоновъ фунтовъ ежегоднаго оборота, и милліонами фунтовъ ежегодной прибыли.

Мы не будемъ останавливаться на этой поучительной и славной страницѣ новѣйшей соціальной исторіи Англіи. Намъ достаточно констатировать, что, по общему мнѣнію, современное кооперативное движеніе всецѣло вытекло изъ пропаганды Оуэна. Правда, оно далеко не осуществило возвышеннаго идеала отца англійскаго соціализма. Оно не послужило переходной ступенью къ «новому нравственному міру». То, что великій утопистъ считалъ только первымъ шагомъ къ цѣли—кооперація потребителей—является для современныхъ продолжателей его дѣла конечной цѣлью. Вообще, юношескій энтузіазмъ, отличавшій первые, робкіе шаги кооперативнаго движенія, совершенно чуждъ последнему въ настоящее время. Но все же это нисколько не колеблетъ знаменательнаго факта, что милліоны рабочихъ Англіи и всего міра, извлекающіе нынѣ вполнѣ реальныя экономическія выгоды изъ кооперативнаго движенія, обязаны благодарностью не кому иному, какъ наивному мечтателю Оуэну, вызывавшему въ свое время столько издѣвательствъ со стороны людей, такъ называемаго, здраваго смысла, отлично понимающихъ свои ближайшія выгоды, но совершенно лишенныхъ способности проникать взоромъ въ грядущее. Какъ евангельскій сѣятель, нашъ утопистъ разсѣялъ много сѣмянъ, большинство которыхъ упало на каменистую почву, заглохло и не дало ростковъ. Но одному сѣмени посчастливилось: оно укоренилось и мало-по-малу выросло въ роскошное и могучее дерево, укрывшее своею сѣнью милліоны тружениковъ, для которыхъ работалъ Оуэнъ. Этимъ сѣменемъ было кооперативное движеніе. И, такимъ образомъ, мечта облеклась въ плоть и кровь, превратилась въ дѣйствительность, и стала трезвой правдой, которая теперь у всѣхъ на глазахъ и всѣмъ кажется такой простой и будничной вещью. А далеко ли то время, когда эта обыденная дѣйствительность была несбыточной мечтой?

II.

Сенъ-Симонъ и сенъ-симонисты.

Политическая экономія долгое время была по преимуществу англійской наукой—не вслѣдствіе какой-либо прирожденной склонности британцевъ къ изученію хозяйственныхъ явленій, а благодаря особенностямъ соціальнаго строя Англіи. Англія была и остается авангардомъ человѣчества въ области соціальнаго прогресса. Политическая экономія—специфическій продуктъ капиталистическаго строя. Въ Англіи раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ, этотъ строй достигъ преобладанія—неудивительно, что и политическая экономія нашла себѣ самую благодарную почву въ Англіи. Но по мѣрѣ того, какъ капитализмъ

охватывалъ все новыя и новыя территоріи Стараго и Новаго свѣта, стало распространяться и изученіе политической экономіи. Въ XVIII вѣкѣ и въ первой половинѣ XIX вѣка капиталистическое хозяйство было наиболѣе развито, среди странъ европейскаго континента, во Франціи. Франція шла въ этомъ отношеніи непосредственно вслѣдъ за Англіей. Для Франціи политическая экономія не была чуждой наукой, привознымъ товаромъ англійскаго происхожденія. Въ лицѣ физіократовъ, особенно Кэнэ и Тюрго, Франція имѣла въ XVIII вѣкѣ экономистовъ, превосходившихъ Ад. Смита силою теоретической мысли, хотя и далеко уступавшихъ этому послѣднему по пониманію практическихъ задачъ своего времени и по отзывчивости къ соціальнымъ теченіямъ эпохи. Физіократы были слишкомъ теоретичны—они были не только теоретиками, но и доктринерами, говорившими языкомъ, непонятнымъ для толпы, и создававшими теоріи, непригодныя для примѣненія къ практической жизни. Система Смита, отчасти опиравшаяся на теоріи физіократовъ, была несравненно выше физіократическихъ ученій, какъ система практической политики; и потому Смитъ быстро затмилъ не только у себя на родинѣ, но и во Франціи своего геніальнаго предшественника—Кэнэ. Въ лицѣ Жана Батиста Сэ Смитъ нашелъ во Франціи популяризатора, или, скорѣе, вульгаризатора, обладавшаго даромъ яснаго изложенія при значительной неясности мысли, неспособной къ абстракціи и теоретическому углубленію. Эта слабость Сэ, еще больше, чѣмъ его сила, какъ выдающагося стилиста и талантливаго излагателя чужихъ мыслей, содѣйствовала успѣху ученій Смита на континентѣ. Расплывчатое, многословное, несистематичное, мѣстами глубокое и почти геніальное, а въ общемъ цѣльное, могучее и объединенное господствующей мыслью великое твореніе Смита было превращено Сэ въ распланированный, съ обычнымъ французскимъ мастерствомъ, упрощенный и обезцвѣченный «курсъ» политической экономіи, доступный всякому, даже самому ограниченному пониманію. Однимъ изъ секретовъ успѣха Сэ было также и то, что въ его обработкѣ ученіе Смита утратило столь характерную для великаго шотландца струю горячей симпатіи къ рабочимъ классамъ. Смитъ былъ переработанъ въ интересахъ буржуазіи—и буржуазія европейскаго континента, принявшая этого обезвреженнаго Смита изъ рукъ Сэ, провозгласила автора «Богатства народовъ» своимъ умственнымъ Аллахомъ, а его вульгаризатора Сэ—пророкомъ новой религіи свободной конкуренціи и наибольшаго барыша.

Но та же Франція выдвинула и людей иного духа. Если классическая политическая экономія была преимущественно твореніемъ англичанъ, въ которомъ на долю французовъ выпала второстепенная роль, то утопическій соціализмъ можетъ считаться духовнымъ чадомъ Франціи. Правда, англичане имѣли своего великаго утописта Оуэна; но сила и значеніе Оуэна были не въ теоріи, а въ практикѣ. Его прочнымъ

памятникомъ остается развернувшееся нынѣ во весь свой могучій ростъ кооперативное движеніе; какъ теоретикъ Оуэнъ стоитъ гораздо ниже представителей французскихъ утопистовъ—Фурье и особенно Сенъ-Симона.

Мы не знаемъ въ исторіи человѣческой мысли болѣе ослѣпительной и блещущей всѣми красками фигуры, чѣмъ графъ Генрихъ де-Рувруа Сенъ-Симонъ (1760—1825), потомокъ Карла Великаго и внучатый племянникъ герцога Сенъ-Симона, автора знаменитыхъ мемуаровъ о французскомъ дворѣ. Въ Сенъ-Симонѣ есть что-то чуждое нашей эпохѣ, что-то слишкомъ яркое и вдохновенное, какъ бы отголосокъ давно минувшаго времени. Историческое имя, связывающее Сенъ-Симона съ величавой личностью Карла Великаго, такъ пристало геніальному утописту. Въ Сенъ-Симонѣ воскресаетъ передъ нами средневѣковый рыцарь, съ его гордостью, безстрашіемъ, чувствомъ чести, вѣрностью своей дамѣ, любовью къ славѣ, блеску и шуму боя. Правда, онъ не мечемъ завоевалъ свою славу; героическая борьба, которую онъ велъ, не сопровождалась пролитіемъ крови; и если у него была дама, которой онъ служилъ всю свою жизнь, какъ вѣрный до гроба любовникъ, то эта дама не требовала человѣческихъ жертвъ. Ибо Сенъ-Симонъ былъ рыцаремъ Святаго Духа, и Истина была его дамой. Пророкъ и рыцарь—въ этихъ двухъ словахъ вся характеристика этого истиннаго героя мысли.

Онъ родился въ знатной семьѣ и получилъ блестящее воспитаніе. Въ числѣ учителей, приходившихъ давать ему уроки, были такіе люди, какъ Даламберъ. Когда Сенъ-Симону не было и 13 лѣтъ, онъ внезапно объявилъ отцу, что измѣнилъ свои религіозныя убѣжденія и не желаетъ причащаться. Суровый отецъ заключилъ его въ тюрьму. Смѣлый юноша бѣжалъ оттуда, послѣ удара ножемъ тюремщику.

Любовь къ славѣ и сознаніе своего высокаго призванія очень рано пробудились въ Сенъ-Симонѣ. Говорятъ, лакей обязанъ былъ будить молодого графа слѣдующими словами: «Вставайте, графъ, васъ ждутъ великія дѣла». Дѣйствительно, великія дѣла предстояли Сенъ-Симону, но время для нихъ наступило не скоро. Судьба готовила гордому графу трудную жизнь, исполненную всевозможныхъ лишеній; и только на закатѣ, когда косые лучи вечерняго солнца едва пробивались сквозь тучи, закрывшія небосклонъ, и весь долгій жизненный путь сталъ представляться бѣдному искателю новой правды длинной цѣпью неудачъ, униженій и разочарованій, онъ вышелъ на дорогу, приведшую его въ храмъ славы.

Едва юношей, Сенъ-Симонъ отплылъ въ Америку офицеромъ французского корпуса, отправленнаго для помощи возставшимъ англійскимъ колоніямъ. Въ теченіе пяти лѣтъ онъ храбро дрался съ англичанами и, наконецъ, попался въ плѣнъ. По заключеніи мира, двадцатитрехлѣтній воинъ вернулся на родину съ чиномъ полковника королевскихъ

войскъ, французскимъ орденомъ св. Людовика и американскимъ орденомъ Цинцината. Передъ нимъ открывалась блестящая военная карьера. Его назначаютъ комендантомъ такой важной крѣпости, какъ Мецъ. Но Сенъ-Симонъ быстро пресыщается служебными успѣхами. Его честолюбіе больше — онъ не ищетъ славы на военномъ полѣ. Онъ еще самъ не знаетъ, гдѣ его истинный путь, но чувствуетъ постоянную неудовлетворенность, ломаетъ свою жизнь, теряетъ колею и начинаетъ лихорадочно переходить отъ одного дѣла къ другому. Онъ бросаетъ Францію, путешествуетъ по Европѣ и, наконецъ, попадаетъ въ Испанію, гдѣ обращается къ королю съ фантастическимъ предложеніемъ: взять на себя прорытіе канала, долженствующаго соединить Мадридъ съ моремъ, при чемъ работы должны исполняться иностранцами, которыхъ Сенъ-Симонъ обязуется завербовать на военную службу короля.

Между тѣмъ, во Франціи разражается революція. Нашъ искатель приключеній возвращается въ свое родовое имѣніе, отклоняетъ свой выборъ въ общинные меры, на томъ основаніи, что для народа опасно вручать власть прежнему дворянству и отказывается отъ графскаго титула. Революція лишила Сенъ-Симона его родового состоянія, но дала ему возможность заняться нѣкоторыми спекуляціями, которыя должны были бы доставить разорившемуся потомку Карла Великаго огромное богатство, если бы не его чрезмѣрное довѣріе къ своему компаньону Редерну. Дѣло кончилось тѣмъ, что Редернъ получилъ нѣсколько милліоновъ, а Сенъ-Симонъ долженъ былъ удовольствоватья сравнительно скромной суммой въ 150.000 франковъ, что для такого важнаго барина, привыкшаго къ роскошной жизни и не считавшаго денегъ, было сущимъ пустякомъ. Но Сенъ-Симона нисколько не смутила потеря состоянія; онъ увидѣлъ въ этомъ доказательство различія между такими людьми, какъ онъ и такими, какъ Редернъ. «Дороги, которыми мы слѣдовали, — писалъ онъ по этому поводу позднѣе, — были совершенно различны: онъ (Редернъ) направился въ грязныя трясины, гдѣ богатство построило свой храмъ, въ то время какъ я поднимался на сухую и скалистую гору, на вершинѣ которой находится алтарь славы».

Около этого времени Сенъ-Симонъ приходитъ къ убѣжденію, что у него есть высшее призваніе — преобразовать науку, объединить въ одно гармоничное цѣлое разрозненныя знанія человѣчества, и принимается за изученіе точныхъ наукъ, но довольно необыкновеннымъ способомъ: приглашаетъ къ себѣ профессоровъ политехнической и медицинской школы, даетъ имъ роскошные обѣды, угощаетъ тонкими винами и въ промежуткѣ между двумя блюдами разговариваетъ съ учеными о всемірномъ тяготѣніи, законахъ неорганическихъ и органическихъ тѣлъ и пр. Конечно, изученіе такого рода не могло сообщить Сенъ-Симону никакихъ серьезныхъ знаній; но ни къ какому

ученичеству нашъ философъ и не былъ способенъ по самой своей натурѣ. Онъ могъ жить только въ своемъ особомъ мірѣ, созданномъ его фантазіей, и его единственнымъ учителемъ былъ его собственный геній.

Послѣ такого своеобразнаго курса точныхъ наукъ, Сенъ-Симонъ приходитъ къ убѣжденію, что ему нужно расширить свой жизненный опытъ, познать всѣ страсти людей, изучить ихъ слабости. Ему нужно широко открыть двери своего салона для самаго разнообразнаго общества—свѣтскихъ людей, художниковъ, артистовъ, игроковъ, красивыхъ женщинъ и пр., и пр. Но онъ не женатъ — его салонъ лишенъ хозяйки. И вотъ Сенъ-Симонъ, ради успѣха своихъ наблюденій надъ ярмаркой человѣческаго тщеславія, женится на красивой и привлекательной дамѣ. Намѣченная программа выполняется блестящимъ образомъ: достаточно было одного года, чтобы остатки состоянія Сенъ-Симона были поглощены роскошной жизнью и дорогими пріемами. Онъ остается нищимъ и расходится со своей женой.

Съ этого времени, когда Сенъ-Симону было уже болѣе 40 лѣтъ, для него начинается трудный и тернистый путь лишеній и нужды. Судьба позаботилась о томъ, чтобы доставить этому оригинальному экспериментатору искомыя имъ познанія выбраннымъ имъ самимъ методомъ: заставивъ его испытать въ своей личной жизни всѣ разнообразныя положенія, въ которыя только можетъ попасть человѣкъ. Вторая половина жизни Сенъ-Симона представляетъ собой такой глубокій контрастъ съ первой, какой только можно себѣ представить.

Предъ нами уже не богатый знатный баринъ, покровительственно принимавшій ученыхъ, не занимавшійся никакимъ опредѣленнымъ дѣломъ и слегка интересовавшійся всѣмъ. Онъ даже больше не графъ, такъ какъ оффиціально отказался отъ этого титула, онъ не имѣетъ никакого состоянія и въ то же время совершенно лишенъ способности зарабатывать деньги скромнымъ трудомъ. Въ его головѣ постоянно возникаютъ планы научныхъ работъ, одинъ другого грандіознѣе, и онъ съ неутомимымъ жаромъ работаетъ надъ развитіемъ своихъ идей. Но, увы! Счастье отъ него отвернулось. Одна неудача слѣдуетъ за другой. Его попытки обратить на себя вниманіе ученаго міра кончаются унизительными фіаско. Его восторженность вызываетъ веселый смѣхъ, а научные доводы—улыбку сожалѣнія. Жизнь начинаетъ производить надъ нашимъ философомъ свои жестокіе опыты, какъ бы въ отместку за его опыты надъ своей собственной жизнью.

Послѣдняя попытка Сенъ-Симона къ самостоятельному экспериментированію надъ жизнью стоитъ того, чтобы о ней разсказать. Въ это время во всемъ мірѣ гремѣла слава г-жи Сталь, какъ умнѣйшей и образованнѣйшей женщины Европы. И вотъ Сенъ-Симонъ, разставшись со своей женой, ѣдетъ въ Женеву къ г-жѣ Сталь, которая врядъ-ли когда-либо слышала его имя, и обращается къ ней съ рѣчью,

приблизительно въ такомъ родѣ: «Вы — замѣчательнѣйшая женщина своего времени, я — замѣчательнѣйшій мужчина. Почему бы намъ не стать мужемъ и женой?» Сталь имѣла настолько ума, чтобы только разсмѣяться надъ этимъ удивительнымъ предложеніемъ, которое можно было принять за поступокъ сумасшедшаго.

Въ Женевѣ Сенъ-Симонъ издаетъ свой первый литературный трудъ — «Lettres d'un habitant de Genève à ses contemporains» — маленькую брошюру изъ трехъ писемъ, неясную, вдохновенную и почти безумную, въ которой мысль великаго соціалиста еще только расправляетъ свои крылья для могучаго полета впослѣдствіи. Первое письмо такъ коротко, что мы приведемъ его почти цѣликомъ.

«Я не молодъ, — начинаетъ Сенъ-Симонъ свое обращеніе къ современникамъ,—я много наблюдалъ и думалъ въ теченіе всей своей жизни и цѣлью моихъ работъ было ваше благо: я придумалъ планъ, который мнѣ кажется полезнымъ для васъ, и я изложу вамъ его.

«Откройте подписку надъ могилой Ньютона: подписывайтесь всѣ, сколько хотите!

«Пусть каждый назоветъ трехъ математиковъ, трехъ физиковъ, трехъ химиковъ, трехъ физіологовъ, трехъ писателей, трехъ живописцевъ, трехъ музыкантовъ.

«Каждый годъ возобновляйте подписку и указывайте имена, но пусть каждый будетъ свободенъ называть хотя бы тѣхъ же самыхъ лицъ.

«Раздѣлите сумму, собранную по подпискѣ, между тремя математиками, тремя физиками и т. д., получившими наибольшее число голосовъ.

«Попросите президента Лондонскаго Королевскаго Общества принять вносимыя деньги.

«Въ слѣдующіе годы возложите эту почетную обязанность на лицо, внесшее наибольшую сумму по подпискѣ.

«Потребуйте отъ тѣхъ, кого вы выберете, чтобы они не получали ни должностей, ни почестей, ни денегъ отъ кого бы то ни было, и оставьте ихъ безграничными господами своихъ силъ.

. . . . . .

«Этой мѣрой вы создадите вождей для тѣхъ, кто работаетъ надъ прогрессомъ человѣческаго знанія, вы облечете этихъ вождей величайшимъ авторитетомъ и передадите въ ихъ распоряженіе огромную денежную силу».

Во второмъ письмѣ Сенъ-Симонъ говоритъ, что онъ имѣлъ видѣніе. Ночью онъ услышалъ голосъ, который ему возвѣстилъ:

«Римъ перестанетъ быть главой моей церкви. Папа, кардиналы, епископы и священники перестанутъ говорить отъ моего имени... Я запретилъ Адаму различать добро отъ зла—онъ не послушался меня. Я его изгналъ изъ рая, но я оставилъ потомству Адама средство

утолить мой гнѣвъ; пусть люди работаютъ надъ усовершенствованіемъ познанія добра и зла—и я улучшу ихъ участь. Наступитъ день, когда земля будетъ раемъ...

«Узнай, что я помѣстилъ Ньютона рядомъ съ собой, довѣрилъ ему управленіе свѣтомъ и поручилъ ему владычество надъ людьми всѣхъ планетъ

«Собраніе 21 избранниковъ человѣчества получитъ названіе совѣта Ньютона. Совѣтъ Ньютона будетъ представлять меня на землѣ; онъ раздѣлитъ человѣчество на 4 части, которыя будутъ называться: англійской, французской, германской и итальянской. Каждая изъ этихъ частей будетъ имѣть совѣтъ, образованный такъ же, какъ и верховный совѣтъ. Всякій, гдѣ бы онъ ни жилъ, выберетъ себѣ одну изъ этихъ частей и будетъ избирать верховный совѣтъ, а также совѣтъ своей части.

«Женщины также будутъ избирать и будутъ избираемы».

Эти выдержки даютъ представленіе объ общемъ тонѣ этого страннаго литературнаго произведенія. Можно думать, что Сенъ-Симонъ его написалъ въ состояніи крайняго, почти болѣзненнаго экстаза. Но, какъ увидимъ ниже, несмотря на свою экзальтированную и безсвязную форму, первая работа Сенъ-Симона уже содержитъ въ зародышѣ нѣкоторыя глубокія, даже прямо геніальныя идеи, болѣе полно развитыя имъ впослѣдствіи.

Нечего и говорить, что эта брошюра не дала Сенъ-Симону ни славы, ни денегъ... А деньги ему были нужны для жизни. Съ большимъ трудомъ ему удалось пріискать себѣ мѣсто переписчика въ ломбардѣ, съ жалованьемъ въ 1.000 франковъ въ годъ за 9-часовую ежедневную работу. Для научной работы нашему философу оставались только ночи. Къ счастью, судьба вскорѣ свела его съ его бывшимъ слугой Діаромъ, который сжалился надъ бѣдственнымъ положеніемъ своего прежняго господина и предложилъ ему даровую квартиру и содержаніе. И вотъ Сенъ-Симонъ поселяется у Діара.

Ему нисколько не кажется унизительнымъ жить милостыней своего прежняго слуги. Онъ весь поглощенъ задуманными имъ великими трудами: на средства Діара онъ печатаетъ нѣсколько научно-философскихъ работъ, не обратившихъ ничьего вниманія. Вскорѣ судьба наноситъ бѣдному искателю истины новый ударъ: Діаръ умираетъ. Обнищавшему философу не на что печатать свои произведенія и онъ возвращается къ первобытному способу распространенія человѣческаго слова: собственноручно переписываетъ свои сочиненія въ нѣсколькихъ десяткахъ экземпляровъ и разсылаетъ ихъ выдающимся ученымъ, сопровождая посылку письмами такого содержанія:

«Милостивый государь! Будьте моимъ спасителемъ. Я умираю съ голоду. Мое положеніе отнимаетъ у меня возможность изложить мои идеи достойнымъ образомъ; но значеніе моего открытія не зависитъ

отъ способа изложенія. Достигъ ли я того, чтобы проложить новую философскую дорогу? Вотъ вопросъ. Если вы возьмете на себя трудъ прочитать мое сочиненіе, я спасенъ. Преданный въ продолженіи многихъ лѣтъ отысканію новаго пути въ области мысли, я по необходимости долженъ былъ удалиться отъ школы и отъ общества... Я сдѣлалъ открытіе чрезвычайной важности... Занятый единственно общимъ интересомъ, я пренебрегалъ своими собственными дѣлами и черезъ это дошелъ до слѣдующаго положенія: мнѣ нечего ѣсть, я работаю безъ огня. Я продалъ даже свою одежду для того, чтобы имѣть возможность переписать свое сочиненіе. Стремленіе къ наукѣ и общественному благу, желаніе найти средства для мирнаго окончанія страшнаго кризиса, въ которомъ находится европейское общество, привели меня въ столь несчастное положеніе, и потому я не краснѣя признаю свою бѣдность и прошу помощи для того, чтобы продолжать свою работу».

Итакъ, гордый потомокъ Карла Великаго открыто просилъ милостыни у незнакомыхъ людей. Но этого мало: онъ просилъ милостыни и не получалъ ея. И еще болѣе: онъ не только не получалъ милостыни, но и его научные труды, сопровождаемые такими унизительными посланіями, оставались непрочитанными. Казалось, все соединилось для того, чтобы сокрушить самоувѣренность Сенъ-Симона. Но тутъ и проявилось во всей своей силѣ величіе его духа; ничто на свѣтѣ, ни крайняя нищета, ни общее равнодушіе и невниманіе къ его работамъ, ни полное одиночество, ни надвигавшаяся старость, при неизвѣстности будущаго, не могли въ этотъ самый тяжелый періодъ жизни Сенъ-Симона заставить его склонить свою гордую голову. Обращаясь съ просьбами о помощи и расказывая о своихъ бѣдствіяхъ, онъ держитъ себя со спокойнымъ достоинствомъ избранника неба и прирожденнаго повелителя людей.

Въ посвященіи своему племяннику Виктору, приложенномъ къ одному его сочиненію, изданному въ это время, Сенъ-Симонъ говоритъ въ вдохновенномъ тонѣ о «великихъ обязательствахъ», возлагаемыхъ на ихъ семью ихъ высокимъ происхожденіемъ. «Я бросилъ мечъ, чтобы взяться за перо,—говоритъ онъ,—такъ какъ чувствовалъ, что природа влекла меня къ великимъ цѣлямъ на научномъ поприщѣ». Исторія показываетъ, что всѣ великія дѣла были исполнены людьми знатной породы. Сенъ-Симоны должны быть гордыми «до надменности», ибо судьба низвела ихъ съ высоты престола до самыхъ низшихъ рядовъ подданныхъ. Однажды, въ эпоху террора, когда Сенъ-Симонъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, ему явился ночью Карлъ Великій и сказалъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, ни одной семьѣ не выпало чести создать и героя, и философа перваго разряда; моему дому досталась эта честь. Сынъ мой, твои успѣхи, какъ философа, сравнятся съ тѣми, какихъ я достигъ, какъ воинъ и политикъ».

*

Въ письмѣ къ тому же Виктору нашъ философъ высказываетъ слѣдующее: «Безуміе, мой дорогой Викторъ, не что иное, какъ высшая экзальтація, и эта высшая экзальтація необходима для совершенія великихъ дѣлъ... Въ храмъ славы входятъ только кліенты домовъ сумасшедшихъ, но не всѣ кліенты сумасшедшаго дома попадаютъ въ храмъ славы... На милліонъ одному удается войти—остальные свертываютъ себѣ шею».

Одной изъ самыхъ поражающихъ чертъ характера этого удивительнаго человѣка была прямо безпредѣльная наивность, съ которой онъ относился къ людямъ. Редернъ обобралъ его и лишилъ состоянія. Сенъ-Симонъ поссорился съ Редерномъ, отзываясь о немъ крайне рѣзко, какъ о человѣкѣ самомъ ничтожномъ и заслуживающемъ полнаго презрѣнія. И вотъ, очутившись въ крайности, бѣдный философъ составляетъ проектъ привлечь къ изданію своихъ научныхъ работъ не кого иного, какъ этого самаго Редерна. Сенъ-Симонъ пишетъ своему врагу длинное посланіе, въ которомъ излагаетъ сущность своихъ философскихъ воззрѣній и проситъ обезпечить ему жизнь и научную дѣятельность. Какое дѣло было Редерну до теорій обобраннаго имъ неудачнаго спекулянта? Но нашъ философъ дѣтски-простодушенъ въ вопросахъ практической жизни; съ подобными же просьбами онъ обращается рѣшительно ко всѣмъ, даже къ Наполеону. И характеръ всѣхъ этихъ просьбъ неизмѣнно одинъ и тотъ же; вдохновенныя, запутанныя и неясныя разсужденія объ общихъ вопросахъ, и въ заключеніе трогательное по своей наивности предложеніе (именно скорѣе предложеніе, чѣмъ просьба) помочь умирающему отъ голода философу. Со всѣми Сенъ-Симонъ говоритъ совершенно одинаково—со своимъ бывшимъ слугой Діаромъ такъ же, какъ и съ Наполеономъ. Со всѣми онъ говоритъ, какъ высшій избранникъ, какъ потомокъ и наслѣдникъ Карла Великаго, ничего не боящійся и сознающій, что ничто на свѣтѣ не можетъ его унизить.

Въ обращеніи къ Наполеону Сенъ-Симонъ обѣщаетъ указать средство сокрушить морское могущество Англіи; этимъ средствомъ оказывается отказъ Наполеона отъ завоевательныхъ плановъ. Если же Наполеонъ не послушаетъ совѣтовъ дружески расположеннаго къ нему философа, то погубитъ себя и Францію. Неудивительно, что въ отвѣтъ на это Наполеонъ приказалъ полиціи слѣдить за Сенъ-Симономъ.

Крайняя наивность и вѣра въ людей, непониманіе ихъ психологіи и навязываніе имъ своихъ собственныхъ настроеній и чувствъ, вытекали у нашего утописта изъ чрезвычайнаго богатства его внутренняго міра. Грандіозные планы непрерывно возникали въ его мозгу и поглощали все его вниманіе. Онъ былъ въ состояніи постояннаго экстаза, его умственный взоръ былъ обращенъ такъ далеко, что почти не различалъ близкихъ предметовъ. И потому, каждый разъ, какъ геніальному мыслителю приходилось вступать въ соприкоснове-

ніе съ практической жизнью, онъ оказывался дѣтски безпомощнымъ и смѣшнымъ.

Вслѣдъ затѣмъ положеніе Сенъ-Симона нѣсколько улучшается, благодаря тому, что его восторженная проповѣдь находитъ себѣ, наконецъ, нѣкоторый откликъ, у него появляются ученики. Правда, ихъ немного, но зато среди нихъ были люди такой огромной умственной силы, какъ философъ Огюстъ Контъ и историкъ Огюстенъ Тьерри. Послѣдній даже присвоилъ себѣ въ печати названіе «пріемнаго сына Сенъ-Симона». Такіе ученики могли замѣнить недостатокъ вниманія къ идеямъ Сенъ-Симона среди міра офиціальной науки.

Годы шли, нищета продолжалась, наступила дряхлая старость. Уколы булавкой часто бываютъ больнѣе глубокихъ ранъ—жизнь подачками богатыхъ покровителей стала невыносимой для бѣднаго чудака философа, уже одряхлѣвшаго и лишившагося своей прежней гордой силы: въ маѣ 1825 г. онъ продѣлалъ свой послѣдній и самый печальный жизненный опытъ—выстрѣлилъ въ себя изъ пистолета. Но онъ не умеръ, а только лишился глаза. Послѣ этого онъ прожилъ еще около двухъ лѣтъ, и вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ своего послѣдняго сочиненія «Le nouveau christianisme» скончался, какъ истый мудрецъ, на рукахъ своихъ учениковъ.

Послѣднія слова Сенъ-Симона были обращены къ его любимому ученику Родригу: «Яблоко зрѣло,—сказалъ онъ,—вы его сорвете. Мой послѣдній трудъ «Новое христіанство» не будетъ понятъ немедленно. Думали, что религія должна исчезнуть, потому что католицизмъ одряхлѣлъ. Это ошибка: религія не можетъ исчезнуть изъ міра; она только преобразуется... Родригъ, не забывайте этого! И помните, чтобы совершать великія дѣла, нужно быть вдохновеннымъ... Вся моя жизнь резюмируется одной мыслью: обезпечить всѣмъ людямъ наиболѣе свободное развитіе ихъ способностей». Затѣмъ наступило короткое молчаніе и умирающій прибавилъ: «Черезъ двое сутокъ послѣ нашей второй публикаціи партія рабочихъ образуется. Будущее принадлежитъ намъ». Съ этими словами онъ положилъ руку на голову и умеръ.

Въ чемъ же заключалось духовное наслѣдство, которое завѣщалъ своимъ ученикамъ этотъ необыкновенный человѣкъ? Что давало Сенъ-Симону эту несокрушимую увѣренность въ себѣ, эту силу переносить самыя унизительныя положенія съ гордостью короля? Какова была философія этого новаго Сократа, отвергнутаго современниками, но съ такой бодрой вѣрой смотрѣвшаго въ будущее?

Значеніе Сенъ-Симона въ исторіи мысли такъ громадно, что не можетъ быть преувеличено. Мы считаемъ его геніальнѣйшимъ соціальнымъ мыслителемъ новаго времени, глубоко заложившимъ вѣрной рукой прочный фундаментъ научнаго зданія, надъ завершеніемъ котораго предстоитъ трудиться еще многимъ поколеніямъ. Идеи Сенъ-Симона оплодотворили не одну какую-либо науку, но весь циклъ

наукъ, изучающихъ человѣческое общество. Философія исторіи, соціологія, политическая экономія, отчасти право въ своихъ высшихъ обобщеніяхъ и до настоящаго времени непосредственно примыкаютъ къ Сенъ-Симону. Этотъ замѣчательный мыслитель съ гораздо большимъ основаніемъ, чѣмъ Марксъ, долженъ быть признанъ создателемъ современной науки въ обществѣ.

Уже въ первой своей странной и загадочной работѣ «Lettres d'un haditant de Genève» Сенъ-Симонъ высказываетъ глубокія мысли, значеніе которыхъ для насъ ясно только теперь, послѣ Маркса. Въ своемъ фантастическомъ воззваніи къ человѣчеству Сенъ-Симонъ обращается къ тремъ *общественнымъ классамъ*, на которые распадается современное человѣчество. Первый классъ «идетъ подъ флагомъ прогресса человѣческаго разума; онъ слагается изъ ученыхъ, художниковъ и всѣхъ тѣхъ, кто стоитъ за либеральныя идеи. На знамени второго класса начертано: «Никакихъ нововведеній!» Въ составъ этого класса входятъ всѣ собственники, не принадлежащіе къ первому классу. Третій классъ, лозунгомъ котораго является *равенство*, охватываетъ собой остальную часть человѣчества».

Итакъ, Сенъ-Симонъ указываетъ 3 класса, изъ которыхъ состоитъ общество нашего времени. Первый классъ движетъ впередъ человѣческую мысль; второй по своему существу консервативенъ и является опорой порядка; третій—враждебенъ господствующему историческому строю, основанному на неравенствѣ и подчиненіи, и требуетъ новаго общественнаго устройства, въ основаніе котораго должна быть положена идея равенства.

Какъ мало словъ въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ Сенъ-Симона, и какъ поразительно много въ нихъ содержанія! Чтобы оцѣнить ихъ значеніе, нужно знать, какъ рѣдки оригинальныя идеи въ сокровищницѣ человѣческаго знанія. Новыя идеи походятъ на крупинки блестящаго золота среди сѣрыхъ грудъ грубаго песку, котораго нужно промыть сотни пудовъ, чтобы отыскать нѣсколько золотниковъ благороднаго металла. Въ словахъ Сенъ-Симона содержится въ зародышѣ одно изъ важнѣйшихъ соціологическихъ обобщеній новаго времени—ученіе объ *общественномъ классѣ*, какъ составномъ элементѣ современнаго общества, и о *классовой борьбѣ*, какъ естественномъ результатѣ классоваго сложенія общества. Для взглядовъ Сенъ-Симона крайне характерно, что въ основу своего дѣленія общества на классы онъ кладетъ не одинъ, а два различныхъ признака: съ одной стороны, экономическій признакъ (владѣніе имуществомъ — классъ собственниковъ и не собственниковъ), съ другой — интеллектуальный признакъ (характеръ занятій и взглядовъ — классъ ученыхъ, и вообще сторонниковъ либеральныхъ идей—приблизительно то, что у насъ называютъ интеллигенціей). Эта двойственность отнюдь не случайна у нашего автора; она вытекала изъ всего его пониманія процесса обществен-

наго развитія. Какъ увидимъ ниже, Сенъ-Симонъ признавалъ двѣ основныхъ силы, движущія впередъ человѣчество: прогрессъ человѣческаго знанія и развитіе хозяйства. Сенъ-Симонъ, какъ соціологъ, былъ не монистомъ, а дуалистомъ; подмѣчая съ чрезвычайнымъ остроуміемъ экономическія причины соціальныхъ переворотовъ, онъ въ то же время считалъ успѣхи знанія особой и самостоятельной причиной общественнаго прогресса.

Въ своей первой брошюрѣ нашъ мыслитель высказываетъ и свою другую любимую идею: раздѣленія общественной власти на духовную и свѣтскую, при чемъ духовная должна принадлежать людямъ знанія и мысли, а свѣтская—тѣмъ, кто является руководителемъ хозяйственнаго процесса производства. Наиболѣе странное мѣсто брошюры—обоготвореніе Ньютона — тоже не лишено глубокаго смысла. Здѣсь находитъ себѣ выраженіе завѣтная мечта Сенъ-Симона — уничтожить антагонизмъ религіи и науки, засыпать пропасть между ними, привести ихъ къ гармоническому единству, создать позитивную религію, основывающуюся на наукѣ, но не лишающую человѣчество высшаго духовнаго дара—энтузіазма къ добру.

Всѣ эти мысли, едва намѣченныя въ первой работѣ Сенъ-Симона, получили блестящее развитіе въ его послѣдующихъ трудахъ, изъ которыхъ наиболѣе важны три — «Systéme industriel», «Catechisme des Industriels» и «Nouveau Christianisme».

Въ «Промышленной системѣ» Сенъ-Симонъ даетъ поистинѣ геніальный очеркъ философіи европейской исторіи. Человѣчество,—говоритъ онъ,—неизмѣнно проходитъ въ своемъ развитіи три стадіи. Первая стадія характеризуется господствомъ духовенства въ области духа и военнаго класса въ свѣтской области. Для послѣдней стадіи характерно господство ученыхъ и точныхъ наукъ въ области духовныхъ интересовъ и промышленныхъ классовъ—въ сферѣ интересовъ матеріальныхъ. Промежуточная стадія характеризуется преобладаніемъ въ сферѣ духовной—метафизиковъ, въ сферѣ матеріальной—юристовъ и законовѣдовъ.

Въ средніе вѣка господствующими классами въ Европѣ были феодальная военная аристократія и духовенство. На чемъ же основывалось преобладаніе этихъ классовъ?

На томъ, что именно въ этихъ классахъ сосредоточивались источники національной силы.

Аристократія была самымъ необходимымъ классомъ общества, ибо на ней лежала важнѣйшая обязанность того времени — военная оборона страны. Рыцари были не праздными людьми, а самыми важными и цѣнными работниками, въ которыхъ всего болѣе нуждалось общество. Они защищали трудящіеся классы, которые безъ помощи рыцарскаго меча и копья погибли бы отъ вражескихъ нападеній. Баярдъ былъ полезнѣйшимъ человѣкомъ своего времени. Что касается до

духовенства, то въ его рукахъ былъ другой источникъ силы—знаніе. Оно сосредоточивало въ себѣ все просвѣщеніе, всѣ знанія среднихъ вѣковъ. Этотъ соціальный строй держался въ теченіе многихъ вѣковъ потому, что онъ былъ въ полной гармоніи съ состояніемъ общественныхъ силъ.

Промышленность была во младенчествѣ и война была важнѣйшимъ занятіемъ народа, то какъ средство обогащенія, то какъ средство отраженія нападеній враговъ.

Неудивительно, что при такихъ условіяхъ военные преобладали въ обществѣ, что въ ихъ рукахъ сосредоточивалась земельная собственность, а промышленные классы играли подчиненную роль. Точно также понятно, при низкомъ уровнѣ умственнаго развитія и при дѣтскомъ состояніи точныхъ наукъ, преобладаніе духовенства въ сферѣ высшихъ духовныхъ интересовъ.

Но мало-по-малу промышленники, бывшіе долгое время рабами феодаловъ, достигли сначала личной свободы, а затѣмъ и экономическаго благосостоянія. Около этого времени рыцарству, какъ военному классу, былъ нанесенъ смертельный ударъ не на полѣ брани, а въ лабораторіи скромнаго монаха. Изобрѣтеніе пороха покончило съ рыцарствомъ и подчинило военную силу промышленности. Деньги и вообще экономическая мощь становятся рѣшающимъ факторомъ военнаго могущества. Соотвѣтственно этому значеніе промышленныхъ классовъ растетъ, а феодальной аристократіи падаетъ; выраженіемъ этого процесса явилось постепенное перемѣщеніе земельной собственности изъ рукъ аристократіи въ руки промышленниковъ. Мало-помалу большая часть движимой и недвижимой собственности сосредоточилась у промышленныхъ классовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и политическое вліяніе должно было перейти классу экономически преобладавшему, т.-е., къ тѣмъ же промышленникамъ.

Въ то же время развитіе точныхъ наукъ привело, въ духовной области, къ утратѣ преобладающаго положенія духовенства. Ученые стали умственными вождями общества. Такимъ образомъ, и свѣтская и духовная власть перемѣстилась въ обществѣ изъ рукъ однихъ классовъ въ другія. Эта-то скрытая, но глубочайшая общественная перемѣна, а не дѣйствія тѣхъ или иныхъ министровъ или народныхъ вождей, и была основной причиной великой французской революціи. Грандіозный политическій переворотъ конца XVIII вѣка былъ вызванъ не отдѣльными случайными политическими событіями, а тѣмъ, что политическій строй, раньше соотвѣтствовавшей внутреннему соотношенію общественныхъ силъ, пересталъ соотвѣтствовать этому послѣднему. Политическая революція была естественнымъ слѣдствіемъ общественныхъ перемѣнъ, медленно совершавшихся на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ.

Но такъ какъ феодальная система, основанная на преобладаніи

военной силы и духовенства, совершенно противоположна промышленной системѣ, то феодализмъ не можетъ перейти въ высшую общественную фазу безъ промежуточной системы. Между низшей и высшей системой должна быть нѣкоторая переходная система—метафизическая. Политическій и общественный строй, вышедшій изъ революціи — парламентаризмъ — и является такой переходной системой. Парламентаризмъ есть метафизическое созданіе юристовъ и философовъ, чуждыхъ положительной наукѣ. Этотъ образъ правленія не открытъ изъ изученія общественнаго развитія, а придуманъ метафизиками, поставившими себѣ совершенно ненаучную задачу—изобрѣсти идеальное политическое устройство. Дѣйствительно, что такое знаменитая декларація правъ человѣка, какъ не примѣненіе высшей метафизики къ высшей юриспруденціи?

Но европейское общество не достигнетъ внутренняго мира, пока революція не будетъ завершена. До сихъ поръ революція только разрушала—теперь она должна созидать. Метафизическій переходный періодъ долженъ закончиться возникновеніемъ новаго политическаго и общественнаго порядка, гармонирующаго съ новымъ состояніемъ общества. Этимъ строемъ будущаго должна стать промышленная система.

Духовная власть должна сосредоточиться въ рукахъ ученыхъ, а свѣтская перейти въ руки фактическихъ руководителей производства—предпринимателей, промышленниковъ. «Истинная конституція, — говоритъ Сенъ-Симонъ,—не можетъ быть изобрѣтена — она должна быть открыта. Истиннымъ законодателемъ является не король и не законодательныя собранія. Такимъ законодателемъ слѣдуетъ считать философа, изучающаго движеніе цивилизаціи и резюмирующаго свои наблюденія въ общественномъ законѣ, который и становится руководящимъ принципомъ законодательства». Конституція прочна только тогда, когда она выражаетъ собой внутреннее состояніе общества. Нельзя создать новой политической силы; ее можно только признать таковой, когда она достаточно обнаружилась. Это признаніе, или, говоря иначе, законодательная санкція господствующихъ въ обществѣ силъ и есть то, что называютъ конституціей, которая, въ противномъ случаѣ, является только метафизической мечтой. Такъ, напр., палата лордовъ въ Англіи есть дѣйствительная политическая сила, такъ какъ лорды выражаютъ собой характерную черту англійскаго соціальнаго строя—именно, концентрацію земельной собственности въ рукахъ немногихъ лицъ. Значеніе палаты лордовъ въ Англіи основывается не на теоріяхъ политическаго равновѣсія и тому подобныхъ метафизическихъ измышленіяхъ, а на реальномъ фактѣ, на фактѣ существованія общественной силы, которая находитъ себѣ выраженіе въ этомъ учрежденіи. Напротивъ, во Франціи, гдѣ палата пэровъ была придумана по политическимъ соображеніямъ, это учрежденіе не имѣетъ никакого значенія, потому что за нимъ не скрывается никакой общественной силы.

Поэтому и конституція Франціи должна быть иная, чѣмъ конституція Англіи. Королевская власть должна опираться во Франціи на тѣ общественные классы, которые во Франціи дѣйствительно преобладаютъ, т.-е., на промышленниковъ и ученыхъ.

Читателю, не знакомому съ состояніемъ исторической науки въ началѣ XIX вѣка, трудно достойнымъ образомъ оцѣнить значеніе новаго освѣщенія, въ которомъ выступаетъ у Сенъ-Симона исторія Европы. Какъ остроумно указаніе Сенъ-Симона на связь политическаго устройства съ состояніемъ внутреннихъ силъ даннаго общественнаго организма! И какъ глубока и блестяща его критика французской конституціи! Знаменитый соціологическій «законъ» развитія человѣческаго ума — прохожденіе всякимъ человѣческимъ знаніемъ трехъ стадій: теологической, метафизической и позитивной—этотъ «законъ», открытіемъ котораго такъ гордился Огюстъ Контъ и который былъ положенъ имъ въ основу «позитивной философіи» — былъ формулированъ гораздо раньше вполнѣ отчетливо не кѣмъ инымъ, какъ Сенъ-Симономъ. Вообще, всѣ основныя идеи «позитивной философіи» были заимствованы Контомъ у Сенъ-Симона, къ которому Контъ обнаружилъ впослѣдствіи такую низкую неблагодарность.

Такъ называемое матеріалистическое пониманіе исторіи, связываемое обыкновенно съ именемъ Маркса, также нашло себѣ задолго до Маркса геніальнаго выразителя въ Сенъ-Симонѣ. Правда, авторъ «Новаго христіанства» былъ, въ противность Марксу, не монистомъ, а дуалистомъ: онъ не считалъ эволюціи хозяйства единственнымъ рѣшающимъ моментомъ общественной эволюціи и рядомъ съ развитіемъ хозяйства ставилъ въ качествѣ самостоятельной движущей силы прогресса развитіе человѣческаго знанія. Но это не мѣшало Сенъ-Симону ничуть не хуже Маркса подмѣчать экономическія причины историческихъ событій. Таково, напримѣръ, его матеріалистическое объясненіе причинъ великой революціи; всѣмъ послѣдующимъ историкамъ оставалось въ этой области только дополнять и развивать идеи нашего мыслителя.

Значеніе классовой борьбы въ исторіи также было понято Сенъ-Симономъ. Въ «Catéchisme des Industriels» нашъ философъ изображаетъ французскую исторію, какъ борьбу землевладѣльческой аристократіи съ промышленнымъ классомъ. Королевская власть со времени Людовика XI примкнула къ промышленникамъ (городскимъ общинамъ); это и дало ей успѣхъ въ борьбѣ съ феодалами. Но Людовикъ XIV и его преемники измѣнили старинной политикѣ французскихъ королей и заключили союзъ съ феодалами противъ промышленниковъ, что и повело къ революціи. Въ новѣйшее время промышленники распались, въ свою очередь, на два класса. Изъ ихъ среды выдѣлились денежные капиталисты, банкиры, составившіе новую денежную аристократію, столь же враждебную остальной трудящейся массѣ промышленныхъ

классовъ, какъ и старая земельная аристократія. Такимъ образомъ создался антагонизмъ владѣнія и труда. Денежная аристократія вмѣстѣ съ юристами образуетъ въ настоящее время средній классъ общества, составляющій опору либеральной партіи. Революція пошла на пользу именно этому среднему классу. Лозунгомъ либераловъ по отношенію къ правительству является «ôte-toi de là que je m'y mette» («освободи мнѣ мѣсто, чтобы я его занялъ»). Партія промышленниковъ не имѣетъ ничего общаго съ либералами. Ея задачи заключаются въ созданіи новаго хозяйственнаго и общественнаго строя, въ которомъ работающіе классы займутъ господствующее мѣсто, соотвѣтствующее ихъ преобладающей роли въ созданіи богатства и знанія. Всѣ существовавшія до сихъ поръ общественныя системы основывались на господствѣ человѣка надъ человѣкомъ, монополіяхъ, привилегіяхъ. Напротивъ, промышленная система должна уничтожить всякія общественныя привилегіи и доставить возможность совершенно свободнаго развитія человѣческихъ способностей, труда и таланта.

Но кого же понимаетъ Сенъ-Симонъ подъ названіемъ «промышленниковъ», въ защиту которыхъ онъ возвышаетъ свой голосъ? Здѣсь господствуетъ въ воззрѣніяхъ нашего философа значительная неясность, зависѣвшая отъ того, что, выступивши съ совершенно новыми воззрѣніями на природу общественныхъ отношеній, онъ не довелъ своей мысли до конца и остановился на полдорогѣ. Онъ понималъ соціальные антагонизмы и угадалъ значеніе классовой борьбы; но какъ ни глубоко проникала его мысль, глубочайшаго антагонизма современнаго общества—антагонизма труда и капитала—онъ не усматривалъ съ полной ясностью. Подъ промышленными классами общества Сенъ-Симонъ обыкновенно разумѣетъ не только рабочихъ, но и предпринимателей-капиталистовъ, противопоставляя и тѣхъ и другихъ классу землевладѣльцевъ и праздныхъ капиталистовъ, къ которымъ онъ причисляетъ представителей денежнаго капитала. Такимъ образомъ, въ корнѣ всѣхъ разсужденій Сенъ-Симона объ отношеніяхъ общественныхъ классовъ лежала нѣкоторая недоговоренность и спутанность, дававшая возможность дѣлать изъ этихъ разсужденій діаметрально противоположные выводы. Смотря по тому, кого считать промышленниками—капиталистовъ или рабочихъ—можно было истолковывать его идеи въ смыслѣ благопріятномъ представителямъ труда или капитала. Но не подлежитъ сомнѣнію, что самъ Сенъ-Симонъ, по мѣрѣ большаго и большаго углубленія въ природу современнаго общества, все болѣе и болѣе суживалъ понятіе «промышленниковъ» представителями умственнаго и физическаго труда.

Такъ, въ своемъ послѣднемъ предсмертномъ сочиненіи «Nouveau Christianisme» онъ слѣдующимъ образомъ формулируетъ основную заповѣдь своей религіи—преобразованнаго христіанства: «Религія должна направлять общество къ высокой цѣли возможно скораго улучшенія

участи самаго бѣднаго и самаго многочисленнаго общественнаго класса». Эта заповѣдь должна быть положена въ основу всѣхъ общественныхъ учрежденій. Недостаткомъ существующихъ религіозныхъ системъ является то, что онѣ не преслѣдуютъ цѣли улучшенія участи бѣдняковъ.

Но не только въ «Nouveau Christianisme» Сенъ-Симонъ признавалъ важнѣйшей задачей общества помощь бѣднѣйшему классу. Въ томъ же смыслѣ онъ высказывался и раньше. Такъ, въ «Промышленной системѣ» Сенъ-Симонъ говоритъ, что государство должно, прежде всего, позаботиться объ «обезпеченіи участи пролетаріевъ, при чемъ работоспособнымъ должна быть гарантирована работа, а неспособнымъ къ работѣ — содержаніе». Правда, средства достиженія этой цѣли не выяснены у Сенъ-Симона. Можетъ показаться страннымъ, что, становясь на сторону пролетаріевъ, Сенъ-Симонъ приглашаетъ передать управленіе страной предпринимателямъ. Но странность эта вполнѣ объясняется невыясненностью классового антагонизма предпринимателей и рабочихъ во Франціи эпохи реставраціи. Въ это время мелкое производство еще рѣшительно преобладало въ странѣ и экономическій антагонизмъ труда и капитала маскировался политическимъ антагонизмомъ старинной феодальной аристократіи, съ одной стороны, и непривилегированныхъ классовъ — включая сюда какъ буржуазію, такъ и рабочихъ—съ другой.

Свои воззрѣнія на относительную соціальную цѣнность различныхъ общественныхъ классовъ Сенъ-Симонъ выразилъ въ красивомъ сравненіи: «Часто сравниваютъ общество съ пирамидой. Дѣйствительно, общество походитъ на пирамиду, построенную изъ различныхъ матеріаловъ, достоинство которыхъ тѣмъ ниже, чѣмъ дальше удаленъ данный слой отъ основанія и чѣмъ онъ ближе къ вершинѣ. Основаніе общественной пирамиды состоитъ изъ гранита, затѣмъ идетъ нѣсколько слоевъ также цѣннаго матеріала, но верхняя ея часть, поддерживающая прекрасный брилліантъ, есть не что иное, какъ позолоченный гипсъ. Основаніе пирамиды образуютъ производительные рабочіе; первые слои надъ ними слагаются изъ предпринимателей, ученыхъ, артистовъ. Высшіе же слои,—позолота которыхъ не можетъ скрыть того, что они простой гипсъ—это придворные, аристократія разнаго рода, старая и новая, праздные люди, кто бы они ни были, всѣ участники правительства, начиная отъ перваго министра и кончая послѣднимъ чиновникомъ. Прекрасный же брилліантъ, вѣнчающій пирамиду—это королевская власть».

Мы изложили, въ общихъ чертахъ, ученіе Сенъ-Симона. Весьма возможно, что читатель спроситъ: почему же мы называемъ этого замѣчательнаго мыслителя утопистомъ и въ чемъ заключалась его утопія? На это можно отвѣтить, что воззрѣнія Сенъ-Симона представляютъ собой изумительнѣйшую смѣсь самыхъ трезвыхъ, реалистическихъ построеній съ порывами самой необузданной фантазіи. Что можетъ

быть утопичнѣе его приглашенія открыть подписку надъ могилой Ньютона и такимъ путемъ преобразовать міръ? Или его позднѣйшія мечты о передачѣ духовной власти ученымъ, а свѣтской промышленникамъ? Правда, онъ не создавалъ такихъ детальныхъ плановъ будущаго общественнаго устройства, какіе мы находимъ у другихъ утопистовъ, напр., у Оуэна или Фурье. Не кто иной, какъ Сенъ-Симонъ призналъ глубокую истину, что конституція государства должна быть не изобрѣтена, а открыта. Но всякій, знакомый съ сочиненіями великаго мыслителя, согласится, что самъ авторъ не былъ вѣренъ своему тезису. Фантазія постоянно влекла его къ мечтѣ и утопіи. Экстазъ былъ привычнымъ состояніемъ души Сенъ-Симона, — а въ состояніи экстаза легче создавать воздушные замки, чѣмъ готовить кирпичи для жилыхъ построекъ.

Отвращеніе Сенъ-Симона къ организованной политической борьбѣ и вообще къ политикѣ также сближаетъ его съ другими утопистами. Какъ Оуэнъ обращался со своими проектами къ государямъ Европы, такъ и Сенъ-Симонъ упорно пытался убѣдить Людовика XVIII, что собственный интересъ французской монархіи требуетъ отожествить ея дѣло съ дѣломъ всего народа. Нашъ утопистъ не понималъ что политика королевской власти диктуется только реальнымъ соотношеніемъ общественныхъ силъ, тѣсно связавшимъ во Франціи дѣло Бурбоновъ съ феодальной аристократіей. Подобно Оуэну, Сенъ-Симонъ признавалъ только одинъ путь соціальнаго преобразованія—путь мирной пропаганды новыхъ идей. «Новое христіанство» достигнетъ господства такъ же, какъ и старое—силой внутренней правды и высшей красоты своего ученія. «Новые христіане могутъ стать мучениками, но они никогда не будутъ палачами». Богатые классы сами придутъ къ убѣжденію, что ихъ интересы не пострадаютъ отъ преобразованія общества на началахъ новой заповѣди — «улучшенія участи бѣднѣйшаго класса», такъ какъ при новомъ общественномъ устройствѣ, благодаря общему росту богатства и нравственному улучшенію человѣчества, выиграютъ всѣ классы населенія.

Но, однако, въ чемъ же заключается этотъ новый общественный строй, эта промышленная система, апостоломъ которой выступилъ Сенъ-Симонъ? Самъ онъ не далъ на это яснаго отвѣта.

И если бы онъ не оставилъ послѣ себя школы, продолжившей дѣло учителя, то сенъ-симонизмъ слѣдовало бы считать скорѣе замѣчательной историко-философской теоріей, чѣмъ опредѣленной соціалистической доктриной.

Умирая, Сенъ-Симонъ сказалъ ученикамъ, что вся его жизнь резюмируется одной мыслью: обезпечить всѣмъ людямъ возможно большее развитіе ихъ способностей, и указалъ способъ, которымъ можно достигнуть этого,—а именно организаціей особой партіи рабочихъ. Завѣщаніе это было воспринято небольшой кучкой учениковъ, обла-

давшихъ тѣмъ даромъ, который Сенъ-Симонъ цѣнилъ выше всего—даромъ энтузіазма. Во главѣ сенъ-симонистовъ стояло двое людей—Базаръ и Анфантенъ.

Первый былъ долгое время политическимъ заговорщикомъ и однимъ изъ вождей такъ называемыхъ карбонаріевъ. Сдѣлавшись сенъ-симонистомъ, онъ не утратилъ своего революціоннаго темперамента и политическихъ интересовъ. Это была чрезвычайно замѣчательная личность и по уму, и по характеру. Второй былъ чуждъ политической жизни и видѣлъ въ сенъ-симонизмѣ преимущественно новое нравственное ученіе и новую религію. Анфантенъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже Базара.

До революціи 1830 г. сенъ-симонисты почти не обращали на себя общественнаго вниманія. Но вотъ тронъ Бурбоновъ опрокинутъ и Франція должна выбрать себѣ новый государственный строй. Черезъ нѣсколько дней послѣ революціи парижане увидѣли на стѣнахъ домовъ манифестъ никому неизвѣстной школы или секты, подписанный именами «Базаръ—Анфантенъ, провозвѣстники ученія Сенъ-Симона». Въ манифестѣ требовалось уничтоженіе всѣхъ привилегій рожденія, въ томъ числѣ и наслѣдственной собственности, провозглашался новый принципъ распредѣленія: «отъ каждаго по его способности и каждому по его дѣламъ» и возвѣщалось въ пророческомъ тонѣ много другого, столь же страннаго и непонятнаго. Манифестъ вызвалъ удивленіе и смѣхъ, но о сенъ-симонистахъ заговорили даже въ палатѣ депутатовъ, гдѣ нѣкоторые представители народа сочли весь этотъ эпизодъ достаточно серьезнымъ, чтобы обратить вниманіе правительства на опасность для общественнаго порядка отъ пропаганды новой секты.

Первые годы іюльской монархіи были короткимъ временемъ быстраго расцвѣта и столь же быстраго паденія сенъ-симонистской школы. Восторженная рѣчь, смѣлыя и новыя мысли, высказываемыя въ блестящей и образной формѣ, указывавшей на душевный подъемъ и глубокую вѣру—все это не могло не заинтересовать публику. Нѣкоторая театральность и искусственность сенъ-симонистскаго культа привлекла праздныхъ любопытныхъ. Не только въ Парижѣ, но и въ провинціальныхъ городахъ возникло нѣсколько центровъ сенъ-симонистской пропаганды. Въ Тулузѣ, Монпелье, Дижонѣ, Ліонѣ, Мецѣ образовались церкви сенъ-симонистовъ, тѣсно связанныя съ главной церковью въ Парижѣ. Проповѣди Базара и Анфантена собирали тысячи народа. Много талантливыхъ и достаточныхъ людей вошло въ общину Сенъ-Симона. «Оставляя свои занятія, свои стремленія къ богатству, свои привязанности дѣтства, — говоритъ Луи-Бланъ въ своей извѣстной «L'histoire de dix ans»—инженеры, артисты, медики, адвокаты, поэты приходили сюда, чтобы соединить свои благороднѣйшія надежды... Это былъ опытъ религіи братства!.. Отсюда отправлялись миссіонеры, чтобы сѣять слово Сенъ-Симона по всей Франціи и

эти миссіонеры вездѣ оставляли свои слѣды: въ салонахъ, замкахъ, отеляхъ, хижинахъ. Одними они были встрѣчаемы съ энтузіазмомъ, другими съ насмѣшкой или враждой. Но миссіонеры были неутомимы въ своей дѣятельности».

Инженеры, медики, адвокаты, поэты... а рабочіе? Отчего о нихъ не упоминаетъ Луи-Бланъ? Исполнилось-ли предсказаніе великаго учителя?

Нѣтъ. Въ противоположность овенизму, сенъ-симонизмъ остался до конца чуждымъ рабочему классу. Это было чисто интеллигентское движеніе, объединившее въ себѣ на нѣкоторое время многихъ талантливыхъ людей изъ достаточныхъ классовъ. Изъ среды сенъ-симонистовъ вышли блестящіе ученые, философы, публицисты—но никакого прямого вліянія на рабочее движеніе сенъ-симонизмъ не оказалъ. Сенъ-симонизмъ былъ слишкомъ аристократиченъ—отрицая родовую аристократію, Сенъ-Симонъ провозгласилъ аристократію духа — ума и таланта. Геніальный авторъ «Новаго христіанства» былъ чуждъ практической жизни и потому изъ его дѣла не могло получиться практическихъ результатовъ.

«Семейство» Сенъ-Симона получило характеръ правильно организованной религіозной общины. Анфантенъ и Базаръ получили титулы «верховныхъ отцовъ». Анфантенъ вѣнчалъ сенъ-симонистовъ, совершалъ религіозные обряды при погребеніи. Въ мастерскихъ общины работало временами до 4.000 человѣкъ, а ежегодный бюджетъ ея превышалъ 200.000 франковъ. Но всѣ эти успѣхи были мимолетны. Уже въ концѣ 1831 г. въ «семействѣ» произошелъ расколъ: верховные отцы—Базаръ и Анфантенъ—рѣшительно разошлись по вопросу о положеніи женщины въ новой церкви. Анфантенъ утверждалъ, что мужчина и женщина составляютъ одинъ нераздѣльный соціальный индивидъ, почему во главѣ церкви должна стоять пара изъ мужчины и женщины. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ провозгласилъ новое нравственное ученіе — réhabilitation de la chair (возстановленіе правъ плоти). И тѣло и духъ равно прекрасны — чувственность такъ же законна и нравственна, какъ и стремленія нашего духа. Базаръ, отказавшійся принять это ученіе, долженъ былъ выйти изъ «семейства» и скоро умеръ.

Анфантенъ остался главой церкви. Пустое кресло, стоявшее рядомъ съ нимъ въ собраніяхъ общины, краснорѣчиво говорило, что церкви не хватаетъ подруги верховнаго главы — женщины первосвященника. Наступаетъ послѣдній и самый грустный періодъ исторіи сенъ-симонизма. Возвышенное ученіе вырождается въ смѣшной фарсъ. Община повсюду ищетъ женщины, согласной и достойной занять высокое мѣсто матери сенъ-симонистовъ. Дѣлается все возможное, чтобы привлечь эту недосягаемую и недоступную женщину. Къ ней обращаются съ горячими мольбами въ религіозныхъ собраніяхъ, ее ищутъ

на балахъ, устраиваемыхъ «семействомъ» спеціально съ этой цѣлью для ея отысканія устраиваются поѣздки въ разные города Франціи Не мѣшаетъ замѣтить, что тотъ, подругу котораго такъ пламенно искали,—Анфантенъ—былъ молодымъ и очень красивымъ мужчиной, съ черными глазами и выразительными чертами лица. Въ этихъ поискахъ расходуются значительныя суммы, собранныя путемъ пожертвованій разныхъ богатыхъ людей, сочувствовавшихъ сенъ-симонизму.

Затѣмъ слѣдуетъ финансовый крахъ и «семейство» оказывается несостоятельнымъ. Но исторія послѣднихъ жалкихъ дней сенъ-симонизма еще не кончена. Нѣсколько десятковъ оставшихся до конца вѣрными адептовъ Анфантена удаляются со своимъ учителемъ во главѣ въ его наслѣдственное имѣніе Менильмонтанъ вблизи Парижа и устраиваютъ послѣднюю сенъ-симонистскую общину. Не видно, чѣмъ занимались члены этой общины: какъ кажется, главное вниманіе было обращено на внѣшность, которой Анфантенъ стремился поразить воображеніе сосѣдей и этимъ снова привлечь къ себѣ охладѣвшій общественный интересъ. Былъ выдуманъ для членовъ «семейства» особый живописный костюмъ, было обращено особое вниманіе на куафюру: мужчины носили бороды, что было въ то время большой рѣдкостью, и волосы до плечъ. Работали мало, но за то тщательно заботились о томъ, чтобы обставить работу возможно красивѣе, привлекательнѣе, и эксцентричнѣе, во время работы пѣлись особыя пѣсни, совершались особые обряды. Живой духъ совершенно отлетѣлъ отъ сенъ-симонизма и идейное движеніе угасло среди пошлости и актерства.

Окончаніе пьесы вышло эффектнымъ: въ дѣло вмѣшался судъ и доставилъ Анфантену возможность еще разъ покрасоваться передъ публикой. Менильмонтанское «семейство» подверглось обвиненію въ безнравственности и пропагандированіи вредныхъ ученій. Члены «семейства» отправились въ судъ, пришедшійся имъ какъ нельзя болѣе кстати, живописной процессіей со своимъ «отцомъ» Анфантеномъ во главѣ. Судебный діалогъ былъ въ такомъ вкусѣ:

Предсѣдатель (обращаясь къ Анфантену). «Не называете ли вы себя отцомъ человѣчества?»

Анфантенъ. «Да, я называю себя отцомъ человѣчества».

Предсѣдатель. «Не утверждаете ли вы, что вы живой законъ?»

Анфантенъ. «Да, я утверждаю, что я живой законъ» и т. д., и т. д.

Анфантенъ пробовалъ силу своего взора, который онъ имѣлъ претензію считать неотразимымъ, на судьяхъ и присяжныхъ. Судьи сердились—Анфантенъ видѣлъ въ этомъ доказательство дѣйствительности своихъ пріемовъ. «Я васъ покорилъ!» обратился онъ къ присяжнымъ. Послѣдніе отвѣтили ему присужденіемъ главы и адептовъ менильмонтанскаго «семейства» къ тюремному заключенію.

Этимъ и закончилась исторія сенъ-симонитскаго «семейства». Но исторія сенъ-симонизма, какъ опредѣленнаго круга идей, не заверши-

лась и понынѣ. Мы уже говорили, что такъ называемое матеріалистическое пониманіе исторіи есть ни что иное, какъ дальнѣйшее развитіе нѣкоторыхъ мыслей Сенъ-Симона.

Во главѣ учениковъ Сенъ-Симона стоялъ, какъ мыслитель и теоретикъ, Базаръ. Онъ былъ главнымъ авторомъ коллективнаго труда школы «Exposition de la doctrine de Saint-Simon». Это въ полномъ смыслѣ слова замѣчательное произведеніе, стоящее на уровнѣ лучшихъ работъ учителя.

Въ исторіи человѣчества, — говоритъ Базаръ, — можно подмѣтить смѣну двухъ различныхъ состояній общества, двухъ различныхъ періодовъ—органическаго и критическаго. Въ періодъ органическій человѣческое общество, въ своей массѣ, религіозно и управляется единой верховной доктриной, господствующей въ умахъ и руководящей дѣятельностью каждаго отдѣльнаго человѣка. Общество образуетъ собой связуемое общей вѣрой цѣлое. Въ критическій періодъ общая вѣра, религія утрачивается и общество превращается въ собраніе отдѣльныхъ личностей, преслѣдующихъ разныя цѣли и потому неминуемо приходящихъ къ столкновенію между собой. Исторія показываетъ, что и органическій, и критическій періоды уже дважды смѣняли другъ друга. Первый органическій періодъ продолжался въ древней Греціи до возникновенія первыхъ философскихъ системъ. Политеизмъ былъ господствующей религіей, признаваемой какъ высшими, такъ и низшими классами населенія. Политическій и соціальный строй былъ такъ же проченъ и устойчивъ, какъ и религіозныя вѣрованія. Но новыя философскія ученія поколебали наивную вѣру въ олимпійцевъ. Наступилъ критическій періодъ, выразившійся въ упадкѣ древней религіи и распаденіи прежняго общественнаго строя. Христіанство снова вернуло человѣчество въ органическій періодъ. Опять единая верховная религія подчинила себѣ умъ и душу человѣка, и люди объединились въ одномъ общемъ чувствѣ, въ одной общей вѣрѣ. Средневѣковый строй былъ высшимъ выраженіемъ органическаго періода христіанства. Но вотъ уже нѣсколько вѣковъ, какъ христіанство вступило въ критическій періодъ, начавшійся съ Лютера и реформаціи. Французская революція была кульминаціоннымъ пунктомъ этого критическаго періода. Прежній соціальный строй, основывавшійся на преобладаніи церкви и феодальной аристократіи, окончательно рухнулъ. Революція превосходно исполнила свою отрицательную задачу, она нанесла смертельный ударъ старому режиму. Но совершила ли она что-либо положительное?

Нѣтъ и нѣтъ. Наше время характеризуется общественнымъ разложеніемъ, разстройствомъ и анархіей во всѣхъ областяхъ жизни. Лозунгомъ нашего времени является знаменитое изреченіе—laissez faire, laissez passer. Экономисты вообразили, что личный интересъ всегда совпадаетъ съ общимъ интересомъ. Но это не вѣрно. Развѣ, напри-

мѣръ, введеніе машинъ не противорѣчитъ интересамъ тѣхъ рабочихъ, которые вытѣсняются машиной? На это экономисты возражаютъ, что машины приводятъ къ развитію промышленности и въ будущемъ дадутъ новые источники заработка для населенія. Но если бы даже это было вѣрно,—чѣмъ будутъ существовать рабочіе въ переходное время? Не дождавшись лучшаго времени, они умрутъ отъ голода. Руководители современнаго общества провозгласили «sauve qui peut!» (спасайся, кто можетъ!)—и великая человѣческая семья распалась на отдѣльныхъ лицъ, взявшихъ себѣ девизомъ «каждый—за себя, Богъ—ни за кого».

Любовь отлетѣла отъ людей, и грубый эгоизмъ воздвигнулъ свой храмъ въ современномъ обществѣ. Религіозное чувство угасло и съ нимъ вмѣстѣ исчезла преданность общимъ интересамъ. Средніе вѣка, несмотря на невѣжество народа, несмотря на свирѣпствовавшую національную вражду, могли подвинуть народы Европы къ одной общей великой цѣли,—напр., къ освобожденію гроба Господня. Теперь такой общей цѣли нѣтъ и быть не можетъ, ибо нѣтъ общей вѣры. Французская революція поставила знакъ минуса передъ всѣми членами символа вѣры среднихъ вѣковъ, но новаго символа вѣры не дала.

«Историки,—продолжаетъ Базаръ,—любятъ объяснять великія событія случайными причинами. Они любятъ ссылаться на появленіе геніальнаго человѣка, случайное научное открытіе. Историки не видятъ въ этихъ фактахъ слѣдствія общественнаго состоянія, сдѣлавшаго данные факты необходимыми, не видятъ, что каждое развитіе есть необходимый результатъ предшествовавшаго развитія, каждый новый шагъ обусловленъ предшествовавшими шагами. Французская революція, съ точки зрѣнія такихъ историковъ, была вызвана расточительностью двора, легкомысліемъ Калонна, разстройствомъ финансовъ, при чемъ только самые глубокіе изъ такихъ историковъ доводятъ свои изслѣдованія до эпохи раздѣленія Польши. Это-то пониманіе исторіи привело къ извѣстной пословицѣ «Aux grands effets — petites causes» (у великихъ событій — малыя причины). Но исторія, изучаемая по нашему методу, есть нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ волнующій воображеніе разсказъ о драматическихъ фактахъ прошлаго. Для насъ исторія—таблица послѣдовательной смѣны физіологическихъ состояній человѣческаго рода, разсматриваемаго въ своемъ коллективномъ существованіи. Такая исторія—точная наука».

Эта исторія учитъ насъ, что въ основѣ всѣхъ извѣстныхъ намъ общественныхъ организацій лежала и лежитъ эксплоатація однихъ общественныхъ классовъ другими. На почвѣ этой эксплоатаціи выростаетъ классовый антагонизмъ, проникавшій во всѣ времена общественную жизнь. Задача будущаго заключается въ замѣнѣ эксплоатаціи человѣка человѣкомъ эксплоатаціей человѣкомъ природы, при чемъ начало ассоціаціи должно замѣнить начало антагонизма. И эта задача

предписывается самой исторіей, ибо если мы обратимся къ исторіи, то увидимъ, что область антагонизма постоянно ограничивается, а ассоціаціи — расширяется. Какъ ни тягостно современное положеніе рабочаго класса, прежде оно было еще хуже. Современныя отношенія рабочаго къ хозяину суть результатъ долгаго развитія, первой ступенью котораго было рабство. Затѣмъ положеніе раба улучшилось— онъ превратился въ крѣпостного. Личное освобожденіе рабочаго и переходъ его къ работѣ по найму были дальнѣйшимъ улучшеніемъ его участи и уменьшеніемъ антагонизма между господствующими и подчиненными классами. Исторія говоритъ, слѣдовательно, что хотя эксплоатація человѣка человѣкомъ и не исчезла, но все же историческое развитіе выражается не ростомъ, а ослабленіемъ эксплоатаціи. Современному человѣчеству остается сдѣлать послѣдній шагъ — совсѣмъ и навсегда покончить съ эксплоатаціей. Соціальные антагонизмы должны исчезнуть и начало ассоціаціи должно стать единственной основой общественнаго устройства.

На чемъ же покоится эксплоатація въ современномъ обществѣ? На это Базаръ даетъ категорическій отвѣтъ: «На господствующей организаціи права собственности». Обыкновенно думаютъ, что право собственности есть нѣчто незыблемое и не измѣняющееся во времени. Это совсѣмъ не вѣрно: право собственности, какъ и всѣ другіе общественные институты, подлежитъ закону развитія. Государственная власть во всѣ времена регулировала право собственности, опредѣляла предметы, которые могутъ быть предметомъ собственности, а также опредѣляла и самое содержаніе этого права. Первоначально предметомъ собственности могъ быть человѣкъ, теперь человѣкъ изъятъ изъ области права собственности. Раньше собственность передавалась по завѣщанію совершенно свободно, затѣмъ было учреждено право первородства и, наконецъ, французская революція установила равный раздѣлъ наслѣдства между дѣтьми. Въ современномъ хозяйствѣ право собственности, въ сущности, есть не что иное, какъ привилегія полученія дохода, не основаннаго на трудѣ—процента или ренты. Но значеніе такой привилегіи уменьшается по мѣрѣ прогресса хозяйства, благодаря сопутствующему этому прогрессу паденію процента на капиталъ.

Современному обществу предстоитъ осуществить послѣднюю и окончательную реформу права собственности, а именно совсѣмъ уничтожить право наслѣдства. Единственнымъ наслѣдникомъ всего національнаго имущества должно стать государство.

Современный хозяйственный строй покоится на принципѣ свободы конкуренціи. Но свободная конкуренція есть не что иное, какъ новая форма безпощадной войны всѣхъ со всѣми. Неограниченное господство свободной конкуренціи приводитъ къ подавленію слабыхъ сильными, перепроизводству товаровъ и промышленнымъ кризисамъ, отъ которыхъ всего больше страдаютъ рабочіе. Государство должно по-

ложить конецъ этому порядку вещей и замѣнить господствующую анархію производства планомѣрной организаціей производительныхъ силъ общества въ интересахъ многочисленнѣйшаго и бѣднѣйшаго класса общества—рабочихъ. Задача эта будетъ осуществлена, когда въ рукахъ государства, какъ единственнаго наслѣдника, сосредоточатся всѣ средства производства страны. Тогда государство получитъ возможность распредѣлять эти средства производства между отдѣльными группами производителей соотвѣтственно способностямъ и потребностямъ каждой группы. Верховнымъ принципомъ распредѣленія будетъ правило: «отъ каждаго—по его способностямъ, каждой способности — по ея дѣламъ». Болѣе способные и полезные работники должны и получать больше; имъ должно принадлежать и руководительство работами. Распредѣленіе средствъ производства между производителями могло бы совершаться при посредствѣ центральнаго національнаго банка, который долженъ находиться въ тѣсной связи съ мѣстными банками, а черезъ посредство ихъ — со всѣми группами производителей.

Соціально-политическая программа сенъ-симонистовъ была формулирована ими, въ сжатой формѣ, въ одной изъ статей ихъ органа «Le Globe» слѣдующимъ образомъ:

«Мы стремимся къ уничтоженію всѣхъ наслѣдственныхъ привилегій, безъ исключенія; мы стремимся къ освобожденію рабочихъ и прекращенію празднаго существованія на счетъ рабочихъ; мы стремимся къ тому, чтобы почетъ, уваженіе, благосостояніе доставались въ удѣлъ лишь тѣмъ, кто питаетъ общество, просвѣщаетъ, возвышаетъ его своимъ вдохновеніемъ — иными словами, производителямъ, ученымъ, артистамъ; мы стремимся къ тому, чтобы жатва доставалась тому, кто посѣялъ; чтобы плоды трудовъ рабочихъ классовъ не поглощались праздными классами, ничего не дѣлающими, ничего не знающими, ничего не любящими, кромѣ самихъ себя; мы хотимъ общественнаго строя, всецѣло основаннаго на принципѣ: отъ каждаго—по его способностямъ, каждой способности — по ея дѣламъ; мы хотимъ постепеннаго уничтоженія всѣхъ налоговъ, которые трудъ уплачиваетъ праздности подъ различными названіями — арендной платы, наемной платы, процента на капиталъ».

Таково было ученіе сенъ-симонистовъ. Все наиболѣе существенное, характеризующее современный соціализмъ и въ области критики капиталистическаго строя и въ области положительныхъ требованій, было намѣчено школой Сенъ-Симона.

III.

Фурье.

Давно замѣчено, что геніальные люди сплошь и рядомъ кажутся современникамъ дураками. И это прискорбное недоразумѣніе, отъ ко-

тораго страдаютъ обѣ стороны, объясняется не только тупостью и ограниченностью людей золотой середины, создающихъ общественное мнѣніе. Геніальные люди нерѣдко обладаютъ крайне неуравновѣшенными натурами; ихъ мысль не горитъ яснымъ и спокойнымъ пламенемъ, какъ у простыхъ талантливыхъ людей, не владѣющихъ высшимъ, небеснымъ даромъ вдохновенія, а дрожитъ и трепещетъ, то вспыхиваетъ ослѣпительнымъ свѣтомъ, то гаснетъ и обволакивается дымомъ. Отличительной чертой генія является безстрашная смѣлость мысли, дерзновеніе, не отступающее ни передъ какими трудностями. Это дерзновеніе открываетъ геніальному уму великія тайны міра; но оно же можетъ завести и въ такія дебри нелѣпости, въ которыя никогда не попадутъ люди здраваго смысла, не мудрствующіе лукаво и идущіе проторенной дорогой. Замѣтить эти нелѣпости не трудно— и здравый смыслъ хохочетъ надъ глупостью генія.

Такимъ геніемъ, давшимъ пищу остроумцамъ многихъ поколѣній, и былъ Фурье. Высмѣять его не трудно. Онъ достигалъ предѣла нелѣпости, за которымъ уже начинается настоящая болѣзнь,—безуміе. Онъ совершенно серьезно утверждалъ, что черезъ нѣкоторое время морская вода превратится въ пріятный напитокъ вродѣ лимонада, что на землѣ появятся новыя животныя—антильвы и антитигры, которые замѣнятъ людямъ лошадей и будутъ въ нѣсколько часовъ перевозить сѣдоковъ изъ Парижа въ Ліонъ, антикиты, которые будутъ тащить на буксирѣ корабли по морю, и т. п. Онъ высчитывалъ, что въ будущемъ соціальномъ строѣ можно будетъ погасить весь огромный англійскій государственный долгъ половиной куриныхъ яицъ, ежегодно производимыхъ въ фаланстерахъ. Всѣ работы по ассенизаціи и очисткѣ отъ грязи помѣщеній фаланстера Фурье возлагалъ на «маленькія орды» (petites hordes) дѣтей, которыя подъ предводительствомъ «маленькихъ хановъ» будутъ добровольно, изъ любви къ грязи и пачкотнѣ, исполнять эти обязанности, представляющіяся столь мало привлекательными современному человѣку.

Самымъ простымъ объясненіемъ всего этого было бы признаніе Фурье сумасшедшимъ. Но нѣтъ никакихъ основаній предполагать у него психическую болѣзнь—во всякомъ случаѣ, она не проявлялась у него ни въ чемъ иномъ, кромѣ сочинительства указаннаго рода. Все заставляетъ думать, что авторъ всѣхъ этихъ небылицъ былъ въ медицинскомъ смыслѣ человѣкомъ вполнѣ здоровымъ.

Но если такъ, то не былъ ли онъ просто «идіотомъ», какимъ его рѣшительно объявляетъ извѣстный Евгеній Дюрингъ въ своей «Исторіи національной экономіи и соціализма»? Но такой приговоръ о писателѣ, могущественно повліявшемъ на общественныя движенія своего времени, создавшемъ огромную школу, относившуюся къ своему учителю съ благоговѣніемъ, писателѣ, остающемся и понынѣ, черезъ много десятковъ лѣтъ послѣ смерти, однимъ изъ самыхъ славныхъ

соціальныхъ мыслителей всего міра,—не можетъ затронуть Фурье, и свидѣтельствуетъ лишь о легкомысліи или дурномъ вкусѣ самого Дюринга. Только сильный умъ можетъ подчинять себѣ умы другихъ людей—а этотъ «идіотъ» владѣлъ, какъ никто, умами многихъ и многихъ тысячъ людей, и не просто людей толпы, а лучшихъ и талантливѣйшихъ представителей человѣческаго рода не только на своей родинѣ, но и всюду, гдѣ шевелилась мысль человѣка, и гдѣ жизнь выдвигала тѣ же вопросы, которые волновали и великую душу Фурье.

Намъ остается одно: не смущаться странностями и нелѣпостями, которыя мы можемъ найти на страницахъ Фурье, и твердо помнить, что писателя слѣдуетъ судить не по тому, чего онъ не далъ, а по тому, что онъ далъ. Космогонія Фурье—его разсужденія о морскомъ лимонадѣ и антильвахъ—никуда не годится. Много слабаго, а подчасъ и дѣтски-наивнаго, смѣшного содержится и въ его соціальной доктринѣ. Но все это не мѣшаетъ послѣдней быть, на ряду съ ученіемъ Сенъ-Симона, однимъ изъ самыхъ поразительныхъ созданій человѣческаго генія, какія мы только знаемъ. Знаменитый германскій ученый Лоренцъ Штейнъ никакъ не можетъ быть заподозрѣнъ въ особомъ пристрастіи къ соціальному утопизму. И тѣмъ не менѣе, Штейнъ даетъ слѣдующую характеристику историческаго значенія Фурье. «Ни въ одной странѣ,—говоритъ Штейнъ,—не появлялось сразу двухъ такихъ замѣчательныхъ людей въ исторіи общества, какъ Сенъ-Симонъ и Фурье. Оба они не были поняты своимъ временемъ, оба стремились съ непоколебимой вѣрой къ своей цѣли, оба умерли безъ всякой другой награды за работу своей жизни, кромѣ внутренняго удовлетворенія. Имъ обоимъ принадлежитъ слава стоять на порогѣ новаго времени, сущность и противорѣчія котораго они одни, среди всего своего народа, поняли вполнѣ ясно и заявили объ этомъ съ полной опредѣленностью. Имъ обоимъ нѣтъ мѣста въ обычной исторіи, но когда будетъ понята исторія общества, они займутъ въ ней болѣе почетное мѣсто, чѣмъ кто-либо иной».

Жизнь Фурье (1762—1837) такъ же скудна и лишена яркихъ красокъ, какъ богата красками жизнь Сенъ-Симона. О ней совсѣмъ нечего разсказать. Вся біографія его исчерпывается нѣсколькими анекдотами, которые всегда пристаютъ къ памяти великихъ людей и, по большей части, ничего не характеризуютъ. Мы знаемъ о Фурье, что онъ происходилъ изъ купеческой семьи, былъ очень бѣденъ, долгое время жилъ скуднымъ заработкомъ приказчика въ лавкѣ и не былъ женатъ. Быть можетъ, именно вслѣдствіе безсодержательности, однообразія и сѣраго тона его собственной скучной и неинтересной жизни, онъ съ такой поразительной яркостью рисовалъ прелести будущаго соціальнаго порядка, красоту фаланстера, гармоничную организацію въ немъ работъ, сопровождаемыхъ музыкой, пѣніемъ, красивыми процессіями, не могущихъ никогда наскучить и дающихъ все новую и

новую пищу уму и воображенію. Читая эти описанія, легко понять, какъ могъ Фурье выносить въ теченіе многихъ лѣтъ монотонное существованіе за купеческимъ прилавкомъ; его духъ былъ далеко отъ этого прилавка—отъ ничтожнаго міра, въ который помѣстила его судьба—и онъ жилъ въ созданномъ имъ самимъ и блещущемъ всей радугой цвѣтовъ прекрасномъ мірѣ будущаго.

Первая работа Фурье, «Théorie des quatre mouvements» (1808), была посвящена, главнымъ образомъ, его космогоническимъ мечтаніямъ, образчики которыхъ мы видѣли. Тѣмъ не менѣе, уже въ этой работѣ были намѣчены нѣкоторыя мысли относительно новаго устройства общества на началахъ ассоціаціи, болѣе полно развитыя во второмъ и главномъ трудѣ Фурье «Traité de l'association domestique agricole» (1822). Новая доктрина получила свое завершеніе въ вышедшей черезъ нѣсколько лѣтъ его послѣдней большой книгѣ «Nouveau monde industriel» (1829). Въ «Трактатѣ о домашней земледѣльческой ассоціаціи» Фурье подробно, до мельчайшихъ деталей, изложилъ планъ организаціи производительно-потребительной ассоціаціи, ячейки будущаго соціальнаго строя. Для перваго приступа къ устройству фаланстера (такъ назвалъ Фурье зданіе, въ которомъ должна найти помѣщеніе эта ассоціація будущаго), требовалась сущая бездѣлица—милліонъ франковъ. Наивный мечтатель напечаталъ приглашеніе богатымъ людямъ, располагающимъ деньгами, доставить ему этотъ милліонъ. И въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ Фурье оставался въ опредѣленный часъ дома и ждалъ миѳическаго капиталиста, долженствовавшаго превратить мечты въ дѣйствительность и дать деньги для постройки перваго соціальнаго дворца.

Этотъ капиталистъ, увы! не явился. Но все же такая горячая вѣра и такой пламенный призывъ не остались безъ отклика. Вокругъ Фурье стали группироваться поклонники и ученики. Среди нихъ нашлись люди достаточные, не располагавшіе, впрочемъ, требуемымъ милліономъ. Одинъ изъ нихъ имѣлъ большое имѣніе и предложилъ его для устройства фаланстера. Началась постройка зданія, но по недостатку средствъ дѣло не было доведено до конца. Эта неудачная попытка осуществленія на опытѣ идей Фурье была далеко не единственной. Въ Америкѣ возникло довольно много общинъ послѣдователей нашего утописта, просуществовавшихъ, впрочемъ, недолго, и имѣвшихъ такой же конецъ, какъ и знаменитая «Новая Гармонія» Оуэна.

Впрочемъ, если до постройки фаланстера дѣло и не дошло, то идея устройства огромной производительной ассоціаціи, живущей въ одномъ зданіи и сообща организующей свое потребленіе, не осталась безъ нѣкотораго практическаго осуществленія. Въ одномъ изъ сѣверныхъ департаментовъ Франціи процвѣтаетъ уже много десятковъ лѣтъ замѣчательное предпріятіе такого рода — знаменитый «familistère», устроенный горячимъ поклонникомъ Фурье, богатымъ фабрикантомъ

соціальныхъ мыслителей всего міра,—не можетъ затронуть Ф
свидѣтельствуетъ лишь о легкомысліи или дурномъ вкусѣ само
ринга. Только сильный умъ можетъ подчинять себѣ умы друг
дей—а этотъ «идіотъ» владѣлъ, какъ никто, умами многихъ и
тысячъ людей, и не просто людей толпы, а лучшихъ и талан
шихъ представителей человѣческаго рода не только на своей
но и всюду, гдѣ шевелилась мысль человѣка, и гдѣ жизнь вы
тѣ же вопросы, которые волновали и великую душу Фурье.

Намъ остается одно: не смущаться странностями и нелѣ
которыя мы можемъ найти на страницахъ Фурье, и твердо
что писателя слѣдуетъ судить не по тому, чего онъ не да
тому, что онъ далъ. Космогонія Фурье—его разсужденія о
лимонадѣ и антильвахъ—никуда не годится. Много слабаго, г
и дѣтски-наивнаго, смѣшного содержится и въ его соціаль
ринѣ. Но все это не мѣшаетъ послѣдней быть, на ряду съ
Сенъ-Симона, однимъ изъ самыхъ поразительныхъ создан
ческаго генія, какія мы только знаемъ. Знаменитый герма
ный Лоренцъ Штейнъ никакъ не можетъ быть заподозрѣ
бомъ пристрастіи къ соціальному утопизму. И тѣмъ не мен
даетъ слѣдующую характеристику историческаго значенія
въ одной странѣ,—говоритъ Штейнъ,—не появлялось с
такихъ замѣчательныхъ людей въ исторіи общества, ка
монъ и Фурье. Оба они не были поняты своимъ временем
мились съ непоколебимой вѣрой къ своей цѣли, оба умер
кой другой награды за работу своей жизни, кромѣ внутрен
творенія. Имъ обоимъ принадлежитъ слава стоять на п
времени, сущность и противорѣчія котораго они одни,
своего народа, поняли вполнѣ ясно и заявили объ этом
опредѣленностью. Имъ обоимъ нѣтъ мѣста въ обычно
когда будетъ понята исторія общества, они займутъ
почетное мѣсто, чѣмъ кто-либо иной».

Жизнь Фурье (1762—1837) такъ же скудна и л
красокъ, какъ богата красками жизнь Сенъ-Симона. О
нечего разсказать. Вся біографія его исчерпывается нѣс
дотами, которые всегда пристаютъ къ памяти велики
большей части, ничего не характеризуютъ. Мы знаем
онъ происходилъ изъ купеческой семьи, былъ очень
время жилъ скуднымъ заработкомъ приказчика въ ла
женатъ. Быть можетъ, именно вслѣдствіе безсодержа
образія и сѣраго тона его собственной скучной и неин
онъ съ такой поразительной яркостью рисовалъ пре
соціальнаго порядка, красоту фаланстера, гармоничн
въ немъ работъ, сопровождаемыхъ музыкой, пѣніемъ
цессіями, не могущихъ никогда наскучить и дающи

Годеномъ, владѣвшимъ крупнымъ металлургическимъ заводомъ. Годенъ построилъ для рабочихъ зданіе, нѣсколько напоминающее по плану фаланстеръ, и передалъ на льготныхъ условіяхъ заводъ и всѣ постройки ассоціаціи рабочихъ. Опытъ оказался, до извѣстной степени удачнымъ: правда, большая часть рабочихъ на заводѣ въ настоящее время не принадлежитъ къ ассоціаціи и работаетъ по найму, но все же нѣсколько сотъ рабочихъ входитъ въ составъ ассоціаціи (всего на заводѣ рабочихъ около двухъ тысячъ), и заводъ идетъ въ коммерческомъ смыслѣ, вполнѣ хорошо, постоянно расширяя свои обороты.

Разумѣется, все это безконечно далеко отъ проектированныхъ Фурье фаланстеровъ—еще дальше, чѣмъ современныя потребительныя общества отъ кооперативныхъ общинъ Оуэна. Жизнь безжалостно урѣзываетъ и искажаетъ утопію. Но даже и въ такомъ искаженномъ видѣ утопія не проходитъ безслѣдно для жизни, а возвышаетъ и облагораживаетъ ее.

Но сила фурьеризма, какъ общественнаго движенія, заключалась не въ подобныхъ, въ общемъ, все же неудачныхъ опытахъ. Фурьеризмъ сталъ пріобрѣтать значеніе въ политической жизни Франціи въ концѣ 30-хъ годовъ, послѣ окончательнаго крушенія сенъ-симонизма. Во главѣ школы, послѣ смерти учителя, сталъ талантливый и энергичный Викторъ Консидеранъ. Его книга «Destinée Sociale», выдержавшая 3 изданія, является безспорно лучшимъ изложеніемъ соціальной доктрины Фурье, освобожденной отъ мистическаго бреда и космогоническихъ и иныхъ нелѣпостей, присущихъ сочиненіямъ этого послѣдняго. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ фурьеристы имѣли нѣсколько довольно распространенныхъ періодическихъ органовъ. Фурьеризмъ былъ самымъ вліятельнымъ соціалистическимъ направленіемъ во Франціи въ эпоху февральской революціи, когда, хотя и на короткое время, парижскіе рабочіе стали господами положенія. Революція доставила кратковременное торжество одному изъ основныхъ правовыхъ требованій, выдвинутыхъ школой Фурье—такъ называемому праву на работу. Право на работу и организація труда—вотъ два наиболѣе популярныхъ лозунга 40-хъ годовъ. Что касается до права на работу, то эта идея, безъ сомнѣнія, принадлежитъ Фурье, при чемъ выдающуюся роль въ распространеніи ея въ массахъ сыграла книга Консидерана «Théorie du droit de propriété et du droit au trayail». Вторая идея—организаціи труда—исходила отъ сенъ-симонистовъ и была воспринята въ 40-хъ годахъ многими писателями, въ томъ числѣ и Луи Бланомъ, замѣчательнымъ ученымъ, историкомъ и общественнымъ дѣятелемъ, любимцемъ парижскихъ рабочихъ и однимъ изъ членовъ временнаго правительства, въ руки котораго перешла власть послѣ крушенія трона Луи-Филиппа.

Однимъ изъ первыхъ актовъ временнаго правительства было тор-

ть, въ своей
ютъ слѣдую-
ющіе знамени-

правительства)
вдругъ ратуша
пулась дверь и
ткалъ... Кто его
послалъ народъ,
толпой площадь
прикладомъ ружья
гарался успокоить
ему и пустилъ въ
аршъ—такъ звали
ымъ видомъ. Онъ
кричалъ: «довольно
ъ окну и написалъ
торому Ледрю Рол-

блики обязуется обез-

ражданамъ; оно при-
іаціи между собой для
овъ.
бочимъ, по праву, мил-
».
гъ опубликованъ въ «Мо-
была организація времен-
терскихъ» и разнаго рода
гѣрахъ, для исполненія взя-
-доставить работу безработ-
ышленнаго кризиса и застоя
ъ останавливаться на исторіи
его менѣе могутъ считаться
организаціи промышленныхъ
леновъ временнаго правитель-
айне враждебно и только подъ
рабочими признало право на ра-
мастерскія, имѣя при этомъ тайную
ихъ неосуществимость подобныхъ
парижскихъ рабочихъ находили не-
льныхъ мастерскихъ, въ которыхъ не
й работы: дѣло свелось къ тому, что
о на просто получалъ содержаніе изъ

средствъ государственнаго казначейства, какъ бы состоялъ на государственной пенсіи. Подобное положеніе вещей не могло долго продолжаться и, какъ только правительство окрѣпло, оно поспѣшило распустить мастерскія, что, въ свою очередь, повело къ страшнымъ іюньскимъ днямъ, безнадежному и тѣмъ болѣе отчаянному возстанію парижскихъ рабочихъ, которое было подавлено со свирѣпостью, исключительной даже для гражданскихъ войнъ. Наступила реакція, унесшая всѣ соціальныя завоеванія февральской революціи, въ томъ числѣ и право на работу, — обязательство, принятое на себя въ трудную минуту республиканскимъ правительствомъ, не придававшимъ этой вынужденной словесной уступкѣ серьезнаго значенія, никогда не думавшимъ о выполненіи своего обязательства, да и не имѣвшимъ возможности его выполнить, ибо дѣйствительное осуществленіе права на трудъ потребовало бы глубочайшаго преобразованія всего капиталистическаго хозяйства, для чего время—въ эпоху революціи 1848 г.—еще далеко не созрѣло.

Въ кратковременную, но такую прекрасную, революціонную весну 1848 г. идеи Фурье были главнымъ ферментомъ соціальнаго броженія. Луи Бланкъ проектировалъ даже нѣчто вродѣ фаланстеровъ—устройство въ Парижѣ, въ рабочихъ кварталахъ, на государственный счетъ 4 обширныхъ зданій, въ которыхъ могло бы помѣститься въ каждомъ до 400 рабочихъ семействъ. Въ этихъ зданіяхъ, устроенныхъ не только съ комфортомъ, но даже съ роскошью, рабочіе должны были бы пользоваться выгодами потребленія въ крупныхъ размѣрахъ, общественной организаціи приготовленія пищи, отопленія, освѣщенія, стирки бѣлья и пр. Проектъ этотъ не былъ осуществленъ.

Точно также вліянію фурьеристскихъ идей слѣдуетъ приписать и энергичное движеніе того же времени, направленное къ учрежденію разнаго рода производительныхъ ассоціацій — организацій рабочихъ, предпринимающихъ за свой общій счетъ, безъ участія хозяина, производство на продажу или для собственнаго потребленія тѣхъ или иныхъ продуктовъ. Въ 1848 г. среди французскихъ рабочихъ возникло болѣе сотни подобныхъ ассоціацій, большинство которыхъ распалось, но нѣкоторыя сохранились и до настоящаго времени и процвѣтаютъ, утративъ, правда, свой первоначальный характеръ и только тѣмъ отличаясь отъ обыкновенныхъ капиталистическихъ товариществъ, что большинство пайщиковъ ихъ принимаетъ личное участіе въ работѣ. Вообще, какъ показываетъ опытъ, производительныя ассоціаціи рабочихъ только въ томъ случаѣ могутъ, не превращаясь въ капиталистическія товарищества, имѣть успѣхъ, если онѣ связаны съ потребительными обществами. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ производительное предпріятіе принадлежитъ на правахъ собственности потребительному обществу. Рабочіе работаютъ по найму общества, являющагося ихъ предпринимателемъ и хозяиномъ. По этому, мастерскія потреби-

тельныхъ обществъ (напр., бельгійскія кооперативныя булочныя и пр.) не могутъ считаться въ строгомъ смыслѣ слова производительными ассоціаціями, характернымъ признакомъ которыхъ является отсутствіе хозяина и работы по найму. Что же касается до собственно производительныхъ ассоціацій, то въ развитыхъ капиталистическихъ странахъ жизнь приводитъ къ одному изъ двухъ: или къ крушенію предпріятія, или же къ превращенію его въ замкнутую компанію пайщиковъ-хозяевъ, имѣющихъ наемныхъ рабочихъ, и слѣдовательно уже не составляющихъ производительной ассоціаціи въ чистомъ видѣ.

Послѣ февральской революціи фурьеризмъ быстро сходитъ со сцены. Посмотримъ же, въ чемъ заключалось это ученіе, обаяніе котораго чувствовалось далеко за предѣлами Франціи и отзвуки котораго доходили даже до нашей родины.

Мы ставимъ въ сторонѣ всѣ тѣ части доктрины Фурье, которыя не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ соціальному вопросу, напр., его космоногію, а также и его хотя и менѣе фантастичное, но все же не представляющее въ настоящее время серьезнаго научнаго интереса ученіе о страстяхъ и движущихъ силахъ человѣческой души. Самъ авторъ, а также и его ближайшіе ученики и послѣдователи, рѣдко бываетъ справедливымъ судьей своего дѣла. Нерѣдко болѣе слабое, но своеобразное и эксцентрическое, заслоняетъ въ глазахъ школы болѣе сильныя стороны новаго ученія, менѣе бьющія въ глаза, но имѣющія несравненно большую цѣнность передъ судомъ исторической критики.

На надгробномъ памятникѣ Фурье его вѣрные ученики помѣстили два изреченія учителя, которыя въ ихъ глазахъ резюмировали всю его жизнь и его ученіе:

Les Attractions sont proportionelles aux Destinées.
La Série distribue les Harmonies.
(Влеченія пропорціональны своимъ назначеніямъ.
Серія распредѣляетъ гармонію).

Это кажется чѣмъ-то вродѣ кабалистики. Неужели, дѣйствительно, фурьеризмъ сводится къ тому, что «серія распредѣляетъ гармонію?» Конечно, нѣтъ—не этими непонятными тезисами, содержаніе которыхъ, въ концѣ концовъ, довольно скудно (объяснять его мы не будемъ, такъ какъ это завело бы насъ въ самыя дебри психологическаго ученія Фурье), этотъ странный человѣкъ вызывалъ въ теченіе многихъ десятилѣтій столько энтузіазма, столько благородныхъ чувствъ, столько негодованія противъ соціальнаго зла и столько вѣры въ лучшее будущее человѣческаго рода. Насъ интересуетъ не историческая оболочка фурьеризма, не странная и крайне неуклюжая форма, въ которой это ученіе появилось на свѣтъ — не «серіи», «пивотальныя и кардинальныя движенія», «композитныя, кабалистическія и мотыльковыя страсти» и прочія излюбленныя, но непонятныя безъ длинныхъ разъ-

ясненій формулы Фурье. Для насъ важно соціальное ядро этого ученія, и мы постараемся освободить это ядро отъ твердой скорлупы, въ которую оно заключено самимъ авторомъ.

Въ соціальномъ ученіи Фурье одинаково замѣчательны какъ критическая, такъ и положительная часть. Обѣ части неразрывно связаны между собой и исходятъ изъ одного общаго положенія: человѣкъ созданъ для счастья и задача общественнаго устройства сводится къ обезпеченію ему возможно большей суммы счастья. Несчастье, которое мы видимъ вокругъ себя, зависитъ не отъ натуры человѣка, не отъ природы, а отъ недостатковъ того, что Фурье презрительно называетъ цивилизаціей.

Мы созданы для счастья и гармоничное удовлетвореніе всѣхъ нашихъ потребностей—какъ ума, такъ и тѣла—должно доставить намъ это счастье. Но удовлетвореніе потребностей невозможно безъ внѣшнихъ средствъ,—иначе говоря, невозможно безъ *богатства*. Богатство даетъ свободу дѣлать то, что считаешь самымъ важнымъ и нужнымъ. Оно есть не только источникъ чувственныхъ наслажденій, но и необходимое условіе, матеріальная основа для осуществленія самыхъ высокихъ стремленій нашего духа. Богатство—это досугъ, владычество надъ природой. Бѣдность не только причиняетъ человѣку физическія страданія, но она унижается морально, пригибаетъ къ землѣ, приковываетъ къ отупляющимъ умъ и изсушающимъ сердце повседневнымъ заботамъ о кускѣ хлѣба, уничтожаетъ чрезмѣрнымъ физическимъ трудомъ всякую возможность упражнять наши высшія способности. Бѣдность — самое ужасное проклятіе человѣчества, и пока люди не побѣдятъ бѣдности, до тѣхъ поръ они не достигнутъ и счастья. «Богатство есть первый источникъ счастья и матеріальная свобода есть основа всякой иной свободы».

Какъ должны мы относиться съ этой точки зрѣнія къ господствующему соціальному строю—цивилизаціи? Освободила ли цивилизація человѣчество отъ бѣдности? Мы знаемъ, что нѣтъ; огромное большинство человѣчества страдаетъ нынѣ отъ бѣдности, которая не уменьшается, а увеличивается, по мѣрѣ успѣховъ цивилизаціи. Первобытный человѣкъ былъ свободнѣе и богаче современнаго рабочаго.

Но не коренится ли причина бѣдности въ условіяхъ внѣшней природы, въ недостаточности предметовъ потребленія, которыми можетъ располагать общество? Дѣйствительно, національное богатство даже самыхъ богатыхъ странъ, сравнительно, очень велико. Если бы весь національный доходъ раздѣлить поровну между всѣми жителями страны, на долю каждаго пришелся бы доходъ весьма незначительный. Теперь богато лишь меньшинство, а при равномъ раздѣленіи дохода не будетъ никого богатаго—наступитъ общее равенство бѣдности. Это доказывается статистикой даже самыхъ богатыхъ странъ. Такъ, если равномѣрно распредѣлить національный доходъ Франціи, то на долю

каждаго француза придется въ день 55 сантимовъ (20 копѣекъ). Это— настоящая бѣдность. Не слѣдуетъ ли отсюда, что причины бѣдности заключаются не въ общественномъ устройствѣ, а въ условіяхъ самой природы?

Отнюдь нѣтъ. Дѣйствительно, цивилизація способна обезпечить обществу только весьма скудный національный доходъ. Но это зависитъ лишь отъ недостатковъ общественнаго устройства цивилизаціи. Этотъ строй частью не утилизируетъ имѣющихся уже общественныхъ производительныхъ силъ, частью прямо разрушаетъ ихъ. Цивилизація не удовлетворяетъ «первому требованію, которое слѣдуетъ предъявить къ хорошей соціальной организаціи — требованію созданія возможно большей суммы богатства». Посмотримъ же, въ чемъ заключаются «пороки цивилизаціи» — особенности современнаго устройства, приводящія къ тому, что общественный продуктъ такъ ничтожно малъ.

Прежде всего, при господствующей организаціи общества огромное количество человѣческой рабочей силы или пропадаетъ безъ всякой пользы обществу, или же прямо направляется къ разрушенію богатства. Цивилизованное общество состоитъ въ своей большей части изъ непроизводительныхъ элементовъ. Такими паразитами являются:

1) *Доматніе непроизводительные элементы* — женщины, дѣти и прислуга. «Три четверти городскихъ женщинъ и половина деревенскихъ должны считаться непроизводительными, такъ какъ рабочая сила ихъ утилизируется крайне недостаточно домашнимъ хозяйствомъ». То же слѣдуетъ сказать «о трехъ четвертяхъ дѣтей, совершенно безполезныхъ въ городахъ и мало полезныхъ въ деревнѣ», и «трехъ четвертяхъ домашней прислуги, работа которой, въ сущности, безполезна».

2) *Соціальные непроизводительные элементы*: а) военные всякаго рода: «армію держатъ безъ всякаго производительнаго дѣла, пока ея не употребятъ на дѣло разрушенія»; б) легіоны чиновниковъ и служащихъ по сбору податей: в) «добрая половина промышленныхъ рабочихъ, признаваемыхъ полезными, но относительно непроизводительныхъ, въ виду плохого качества изготовляемыхъ ими продуктовъ»; г) «$^{9}/_{10}$ торговцевъ и служащихъ у нихъ»; д) «$^{2}/_{3}$ участвующихъ въ транспортѣ по сушѣ и морю»; е) не имѣющіе занятій или работы, по какой бы то ни было причинѣ; ж) «софисты и пустые болтуны»; з) люди праздные, «такъ называемые comme il faut, проводящіе жизнь въ ничего недѣланіи, сюда же входятъ и лакеи такихъ людей и вся ихъ прислуга»; и) заключенные въ тюрьмахъ представляютъ собой классъ людей вынужденной праздности; к) и, наконецъ, всѣ отверженцы современнаго общества находящіеся въ открытой враждѣ съ нимъ—мошенники, игроки, публичныя женщины, нищіе, воры, разбойники и другіе враги общества, «число которыхъ нисколько не уменьшается и борьба съ которыми требуетъ содержанія полиціи и администраціи, одинаково непроизводительныхъ».

ложить конецъ этому порядку вещей и замѣнить господствующую анархію производства планомѣрной организаціей производительныхъ силъ общества въ интересахъ многочисленнѣйшаго и бѣднѣйшаго класса общества—рабочихъ. Задача эта будетъ осуществлена, когда въ рукахъ государства, какъ единственнаго наслѣдника, сосредоточатся всѣ средства производства страны. Тогда государство получитъ возможность распредѣлять эти средства производства между отдѣльными группами производителей соотвѣтственно способностямъ и потребностямъ каждой группы. Верховнымъ принципомъ распредѣленія будетъ правило: «отъ каждаго—по его способностямъ, каждой способности — по ея дѣламъ». Болѣе способные и полезные работники должны и получать больше; имъ должно принадлежать и руководительство работами. Распредѣленіе средствъ производства между производителями могло бы совершаться при посредствѣ центральнаго національнаго банка, который долженъ находиться въ тѣсной связи съ мѣстными банками, а черезъ посредство ихъ — со всѣми группами производителей.

Соціально-политическая программа сенъ-симонистовъ была формулирована ими, въ сжатой формѣ, въ одной изъ статей ихъ органа «Le Globe» слѣдующимъ образомъ:

«Мы стремимся къ уничтоженію всѣхъ наслѣдственныхъ привилегій, безъ исключенія; мы стремимся къ освобожденію рабочихъ и прекращенію празднаго существованія на счетъ рабочихъ; мы стремимся къ тому, чтобы почетъ, уваженіе, благосостояніе доставались въ удѣлъ лишь тѣмъ, кто питаетъ общество, просвѣщаетъ, возвышаетъ его своимъ вдохновеніемъ — иными словами, производителямъ, ученымъ, артистамъ; мы стремимся къ тому, чтобы жатва доставалась тому, кто посѣялъ; чтобы плоды трудовъ рабочихъ классовъ не поглощались праздными классами, ничего не дѣлающими, ничего не знающими, ничего не любящими, кромѣ самихъ себя; мы хотимъ общественнаго строя, всецѣло основаннаго на принципѣ: отъ каждаго—по его способностямъ, каждой способности — по ея дѣламъ; мы хотимъ постепеннаго уничтоженія всѣхъ налоговъ, которые трудъ уплачиваетъ праздности подъ различными названіями — арендной платы, наемной платы, процента на капиталъ».

Таково было ученіе сенъ-симонистовъ. Все наиболѣе существенное, характеризующее современный соціализмъ и въ области критики капиталистическаго строя и въ области положительныхъ требованій, было намѣчено школой Сенъ-Симона.

III.

Фурье.

Давно замѣчено, что геніальные люди сплошь и рядомъ кажутся современникамъ дураками. И это прискорбное недоразумѣніе, отъ ко-

настоящаго времени ни у одного класса населенія не существуетъ такихъ растяжимыхъ понятій о чести, дозволенномъ и недозволенномъ, какъ у торговцевъ. Обманъ составляетъ и понынѣ почти неизбѣжную принадлежность торговли, показывающую, что цивилизованный коммерсантъ нашего времени сохранилъ многія черты духовнаго сродства со своимъ отдаленнымъ предкомъ.

Что касается до отверженцевъ современнаго общества—преступниковъ всякаго рода—то существованіе этого класса, по мнѣнію Фурье, должно быть всецѣло поставлено въ вину господствующему общественному строю—цивилизаціи. «Кто рѣшится утверждать, что эти несчастныя созданія вышли бы такими, каковы они теперь, если бы они были поставлены въ благопріятныя условія жизни, если бы общество пребывало, по отношенію къ нимъ, съ самаго ихъ дѣтства, нѣжной и предусмотрительной матерью, если бы они нашли воспитаніе, достатокъ и интересную работу? Развѣ надъ этими существами тяготѣетъ проклятіе? Развѣ они рождены разбойниками, негодяями, проститутками? Но если такъ, то въ чемъ же ихъ вина? А если это не такъ, то слѣдуетъ согласиться, что хорошая соціальная организація могла бы сдѣлать этихъ людей полезными обществу. Нужно не кричать противъ порока, преступленія, зла—уже много тысячъ лѣтъ мы слышимъ эти крики, и добродѣтель могла бы отъ нихъ охрипнуть. Нужно найти корень зла, открыть общественныя причины пороковъ, преступленій и уничтожить эти причины».

Такимъ образомъ, «первая порочная черта цивилизаціи—это колоссальная потеря человѣческой рабочей силы... созданіе безчисленныхъ легіоновъ непроизводительныхъ или разрушительныхъ общественныхъ элементовъ». Этого, однако, мало: цивилизація не умѣетъ утилизировать и тѣхъ немногихъ рабочихъ, которые заняты производительнымъ трудомъ.

Всѣмъ извѣстны выгоды производства въ крупныхъ размѣрахъ,—выгоды, зависящія, главнымъ образомъ, отъ раздѣленія труда, болѣе полнаго утилизированія рабочей силы, капитала и примѣненія машинъ. Но мелкое производство все еще существуетъ даже въ самыхъ передовыхъ странахъ. Особенно страдаетъ отъ этого земледѣліе. Во Франціи большая часть территоріи принадлежитъ мелкимъ хозяевамъ—крестьянамъ. Какую страшную растрату человѣческой силы представляетъ собой современное крестьянское хозяйство!

Раздробленность хозяйства крайне затрудняетъ всякія общія предпріятія, которыя нерѣдко необходимы для земледѣлія, какъ, напр., ирригація, дренированіе почвы, осушеніе болотъ и пр.

Если бы эти сотни мелкихъ участковъ были соединены въ одно крупное помѣстье, если бы вмѣсто этихъ сотенъ жалкихъ хижинъ было построено одно огромное зданіе, если бы вся земля обрабатывалась сообща, по одному общему плану и за общій счетъ, всѣми

этими сотнями производителей, то можно ли сомнѣваться, что количество собираемыхъ продуктовъ возрасло бы въ огромной степени и что та же площадь земли доставила бы несравненно больше богатства своему населенію?

Еще очевиднѣе выгоды крупнаго производства въ промышленности; а такъ какъ и здѣсь мелкое производство еще далеко не исчезло, то, значитъ, во всѣхъ областяхъ хозяйства мы наблюдаемъ неспособность цивилизаціи утилизировать наилучшимъ образомъ производительныя силы общества.

Но раздробленность производства далеко не единственный недостатокъ господствующей организаціи хозяйства. Не меньшимъ зломъ является самый характеръ хозяйственной работы. Работа эта совершенно лишена привлекательности, человѣкъ соглашается исполнять ее только подъ вліяніемъ необходимости, нужды, голода, и, разумѣется, исполняетъ крайне плохо. Мы такъ привыкли къ этому, что считаемъ хозяйственный трудъ по самому существу чѣмъ-то тягостнымъ и непріятнымъ. Причина нашего отвращенія къ труду коренится, однако, не въ самомъ существѣ этого рода дѣятельности, а въ неудовлетворительной соціальной организаціи труда, въ тяжелой обстановкѣ хозяйственнаго труда при господствѣ цивилизаціи. Не видимъ ли мы, что люди добровольно, ради наслажденія дѣятельностью, берутъ на себя труды далеко превосходящія затратой силы самый упорный хозяйственный трудъ? Охотникъ-любитель часто утомляетъ себя болѣе, чѣмъ любой наемный рабочій; однако, онъ не тяготится этимъ трудомъ. Почему же? Потому что трудъ соотвѣтствуетъ его влеченію, начинается и кончается по желанію человѣка. Всякая работа непріятна, если она исполняется по принужденію; и, наоборотъ, всякій трудъ, въ томъ числѣ и хозяйственный, можетъ доставлять наслажденіе, если онъ не слишкомъ продолжителенъ, исполняется добровольно и соотвѣтствуетъ вкусамъ и способностямъ человѣка.

Непривлекательность хозяйственнаго труда при господствѣ цивилизаціи зависитъ, слѣдовательно, отъ плохой организаціи хозяйства. Рабочій, работающій изъ-подъ палки, произведетъ, конечно, гораздо меньше, чѣмъ человѣкъ, наслаждающійся самымъ процессомъ труда и работающій съ увлеченіемъ. Итакъ, вотъ еще одинъ «порокъ цивилизаціи», приводящій къ уменьшенію общественнаго продукта.

Но перечень «пороковъ цивилизаціи» еще далеко не исчерпанъ. Всѣмъ извѣстно, насколько энергичнѣе трудъ собственника труда наемнаго рабочаго. Цивилизація стоитъ передъ альтернативой: или трудъ собственника и мелкое производство, не дающее возможности пользоваться завоеваніями техники, или крупное производство и плохая, небрежная работа по найму. Соединить выгоды крупнаго производства съ преимуществами работы не по найму, а для себя, въ свою пользу, цивилизація оказалась не въ силахъ.

Затѣмъ, посмотримъ на весь хозяйственный организмъ цивилизаціи въ его цѣломъ. Единственною связью между отдѣльными хозяйствами является товарный обмѣнъ, въ области котораго царитъ, такъ называемая, свободная конкуренція. Никакого общаго плана общественнаго производства не существуетъ; каждый заботится только о себѣ и не заботится объ остальныхъ. Въ результатѣ получается не гармонія интересовъ, какъ утверждаютъ экономисты, а ожесточенная война всѣхъ противъ всѣхъ, обогащеніе однихъ на счетъ другихъ, разореніе неудачныхъ предпринимателей, банкротства, принимающія массовой характеръ во время торговыхъ и промышленныхъ кризисовъ, когда фабрики закрываются одна за другой и рабочіе терпятъ неслыханныя лишенія.

Все это даетъ право на заключеніе, что «господствующая форма общественнаго устройства противорѣчитъ общимъ интересамъ какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и народовъ; она истощаетъ и убиваетъ общественный организмъ... И однако, дѣло не въ недостаткѣ средствъ для достиженія лучшаго: земля, капиталы, промышленность, могучая сила машинъ, искусствъ и наукъ, мускулистыхъ рукъ и мысли человѣка находятся въ распоряженіи общества. Весь вопросъ сводится къ лучшей организаціи производства. Нужно ее найти, эту организацію, и испробовать на опытѣ. Это великій вопросъ судебъ человѣчества, вопросъ спасенія или гибели, богатства или нищеты, быть можетъ, жизни или смерти современнаго челевѣчества!»

Итакъ, мы нашли причины ничтожности общественнаго богатства, даже у самыхъ богатыхъ народовъ нашего времени. Причины эти всецѣло коренятся въ господствующей соціальной организаціи. Она сковываетъ производительныя силы общества, превращаетъ большую часть населенія въ паразитовъ, а остальной, производительной части не даетъ возможности вполнѣ использовать свои силы, создающія, такимъ образомъ, только ничтожную долю богатства, которое общество могло бы произвести при лучшей организаціи. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ бѣдность должна быть, даже при самомъ справедливомъ распредѣленіи общественнаго дохода, неизбѣжнымъ удѣломъ человѣчества.

Какой же выходъ изъ этого безотраднаго положенія вещей? Фурье находитъ выходъ въ созданіи новой соціальной организаціи, планъ которой выработанъ имъ во всѣхъ деталяхъ. Но прежде, чѣмъ перейти къ положительному рѣшенію соціальнаго вопроса у Фурье, остановимся на философіи исторіи этого оригинальнаго мыслителя.

Жизнь общества, говоритъ Фурье, подобна жизни отдѣльнаго человѣка. Человѣчество также переживаетъ дѣтство, достигаетъ зрѣлости, потомъ клонится къ упадку и смерти. До сихъ поръ человѣчество еще не пережило дѣтства и далеко отъ зрѣлости. Даже періодъ дѣтства еще не законченъ. Этотъ первый фазисъ развитія человѣчества—фазисъ дѣтства—слагается изъ 7-ми періодовъ:

1—эденизма;
2—дикаго состоянія;
3—патріархата;
4—варварства;
5—цивилизаціи;
6—гарантизма;
7—простой ассоціаціи, зари счастья.

О первомъ періодѣ, эденизмѣ, у всѣхъ народовъ сохранились воспоминанія, какъ объ утраченномъ золотомъ вѣкѣ. Въ этомъ періодѣ земельная собственность еще не существуетъ, природа въ изобиліи даетъ человѣку свои дары, и потому въ человѣческомъ обществѣ господствуетъ согласіе, отсутствуютъ внутренніе раздоры и войны. Образцомъ такого состоянія человѣчества можетъ служить жизнь таитянъ и другихъ жителей Полинезіи. Человѣкъ въ этомъ періодѣ счастливъ, но это состояніе не можетъ долго длиться. Увеличеніе народонаселенія мало-по-малу приводитъ къ тому, что первоначальное изобиліе смѣняется голодомъ. Гармонія интересовъ исчезаетъ, развиваются противуобщественныя страсти и первобытная община распадается. Только то чувство, которое необходимо для продолженія человѣческаго рода, именно семейныя привязанности, переживаетъ общее крушеніе. Это-то чувство и становится узкимъ и ограниченнымъ основаніемъ общества въ послѣдующіе періоды.

Изобрѣтается оружіе и человѣчество вступаетъ во второй фазисъ—фазисъ дикости. Начинается война. Отдѣльныя семьи соединяются, чтобы увеличить силу своего сопротивленія и нападенія и, такимъ образомъ, возникаетъ племя. Промышленность въ этомъ періодѣ ограничивается охотой, рыбной ловлей и изготовленіемъ оружія. Женщина дѣлается рабой; частной собственности на землю въ этомъ періодѣ все еще нѣтъ. Всѣ члены племени свободно добываютъ себѣ пропитаніе и пользуются «естественными правами», обезпечивающими имъ существованіе. Эти естественныя права суть: право свободной охоты, свободной ловли рыбы, свободнаго собиранія плодовъ и свободной пастьбы скота. Безъ нихъ невозможна была бы жизнь человѣка въ этомъ фазисѣ исторіи.

Права эти могутъ, поэтому, разсматриваться, какъ естественное достояніе человѣческаго рода. Что же сталось съ этими правами теперь, въ цивилизованномъ состояніи общества? Пользуются ли ими всѣ члены общества? Нѣтъ! Но если такъ, «если соціальная организація (нашего времени) лишаетъ этихъ правъ часть гражданъ, то она должна гарантировать имъ въ обмѣнъ нѣкоторый эквивалентъ, каковымъ является *право на работу*».

«Пролетарій цивилизованнаго общества, лишенный, безъ всякаго вознагражденія, своихъ естественныхъ правъ, раздираемый своими обязанностями, присоединяющій къ тягостямъ сегодняшняго дня за-

боту о завтрашнемъ, пожираемый безпокойствомъ относительно своей участи и своего семейства, находится, конечно, въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ дикарь. Не удивительно, что цивилизація противна дикарю». Извѣстно, что дикари не выносятъ скуки и монотонности цивилизованной жизни, между тѣмъ какъ матросы цивилизованныхъ націй, попавшіе къ островитянамъ Полинезіи, не хотятъ возвращаться къ себѣ на родину.

Переходъ къ 3-ему и 4-ому періодамъ—патріархату и варварству—вызывается изобрѣтеніемъ новаго орудія производства—плуга. Охота перестаетъ давать достаточно средствъ къ жизни, возникаетъ земледѣліе, и вмѣстѣ съ тѣмъ частная собственность на землю, которой до этого времени человѣчество не знало. Человѣкъ прикрѣпляется къ землѣ, образуется государство, земледѣліе и обрабатывающая промышленность дѣлаютъ первые успѣхи. Но надъ всѣмъ господствуютъ люди меча, владычество грубой силы достигаетъ своего апогея. Болѣе слабые находятся въ рабствѣ у болѣе сильныхъ. Пріобрѣтаетъ большое вліяніе классъ духовенства; жрецы сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ знанія и искусства своего времени и начинаютъ изслѣдовать природу. Храмы являются колыбелью науки. Правда, жрецы стремятся скрыть знанія отъ людей, но это имъ не удается. Развитіе науки приводитъ къ новому періоду исторіи человѣчества, цивилизаціи.

Въ этомъ періодѣ мы находимся въ настоящее время. Рабство сначала замѣняется крѣпостнымъ правомъ, а затѣмъ рабочій получаетъ личную свободу, женщина выходитъ изъ гарема и ея гражданскія права все болѣе и болѣе приравниваются къ правамъ мужчины.

«Историческая задача цивилизаціи — созданіе наукъ, искусствъ и крупной промышленности». Цивилизація преобразовала технику производства, поставивъ ее на научную почву. Естествознаніе становится, благодаря цивилизаціи, базисомъ промышленности. Но вслѣдствіе вышеуказанныхъ коренныхъ пороковъ, присущихъ цивилизаціи, какъ особой формѣ соціальной организаціи, успѣхи наукъ и промышленности покупаются крайне тяжелой цѣной—цѣной счастья большинства населенія.

Цивилизація — не конечный фазисъ исторіи человѣчества, а лишь промежуточный между варварствомъ и ассоціаціей. Можно замѣтить два періода въ движеніи цивилизаціи—восходящій и нисходящій. Мы находимся въ нисходящемъ періодѣ, въ періодѣ отживанія господствующаго соціальнаго строя и нарожденія новаго. Признаки упадка стараго и могучаго роста новаго видны всюду. Отличительной чертой цивилизаціи является господство частной собственности, единоличнаго предпринимательства и свободной конкуренціи. Но что мы видимъ теперь? Вездѣ растутъ ассоціаціи капитала, подъ названіемъ акціонерныхъ компаній. Вездѣ мелкая собственность, мелкое производство экспропріируются крупнымъ капиталомъ и создаются новыя монополіи.

Свободная конкуренція становится пустымъ звукомъ. «Могущество крупныхъ капиталовъ, умноженное сліяніемъ ихъ въ акціонерныя компаніи, раздавливаетъ, при помощи машинъ и пріемовъ крупнаго производства, среднихъ и мелкихъ промышленниковъ и торговцевъ. Пролетаріатъ и пауперизмъ идутъ впередъ гигантскими шагами. И такъ какъ капиталисты живутъ въ городахъ, то въ городахъ раньше всего и достигаетъ господства промышленный феодализмъ и обнаруживаются раньше всего его гибельныя послѣдствія; въ городахъ скопляются массы пролетаріевъ, живущихъ изо дня въ день безъ всякой связи съ хозяиномъ, соединявшей въ былыя времена сеньора и вассала. Батальоны нищеты угрожаютъ цивилизаціи».

Въ восходящемъ періодѣ цивилизаціи революціи имѣютъ политическій характеръ; въ нисходящемъ «революціи принимаютъ характеръ соціальный; дѣло идетъ не о формѣ правленія, а о формѣ собственности и самомъ правѣ собственности. Дѣло идетъ о глубочайшей основѣ соціальнаго устройства».

Новый соціальный строй естественно, самъ собой, развивается въ нѣдрахъ стараго. Собственность мѣняетъ свою форму: «изъ индивидуальной, простой и исключительной она становится акціонерной, сложной и общественной». Производство становится общественнымъ, благодаря поглощенію мелкаго производства крупнымъ, которое начинается въ промышленности, но затѣмъ должно распространиться и на сельское хозяйство. Цивилизованныя страны идутъ къ тому, чтобы превратиться въ огромную территорію, эксплоатируемую и утилизируемую рабочими массами въ интересахъ небольшой кучки всемогущихъ собственниковъ.

«Капиталы неудержимо слѣдуютъ закону взаимнаго притяженія. Тяготѣя другъ къ другу пропорціонально своимъ массамъ, общественныя богатства все болѣе концентрируются въ рукахъ крупныхъ собственниковъ. Иначе и быть не можетъ, при общей раздробленности интересовъ, потому что мелкая мануфактура, мелкая фабрика, не могутъ бороться съ крупной мануфактурой, крупной фабрикой; потому что мелкое земледѣліе, все болѣе и болѣе раздробляясь, не можетъ бороться съ крупнымъ земледѣліемъ, съ его орудіями производства, капиталами, объединеннымъ производствомъ; потому что всѣ открытія наукъ и искусствъ суть, фактически, монополія богатыхъ классовъ и постоянно увеличиваютъ могущество этихъ классовъ; потому что, наконецъ, капиталы увеличиваютъ силу того, кто обладаетъ ими, и раздавливаютъ того, кто ими не обладаетъ... Современное соціальное движеніе экспропріируетъ все болѣе и болѣе низшіе и бѣднѣйшіе классы въ интересахъ высшихъ и богатыхъ классовъ... Пролетаріатъ и пауперизмъ возростаютъ вмѣстѣ съ населеніемъ и даже быстрѣе его, вмѣстѣ съ прогрессомъ промышленности... Конкуренція рабочихъ связываетъ пролетарія по рукамъ и ногамъ и передаетъ его во власть

новыхъ владыкъ (капиталистовъ); народныя массы становятся новыми крѣпостными». И, однако, равенство передъ закономъ остается первымъ параграфомъ конституціи; всѣ различные виды свободы—свобода личности, свобода совѣсти, свобода печати — остаются неприкосновенными...

Такова данная Фурье, поистинѣ геніальная (несмотря на свои преувеличенія), характеристика соціальнаго развитія нашего времени. Правда, исторія не оправдала этихъ мрачныхъ предсказаній; темныя краски наложены въ этой замѣчательной картинѣ слишкомъ густо и общая концепція развитія слишкомъ схематична. Жизнь частью опровергла эту схему, частью усложнила ее. Но какъ мало осталось Марксу прибавить къ схемѣ Фурье, чтобы создать свое знаменитое ученіе о законахъ развитія капиталистическаго хозяйства!

Переходомъ къ новому соціальному строю является «гарантизмъ»—періодъ урегулированнаго капиталистическаго хозяйства, какъ сказали бы мы теперь. Въ этомъ періодѣ, который еще не наступилъ, крупное капиталистическое производство окончательно разрушитъ мелкое, и явится возможность планомѣрной организаціи общественнаго производства подъ руководствомъ крупныхъ капиталистическихъ компаній. Это вызоветъ огромное увеличеніе общественнаго богатства. Въ то же время, отношенія труда и капитала приблизятся къ характеру ассоціаціи благодаря распространенію такихъ формъ оплаты труда, какъ участіе рабочихъ въ прибыляхъ. Собственность, благодаря полному господству коллективнаго предпринимательства, приметъ соціальный характеръ, и, такимъ образомъ, мало-по-малу создадутся условія для соціальнаго строя будущаго—ассоціаціи.

Какой же соціальный строй придетъ на смѣну цивилизаціи? Ячейкой его будетъ организованная община, коммуна. Коммуна и въ современномъ обществѣ является самымъ важнымъ соціальнымъ элементомъ; но она не организована, и потому общественное хозяйство идетъ такъ плохо. Коммуны—это камни, изъ которыхъ строится общественное зданіе. Если камни не отесаны, не пригнаны другъ къ другу, то для ихъ скрѣпленія нужно много цемента; напротивъ, для хорошо отесанныхъ камней не требуется большого количества скрѣпляющаго матеріала—они держатся собственною тяжестью. При дурномъ устройствѣ или полномъ неустройствѣ коммуны требуется много чиновниковъ, сильная правительственная власть, сложная администрація, для того, чтобы общественная машина могла работать; при хорошемъ устройствѣ коммуны правительству останется мало дѣла. Коммуна создаетъ богатство — вотъ почему и главное вниманіе соціальныхъ реформаторовъ должно быть обращено на коммуну. Отсюда ясна безсодержательность политическихъ революцій, направленныхъ на преобразованіе формы правленія и оставлявшихъ незатронутымъ самый важный соціальный элементъ—коммуну.

A touch of Syndicalism
or Revolutionary Gr[illegible]

Важнѣйшей задачей всякой общественной организаціи является созданіе богатства, матеріальной основы прогресса. Соціальный вопросъ сводится къ такой организаціи коммуны, при которой возможно было бы наибольшее производство богатства. Для этого требуется достигнуть гармоническаго соединенія въ коммунѣ трехъ факторовъ производства—земли, труда и капитала.

Если мы обратимъ вниманіе на организацію хозяйства въ современномъ обществѣ, то увидимъ, что въ немъ имѣются два различныхъ вида хозяйства: крупное, при помощи наемнаго труда, и мелкое при помощи труда собственниковъ. И тотъ и другой видъ хозяйства имѣютъ свои недостатки и достоинства. Крупное хозяйство выше въ техническомъ отношеніи, но за то въ немъ рабочій не заинтересованъ въ результатахъ труда и работаетъ плохо. Мелкое хозяйство стоитъ на низкомъ техническомъ уровнѣ, но за то въ немъ человѣкъ трудится для самого себя.

Задача въ томъ, чтобы воспользоваться преимуществами крупнаго производства и не утерять выгодъ мелкаго. Образцовая коммуна должна удовлетворять поэтому слѣдующимъ требованіямъ: 1) собственность не должна быть въ ней раздроблена; 2) всѣ земельные участки коммуны и всѣ отрасли промышленности должны эксплоатироваться подъ руководствомъ одной власти; 3) система наемнаго труда, при которой рабочій не заинтересованъ въ продуктахъ своего труда, должна быть замѣнена системою общаго участія всѣхъ въ общемъ продуктѣ пропорціонально участію каждаго въ производствѣ.

Нужно создать ассоціацію нѣсколькихъ сотъ семей (Фурье беретъ 400 семействъ), которая могла бы совмѣстно вести хозяйство. Для этого не требуется экспропріировать кого бы то ни было. Собственникъ не лишается своей собственности, отдавая ее такой ассоціаціи, такъ какъ, взамѣнъ своей собственности, онъ получаетъ акціи, доходъ которыхъ, по разсчетамъ Фурье, будетъ несравненно выше, чѣмъ доходъ съ собственности при индивидуальномъ владѣніи.

Такую коммуну, организованную согласно его плану, Фурье называетъ фалангой, а соціальный дворецъ, который предназначенъ для жизни членовъ фаланги,—фаланстеромъ.

Хозяйство фаланги не должно имѣть характера коммунизма. Коммунизмъ стремится къ полному равенству, отрицаетъ права капитала и таланта, и признаетъ только права труда. Коммунизмъ разсчитываетъ достигнуть общаго довольства не путемъ гармоническаго развитія всѣхъ страстей человѣка, а путемъ подавленія нѣкоторыхъ изъ нихъ, при томъ наиболѣе содѣйствующихъ матеріальному и интеллектуальному прогрессу, каковы стремленіе къ превосходству, честолюбіе, жажда богатства и пр.

Основная идея коммунизма есть не болѣе, какъ половина соціальной идеи,—именно, принципъ коллективности, ассоціаціи, и при томъ

въ своей грубой, неразвитой формѣ, точно такъ же, какъ основная идея современнаго строя—принципъ индивидуализма—есть другая половина соціальной идеи. Гармоничное соединеніе этихъ двухъ несовершенныхъ элементовъ въ высшей и сложной комбинаціи должно стать основной идеей ассоціаціи будущаго, фаланги.

Мы уже сказали, что въ фалангѣ частная собственность отнюдь не уничтожается, но только принимаетъ иную форму — форму права участія въ общихъ доходахъ, а не права исключительнаго пользованія тѣмъ или инымъ орудіемъ производства. Послѣднее право, естественно, отпадаетъ, такъ какъ производство въ фалангѣ ведется сообща; предметы потребленія могутъ быть, однако, объектомъ индивидуальной собственности. Вообще индивидуальная свобода въ фаланстерѣ не испытываетъ никакого ограниченія. Каждый живетъ такъ, какъ хочетъ, можетъ обѣдать въ своемъ собственномъ углу и не принимать участія въ общихъ обѣдахъ, если этого пожелаетъ, хотя собственная выгода и должна побуждать его къ участію въ коллективной организаціи потребленія, которая представляетъ такія же огромныя преимущества, какъ и коллективная организація производства. Именно въ виду выгодности производства и потребленія въ крупныхъ размѣрахъ, и то, и другое будетъ организовано въ фаланстерѣ на коллективныхъ началахъ.

Фурье подробно описываетъ, какія огромныя сбереженія получатся, если сотни отдѣльныхъ маленькихъ кухонь будутъ замѣнены одной огромной кухней въ фаланстерѣ, если сотни прачешныхъ, кладовыхъ, подваловъ будутъ соединены въ одно огромное цѣлое въ будущей коммунѣ. Политико-экономы относятся обыкновенно съ презрѣніемъ къ организаціи домашняго хозяйства: это кажется имъ дѣломъ мелкимъ, тривіальнымъ. На самомъ же дѣлѣ трудно и оцѣнить, какая масса капитала и труда безполезно растрачивается благодаря раздробленію потребленія.

Что касается до преимуществъ коллективнаго производства, какъ оно будетъ организовано въ фалангѣ, то выгоды его должны быть еще больше. Всѣмъ извѣстно, что крупная промышленность вытѣсняетъ мелкую именно благодаря большей производительности труда въ крупномъ производствѣ. Но фаланга будетъ имѣть одно важное преимущество передъ современнымъ крупнымъ предпріятіемъ: ей будетъ выгодно вводить такія машины, такіе усовершенствованные пріемы производства, которые не могутъ быть усвоены современной промышленностью потому, что этому препятствуетъ низкая заработная плата (дѣлающая ручную работу болѣе дешевымъ способомъ производства, чѣмъ машинную) и сопротивленіе рабочихъ введенію новыхъ машинъ. Машина перестанетъ быть врагомъ человѣка, какимъ она является при современномъ несовершенномъ устройствѣ общества, и станетъ его помощникомъ и слугою.

Точно также будетъ преобразовано и земледѣліе. Соединеніе въ фаланстерѣ земледѣлія съ промышленностью дастъ возможность избѣжать еще одного огромнаго недостатка хозяйственнаго устройства цивилизаціи, именно, вынужденной праздности земледѣльца въ зимнее время.

Наконецъ, въ области торговли преимущества фаланги не менѣе очевидны. Покупки въ розницу, небольшими партіями, черезъ частые промежутки, при огромной затратѣ времени, будутъ замѣнены правильно организованнымъ пріобрѣтеніемъ продуктовъ, нужныхъ для фаланги, и таковымъ же сбытомъ ея собственныхъ произведеній.

Всѣ эти огромныя сбереженія дадутъ возможность достигнуть, при гармоничномъ устройствѣ общества, такихъ степеней богатства, о которыхъ мы теперь и не мечтаемъ. На мѣстѣ теперешнихъ хижинъ будутъ воздвигнуты роскошные дворцы. Фурье съ особенною любовью останавливается надъ описаніемъ соціальнаго дворца будущаго, фаланстера.

Это прекрасное зданіе, планъ котораго Фурье даетъ во всѣхъ мельчайшихъ деталяхъ. Фаланстеръ окруженъ садами, рядомъ съ нимъ помѣщаются промышленныя мастерскія, сельскохозяйственныя постройки, распланированныя такимъ образомъ, чтобы не портить общаго вида. Самъ фаланстеръ и всѣ хозяйственныя постройки соединены закрытой галлереей, каналомъ, по которому циркулируетъ жизнь фаланги. Галлерея эта широка и просторна, обставлена тропическими цвѣтами, полна свѣта и воздуха; въ ней устраиваются общественныя собранія, выставки, балы, концерты. Въ фаланстерѣ помѣщается храмъ и театръ.

Каждый выбираетъ себѣ въ фаланстерѣ квартиру по своему вкусу, при чемъ предоставляется усмотрѣнію каждаго меблировать ее собственною мебелью, или получать обстановку отъ фаланги за извѣстную плату.

Какимъ же образомъ должна быть организована работа фаланги? Вопросъ этотъ является основнымъ для всей системы Фурье и въ разрѣшеніи его нашъ авторъ проявляетъ наибольшую оригинальность. Не забудьте, что Фурье не признаетъ вредныхъ страстей или влеченій. Человѣкъ устроенъ такимъ образомъ, что всѣ его страсти естественно образуютъ гармоничный рядъ. Наши страсти суть элементъ неизмѣняемый и постоянный, а общественныя формы—преходящій и измѣнчивый. Поэтому, не страсти людей должны приспособляться къ общественному устройству, а соціальное устройство должно быть таково, чтобы страсти человѣка направлялись не во вредъ обществу, а на пользу ему. Соотвѣтственно этому принципу — предоставленія полной свободы всѣмъ страстямъ и стремленіямъ человѣка, — долженъ быть организованъ и трудъ въ фалангѣ. Въ ней должна быть для всѣхъ членовъ фаланги полная свобода въ выборѣ занятій. Прирож-

денныя способности, симпатіи, привычки, знанія опредѣляютъ, какое занятіе изберетъ себѣ каждый членъ фаланги.

Такъ какъ всѣ работы фаланги будутъ совершаться сообща, то естественно возникнутъ группы рабочихъ, занимающихся тѣмъ или инымъ дѣломъ. Чтобы объяснить, какимъ образомъ возникнутъ группы, Фурье указываетъ на дѣтей. Возьмите любую гимназію или пансіонъ. Какое зрѣлище представляютъ собою школьники въ то время, когда они свободны отъ занятій? Они не разбредаются порознь, но среди нихъ сами собой возникаютъ группы. Одни заняты одною игрою, другіе — другой, одни — однимъ дѣломъ, другіе — другимъ. Каждый присоединяется къ той группѣ, которая кажется ему наиболѣе привлекательной.

То же самое должно происходить и среди взрослыхъ людей, если они будутъ предоставлены собственнымъ влеченіямъ, если надъ ними не будетъ висѣть внѣшней силы, противодѣйствующей этимъ влеченіямъ. Современная организація труда, дѣлающая невозможной такую естественную группировку рабочихъ, уже по одному этому должна быть признана никуда не годной. Она порождаетъ отвращеніе къ труду, являющееся такой характерной чертой нашей эпохи. Гармоничная община будетъ въ этомъ отношеніи противоположностью современному строю. Каждый будетъ выбирать себѣ занятіе по вкусу, присоединяться къ той группѣ, которая ему всего болѣе нравится.

Обыкновенно думаютъ, что существуютъ извѣстные роды труда, которые по самому своему характеру непріятны для человѣка. Мы уже говорили, что это невѣрно. Трудъ Данаидъ не можетъ быть привлекательнымъ, но не потому, что онъ требуетъ исключительныхъ усилій, а потому, что онъ безрезультатенъ. Высшая задача соціальной организаціи — полное и гармоничное развитіе силъ человѣка—будетъ разрѣшена только тогда, когда будетъ открыто средство сдѣлать всякій трудъ привлекательнымъ. А это и будетъ осуществлено въ фалангѣ. Каждая группа производителей фаланстера работаетъ сряду не болѣе 2-хъ часовъ. Какъ только трудъ становится утомителенъ и теряетъ свою привлекательность, группа прекращаетъ работу, ея члены входятъ въ составъ новыхъ группъ, и съ новой энергіей принимаются за новую работу.

То, что теперь называютъ лѣностью, въ сущности есть не что иное, какъ отвращеніе къ однообразной, монотонной работѣ; это отвращеніе, точно также какъ и честолюбіе и жажда первенства, будутъ не ослаблять, а усиливать энергію труда въ фаланстерѣ. Тѣ силы, которыя въ цивилизованномъ обществѣ дѣйствуютъ разрушительно, въ фалангѣ будутъ служить общимъ интересамъ.

Какимъ же образомъ будетъ совершаться распредѣленіе продуктовъ въ фалангѣ? Весь продуктъ будетъ дѣлиться на 3 неравныя части: $^5/_{12}$ будетъ итти труду, $^4/_{12}$—капиталу и $^3/_{12}$—на вознагражде-

ніе таланта. Хотя всѣ работы будутъ производиться сообща, равенства вознагражденія въ фаланстерѣ не будетъ. Каждый будетъ получать соразмѣрно своему участію въ производствѣ. И хотя, сравнительно съ современнымъ состояніемъ, доходъ отъ труда возрастетъ въ гораздо большей степени, чѣмъ доходъ отъ капитала, тѣмъ не менѣе и капиталисты не потерпятъ никакого убытку. Доходъ рабочихъ увеличится въ 6—8 разъ, а капиталистовъ—въ 3—4 раза. Сверхъ того, во много разъ увеличится вознагражденіе таланта.

Мы не будемъ останавливаться надъ описаніями прелести жизни въ фаланстерѣ, которыя такъ увлекали самого Фурье и его учениковъ. Нашъ утопистъ рисуетъ эту жизнь, какъ постоянный свѣтлый и радостный праздникъ, котораго не будутъ омрачать никакія тѣни, никакое страданіе, никакой диссонансъ. И все это будетъ достигнуто благодаря тому, что организація производства и потребленія въ крупныхъ размѣрахъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ энергіи труда, вслѣдствіе его привлекательности, дадутъ человѣчеству столько богатства, что люди не будутъ испытывать ни въ чемъ недостатка!

Какъ только возникнетъ первая фаланга, гармоничность устройства ея подѣйствуютъ такъ завлекательно на остальное населеніе, что мало-по-малу, безъ всякаго насилія и принужденія, сами собою начнутъ возникать новыя и новыя фаланги. Постепенно онѣ покроютъ весь міръ, сдѣлаютъ плодородной Сахару и заселятъ пустыни Сибири. Настанетъ земной рай—и человѣкъ благословитъ свою судьбу; люди убѣдятся на опытѣ, что ихъ удѣлъ на землѣ—счастье, полное, глубокое, безграничное, ибо несчастье, горе, зло коренятся не въ человѣческой природѣ, а въ несовершенствахъ соціальной организаціи...

Научное значеніе всей этой утопіи заключается въ томъ, что Фурье въ яркой и выпуклой формѣ показалъ, въ какихъ огромныхъ размѣрахъ возможно увеличеніе общественнаго богатства при планомѣрной организаціи производительныхъ силъ общества. Фурье сдѣлалъ популярной идею широкой производительной и потребительной ассоціаціи, охватывающей всѣ стороны человѣческой жизни. Въ своей утопіи Фурье выше Сенъ-Симона и его школы. Сенъ-Симонисты не могли выработать опредѣленнаго плана устройства новаго соціальнаго міра, а планъ Фурье былъ такъ тщательно разработанъ въ деталяхъ, казался такимъ практичнымъ и осуществимымъ, обѣщалъ такъ много, что общественное вліяніе Фурье не могло не быть болѣе глубокимъ, чѣмъ вліяніе Сенъ-Симона. Первый былъ скорѣе изобрѣтателемъ, второй — изслѣдователемъ. Фурье вліялъ на массы, а Сенъ-Симонъ на избранныхъ. Что касается до чисто критической части ученья Фурье, то и она заключала въ себѣ много глубокаго и замѣчательнаго. Въ ней замѣчается много общаго со взглядами Сенъ-Симона, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что оба великихъ соціалиста выработали свои системы совершенно независимо другъ отъ друга.

Несмотря на остроту своего критическаго взгляда, Фурье остается, въ общемъ, утопистомъ. Въ своихъ соціальныхъ построеніяхъ онъ совершенно обходитъ глубочайшій антагонизмъ нашего времени—антагонизмъ труда и капитала—и предается утопической надеждѣ — гармонически соединить оба эти враждебные общественные элементы въ строѣ будущаго. Съ точки зрѣнія Фурье, указанный антагонизмъ не имѣетъ значенія, такъ какъ ассоціація будущаго—фаланга—обладаетъ такими колоссальными производительными силами, что богатства хватитъ на всѣхъ. Но въ этомъ и заключалась утопія.

ОЧЕРКЪ VI.

Соціально-политическое направленіе.

Мы видѣли, что двумъ наиболѣе выдающимся ученикамъ Смита—Мальтусу и Рикардо—не удалось удержаться на оптимистической позиціи своего учителя. Правда, нельзя сказать, чтобы идеализація капиталистическаго строя въ его конкретной исторической дѣйствительности, съ его ужасающей нищетой и жестокими классовыми противорѣчіями, была вообще чужда послѣдователямъ великого шотландца. Даже болѣе — большинство представителей этой школы принадлежало къ числу хвалителей капитализма. Но крайне характерно, что единственные, послѣ Смита, замѣчательные теоретики школы—оба названныхъ экономиста — были рѣшительными соціальными пессимистами. Огромное же большинство оптимистовъ школы Смита не совершило ровно ничего выдающагося въ области экономической науки. Они были не столько популяризаторами, сколько вульгаризаторами ученія Смита,— и не обнаружили никакого серьезнаго интереса къ разработкѣ экономической теоріи. Это оптимистическое направленіе свило себѣ гнѣздо, главнымъ образомъ, во Франціи, гдѣ оно господствуетъ и понынѣ, чѣмъ и объясняется поразительное безплодіе французской академической экономической науки. Типичнѣйшимъ представителемъ выродившагося экономическаго либерализма, доведшаго до крайней утрировки вѣру Смита въ спасительность свободнаго обмѣна, является остроумный и даже блестящій, но крайне поверхностный и несерьезный французскій писатель Бастіа, авторъ книги «Экономическія гармоніи» (1850). Бастіа поставилъ себѣ смѣлую, но недостижимую цѣль—доказать, что хозяйственный строй, основанный на частной собственности и неограниченной свободѣ конкуренціи — стихійное, нерегулируемое капиталистическое хозяйство—приводитъ не къ классовымъ противорѣчіямъ и соціальной борьбѣ, а ко всеобщей экономической и соціальной гармоніи. Нечего и говорить, что попытка Бастіа не увѣнчалась успѣхомъ. Идеализація капиталистическаго строя была неизбѣжна въ эпоху Смита, когда этотъ строй еще не имѣлъ времени обнаружить свои темныя стороны, но отрицать наличность этихъ темныхъ сторонъ *послѣ* промышленной революціи, когда повседневная жизнь прямо вопіяла о без-

пощадной жестокости всеобщей экономической борьбы, развернувшейся во всю ширь подъ флагомъ свободы конкуренціи, и приведшей къ порабощенію и обнищанію экономически слабѣйшихъ общественныхъ элементовъ — большинства населенія, — отрицать все это можно было только при умышленномъ игнорированіи всѣмъ извѣстныхъ фактовъ. Самой естественной позиціей добросовѣстнаго представителя науки, не допускающаго возможности иного строя, кромѣ нерегулируемаго товарнаго хозяйства, былъ въ этомъ случаѣ соціальный пессимизмъ, къ которому и пришли Рикардо и Мальтусъ.

Но такой пессимизмъ представлялъ для друзей существующаго порядка значительныя опасности въ соціально-политическомъ отношеніи, давая могущественное оружіе врагамъ господствующаго соціальнаго строя. Разумѣется, это соображеніе не могло повліять на искренняго и убѣжденнаго искателя истины, какимъ долженъ быть человѣкъ науки — безстрастной и безстрашной, не отступающей ни передъ какими выводами, сколько бы разочарованій они намъ ни приносили. Много ли, однако, такихъ искателей истины среди міра ученыхъ? Ни на одну науку классовые интересы не оказывали такого подавляющаго вліянія, какъ на политическую экономію. Неудивительно, поэтому, что соціальный пессимизмъ Рикардо и Мальтуса нашелъ мало сторонниковъ въ густой толпѣ буржуазныхъ экономистовъ, предпочитавшихъ неблагодарному служенію гонимой и преслѣдуемой богинѣ истины — служенію, приводящему иногда въ храмъ славы, но только послѣ труднаго и исполненнаго лишеній пути — легкую и пріятную дорогу почестей и богатства. Оффиціальная экономическая наука, преподававшаяся съ высоты университетской каѳедры, долгое время была въ рукахъ ученыхъ этого направленія, превратившихъ науку въ арсеналъ доводовъ и соображеній въ пользу господствующаго экономическаго порядка и въ защиту интересовъ господствующихъ экономическихъ классовъ.

Но восхваленіе существующаго, конечно, не могло имѣть ничего общаго съ истинной наукой. Вотъ почему классическая политическая экономія быстро достигла своего завершенія въ трудахъ Рикардо и затѣмъ не сдѣлала ни шагу впередъ, несмотря на многочисленность экономистовъ школы свободной торговли. Однако, несостоятельность правила laisser faire, какъ руководящаго принципа экономической политики, не могла не обнаружиться даже въ глазахъ тѣхъ, кто по своимъ общественнымъ симпатіямъ и образу мыслей отнюдь не былъ склоненъ къ радикальнымъ воззрѣніямъ. Мало-по-малу среди господствующей политической экономіи намѣчается новое направленіе, постепенно набиравшее силы и, наконецъ, поведшее къ полному разрыву науки съ преданіями смитовской школы. Принципъ laisser faire теряетъ кредитъ и замѣняется противоположнымъ началомъ государственнаго вмѣшательства въ интересахъ экономически слабѣйшихъ классовъ насе-

ленія. Идеалъ неограниченно свободнаго товарнаго хозяйства, въ который такъ горячо вѣрилъ Адамъ Смитъ, потерпѣлъ полное крушеніе. Въ настоящее время развѣ во Франціи находятся защитники во всей его неприкосновенности этого совершенно отжившаго идеала. Соціальныя реформы стоятъ на знамени большинства современныхъ экономистовъ. Соціально-политическое направленіе господствуетъ въ университетахъ. Съ особеннымъ блескомъ оно развернулось въ послѣднія три десятилѣтія въ Германіи.

Уже гораздо раньше, однако, требованіе соціальныхъ реформъ на основѣ существующаго народохозяйственнаго строя нашло себѣ замѣчательнаго выразителя въ лицѣ швейцарскаго ученаго начала XIX вѣка—Симонда де-Сисмонди.

I.

Сисмонди.

Жанъ Шарль Леонардъ Симондъ де-Сисмонди (1773—1842) родился въ Женевѣ, въ семьѣ протестантскаго пастора. Революціонныя бури заставили его на нѣкоторое время покинуть Швейцарію и поселиться въ Англіи. Большую часть жизни онъ провелъ, однако, въ деревнѣ, въ окрестностяхъ Женевы, гдѣ у него было небольшое имѣніе. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ неутомимыхъ научныхъ тружениковъ, при чемъ его изслѣдованія охватили не только политическую экономію, но и общую исторію. По объему, историческіе труды Сисмонди далеко превосходятъ его экономическія сочиненія (его «Исторія французовъ» заключаетъ въ себѣ 31 томъ); но для потомства швейцарскій ученый остается, главнымъ образомъ, экономистомъ — и однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ первой половины XIX вѣка. Безкорыстная преданность Сисмонди наукѣ ярко обнаружилась въ его добровольномъ отказѣ отъ профессуры (ему дважды предлагали каѳедру — сначала въ Виленскомъ университетѣ, затѣмъ въ Парижѣ въ Сорбоннѣ, но онъ предпочелъ уединенную научную работу въ деревнѣ болѣе блестящей и шумной, но оставляющей менѣе времени для самостоятельнаго труда дѣятельности профессора). Такимъ образомъ, въ лицѣ Сисмонди мы имѣемъ передъ собой лучшій типъ ученаго, не гоняющагося за внѣшнимъ успѣхомъ и находящаго удовлетвореніе въ самомъ научномъ трудѣ. Его жизненныя впечатлѣнія были весьма своеобразны и доставили ему богатый матеріалъ для выработки оригинальнаго общественнаго міровоззрѣнія. Получивъ воспитаніе и проведя большую часть жизни въ деревенской обстановкѣ, въ странѣ, гдѣ господствовало мелкое хозяйство и крестьяне обладали значительной зажиточностью, полюбивъ этотъ міръ и проникнувшись симпатіей къ патріархальному строю жизни и старинному экономическому укладу, Сисмонди

близко ознакомился съ новыми хозяйственными отношеніями въ Англіи, въ ту эпоху, когда еще юный, необуздываемый ни государственной властью, ни рабочими организаціями капитализмъ развернулъ во всю мощь свою сокрушительную силу въ странѣ Аркрайта и Уатта. Мы привыкли въ настоящее время къ промышленнымъ кризисамъ и они никого не поражаютъ. Но для Сисмонди, бывшаго въ Англіи во время жестокаго кризиса 1817 г., когда всѣ большіе города Англіи были полны безработными, буквально умиравшими съ голоду, когда повсюду проповѣдывалось возстаніе, и пламя гражданской войны, казалось, готово было вспыхнуть, чтобы поглотить твердыню капиталистическаго міра, для Сисмонди промышленный кризисъ не могъ не показаться самымъ безпощаднымъ осужденіемъ новаго хозяйственнаго строя, какое только можно себѣ представить. Этотъ кризисъ (сыгравшій рѣшающую роль въ выработкѣ міровоззрѣнія и Оуэна) заставилъ Сисмонди порвать съ его прежними экономическими взглядами, сводившимися къ признанію системы Смита вѣнцомъ человѣческой мудрости, и выступить съ новымъ экономическимъ ученіемъ.

Ученіе это было изложено швейцарскимъ мыслителемъ въ двухтомной работѣ «Nouveaux principes d'économie politique» (1819) и въ значительно болѣе позднемъ собраніи отдѣльныхъ очерковъ и статей «Etudes sur l'économie politique» (1837). Въ предисловіи ко второму изданію своихъ «Новыхъ началъ политической экономіи». Сисмонди ярко и сжато формулируетъ различіе между своими воззрѣніями и господствовавшей въ то время школы политической экономіи. «Я разошелся,—говоритъ онъ,—съ друзьями, политическія воззрѣнія которыхъ раздѣляю, я обратилъ вниманіе на опасность тѣхъ нововведеній, которыя они рекомендуютъ; я указалъ, что нѣкоторыя учрежденія, на которыя они долго нападали, какъ на злоупотребленія, имѣли благодѣтельныя послѣдствія; я призывалъ, наконецъ, во многихъ случаяхъ вмѣшательство общественной власти для регулированія роста богатства, вмѣсто того, чтобы свести политическую экономію къ принципу болѣе простому и съ виду болѣе либеральному—laisser faire... Изученіе Англіи укрѣпило меня въ моихъ новыхъ началахъ. Я видѣлъ, какъ въ этой изумительной странѣ, переживающей грандіозное испытаніе, словно для поученія всего остальнаго міра, производство увеличивалось, а благополучіе населенія падало. И масса населенія и мыслители этой страны забываютъ, кажется, что увеличеніе богатства не есть цѣль политической экономіи, а только средство для доставленія счастья всѣмъ... Ни въ одной странѣ банкротства не такъ часты, нигдѣ колоссальныя состоянія, которыхъ хватило бы на то, чтобы покрыть государственный заемъ, поддержать имперію или республику, не разрушаются съ такой быстротой. Всѣ жалуются, что дѣла рѣдки, трудны и мало прибыльны. Два ужасныхъ кризиса, съ промежуткомъ всего въ нѣсколько лѣтъ, разорили часть банкировъ и привели въ отчаяніе

всѣхъ англійскихъ фабрикантовъ... Послужило ли національное богатство, успѣхи котораго бросаются въ глаза всякому, на пользу бѣдному? Отнюдь нѣтъ! Народъ въ Англіи лишенъ довольства настоящимъ и увѣренности въ будущемъ. Въ деревняхъ нѣтъ болѣе крестьянъ: ихъ заставили уступить мѣсто поденщикамъ; въ городахъ нѣтъ болѣе ремесленниковъ или независимыхъ хозяевъ маленькихъ мастерскихъ— есть только фабриканты. Фабричный рабочій не знаетъ, что значитъ обезпеченное положеніе; онъ получаетъ только заработную плату, а такъ какъ эта плата не можетъ быть достаточной для него во всѣ времена года, то онъ почти каждый годъ принужденъ просить милостыни у государства».

Эти краснорѣчивыя строки достаточно выясняютъ отношеніе нашего автора къ новому соціальному строю, образчикъ котораго онъ увидѣлъ въ Англіи. Сисмонди не ослѣпленъ ростомъ національнаго богатства, вызваннымъ развитіемъ капиталистическаго способа производства. Успѣхи эти не отрицаются Сисмонди, но онъ пробуетъ оцѣнить новый хозяйственный строй не съ той точки зрѣнія, съ какой оцѣнивается капитализмъ школой Смита—съ точки зрѣнія роста общей суммы національнаго богатства,—а съ точки зрѣнія благополучія большинства населенія. Результаты оцѣнки оказываются крайне неблагопріятными для капитализма. Критика капиталистическаго строя со стороны Сисмонди имѣетъ то преимущество передъ болѣе рѣзкой и глубокой критикой капитализма со стороны Оуэна и Фурье, что она несравненно болѣе документальна, фактически обоснована. Сисмонди приводитъ массу фактовъ, ярко рисующихъ губительное вліяніе промышленной революціи на благосостояніе большинства англійскаго народа. Какъ историкъ промышленной революціи, Сисмонди не потерялъ своего значенія и понынѣ.

Новый хозяйственный строй, получившій наиболѣе полное развитіе въ Англіи, страдаетъ, по мнѣнію Сисмонди, двумя органическими болѣзнями: 1) отсутствіемъ равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ и 2) отсутствіемъ равновѣсія между ростомъ національнаго дохода и ростомъ населенія. Оба эти недостатка присущи капиталистической организаціи хозяйства, какъ таковой; ими объяются кризисы и бѣдность массы населенія, эти истинные бичи англійской народной жизни.

Первая изъ названныхъ болѣзней капиталистическаго строя составляетъ, по мнѣнію нашего автора, основную причину промышленныхъ кризисовъ. Теорія кризисовъ Сисмонди въ высшей степени замѣчательна; до настоящаго времени большинство экономистовъ, изслѣдовавшихъ кризисы, повторяютъ сознательно или безсознательно идеи этого автора.

Главная ошибка Рикардо и Сэ, говоритъ Сисмонди, заключается въ томъ, что они совершенно игнорируютъ дѣйствительную цѣль вся-

каго хозяйства. Изъ ихъ ученія выходитъ, будто цѣль хозяйственной дѣятельности заключается въ накопленіи богатствъ. Но богатство есть не цѣль въ себѣ, а только средство для удовлетворенія нашихъ потребностей. Конечная цѣль хозяйства заключается въ потребленіи. «Сэ и Рикардо пришли къ выводу, что потребленіе не имѣетъ другихъ границъ, кромѣ производства; на самомъ же дѣлѣ потребленіе ограничено доходомъ... Самое удивительное явленіе, поражающее насъ въ революціи, переживаемой нынѣ хозяйствомъ, заключается въ чрезмѣрномъ ростѣ производительныхъ силъ, не соотвѣтствующемъ потребностямъ рынка — въ избыткѣ предложенія товаровъ и бѣдности тѣхъ, кто путемъ своей работы создалъ слишкомъ много богатства. Констатированіе этого явленія заключаетъ въ себѣ, повидимому, внутреннее противорѣчіе. Богатство состоитъ изъ продуктовъ труда, какъ же можетъ быть увеличеніе богатства—причиной бѣдности?»

Чтобы понять этотъ парадоксъ современной хозяйственной жизни, нужно разсмотрѣть хозяйственный процессъ въ его простѣйшей формѣ. Богатство каждаго отдѣльнаго лица, очевидно, измѣряется его доходомъ. Величина дохода опредѣляетъ высшую границу потребленія, допустимаго для даннаго лица; потребленіе не можетъ перейти этой границы безъ разрушенія капитала—потребительнаго фонда. Но «націи слагаются изъ отдѣльныхъ лицъ; то, что вѣрно относительно отдѣльнаго лица, должно быть вѣрно и относительно ихъ совокупности. Національное потребленіе—по крайней мѣрѣ, такое потребленіе, которое можетъ итти непрерывно изъ года въ годъ, безъ сокращенія національнаго богатства,—есть не что иное, какъ потребленіе всѣхъ входящихъ въ составъ общества лицъ, въ предѣлахъ, полагаемыхъ доходами этихъ лицъ... Ежегодный доходъ націи предназначенъ для обмѣна на ежегодное національное производство, путемъ этого обмѣна каждый обезпечиваетъ свое потребленіе, возстановляетъ израсходованный капиталъ, предъявляетъ спросъ на товары и дѣлаетъ возможнымъ потребленіе другихъ лицъ. Но если ежегодный доходъ общества не расходуется на покупку всего количества ежегодно производимыхъ продуктовъ, то часть общественнаго продукта останется непроданной, капиталы будутъ парализованы и національное производство встрѣтитъ задержку».

Между тѣмъ, современная организація народнаго хозяйства направлена на уменьшеніе національнаго дохода. Ожесточенная конкуренція принуждаетъ предпринимателей выискивать всевозможные способы для пониженія издержекъ производства и удешевленія товаровъ. Съ этой цѣлью хозяева замѣняютъ ручной трудъ машиннымъ и лишаютъ заработка тысячи рабочихъ. Это приводитъ не только къ сокращенію числа занятыхъ рабочихъ, но и къ пониженію заработной платы. Въ то же время сокращаются и доходы мелкихъ самостоятельныхъ предпринимателей, благодаря конкуренціи крупныхъ фабрикантовъ, грозящей

совсѣмъ уничтожить мелкую промышленность. Точно также разоряется и сельское населеніе — крестьяне. Такимъ образомъ, сокращаются доходы низшихъ классовъ народа, т.-е., огромнаго большинства. Что касается доходовъ высшихъ классовъ общества, то эти доходы могутъ абсолютно расти, но все же не въ той пропорціи, въ которой растетъ производство, ибо та же конкуренція побуждаетъ предпринимателей довольствоваться все меньшимъ и меньшимъ процентомъ прибыли.

«Внутренній рынокъ сокращается благодаря сосредоточенію собственности въ рукахъ небольшого числа владѣльцевъ и промышленность приходитъ въ необходимость все больше и больше опираться на внѣшній рынокъ». Дѣйствительно, развѣ можетъ быстро растущая масса товаровъ найти сбытъ на внутреннемъ рынкѣ, когда покупательная сила общества падаетъ благодаря паденію доходовъ? По этой причинѣ всѣ страны съ развивающейся промышленностью стремятся овладѣть внѣшними рынками, найти за границей сбытъ для товаровъ, для которыхъ нѣтъ мѣста въ самой странѣ. «Нація, первая примѣнившая техническія изобрѣтенія, можетъ многіе годы расширять свои внѣшніе рынки... Но долженъ же наступить моментъ, когда весь цивилизованный міръ образуетъ одинъ рынокъ и ни какая страна не будетъ въ силахъ находить новыхъ покупателей. Спросъ всего мірового рынка образуетъ тогда покупательную силу опредѣленной величины, и всѣ промышленныя націи будутъ бороться изъ-за этого рынка. Увеличеніе сбыта товаровъ одной страны должны покупаться въ этомъ случаѣ уменьшеніемъ сбыта товаровъ остальныхъ странъ».

Такимъ образомъ, естественный механизмъ спроса и предложенія въ свободномъ, нерегулируемомъ общественной властью товарномъ хозяйствѣ неизбѣжно приводитъ, по мнѣнію Сисмонди, къ общему перепроизводству товаровъ, превышенію общаго предложенія товаровъ сравнительно со спросомъ, въ чемъ и заключается сущность промышленнаго кризиса. Совершенно неправильно признавать кризисы непредвидимымъ бѣдствіемъ, не связаннымъ органически съ господствующимъ строемъ хозяйства, и искать причины ихъ во внѣшнихъ обстоятельствахъ, вродѣ войнъ, неурожаевъ, перемѣнъ торгово-промышленной политики и тому подобныхъ случайныхъ событіяхъ, какъ это дѣлаютъ экономисты школы Рикардо. Промышленный кризисъ проистекаетъ не изъ нарушенія свободы конкуренціи въ сферѣ товарнаго обмѣна, а именно изъ этой самой свободы конкуренціи. Общее перепроизводство товаровъ есть закономѣрный результатъ свободной игры экономическихъ силъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ [1]).

---

[1]) Критическую оцѣнку теоріи кризисовъ Сисмонди читатель можетъ найти въ моихъ книгахъ „Промышленные кризисы“ и „Теоретическія основы марксизма“.

Сисмонди упрекаетъ школу Сэ-Рикардо въ томъ, что она забыла истинную цѣль хозяйства—повышеніе благосостоянія населенія—и превратила науку о народномъ хозяйствѣ — политическую экономію — въ науку о накопленіи богатства «хрематистику».

Другой основной болѣзнью капиталистическаго хозяйства Сисмонди признаетъ отсутствіе равновѣсія между ростомъ дохода и ростомъ населенія. Нашъ авторъ раздѣляетъ взглядъ Мальтуса, что чрезмѣрное размноженіе населенія есть одна изъ причинъ бѣдности населенія. Но, въ противность Мальтусу, Сисмонди ставитъ способность человѣчества къ размноженію въ связь съ особенностями соціальнаго устройства. Въ капиталистической организаціи хозяйства нашъ авторъ усматриваетъ моменты, нарушающіе равновѣсіе между ростомъ общественнаго дохода и ростомъ населенія. Въ капиталистическомъ обществѣ большинство населенія состоитъ изъ пролетаріевъ—людей, живущихъ изо дня въ день наемной работой. Наемные рабочіе легко обзаводятся большими семьями, что можно наблюдать во всѣхъ крупныхъ фабричныхъ центрахъ. Объясняется это тѣмъ, что рабочему терять нечего—онъ не имѣетъ собственности—и въ то же время онъ не видитъ никакой связи между численностью своей семьи и легкостью пріисканія для нея заработка. Никто не знаетъ, какъ великъ будетъ черезъ нѣсколько лѣтъ спросъ на рабочіе руки, и рабочій, по своей привычной безпечности, легко преувеличиваетъ шансы нахожденія заработка для своихъ дѣтей и не боится большой семьи. Это приводитъ къ чрезмѣрному размноженію рабочаго класса, паденію заработной платы и обѣднѣнію рабочей массы. Причины всего этого коренятся, слѣдовательно, не въ природѣ человѣка, а въ господствующей организаціи хозяйства, убивающей въ рабочемъ всякую предусмотрительность и дѣлающей его безпечнымъ и не заботящимся объ участи своихъ дѣтей.

Итакъ, бѣдность рабочаго класса и промышленные кризисы—естественные спутники капиталистическаго хозяйства. Но Сисмонди не принадлежитъ къ числу соціальныхъ пессимистовъ и не приходитъ къ тому выводу, что большинство населенія навсегда осуждено на нищету и страданія ради блага немногихъ. Для англичанъ Мальтуса и Рикардо не существовало иного общественнаго строя, кромѣ капиталистическаго. Сисмонди выросъ въ другой обстановкѣ; въ своей родной странѣ онъ видѣлъ зажиточное крестьянское населеніе, среди котораго не было богачей, но не было и совершенныхъ бѣдняковъ. Промышленность развивалась медлено и не дѣлала такихъ колоссальныхъ успѣховъ, какъ въ Англіи, но за то она была избавлена и отъ кризисовъ, приводившихъ въ разстройство англійскую промышленность. Ростъ богатства не могъ итти въ сравненіе съ англійскимъ, но зато не возрасталъ и пауперизмъ. И вотъ Сисмонди приходитъ къ мысли, что капиталистическая организація хозяйства, не смотря на

блестящіе успѣхи промышленности, связанные съ этимъ способомъ производства, не должна считаться неизбѣжнымъ и желательнымъ строемъ хозяйства для всякой страны. Напротивъ, примѣръ Англіи долженъ служить для другихъ странъ урокомъ, къ какимъ бѣдствіямъ приводитъ неограниченная и ничѣмъ не регулируемая свобода конкуренціи.

Всѣ симпатіи Сисмонди на сторонѣ того хозяйственнаго строя, который онъ называетъ патріархальнымъ и который господствовалъ на его родинѣ. Не нужно забывать, что литературная дѣятельность швейцарскаго ученаго принадлежала къ той эпохѣ, когда во всей западной Европѣ (кромѣ Англіи) царила жестокая реакція и всякаго рода романтическія попытки воскресенія стараго и отжившаго были весьма обыкновенны. По своимъ политическимъ убѣжденіямъ Сисмонди былъ умѣреннымъ либераломъ съ весьма сильными, однако, аристократическими симпатіями. Онъ былъ врагомъ всеобщаго избирательнаго права и въ борьбѣ аристократіи и демократіи въ Женевѣ былъ на сторонѣ первой. Онъ находилъ, что цензура для періодическихъ изданій необходима для большинства странъ Европы и что свободой народныхъ собраній могутъ пользоваться лишь немногіе наиболѣе просвѣщенные народы. Такимъ образомъ, политическія воззрѣнія Сисмонди предрасполагали его къ сочувствію исторически сложившимся стариннымъ формамъ общественной жизни и хозяйства.

Въ противность англійскимъ экономистамъ, для которыхъ народное хозяйство выражалось, главнымъ образомъ, міромъ промышленности и торговли, нашъ авторъ сосредоточиваетъ свое главное вниманіе на земледѣліи. Изъ различныхъ формъ землепользованія и землевладѣнія онъ особенно сочувствуетъ крестьянскому хозяйству. «Ни одна общественная организація, — говоритъ онъ, — не гарантируетъ больше счастья, больше добродѣтелей самому многочисленному классу населенія, ни одна не обезпечиваетъ за нимъ большаго достатка и не содѣйствуетъ въ большей мѣрѣ прочности общественнаго порядка». Послѣдній доводъ въ пользу крестьянскаго хозяйства не лишенъ интереса въ смыслѣ характеристики политическихъ взглядовъ Сисмонди. Преимущества «патріархальной системы землепользованія» съ чисто технической стороны сводятся, по мнѣнію автора «Новыхъ началъ», къ тому, что только крестьянское хозяйство способно къ наиболѣе интенсивному использованію силъ земли. «Въ странѣ, гдѣ сами собственники воздѣлываютъ свою землю, гдѣ плоды безраздѣльно принадлежатъ тѣмъ самымъ людямъ, которые совершили всѣ работы, въ странѣ, гдѣ существуетъ, такъ называемая, патріархальная система обработки земли, мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ признаки той привязанности, которую земледѣлецъ питаетъ къ своей избѣ и землѣ. Онъ не задается вопросомъ, сколько дней труда будетъ стоить прокладываемая имъ дорожка, устраиваемый колодезь, бесѣдка или цвѣт-

никъ, которые онъ украшаетъ цвѣтами: самъ трудъ доставляетъ ему удовольствіе и, благодаря довольству, онъ находитъ и время, и силы, чтобы совершить его. За деньги онъ не совершилъ бы того, что, благодаря его привязанности къ собственности, кажется ему легкимъ. Проѣзжая по Швейцаріи и нѣкоторымъ провинціямъ Франціи, Италіи и Германіи, нѣтъ надобности спрашивать, глядя на участки земли, воздѣлываются ли они собственниками или арендаторами. Внимательный уходъ ясно указываетъ на то, что участки эти принадлежатъ не арендаторамъ, а мелкимъ собственникамъ.

«Патріархальная система обработки земли улучшаетъ нравы и характеръ той самой многочисленной части націи, которая должна заниматься земледѣльческимъ трудомъ... Многочисленный классъ крестьянъ собственниковъ служитъ лучшей гарантіей для сохраненія установленнаго порядка. Какъ бы обезпеченіе собственности ни было выгодно обществу, это — идея отвлеченная, съ трудомъ постигаемая тѣми, которымъ она обезпечиваетъ какъ будто только лишенія. Когда земельная собственность отнята у земледѣльцевъ, а собственность на орудія производства у рабочихъ, всѣ тѣ, кто создаетъ богатства и черезъ руки которыхъ оно проходитъ, остаются чуждыми всѣхъ наслажденій собственности. Они образуютъ собой самую многочисленную часть націи; они считаютъ себя самыми полезными и наиболѣе обездоленными. Постоянная зависть возбуждаетъ ихъ противъ богатыхъ. Въ ихъ присутствіи едва рѣшаются обсуждать вопросъ о политическихъ правахъ изъ опасенія, что они отъ этого перейдутъ къ обсужденію вопроса о правѣ собственности и потребуютъ раздѣленія капиталовъ и земель. Въ такой странѣ нужно бояться революціи».

Арендная система обработки земли, естественно, не пользуется симпатіями Сисмонди, при чемъ наихудшей земледѣльческой системой онъ признаетъ крупную аренду. «Батраки, совершающіе всѣ земледѣльческія работы по распоряженію богатыхъ арендаторовъ, находятся не только въ болѣе зависимомъ положеніи, чѣмъ половники, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже въ худшемъ, чѣмъ крѣпостные, платящіе оброкъ или отбывающіе барщину. Каковы бы ни были притѣсненія, переносимыя крѣпостными, у нихъ, по крайней мѣрѣ, были надежды, была собственность... Батраки же не имѣютъ никакой собственности».

Что касается до обрабатывающей промышленности, то сравнивая положеніе фабричныхъ рабочихъ съ положеніемъ ремесленниковъ въ періодъ господства цехового строя, Сисмонди отдаетъ рѣшительное предпочтеніе ремеслу. Положеніе мелкихъ самостоятельныхъ производителей-ремесленниковъ было во всѣхъ отношеніяхъ лучше, чѣмъ положеніе фабричныхъ пролетаріевъ нашего времени; ремесленники имѣли прочный и вѣрный заработокъ, жили въ извѣстномъ довольствѣ, пользовались свободой и независимостью. Всего этого лишены фабричные рабочіе. Ученики и подмастерья могли съ увѣренностью разсчитывать

на то, что въ свое время и они будутъ самостоятельными мастерами. Благодаря этому хозяева и рабочіе не образовывали двухъ особыхъ ненавидящихъ другъ друга общественныхъ классовъ, какъ это мы видимъ теперь.

Итакъ, Сисмонди рѣшительный врагъ капиталистическаго хозяйства какъ въ земледѣліи, такъ и въ промышленности. Но ничего не можетъ быть ошибочнѣе сближенія швейцарскаго ученаго съ соціалистами. Правда, соціалисты подвергали капиталистическую организацію хозяйства не менѣе рѣзкой критикѣ, чѣмъ авторъ «Новыхъ началъ политической экономіи». Но идеалъ, изъ котораго они исходили, не имѣлъ ничего общаго съ идеаломъ Сисмонди. «Назадъ! къ патріархальному крестьянскому хозяйству!» говоритъ Сисмонди, въ то время, какъ соціалисты зовутъ впередъ, къ строю будущаго. И Сисмонди вполнѣ сознавалъ свое отличіе отъ соціалистовъ. «Мы сходимся съ ними, — говорилъ онъ, — лишь въ одномъ пунктѣ, во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ между нами нѣтъ ничего общаго. Я такъ же, какъ и они, желалъ бы, чтобы между тѣми, кто трудится надъ созданіемъ одного и того же продукта, существовала извѣстная связь, вмѣсто того, чтобы интересы ихъ были противоположны другъ другу. Но предлагаемыя ими средства кажутся мнѣ непригодными для достиженія этой цѣли. Я желаю, чтобы фабричная, какъ и земледѣльческая промышленность, была раздѣлена на большое количество самостоятельныхъ мастерскихъ, а не сосредоточена въ рукахъ одного предпринимателя, управляющаго сотнями или тысячами рабочихъ. Я желаю, чтобы промышленные капиталы были раздѣлены между большимъ количествомъ среднихъ капиталистовъ, а не сосредоточивались въ рукахъ одного человѣка, обладающаго милліонами».

Итакъ, вотъ каковъ идеалъ Сисмонди. Сисмонди не только не врагъ собственности, но, наоборотъ, желаетъ, чтобы по возможности большая часть населенія стала собственниками, ибо мелкіе собственники, по справедливому мнѣнію Сисмонди, лучшая опора существующаго порядка.

Но благодаря отличающему его практическому смыслу и живому чувству дѣйствительности, Сисмонди прекрасно понимаетъ невозможность возстановленія стараго порядка въ его прежнемъ видѣ. Капиталистическое хозяйство вызвало къ жизни такія огромныя производительныя силы, что нечего и мечтать о ликвидаціи новаго хозяйственнаго строя. Остается путь компромисса: сохраняя новыя формы хозяйства, пытаться путемъ цѣлаго ряда соціальныхъ реформъ ослабить вредныя стороны капитализма. И Сисмонди развертываетъ въ высшей степени интересную программу этихъ реформъ.

Во главѣ ея онъ ставитъ новый принципъ государственнаго вмѣшательства въ народохозяйственныя отношенія въ интересахъ слабѣйшихъ, главнымъ образомъ въ интересахъ мелкихъ производителей,

страдающихъ отъ конкуренціи крупнаго капиталистическаго производства, а также и въ интересахъ наемныхъ рабочихъ.

Въ области аграрнаго законодательства Сисмонди предлагаетъ систему мѣръ, направленныхъ къ раздробленію крупнаго землевладѣнія. Государство должно всячески поощрять крестьянское землевладѣніе и пріобрѣтеніе крестьянами земли у крупныхъ владѣльцевъ. Маіораты и разнаго рода юридическія препятствія ликвидаціи крупнаго землевладѣнія не должны существовать. Тамъ же, гдѣ крупное землевладѣніе настолько укоренилось, что масса сельскаго населенія состоитъ изъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, законодательство должно ограждать интересы рабочихъ путемъ тѣхъ же мѣропріятій, которыя должны примѣняться къ промышленнымъ рабочимъ. Въ то же время путемъ раздѣленія между сельскозяйственными рабочими государственныхъ и общественныхъ земель государство можетъ значительную часть рабочихъ превратить въ крестьянъ.

Что касается до промышленнаго законодательства, то и тутъ существуетъ обширное поле для государственнаго вмѣшательства. Средневѣковые ремесленные цехи были корпоративными организаціями въ интересахъ трудящихся. Теперь рабочіе лишены такихъ организацій; законодательство должно облегчить возстановленіе ихъ. Иными словами, Сисмонди рекомендуетъ государству поддержку рабочихъ союзовъ. Затѣмъ, законодательная власть должна охранять воскресный отдыхъ, ограничивать дѣтскій трудъ и продолжительность рабочаго дня взрослыхъ рабочихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нужно стремиться къ тому, чтобы фабричный рабочій получилъ нѣкоторую обезпеченность заработка и былъ избавленъ отъ лишеній, угрожающихъ ему теперь въ случаѣ потери работоспособности. Для этого слѣдуетъ возложить на фабрикантовъ обязанность заботиться о своихъ рабочихъ въ случаѣ ихъ болѣзни, старости, несчастныхъ случаевъ или безработицы. Фабриканты могли бы быть соединены въ особыя корпораціи, обязанныя путемъ взносовъ образовать фондъ для покрытія расходовъ на указанныя цѣли. Такая организація была бы ни чѣмъ инымъ, какъ принудительнымъ страхованіемъ рабочихъ изъ средствъ самихъ предпринимателей.

Но конечной цѣлью, къ которой должно стремиться промышленное законодательство, какъ и аграрное, должно быть постепенное превращеніе наемныхъ рабочихъ въ собственниковъ. Переходной мѣрой для этого можетъ служить участіе рабочихъ въ прибыляхъ предпріятія. Такимъ путемъ рабочій вступитъ въ болѣе тѣсную связь съ предпріятіемъ, въ которомъ участвуетъ своимъ трудомъ.

Въ области финансовой политики государство тоже должно ограждать интересы бѣднѣйшей части населенія. Доходы ниже извѣстнаго уровня должны быть изъяты изъ обложенія, доходы болѣе крупные обложены пропорціонально больше. Система косвенныхъ налоговъ, тя-

желѣе всего ложащаяся на бѣднѣйшихъ, должна имѣть только ограниченное примѣненіе.

Вліяніе Сисмонди на современниковъ было не велико, онъ почти не встрѣтилъ отклика и не помѣшалъ успѣху школы laisser faire. Но теперь, черезъ много лѣтъ послѣ смерти автора «Новыхъ началъ политической экономіи», интересъ къ нему не только не исчезъ, а значительно усилился. Его идеи живутъ и понынѣ. Самые вліятельные представители университетской политической экономіи — нѣмецкіе катедеръ-соціалисты — признаютъ себя продолжателями дѣла швейцарскаго ученаго. И дѣйствительно, Сисмонди можетъ считаться родоначальникомъ того направленія въ экономической наукѣ, на знамени котораго написано: «соціальныя реформы!» и которое занимаетъ промежуточное положеніе между соціализмомъ и школой свободной конкуренціи.

Но не только по своей соціальной программѣ Сисмонди былъ предшественникомъ новѣйшихъ германскихъ экономистовъ — и по своему методу онъ указалъ имъ дорогу. Въ противоположность другимъ экономистамъ начала XIX вѣка, Сисмонди изучалъ экономическія явленія съ *исторической точки зрѣнія.* Экономисты школы Смита были совершенно чужды историческаго духа и замѣчательнѣйшій изъ нихъ—Рикардо — даже и не задавался вопросомъ, возможенъ ли иной общественный и экономическій строй, кромѣ капиталистическаго. Что касается до утопистовъ, то они пытались поставить свою критику капиталистическаго хозяйства на историческую почву, но не будучи историками по спеціальности и недостаточно зная историческіе факты, должны были замѣнять болѣе или менѣе остроумными—иногда прямо геніальными, какъ у Сенъ-Симона и Фурье — догадками фактическое изученіе современнаго хозяйственнаго строя съ исторической точки зрѣнія. Напротивъ, Сисмонди, не отличавшійся особой философской глубиной или смѣлостью и силой мысли, былъ превосходнымъ знатокомъ историческихъ фактовъ. Въ этомъ опять его сходство съ современными экономистами, такъ называемой, исторической школы.

Для насъ, русскихъ, произведенія знаменитаго автора «Новыхъ началъ» особенно интересны потому, что нигдѣ идеализація мелкаго производства и крестьянскаго хозяйства, ведущая свое начало отъ Сисмонди, не получила такого широкаго распространенія въ образованныхъ кругахъ общества, какъ у насъ. Сисмонди жадно читался и усвоивался небольшой кучкой образованныхъ русскихъ читателей еще въ двадцатыхъ годахъ закончившагося вѣка. Затѣмъ онъ былъ у насъ забытъ, но его идеи, пройдя черезъ много рукъ, нашли для себя въ Россіи благопріятную почву и мало-по-малу завоевали умы большей части нашей прогрессивной интеллигенціи. Такъ называемое народничество представляетъ собой не что иное, какъ перенесенное въ русскія условія ученіе Сисмонди.

II.

Экономическіе и соціальные успѣхи рабочаго класса во второй половинѣ XIX вѣка.

Мы знаетъ, какъ повліяла промышленная революція на положеніе рабочаго класса и какъ далека была дѣйствительность отъ осуществленія тѣхъ розовыхъ мечтаній относительно будущаго, которымъ предавались мислители XVIII вѣка. Успѣхи свободной конкуренціи и принципа laisser faire сопровождались, правда, огромнымъ ростомъ производства, но не менѣе быстро росъ и пауперизмъ. Положеніе рабочихъ классовъ прогрессивно ухудшалось въ теченіе всей первой половины XIX вѣка. Обнищаніе англійскихъ рабочихъ дошло да апогея въ 40-хъ годахъ. На почвѣ этого обнищанія возникло грозное революціонное движеніе въ Англіи—чартизмъ,—которое угрожало сокрушить весь исторически сложившійся политическій и соціальный строй этой страны.

Соціальной революціи, однако, не произошло, и чартизмъ оказался не болѣе, какъ кратковременной вспышкой революціоннаго огня, который быстро погасъ за недостаткомъ матеріала. Со второй половины XIX вѣка явственно намѣчаются во всѣхъ передовыхъ капиталистическихъ странахъ новые пути соціальнаго развитія. Въ то время, какъ первые шаги капитализма повели къ значительному ухудшенію положенія рабочаго класса, дальнѣйшіе успѣхи капиталистической промышленности пошли на пользу рабочихъ. Безнадежный взглядъ на судьбу рабочаго класса при капиталистическомъ строѣ хозяйства былъ рѣшительно разбитъ жизнью. «Желѣзный законъ заработной платы», столь правдоподобный въ эпоху Рикардо и Мальтуса, оказался научнымъ заблужденіемъ.

Въ области соціальнаго и экономическаго законодательства Англіи въ первой половинѣ XIX вѣка явственно замѣчаются два теченія, прямо противоположныя по своимъ отправнымъ пунктамъ и по своему идеологическому смыслу. Съ одной стороны, это было время успѣховъ свободной торговли. То, что казалось Смиту утопіей, черезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ смерти стало дѣйствительностью. Свобода рабочаго договора была достигнута всего скорѣе — уже въ 1814 г. законы объ ученичествѣ были отмѣнены. Затѣмъ началась упорная борьба изъ-за свободы торговли въ международномъ обмѣнѣ. Борьба эта велась, главнымъ образомъ, между двумя господствующими классами — землевладѣльцами и торгово-промышленными капиталистами. Англійская промышленность не боялась иностраннаго соперничества и потому англійскіе фабриканты могли безъ всякаго самопожертвованія отказаться отъ покровительственныхъ пошлинъ. Напротивъ, англійскіе землевладѣльцы съ полнымъ основаніемъ усматривали въ хлѣбныхъ пошлинахъ необходимое условіе поддержанія земельной ренты на вы-

сокомъ уровнѣ, установившемся во время войны съ Наполеономъ. Фабриканты, въ свою очередь, съ не меньшимъ основаніемъ считали хлѣбныя пошлины, удорожавшія предметы потребленія внутри страны и сокращавшія международный обмѣнъ, чистымъ убыткомъ для себя. Между капиталомъ и землевладѣніемъ началась упорная борьба, закончившая полной побѣдой капитала: въ 1846 г. хлѣбные законы были отмѣнены. Пошлины на фабрикаты были еще раньше значительно понижены. Къ 60-мъ годамъ международная торговля въ Англіи стала совсѣмъ свободна, покровительственныя пошлины въ англійскомъ тарифѣ совершенно исчезли.

Итакъ, свобода конкуренціи восторжествовала. Но торжество это было неполнымъ. Существовала чрезвычайно важная область соціальныхъ отношеній, въ которой наблюдалось не расширеніе, а систематическое ограниченіе свободы. Этой областью былъ рабочій договоръ. Неограниченная свобода рабочаго договора, установившаяся въ Англіи со времени отмѣны законовъ объ ученичествѣ удержалась очень не долго.

Правда, наука, въ лицѣ экономистовъ, всей силой своего авторитета сопротивлялась вторженію государственной власти въ отношенія предпринимателей къ рабочимъ. Но ужасы эксплоатаціи дѣтскаго труда на фабрикахъ были такъ велики, что незаинтересованныя лица не могли не почувствовать необходимости положить конецъ такому порядку вещей, при которомъ маленькія дѣти заработывались на смерть и все фабричное населеніе быстро шло къ полному физическому и моральному вырожденію.

Оппозиція фабричнымъ законамъ со стороны политико-экономовъ повела лишь къ дискредитированію науки въ глазахъ рабочихъ и ихъ друзей. Одинъ изъ вождей движенія въ пользу фабричныхъ законовъ, Садлеръ, въ такихъ выраженіяхъ отзывался о почтенныхъ служителяхъ экономической науки своего времени: «Политико-экономы— настоящая общественная чума и гонители бѣдныхъ людей — надѣюсь безъ злого умысла. Но съ умысломъ или нѣтъ—это не касается судьбы ихъ несчастныхъ жертвъ. Всѣ ихъ научные принципы и практическія предложенія ведутъ къ униженію и неминуемой гибели рабочихъ».

Общественное движеніе, принудившее парламентъ выступить въ защиту интересовъ рабочихъ и ограничить свободу рабочаго договора, сложилось изъ слѣдующихъ элементовъ. Во-первыхъ, люди обладавшіе чуткимъ и воспріимчивымъ сердцемъ, естественно, не могли равнодушно относиться къ истязаніямъ, которымъ десятки тысячъ дѣтей ежедневно подвергались на фабрикахъ. Религіозное чувство протестовало противъ этихъ жестокостей и потому въ рядахъ вождей движенія мы встрѣчаемъ много религіозныхъ и гуманныхъ людей, отличавшихся консервативными воззрѣніями и выступившихъ на защиту фабричныхъ законовъ по побужденіямъ исключительно моральнаго свойства. Самый

выдающійся и вліятельный руководитель агитаціи въ пользу десятичасового рабочаго дня—Ричардъ Остлеръ—признавалъ себя старымъ тори, защитникомъ трона и алтаря. Этотъ благородный человѣкъ, отдавшій десятки лѣтъ своей жизни на борьбу со зломъ, котораго онъ сталъ случайнымъ свидѣтелемъ, одержавшій, наконецъ, побѣду и умершій въ крайней бѣдности, всѣми забытый, является типомъ безкорыстнѣйшаго общественнаго дѣятеля, дѣйствующаго подъ вліяніемъ самаго высокаго и чистаго альтруизма. Живое и горячее чувство состраданія, а не какая-либо теорія или интересъ какого-либо общественнаго класса, толкнуло Остлера на борьбу. То же слѣдуетъ сказать и о великомъ соціалистѣ Оуэнѣ, который самъ былъ фабрикантомъ, но отдалъ себя дѣлу рабочихъ. Такимъ же безкорыстнымъ другомъ людей былъ и другой рабочій вождь 30-хъ годовъ — методистскій пасторъ Стефенсъ, называвшій себя, подобно Остлеру, тори.

Отъ этихъ и другихъ лицъ, не принадлежавшихъ къ рабочему классу, исходила инициатива движенія въ пользу законодательнаго регулированія фабричнаго труда. Рабочіе далеко не сразу поддержали эту инициативу; нѣкоторое время они оставались глухи къ голосу благородныхъ людей, призывавшихъ ихъ защитѣ ихъ собственныхъ интересовъ. Но мало-по-малу рабочая масса была вовлечена въ движеніе—и тогда оно стало непреодолимымъ. Когда же участіе рабочихъ доказало общественному мнѣнію неизбѣжность широкаго фабричнаго законодательства, тогда и въ парламентѣ образовалась могущественная партія, сочувствовавшая этому законодательству. Партія эта сложилась, главнымъ образомъ, изъ консерваторовъ—представителей землевладѣльцевъ, не заинтересованныхъ въ эксплоатаціи фабричнаго труда и усмотрѣвшихъ въ фабричныхъ законахъ отличное оружіе для борьбы съ фабрикантами, настоявшими на отмѣнѣ хлѣбныхъ пошлинъ.

Итакъ, гуманные люди, рабочіе, землевладѣльцы—вотъ изъ какихъ разнообразныхъ элементовъ сложилось движеніе, достигнувшее въ 1847 г. ограниченія на англійскихъ фабрикахъ труда женщинъ и несовершеннолѣтнихъ 10 часами въ сутки. Дѣтскій трудъ былъ ограниченъ еще раньше. Билль о 10-часовомъ рабочемъ днѣ имѣлъ огромное историческое значеніе. Онъ нанесъ смертельный ударъ принципу государственнаго невмѣшательства въ отношенія труда и капитала и открылъ государству новый путь соціальныхъ реформъ.

Противники этого билля,—къ числу которыхъ принадлежали почти всѣ вліятельные представители экономической науки — предсказывали всевозможные ужасы отъ сокращенія рабочаго дня. Принудительное ограниченіе времени работы объявлялось ими святотатственнымъ нарушеніемъ священнѣйшихъ принциповъ политической экономіи, кощунственнымъ покушеніемъ на главнаго политико-экономическаго идола—свободу конкуренціи. Экономисты пытались—но тщетно—убѣдить рабочихъ, что отъ вмѣшательства государства въ условія рабо-

чаго договора жестоко пострадаютъ сами рабочіе, свобода которыхъ разрушается въ корнѣ. Въ то же время они старались запугать общественное мнѣніе гибельными послѣдствіями фабричнаго законодательства для промышленныхъ интересовъ страны. По знаменитому вычисленію Нассау Сэніора, вся прибыль ланкаширскихъ фабрикантовъ покоилась на одиннадцатомъ часѣ рабочаго дня; ограниченіе времени работы десятью часами въ сутки объявлялось равносильнымъ такому сокращенію выработки продукта, при которомъ продолженіе производства станетъ невозможнымъ безъ убытка для фабриканта. Десятичасовой биль убьетъ всю фабричную промышленность страны!—вопіяли фабриканты и ихъ друзья—ученые экономисты.

Однако, парламентъ имѣлъ мужество не испугаться всѣхъ этихъ воплей и зловѣщихъ пророчествъ и принять десятичасовой биль. Какъ же вынесла англійская промышленность этотъ тяжелый ударъ?

Къ общему изумленію, сокращеніе рабочаго дня не только не помѣшало успѣхамъ фабричнаго производства Англіи, но сопровождалось необычайнымъ подъемомъ послѣдняго. 50-е и 60-е годы, послѣдовавшіе за проведеніемъ въ жизнь новыхъ фабричныхъ законовъ, были для англійскихъ промышленниковъ эпохой неслыханнаго благополучія. Это было время, когда, по выраженію Гладстона, національное богатство страны расло «прыжками и скачками». Сокращеніе рабочаго дня было болѣе чѣмъ уравновѣшено увеличеніемъ напряженности труда и введеніемъ новыхъ усовершенствованныхъ машинъ, благодаря чему производительность труда значительно возрасла, и рабочій сталъ выдѣлывать въ десять часовъ больше продукта, чѣмъ раньше онъ выдѣлывалъ въ одиннадцать или двѣнадцать часовъ. Соотвѣтственно этому возрасла и реальная заработная плата, при одновременномъ повышеніи доходовъ капиталиста.

Опытъ принудительнаго ограниченія времени работы оказался настолько удачнымъ, что оппозиція фабричнымъ законамъ скоро замолкла. Прошло немного лѣтъ,—и тотъ же Нассау Сэніоръ, рисовавшій раньше такія мрачныя картины будущаго отъ проведенія 10-тичасоваго билля, выступилъ горячимъ сторонникомъ распространенія фабричныхъ законовъ и на тѣ отрасли промышленности, которыя еще оставались имъ не подчинены. Начало государственнаго вмѣшательства побѣдило.

Фабричные законы, возникшіе въ Англіи вопреки доводамъ политико-экономовъ и находившіеся въ полномъ противорѣчіи съ духомъ школы Смита, не замедлили распространиться и въ другихъ странахъ съ капиталистической промышленностью. Въ настоящее время они повсемѣстно составляютъ важнѣйшую часть болѣе или менѣе широко развитаго въ разныхъ странахъ законодательства по охранѣ труда. Они регулируютъ не только продолжительность рабочаго дня, но многія другія существенныя условія рабочаго договора.

Вліяніе фабричныхъ законовъ на положеніе рабочаго класса было во всѣхъ отношеніяхъ громаднымъ. Запрещеніе дѣтскаго труда и ограниченіе труда взрослыхъ избавило рабочій классъ отъ непомѣрнаго труда, разрушавшаго организмъ рабочаго. Огромное значеніе имѣло уже само по себѣ увеличеніе досуга, такъ какъ только въ часы отдыха рабочій можетъ пополнять свое образованіе, находить время для исполненія своихъ общественныхъ и политическихъ обязанностей и вообще жить жизнью, достойной человѣка. Переутомленный рабочій прежняго времени не могъ пользоваться благами современной культуры и принимать энергичное участіе въ общественныхъ дѣлахъ. И только благодаря досугу, созданному сокращеніемъ рабочаго дня, сталъ возможенъ тотъ необычайный умственный подъемъ рабочаго класса, который характеризуетъ вторую половину истекшаго вѣка.

Не менѣе существенно другое, косвенное вліяніе фабричныхъ законовъ. Заработная плата регулируется спросомъ и предложеніемъ труда. Все, что уменьшаетъ предложеніе труда, или увеличиваетъ спросъ, должно повышать цѣну труда. Фабричные законы воспретили работу дѣтей ниже извѣстнаго возраста; этимъ самымъ они уменьшили число конкурентовъ на рабочемъ рынкѣ. Сокративъ рабочій день взрослыхъ рабочихъ, они увеличили спросъ на рабочія руки, такъ какъ при болѣе короткомъ рабочемъ днѣ требуется болѣе рабочихъ для исполненія опредѣленной работы, чѣмъ при рабочемъ днѣ большей продолжительности. Подъ вліяніемъ всего этого заработная плата должна была возрасти.

Предъявляя фабрикантамъ опредѣленныя санитарныя и гигіеническія требованія, съ соблюденіемъ которыхъ должна совершаться работа въ рабочихъ помѣщеніяхъ, фабричные законы непосредственно охраняютъ здоровье рабочаго. Въ то же время фабричное законодательство могущественно повліяло на поднятіе и усовершенствованіе техники производства, такъ какъ фабриканты только этимъ путемъ могли бороться съ неблагопріятнымъ вліяніемъ сокращенія рабочаго дня на выработку рабочаго. Однимъ изъ важныхъ благотворныхъ дѣйствій фабричныхъ законовъ было также вытѣсненіе мелкихъ предпріятій крупными, такъ какъ крупныя предпріятія, обладающія большими капиталами и имѣющія большую возможность повысить технику производства, съ гораздо большей легкостью приспособляются къ требованіямъ закона, чѣмъ мелкія. На крупныхъ фабрикахъ положеніе рабочихъ, въ то же время, какъ общее правило, гораздо лучше, чѣмъ на мелкихъ.

Въ итогѣ, фабричное законодательство благотворно дѣйствуетъ не только на рабочихъ, которыхъ оно охраняетъ отъ злоупотребленій капиталистической эксплоатаціи, но и на самую капиталистическую промышленность, побуждая ее къ техническому прогрессу и къ повышенію производительности труда. Въ настоящее время почти никѣмъ

не оспаривается необходимость фабричнаго законодательства, представляющаго собой новое начало принудительнаго регулированія государственной властью хозяйственнаго процесса въ области отношеній труда и капитала. Принципъ laissez faire былъ разбитъ жизнью.

Въ томъ же направленіи, хотя и съ другого конца, дѣйствуетъ и другое могущественное соціальное теченіе новаго времени. Путемъ фабричныхъ законовъ свобода конкуренціи была ограничена государствомъ; рабочіе союзы достигаютъ того же самаго путемъ организованнаго воздѣйствія самихъ рабочихъ на предпринимателей. И въ этой области новымъ формамъ соціальнаго регулированія хозяйственнаго процесса пришлось преодолѣть упорное сопротивленіе экономистовъ стараго толка—поклонниковъ laissez faire. Тысячи разъ ученые экономисты доказывали рабочимъ безуміе и нелѣпость ихъ стремленія регулировать высоту заработной платы, продолжительность рабочаго дня и вообще условія рабочаго договора. Какъ уничтожающій аргументъ противъ рабочихъ союзовъ выдвигалось знаменитое ученіе о фондѣ заработной платы, о которомъ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Согласно этому ученію, размѣръ заработной платы опредѣляется двумя условіями: величиной всего національнаго капитала, предназначеннаго для содержанія рабочихъ, и ихъ числомъ въ странѣ. Отсюда слѣдовалъ выводъ, что такъ какъ фондъ заработной платы не можетъ быть увеличенъ рабочими союзами, а число рабочаго населенія страны не можетъ быть ими уменьшено, то, значитъ, союзы рабочихъ не въ силахъ поднять заработной платы.

Ученіе это было почти общепринятымъ среди экономистовъ 30-хъ и 40-хъ годовъ. Теоретическая несостоятельность его такъ очевидна, что удивляешься, какъ могло оно держаться столько времени. Въ основаніи его лежитъ совершенно невѣрная посылка, будто капиталъ для содержанія рабочихъ страны есть въ каждый данный моментъ опредѣленная величина, не способная къ возрастанію. На самомъ же дѣлѣ не фондъ заработной платы опредѣляетъ высоту платы каждаго отдѣльнаго рабочаго, а, наоборотъ, высота платы отдѣльныхъ рабочихъ устанавливаетъ размѣръ суммы этихъ платъ—фонда заработной платы. Не ясно ли, что этотъ фондъ можетъ возрастать на счетъ прибыли? Если рабочіе потребуютъ большую плату, то капиталисты имѣютъ возможность удовлетворить ихъ требованію, сокративъ долю продукта, поступающую въ собственное пользованіе капиталистовъ—прибыль. Иными словами, рабочіе могутъ увеличивать фондъ заработной платы путемъ уменьшенія прибыли капиталистовъ. А если такъ, то ученіе о фондѣ заработной платы превращается въ невиннѣйшую тавтологію, столь же несомнѣнную, сколь и безплодную: слагаемыя (заработныя платы отдѣльныхъ рабочихъ) равны въ совокупности своей суммѣ (фонду заработной платы).

Однако, несмотря на свою слабость, ученіе о фондѣ заработной платы долгое время провозглашалось незыблемымъ закономъ науки.

Рабочіе были плохими теоретиками, да имъ было и не до теоретическихъ споровъ, когда дѣло шло объ ихъ существованіи. Доводамъ экономистовъ они противопоставили молчаливый, но достаточно убѣдительный аргументъ — факты. Не смущаясь «законами» науки, дерзкіе невѣжды неутомимо развивали свою классовую организацію. Въ 1824 г. англійскій парламентъ отмѣнилъ запретительные законы относительно соглашеній рабочихъ и рабочіе союзы получили возможность существовать открыто. Тѣмъ не менѣе, они еще долгое время должны были бороться съ разнаго рода легальными препятствіями и только въ 1869 г. трэдъ-юніоны получили въ Англіи права юридической личности—получили возможность пріобрѣтать имущество на свое имя. Но уже значительно ранѣе рабочіе союзы въ руководящихъ отрасляхъ англійской промышленности могли весьма дѣйствительнымъ образомъ регулировать условія рабочаго договора.

Рабочими союзами или трэдъ-юніонами называются организованныя сообщества рабочихъ, имѣющія своей главной цѣлью регулированіе условій рабочаго договора. Союзы стремятся поднять заработную плату или противодѣйствовать ея пониженію, сдѣлать ее болѣе устойчивой. Съ этой цѣлью союзы вырабатываютъ таксы нормальныхъ расцѣнокъ рабочей силы и настаиваютъ на принятіи ихъ предпринимателями. Затѣмъ, союзы стремятся къ ограниченію рабочаго дня нормальнымъ временемъ работы, требуютъ соблюденія предпринимателями извѣстныхъ мѣръ предосторожности при работахъ, устройства здоровыхъ мастерскихъ и пр., и пр. Наилучше организованные союзы стремятся (и вполнѣ успѣшно) превратить рабочій договоръ изъ индивидуальнаго соглашенія хозяина съ отдѣльнымъ рабочимъ въ коллективный договоръ хозяина со всѣми рабочими въ лицѣ ихъ представителя—союза, при чемъ такого рода договоры имѣютъ силу иногда не только для одного предпріятія, но и для всѣхъ предпріятій того же рода въ данномъ районѣ. Благодаря такимъ коллективнымъ соглашеніямъ, устанавливающимъ высоту заработной платы, способы расцѣнки труда, продолжительность рабочаго дня и пр., и пр., рабочій договоръ совершенно утрачиваетъ свой индивидуальный характеръ: какъ отдѣльный рабочій, такъ и отдѣльный капиталистъ исчезаютъ, въ качествѣ самостоятельныхъ договаривающихся сторонъ, и мѣсто ихъ заступаютъ организованныя сообщества представителей труда и капитала.

Вліяніе рабочихъ союзовъ на условія рабочаго договора ограничивается не только членами союзовъ. Выработанныя ими нормы договора быстро дѣлаются общепринятыми въ данной отрасли промышленности для всѣхъ рабочихъ, даже и не принадлежащихъ къ союзамъ. «Коллективныя сдѣлки охватываютъ значительно бóльшую часть промышленности, чѣмъ трэдъ-юніоны. Точной статистики по этому предмету не существуетъ, но наше впечатлѣніе, — говорятъ С. и Б. Веббъ,—таково, что во всѣхъ областяхъ промышленности, которыя

даютъ занятія обученнымъ рабочимъ, работающимъ совмѣстно въ помѣщеніи предпринимателей, у 90% рабочихъ высота заработной платы, длина рабочаго дня и многія другія условія предопредѣляются коллективными сдѣлками. Лично эти рабочіе не принимали никакого участія въ такихъ сдѣлкахъ, но интересы ихъ защищены представителями ихъ класса».

Рабочіе союзы достигаютъ своихъ цѣлей путемъ образованія, при посредствѣ сборовъ съ своихъ членовъ, денежныхъ фондовъ, которые облегчаютъ стачку, совмѣстный отказъ отъ работы, чѣмъ союзъ угрожаетъ предпринимателямъ, не соглашающимся подчиниться требованіямъ союза. Обыкновенно, до стачки дѣло не доходитъ, и стачка является только угрозой, къ осуществленію которой союзъ переходитъ лишь въ крайнемъ случаѣ. Правильная и прочная организація рабочихъ въ союзы скорѣе уменьшила, чѣмъ увеличила число стачекъ, такъ какъ, при отсутствіи союзовъ, рабочіе каждаго отдѣльнаго предпріятія могутъ по своему почину устроить стачку и бросить работу, между тѣмъ какъ при существованіи вліятельныхъ союзовъ, число членовъ которыхъ считается десятками и даже сотнями тысячъ, стачка на отдѣльной фабрикѣ возможна лишь въ случаѣ рѣшенія подлежащихъ властей союза, выбираемыхъ всѣми членами рабочаго союза,— а большинство послѣднихъ прямо заинтересовано въ томъ, чтобы стачки, тяжело ложащіяся на кассу союза, не предпринимались безъ достаточнаго повода.

Денежные фонды, собираемые рабочими союзами, служатъ не только для стачекъ, но и для разнообразныхъ видовъ взаимопомощи, которые обыкновенно практикуются союзами. Такъ, англійскіе трэдъ-юніоны обыкновенно практикуютъ въ широкихъ размѣрахъ помощь своимъ безработнымъ членамъ, оказываютъ имъ поддержку во время болѣзни, при несчастныхъ случаяхъ, при переселеніи, выдаютъ пособія вдовамъ и пр.

Въ настоящее время членовъ трэдъ-юніоновъ въ Великобританіи около 2 милліоновъ. Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ число организованныхъ рабочихъ еще больше. Въ Германіи ихъ также около двухъ милліоновъ. Во всемъ капиталистическомъ мірѣ можно считать около 12 милліоновъ организованныхъ рабочихъ.

Блестящіе успѣхи трэдъ-юніонизма лучше всего доказываютъ цѣлесообразность рабочихъ организацій. Теперь уже нельзя сомнѣваться, что въ спорѣ рабочихъ съ экономической наукой первой половины истекшаго вѣка истина была на сторонѣ рабочихъ. Факты вполнѣ доказали, что путемъ организаціи рабочіе могутъ значительно измѣнить въ свою пользу условія рабочаго договора. Пока рабочіе были разъединены и конкурировали другъ съ другомъ въ предложеніи рабочей силы, цѣна послѣдней спускалась до уровня голаго существованія. Каждый отдѣльный рабочій несравненно слабѣе капиталиста, и

потому пока трудъ не сплотился, при каждомъ столкновеніи его съ капиталомъ побѣдителемъ выходилъ капиталъ. Проповѣдуемая экономистами свобода конкуренціи была гибельна для рабочихъ и превращалась на практикѣ въ самый суровый деспотизмъ нужды. Замѣнивъ эту мнимую свободу коллективной организаціей и отказавшись отъ индивидуальнаго участія въ выработкѣ рабочаго договора, рабочіе чрезвычайно усилили свою экономическую и соціальную мощь и этимъ расширили свою дѣйствительную свободу.

Вліяніе трэдъ-юніоновъ на установленіе болѣе благопріятныхъ для рабочихъ условій рабочаго договора видно изъ того, что англійскимъ рабочимъ удалось достигнуть, благодаря союзамъ, огромнаго сокращенія рабочаго дня (при повышеніи заработка рабочаго) даже въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя совершенно не регулируются фабричнымъ законодательствомъ. Англійскіе законы, какъ извѣстно, нормируютъ работу лишь женщинъ и дѣтей; продолжительность труда взрослыхъ мужчинъ не подлежитъ государственному регулированію. Поэтому въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ женщины и дѣти совсѣмъ не работаютъ, законъ не препятствуетъ любому удлиненію рабочаго дня. Тѣмъ не менѣе, именно въ этихъ отрасляхъ промышленности наблюдается наиболѣе короткій рабочій день. Такъ, въ угольной промышленности уже давно господствуетъ 8-ми часовой и даже болѣе короткій рабочій день, достигнутый исключительно благодаря вліянію на предпринимателей рабочихъ союзовъ. Сила послѣднихъ въ Англіи такъ велика, что среди англійскаго рабочаго класса наблюдается даже весьма неразумное равнодушіе къ законодательной охранѣ своихъ интересовъ, благодаря увѣренности рабочихъ въ возможности охранить свои интересы при посредствѣ собственныхъ организацій. Союзы идутъ впереди законодательства, которому остается только закрѣплять результаты, уже достигнутые коллективной иниціативой рабочихъ.

Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и третій могущественный факторъ подъема рабочаго класса въ новѣйшее время—кооперативное движеніе, зерно котораго было брошено великимъ Оуэномъ. Трэдъ-юніоны организовали рабочихъ, какъ продавцевъ рабочей силы; потребительныя общества достигли того же самого по отношенію къ рабочимъ, какъ къ потребителямъ. По объему, англійское кооперативное движеніе, охватывающее около двухъ милліоновъ рабочихъ, стоитъ во главѣ кооперативнаго движенія всего міра. Но по совершенству организаціи самой замѣчательной слѣдуетъ признать, по нашему мнѣнію, бельгійскую кооперацію. Преимуществомъ бельгійскаго кооперативнаго движенія передъ всѣми другими является тѣсная связь движенія съ политической организаціей рабочихъ — бельгійской рабочей партіей. Въ то время какъ въ Англій кооперація стоитъ со-

вершенно особнякомъ отъ политической жизни страны, въ Бельгіи и то и другое составляетъ одно недѣлимое цѣлое.

Бельгійскія (какъ и англійскія) потребительныя общества не ограничиваются покупкой продаваемыхъ ими товаровъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ широкихъ размѣрахъ производятъ товары сами. Особенное значеніе имѣютъ кооперативныя булочныя, дающія самые крупные доходы бельгійскимъ кооперативамъ. Но значеніе послѣднихъ не только экономическое. Такія учрежденія, какъ «Народный Домъ» въ Брюсселѣ—самое крупное потребительное общество Бельгіи, насчитывающее болѣе 20.000 членовъ—играютъ огромную роль во всей общественной и духовной жизни рабочихъ. При «Домѣ» имѣются отдѣленія по продажѣ готоваго платья, угля, мяса, мелочныхъ, мануфактурныхъ, галантерейныхъ товаровъ и пр. Къ «Народному Дому» примыкаетъ цѣлый рядъ учрежденій, имѣющихъ цѣлью оказывать помощь рабочимъ въ случаѣ болѣзни или несчастія. «Народный Домъ» имѣетъ въ своемъ распоряженіи цѣлый медицинскій персоналъ изъ нѣсколькихъ десятковъ врачей, акушерокъ и фармацевтовъ.

При «Домѣ» имѣются хоры, оркестры и часто устраиваются общедоступные спектакли съ самой ничтожной платой за входъ; играютъ сами рабочіе. Многіе университетскіе профессора, симпатизирующіе рабочей партіи, читаютъ въ «Домѣ» лекціи по разнымъ вопросамъ общественной жизни и естествознанія.

Учрежденія подобнаго рода составляютъ главную опору бельгійской рабочей партіи. Общее число членовъ кооперативныхъ учрежденій въ Бельгіи около 400 тысячъ. Въ Германіи въ потребительныхъ обществахъ участвуетъ болѣе 1 милліона членовъ, во Франціи — немногимъ менѣе. Эти цифры даютъ представленіе о могуществѣ кооперативнаго движенія, охватывающаго во всемъ капиталистическомъ мірѣ около 8 милліоновъ лицъ, преимущественно рабочаго класса.

Эти факторы—законодательство по охранѣ труда, рабочіе союзы, кооперативное движеніе (въ связи съ огромнымъ повышеніемъ производительности труда, благодаря успѣхамъ промышленной техники)—вызвали подъемъ благосостоянія рабочаго класса. Безнадежный взглядъ на будущность рабочаго класса при капиталистическомъ строѣ хозяйства не раздѣляетъ въ настоящее время, можно сказать, никѣмъ. Германская соціалъ-демократическая партія, много лѣтъ остававшаяся подъ обаяніемъ могучей личности Лассаля, долго считала формулированный имъ знаменитый «желѣзный законъ заработной платы» послѣднимъ словомъ экономической мудрости. Но и она должна была признать, что мнимый «законъ» не согласуется съ новѣйшими фактами, и въ 1890 г., на конгрессѣ въ Галле, вычеркнула его изъ своей экономической программы.

III.

Современное соціально-политическое направленіе въ Германіи.

Экономическая теорія развивается въ тѣсномъ взаимодѣйствіи съ практической жизнью. Вліяя на хозяйственный бытъ, политическая экономія еще болѣе подчиняется его вліянію. Подобно тому, какъ политическая экономія начала XIX вѣка ярко отразила происходившій въ то время колоссальный экономическій и соціальный переворотъ, вызванный первыми шагами капитализма, такъ и на современной экономической наукѣ не могли не отразиться новыя экономическія и соціальныя отношенія, созданныя дальнѣйшими успѣхами того же капитализма, сопровождавшимися, какъ мы видѣли, огромнымъ увеличеніемъ соціальнаго могущества рабочаго класса и практическимъ банкротствомъ принципа laissez faire.

Уже въ самомъ началѣ капиталистической эры раздался голосъ Сисмонди, призывавшаго государство къ новой политикѣ—соціальныхъ реформъ. Политическая экономія долгое время оставалась глуха къ этому призыву; но жизнь требовала соціальныхъ реформъ и онѣ явились вопреки ученымъ теоретикамъ, оставшимся вѣрными старой смитовской догмѣ. Такъ, мало-по-малу, сложилась въ Англіи стройная система фабричнаго законодательства, при ожесточенномъ сопротивленіи представителей экономической науки. То же слѣдуетъ сказать и о профессіональной организаціи рабочихъ, для дискредитированія которой въ общественномъ мнѣніи экономисты сдѣлали все, что могли.

Жизнь шла вопреки наукѣ—и наука пошла на уступки, сначала робкія, затѣмъ все болѣе рѣшительныя. Въ настоящее время соціально-политическое направленіе торжествуетъ среди тѣхъ представителей экономической науки, которые признаютъ товарохозяйственный строй необходимой формой общежитія. Защитниковъ никѣмъ не регулируемаго, вполнѣ свободнаго товарнаго хозяйства осталось очень мало. И теорія, и опытъ достаточно обнаружили, къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ для массы населенія ведетъ неограниченная хозяйственная свобода. Изученіе законовъ свободной игры экономическихъ силъ—въ чемъ заключается важнѣйшее содержаніе политической экономіи—привело къ признанію необходимости планомѣрнаго регулированія этой игры общественной властью.

Новое направленіе въ политической экономіи получило особое развитіе въ Германіи. Національная идея играла такую выдающуюся роль въ новѣйшей германской исторіи, что космополитизмъ Смита не могъ не встрѣтить оппозиціи среди нѣмецкихъ экономистовъ. Въ то время, какъ въ англійской политической экономіи неограниченно ца-

рила школа свободной торговли, Германія уже въ 30-хъ годахъ истекшаго вѣка имѣла замѣчательнаго экономиста, выступившаго со смѣлой и рѣзкой критикой ученія Смита именно съ національной точки зрѣнія. Этимъ экономистомъ былъ авторъ «Національной системы политической экономіи» (1841) Фридрихъ Листъ.

Листъ упрекаетъ Смита въ космополимизмѣ и отвлеченности его выводовъ. Для творца «Богатства народовъ» нація есть не что иное, какъ механическое скопленіе отдѣльныхъ лицъ. Въ основаніе экономической политики государства Смитъ хотѣлъ бы положить тѣ же самые принципы, которыми руководствуется въ своей хозяйственной дѣятельности каждый лавочникъ. Но, возражаетъ Листъ, нація есть нѣкоторое высшее цѣлое, стоящее между отдѣльной личностью и человѣчествомъ, — цѣлое, объединенное языкомъ, нравами, историческими судьбами, государственными учрежденіями. Національная политика не можетъ исходить изъ тѣхъ же основаній, какъ и частно-хозяйственная дѣятельность. Охрана интересовъ націи, какъ цѣлаго, должна стоять для государства на первомъ планѣ. Жизнь націи можетъ считаться практически неограниченной во времени — и потому цѣлью національной политики должно быть не накопленіе возможно большаго количества мѣновыхъ цѣнностей (въ чемъ усматривалъ національное богатство Адамъ Смитъ), а возможно полное развитіе національныхъ производительныхъ силъ.

Свобода торговли не даетъ возможности такого развитія для болѣе отсталыхъ націй. Свобода торговли ведетъ къ тому, что вполнѣ окрѣпшая промышленность болѣе старыхъ странъ подавляетъ еще юную промышленность странъ, позже выступившихъ на дорогу экономическаго прогресса. Послѣднія страны становятся поставщиками сырья для первыхъ и не могутъ выйти изъ земледѣльческой стадіи; однако для полнаго развитія національныхъ производительныхъ силъ необходимо, чтобы къ земледѣлію присоединялась промышленность и торговля. Земледѣльчески-промышленно-торговое государство—таковъ хозяйственный идеалъ національнаго развитія. Достиженіе этого идеала невозможно для болѣе молодыхъ странъ при сохраненіи свободы международной торговли. Поэтому Листъ выступаетъ горячимъ защитникомъ протекціонизма, покровительства національной промышленности путемъ таможенныхъ пошлинъ.

Защита германскихъ національныхъ интересовъ, не только въ теоріи, но и на практикѣ (Листъ былъ однимъ изъ главныхъ творцовъ промышленнаго объединенія Германіи путемъ знаменитаго таможеннаго союза германскихъ государствъ въ 1833 г.), сдѣлала Листа однимъ изъ самыхъ популярныхъ и вліятельныхъ экономистовъ въ Германіи. Національная идея была въ теченіе всего XIX столѣтія излюбленнымъ лозунгомъ нѣмецкой интеллигенціи; она окрасила собой и нѣмецкую экономическую науку. Даже самое названіе науки было из-

мѣнено. «Политическую экономію» англичанъ и французовъ нѣмцы переименовали въ «Національную экономію».

Другой особенностью германской экономической науки явилась тѣсная связь этой науки съ изученіемъ исторіи. Космополитическая и абстрактная политическая экономія Смита не нуждалась ни въ какомъ историческомъ основаніи, такъ какъ она претендовала на всеобщую примѣнимость въ любой странѣ и въ любое время. Національная экономія нѣмцевъ стремилась стать исторической наукой. Уже Листъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи очень много, давъ общую схему историческаго развитія хозяйства. Но главнымъ источникомъ умственнаго вліянія, поведшаго къ образованію такъ называемой исторической школы политической экономіи, былъ не Листъ, а знаменитый германскій юристъ Савиньи.

Савиньи основалъ историческую школу права и подъ вліяніемъ этой школы возникла историческая школа и въ политической экономіи. Основателями этой послѣдней школы могутъ считаться Бруно Гильдебрандъ, Рошеръ и Книсъ. Школа эта не внесла ничего существенно новаго въ теорію хозяйства, но за то собрала необозримый фактическій матеріалъ по исторіи хозяйства. Рошеръ и Книсъ возбудили среди германскихъ экономистовъ живѣйшій интересъ къ изученію хозяйственной исторіи и результатомъ этого идейнаго толчка явилось множество превосходныхъ историческихъ монографій, возстановившихъ съ чрезвычайной детальностью картину прошлаго экономическаго быта. Особенно цѣнны въ этомъ смыслѣ работы по исторіи германскихъ цеховъ. Однако, сторонникамъ исторической школы не удалось использовать этого богатаго историческаго матеріала не только для экономической теоріи, но даже и для широкихъ историческихъ обобщеній. Можно сказать, что распространеніе историческаго направленія въ политической экономіи повело не къ образованію новой экономической теоріи, на что разсчитывали Рошеръ и Книсъ, а къ временному охлажденію интереса къ экономической теоріи или даже къ полному отрицанію ея. Поэтому вполнѣ понятна замѣчаемая въ самые послѣдніе годы реакція противъ крайностей исторической школы и возрастаніе интереса къ чисто теоретическимъ экономическомъ изслѣдованіямъ абстрактнаго характера—реакція, создавшая заслуженный успѣхъ блестящимъ работамъ, такъ называемой, австрійской школы политической экономіи, съ Карломъ Менгеромъ во главѣ.

Историческое направленіе, вмѣстѣ съ національной идеей, оказало могущественное вліяніе на германскую экономическую мысль. Третьимъ факторомъ, положившимъ свой отпечатокъ на всю германскую общественную науку, явился своеобразный строй германской государственной жизни—чрезвычайное развитіе въ современной Германіи мощной государственной власти. Система Смита создалась въ Англіи — совершенно иной соціальной средѣ, чѣмъ новѣйшая Германія. Англія —

страна широкаго развитія индивидуальной самопомощи. Средній англичанинъ уже давно освоился съ мыслью, что все, достижимое частной инициативой, должно и достигаться ею безъ всякаго вмѣшательства государства. Государство можетъ ограждать лицъ физически болѣе слабыхъ, какъ дѣти и женщины, но взрослый мужчина долженъ быть избавленъ отъ государственной опеки. Представленіе о государствѣ, только какъ о «ночномъ сторожѣ», ограничивающемъ свои задачи простой охраной имущества и личной безопасности гражданъ, но отказывающемся отъ какихъ бы ни было положительныхъ задачъ въ сферѣ народнаго хозяйства, находило себѣ благодарную почву во всемъ строѣ англійской общественной жизни.

Германія представляетъ собой въ этомъ отношеніи прямую противоположность Англіи. Національное единство могло быть завоевано нѣмцами только мечомъ, а война требуетъ крѣпкой власти. Общественное мнѣніе привыкло въ Пруссіи къ самому энергичному участію государственной власти въ народохозяйственной дѣятельности страны. Прусское государство никогда не отступало передъ положительными задачами въ экономической и соціальной области и не боялось соціальныхъ реформъ, глубоко захватывающихъ народную жизнь. Все это не могло не отразиться и на германской экономической наукѣ.

Наконецъ, въ ряду вліяній, создавшихъ современное соціально-политическое направленіе германской политической экономіи, слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ, быть можетъ, наиболѣе могущественномъ— о соціалъ-демократическомъ движеніи. Всѣмъ извѣстны удивительные успѣхи германской соціалъ-демократіи. Непрерывность этихъ успѣховъ не могла не убѣдить правящіе круги Германіи, что однѣми репрессивными мѣрами невозможно бороться съ такимъ широко распространеннымъ народнымъ движеніемъ и что политика соціальныхъ реформъ, удовлетворяющая, на почвѣ существующаго соціальнаго строя, нѣкоторымъ требованіямъ рабочихъ, является политикой, наиболѣе благоразумной во всѣхъ отношеніяхъ. По собственному признанію Бисмарка, его соціальное законодательство создалось подъ непосредственнымъ вліяніемъ соображеній этого рода.

Итакъ, національная идея, историческая школа, крѣпкая государственная власть, соціалъ-демократическое движеніе—вотъ разнообразныя вліянія, опредѣлившія современное направленіе германской экономической мысли. Его характернѣйшей чертой является требованіе и защита соціальныхъ реформъ. Къ соціально-политическому направленію принадлежатъ въ настоящее время всѣ сколько-нибудь выдающіеся нѣмецкіе профессора политической экономіи. При такомъ обширномъ кругѣ сторонниковъ разсматриваемое направленіе должно включать въ себя множество разнообразныхъ оттѣнковъ взглядовъ. Общимъ для ихъ всѣхъ является признаніе необходимости широкаго государственнаго почина, на почвѣ существующаго экономическаго строя, въ дѣлѣ

развитія національныхъ производительныхъ силъ, поднятія народнаго благосостоянія и охраненія слабѣйшихъ общественныхъ элементовъ. Соціально-политическое направленіе совершенно чуждо преклоненія передъ принципомъ свободной конкуренціи и требуетъ ограниченія этой свободы въ интересахъ представителей труда. Оно отказалось отъ смитовскаго идеала свободнаго, нерегулируемаго товарнаго хозяйства. Оно признаетъ историческій характеръ господствующаго нынѣ капиталистическаго хозяйственнаго строя и допускаетъ возможность въ немъ глубокихъ измѣненій. Но для даннаго времени и предвидимаго будущаго оно считаетъ неизбѣжнымъ сохраненія основъ этого строя — частной собственности и частнохозяйственнаго предпринимательства. Государственная власть должна ставить границы злоупотребленіямъ хозяйственной свободой, но не убивать послѣднюю въ корнѣ. Товарный обмѣнъ представляется соціально-политическому направленію еще на неопредѣленно долгое время необходимой формой общественнаго сотрудничества.

Такимъ образомъ, разсматриваемое направленіе занимаетъ средину между школой laissez faire и соціализмомъ. Оно является синтезомъ обѣихъ крайнихъ школъ политической экономіи, соединяя ихъ здоровые элементы и избѣгая ихъ ошибокъ,—говорятъ друзья этого направленія. Наоборотъ, по мнѣнію противниковъ, соціально-политическое направленіе есть не болѣе, какъ компромиссъ, попытка эклектическаго соединенія двухъ противоложныхъ общественныхъ началъ, изъ которыхъ то или другое должно получить перевѣсъ. Либеральные экономисты прежняго толка ядовито окрестили ученыхъ представителей новаго направленія «катедеръ-соціалистами».

Кличка эта была дана Оппенгеймомъ, нѣмецкимъ фритредеромъ, выступившимъ въ 1871 г. со статьями, надѣлавшими много шуму, которыя затѣмъ вышли особой брошюрой, подъ заглавіемъ «Der Kathedersozialismus». Оппенгеймъ находилъ, что ученые, защищающіе широкія соціальныя реформы на началахъ государственнаго вмѣшательства въ частно-правовыя отношенія, въ сущности, не что иное, какъ сознательные или безсознательные друзья соціализма, распространенію и развитію котораго должны содѣйствовать всѣ эти реформы. Экономисты, подвергшіеся нападенію, отвѣтили, и завязалась полемика, въ которой приняли участіе главари новаго направленія—Вагнеръ, Брентано, Шенбергъ и др. Результатомъ споровъ было образованіе этими учеными, вмѣстѣ съ Шмоллеромъ, Гнейстомъ, Рошеромъ, Книсомъ и др., новаго ученополитическаго общества «Verein für Sozialpolitik».

Въ 1872 г. въ г. Эйзенахѣ собралось 158 друзей соціально-политическаго направленія, среди которыхъ было 25 профессоровъ, а остальные принадлежали къ разнообразнымъ кругамъ нѣмецкаго образованнаго общества. Задачи учреждаемаго союза были формулированы во вступительной рѣчи Шмоллеромъ. Шмоллеръ заявилъ, что общимъ

для членовъ союза является, прежде всего, опредѣленное представленіе о государствѣ, одинаково далекое какъ отъ либеральнаго индивидуализма, выше всего ставящаго свободу личности, такъ и отъ соціалистическаго идеала государства, поглощающаго личность. Новое направленіе признаетъ блестящіе успѣхи современной промышленности и не отрицаетъ ихъ значенія, но оно не закрываетъ глазъ и на соціальныя бѣдствія, вызванныя ростомъ крупнаго производства. Основную причину этихъ бѣдствій оно усматриваетъ въ томъ, что въ новѣйшее время, при всѣхъ успѣхахъ раздѣленія труда, всѣхъ нововведеніяхъ производства, при новой организаціи предпріятія и новой формѣ рабочаго договора, имѣлось въ виду достиженіе лишь наибольшаго производства, но отнюдь не наиболѣе справедливаго распредѣленія. Вновь учреждаемый союзъ не желаетъ нивеллированія общества, не мечтаетъ о какихъ-либо соціалистическихъ экспериментахъ; онъ признаетъ существующія формы хозяйства, существующее законодательство и существующее классовое сложеніе общества отправными пунктами своей дѣятельности, но онъ разсчитываетъ на реформы и считаетъ возможнымъ значительное улучшеніе современнаго положенія вещей. Промышленная свобода должна быть сохранена, также какъ и принципъ наемнаго труда, но необходимо планомѣрное и энергично проводимое въ практической жизни фабричное законодательство, дѣйствительная, а не только юридическая свобода рабочаго въ установленіи условій рабочаго договора, контроль этой свободы общественнымъ мнѣніемъ, фабричная инспекція, государственное вмѣшательство въ банковое и страховое дѣло, государственныя изслѣдованія по соціальнымъ вопросамъ. Государство должно также взять на себя заботу объ улучшеніи воспитанія и образованія, а также и жилищныхъ условій рабочаго класса.

«Союзъ соціальной политики», существующій и понынѣ, оказался весьма жизнеспособнымъ общественнымъ учрежденіемъ. Къ союзу принадлежали и принадлежатъ лица различныхъ политическихъ убѣжденій — отъ консерваторовъ до рѣшительныхъ прогрессистовъ (соціалисты, естественно, чужды «Союзу»); дѣятельность «Союза», объединяющаго собой, главнымъ образомъ, умѣренныхъ сторонниковъ соціальныхъ реформъ, выражается въ изученіи соціальнаго вопроса и пропагандѣ соціальныхъ реформъ путемъ обсужденія ихъ на съѣздахъ «Союза», а также въ организаціи и изданіи научныхъ работъ соціально-политическаго характера. «Союзъ» играетъ выдающуюся роль въ движеніи нѣмецкой экономической науки и оказываетъ значительное вліяніе на общественное мнѣніе и законодательство страны.

Отчасти подъ вліяніемъ «Союза», а, главнымъ образомъ, подъ давленіемъ соціалъ-демократіи, германское правительство осуществило за два послѣднихъ десятилѣтія довольно широкую программу соціальныхъ реформъ, оставляющую за собой скромныя пожеланія Шмоллера

во вступительной рѣчи на первомъ собраніи «Союза» въ 1872 г. Въ ряду этихъ реформъ имѣетъ особое значеніе принудительное страхованіе рабочихъ отъ болѣзней, несчастныхъ случаевъ, при наступленіи старости и неспособности къ труду, созданное законами 1883, 1884 и 1889 гг. Государство отчасти приняло на себя въ Германіи тѣ обязанности по обезпеченію рабочихъ отъ случайностей, соединенныхъ съ заработкомъ наемнаго рабочаго, которыя въ Англіи ложатся на трэдъ-юніоны. Средства для выдачи пенсій рабочимъ собираются путемъ обязательныхъ вычетовъ изъ заработной платы, сборовъ съ предпринимателей и приплатъ изъ средствъ государственнаго казначейства, Такимъ образомъ, благодаря принудительному страхованію рабочихъ, въ Германіи *отчасти* признается принципъ права на существованіе, провозглашенный еще Сенъ-Симономъ и Фурье,—государство отчасти принимаетъ на себя обязательство давать средства къ жизни рабочимъ, неспособнымъ къ труду.

Соціально-политическое направленіе въ Германіи слагается изъ нѣсколькихъ теченій или школъ. Правое крыло «катедеръ-соціалистовъ», представляемое, главнымъ образомъ, Шмоллеромъ и Шенбергомъ, менѣе всего заслуживаетъ упрека въ пристрастіи къ соціализму. Оба эти экономиста—убѣжденные поклонники прусскаго государственнаго строя. Шенбергъ высказывается за обычную въ Германіи соціально-политическую программу—страхованіе рабочихъ, фабричное законодательство и, съ значительными ограниченіями, за свободу рабочихъ союзовъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ желаетъ «установленія наказаній за публичное приглашеніе къ противозаконному прекращенію работъ, подвергающее опасности общественное благо, съ усиленіемъ наказанія за совершеніе даннаго дѣянія въ видѣ постояннаго занятія», рекомендуетъ соединеніе работодателей въ предпринимательскіе союзы, которые «обязывали-бы своихъ членовъ не принимать къ себѣ рабочихъ, нарушившихъ договоръ, и выдвигали-бы въ крайнихъ случаяхъ противъ общихъ противозаконныхъ рабочихъ забастовокъ, поддерживаемыхъ рабочими другихъ предпринимателей, угрозу и дѣйствительное осуществленіе общей остановки производства».

Государственныя мѣропріятія по улучшенію рабочаго быта встрѣчаютъ со стороны Шенберга больше сочувствія, чѣмъ самостоятельная коллективная самопомощь рабочихъ черезъ посредство союзовъ. «Дѣятельность рабочихъ союзовъ,—заявляетъ нашъ авторъ,—можетъ оказаться вредной для общества. Если союзы являются лишь орудіями борьбы, защищаютъ только эгоистическіе классовые интересы, то они могутъ усилить антагонизмъ между работодателями и рабочими, постоянно угрожать соціальному миру, наносить большой вредъ предпринимателямъ, промышленности, справедливымъ интересамъ капитала и потребителей и даже ухудшать положеніе рабочихъ. Опасность такого вреднаго дѣйствія рабочихъ союзовъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ ниже

образованіе рабочихъ и чѣмъ меньше ихъ экономическая предусмотрительность; эта опасность неодинакова для разныхъ странъ. Поэтому вопросъ, нужно-ли и насколько нужно содѣйствовать, въ интересахъ рабочихъ и народнаго блага, развитію рабочихъ союзовъ, не можетъ быть рѣшенъ одинаково для всѣхъ странъ и для всѣхъ отраслей фабричной промышленности».

Эти выдержки достаточно характеризуютъ классовыя симпатіи Шенберга. Его требованія въ области соціальныхъ реформъ весьма скромны и къ проявленію самодѣятельности и самопомощи рабочихъ онъ относится съ нескрываемыми опасеніями. Соціальная политика германскаго правительства, сдѣлавшаго очень много въ области государственнаго страхованія рабочихъ, но до сихъ поръ не дающаго полной свободы рабочимъ союзамъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ его вкусамъ.

Довольно сходную позицію занимаетъ и Шмоллеръ. Его вліяніе на современную экономическую науку громадно; ни одинъ современный германскій экономистъ не имѣетъ столько преданныхъ учениковъ, какъ Шмоллеръ. Но, какъ теоретикъ, онъ не представляетъ собою чего-либо выдающагося. Его главная заслуга, какъ и многихъ другихъ современныхъ представителей нѣмецкой экономической науки, заключается въ превосходныхъ историческихъ работахъ фактическаго характера. Для широкихъ историческихъ обобщеній Шмоллеру не хватило силы теоретической мысли.

Единственная замѣчательная работа по общей теоріи развитія народнаго хозяйства, вышедшая въ новѣйшее время,—«Происхожденіе народнаго хозяйства» Карла Бюхера,—не можетъ быть поставлена въ активъ нѣмецкой исторической школѣ, такъ какъ авторъ ея отнюдь не противникъ абстрактнаго метода въ политической экономіи. Но и Бюхера нельзя считать вполнѣ самостоятельнымъ и оригинальнымъ теоретикомъ, ибо его основныя идеи заимствованы у иныхъ, несравненно болѣе могучихъ представителей экономической мысли—Родбертуса и Карла Маркса.

Представителями второй школы соціалъ-политиковъ могутъ считаться Адольфъ Вагнеръ и Шеффле. Это — школа государственнаго соціализма. Оба названныхъ ученыхъ, въ противность «этической» группѣ Шмоллера и Шенберга, отнюдь не заражены презрительнымъ отношеніемъ къ теоретической политической экономіи и являются сами выдающимися теоретиками. Въ своемъ замѣчательномъ трудѣ «Grundlegung der politischen Oekonomie» (1876) Вагнеръ набрасываетъ широкую картину экономическаго строенія современнаго общества.

Современное народное хозяйство, говоритъ онъ, покоится и еще долго будетъ покоиться на трехъ различныхъ хозяйственныхъ принципахъ, ведущихъ къ тремъ различнымъ хозяйственнымъ системамъ—частно-хозяйственной, общественно-хозяйственной и каритативной или

благотворительной. Частно-хозяйственная система слагается изъ совокупности частныхъ хозяйствъ, основнымъ принципомъ которыхъ является стремленіе къ наибольшему доходу даннаго хозяйства. Связь между отдѣльными частными хозяйствами устанавливается обмѣномъ. Общественныя хозяйства бываютъ двоякаго рода: добровольныя и принудительныя. Образцомъ первыхъ можетъ служить любое общество взаимопомощи, образцомъ вторыхъ—государство. Принципомъ общественнаго хозяйства является не частный, а общій интересъ — болѣе или менѣе обширной общественной группы. Особо важное значеніе имѣетъ именно принудительное общественное хозяйство—въ частности, государственное хозяйство. Государство преслѣдуетъ цѣли общаго интереса, собирая нужныя для того средства принудительнымъ образомъ со своихъ гражданъ. Государственное хозяйство отнюдь не руководствуется частно-хозяйственнымъ принципомъ наибольшаго барыша и можетъ дѣлать затраты, не дающія никакихъ доходовъ казнѣ, но за то содѣйствующія благосостоянію населенія или развитію производительныхъ силъ націи.

Каритативная или благотворительная система восполняетъ недостаточность двухъ предшествующихъ системъ, такъ какъ обѣ онѣ неспособны устранить изъ современнаго общества незаслуженную бѣдность и нищету. Борьбой съ этими бѣдствіями и занята благотворительность.

Итакъ, современное народное хозяйство слагается не изъ одной частно-хозяйственной системы, которую только и изучаютъ политико-экономы, но изъ трехъ въ равной мѣрѣ необходимыхъ системъ. Задача соціальной политики заключается въ наиболѣе цѣлесообразномъ соединеніи этихъ системъ.

Школа Смита стремилась свести роль государства къ чисто отрицательной задачѣ охраны имущественной и личной безопасности гражданъ. Она исходила изъ мысли, что наибольшее благополучіе общества можетъ быть достигнуто наибольшимъ развитіемъ частно-хозяйственной системы. Это—глубокая ошибка. Принципъ частнаго хозяйства слишшомъ узокъ и недостаточенъ для достиженія цѣлей общаго блага. Опытъ показалъ, что неограниченная свобода частно-хозяйственной дѣятельности ведетъ къ подавленію слабыхъ сильными и къ бѣдности большинства населенія. Въ частности, эта свобода благопріятствуетъ побѣдѣ капитала надъ трудомъ. Отсюда слѣдуетъ, что, въ общихъ интересахъ, слѣдуетъ стремиться не къ ограниченію, а къ развитію общественно-хозяйственнаго принципа. Необходимо ограниченіе свободы конкуренціи. Широкій ростъ государственнаго хозяйства долженъ восполнить недостатки частнаго.

Тѣмъ не менѣе, нечего разсчитывать, въ предвидимомъ будущемъ, на полную замѣну частнаго хозяйства общественнымъ. Дѣло въ томъ, что хотя частно-хозяйственный принципъ—стремленіе къ наибольшему

барышу—ведетъ въ области распредѣленія народнаго дохода ко многимъ гибельнымъ послѣдствіямъ—зато онъ даетъ новый побудительный мотивъ къ развитію національнаго производства. Современное человѣчество не можетъ обойтись безъ такого поощренія хозяйственной энергіи, которая, въ противномъ случаѣ, грозитъ угаснуть. Поэтому, полное прекращеніе дѣйствія частно-хозяйственной системы было бы равносильно экономическому, культурному и вообще соціальному упадку. Частно-хозяйственная система должна быть сохранена — но коррективомъ къ ней должна служить система принудительно-общественнаго хозяйства.

Какое же сочетаніе трехъ названныхъ системъ наиболѣе соотвѣтствуетъ интересамъ общества? Этотъ вопросъ не допускаетъ общаго отвѣта. Абсолютно истиннаго и всеобщепримѣнимаго сочетанія не существуетъ. Тѣмъ не менѣе, Вагнеръ считаетъ возможнымъ формулировать, какъ общій законъ развитія народнаго хозяйства, неизбѣжность роста системы общественно-принудительныхъ хозяйствъ на счетъ частныхъ хозяйствъ.

Статистика вполнѣ подтверждаетъ обобщеніе Вагнера. Государственное хозяйство росло за истекшее столѣтіе гораздо быстрѣе частнаго—государственный бюджетъ поглощаетъ все большую и большую долю народнаго бюджета каждой страны. Такимъ образомъ, развитіе народнаго хозяйства идетъ въ обратномъ направленіи сравнительно съ ожиданіями школы Смита: область государственнаго хозяйства не сокращается, а быстро растетъ за счетъ области частнаго хозяйства.

Вагнеръ совершенно отрицаетъ обычное юридическое представленіе о частной собственности, какъ о неограниченномъ и безусловномъ правѣ собственника распоряжаться предметомъ своей собственности. Право собственности ничѣмъ не отличается отъ другихъ юридическихъ институтовъ, содержаніе которыхъ опредѣляется государствомъ. Исторія показываетъ, что неограниченнаго права собственности никогда не существовало. Государство опредѣляетъ предметы, на которые можетъ распространяться это право, и самое реальное содержаніе послѣдняго. Такъ, человѣкъ въ настоящее время не можетъ быть предметомъ собственности. Право собственности на землю всегда ограничивалось государствомъ въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ. Вообще же институтъ частной собственности долженъ быть сохраняемъ постольку, поскольку онъ полезенъ для общества.

Если собственники не выполняютъ никакой полезной соціальной функціи, то они не должны ожидать отъ государства сохраненія за ними ихъ исключительныхъ правъ. Съ этой точки зрѣнія Вагнеръ подвергаетъ критикѣ право собственности на городскіе земельные участки и городскіе дома и находитъ, что «съ соціально-политической точки зрѣнія и въ интересахъ распредѣленія слѣдовало-бы желать устраненія этой формы частной собственности». Уничтоженіе права

собственности на землю вообще и на орудія производства Вагнеръ не считаетъ, при существующихъ хозяйственныхъ условіяхъ, ни возможнымъ, ни желательнымъ.

Изъ этого бѣглаго очерка основныхъ взглядовъ Вагнера можно видѣть, какъ широко онъ смотритъ на задачи соціальной политики. Несмотря на то, что, какъ членъ прусскаго ландтага, онъ принадлежалъ къ консервативной партіи и былъ долгое время сподвижникомъ извѣстнаго антисемитическаго консервативнаго дѣятеля пастора Штеккера, Вагнеръ является представителемъ такого соціально-политическаго направленія, которое приближается къ соціализму. Это обстоятельство вызвало разрывъ Вагнера съ «Союзомъ соціальной политики», члены котораго держались болѣе умѣренныхъ воззрѣній.

Какъ теоретикъ, Вагнеръ понимаетъ важность абстрактно дедуктивнаго метода въ политической экономіи и чуждъ теоретической ограниченности исторической школы. Что касается до Шеффле, то этотъ замѣчательный ученый, взгляды котораго въ соціально-политической области близки ко взглядамъ Вагнера, является сторонникомъ, такъ называемаго, «органическаго» метода въ соціологіи—объясненія соціальныхъ явленій путемъ аналогій съ біологическими. Огромная четырехтомная работа Шеффле «Bau und Leben des sozialen Körpers» (1875—1878 гг.) представляетъ собой попытку дать широкую картину анатоміи, физіологіи и психологіи человѣческаго общества, какъ единаго соціальнаго организма. Не будучи соціалистомъ, Шеффле не мало содѣйствовалъ распространенію этого ученія своей извѣстной популярной брошюрой «Die Quintessenz des Sozialismus», выдержавшей множество изданій.

Представителемъ наиболѣе прогрессивной группы соціалъ-политиковъ, мы считаемъ знаменитаго мюнхенскаго профессора Луйо Брентано. Вагнеръ и Шеффле, несмотря на свой экономическій радикализмъ, не прочь заключать союзы съ самыми реакціонными общественными элементами. Въ особенности Вагнеръ слишкомъ проникнутъ бюрократическими и націоналистическими традиціями государства Гогенцоллерновъ и его соціализмъ нерѣдко трудно отличить отъ деспотическаго пренебреженія поклонника сильной власти къ частнымъ правамъ гражданъ. Мощное государство пользуется такимъ обаяніемъ въ глазахъ Вагнера, что онъ готовъ пожертвовать ради него и гражданской свободой.

Государственный соціализмъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ стариннымъ традиціямъ Пруссіи; и это прекрасно понялъ типичнѣйшій и величайшій представитель прусскаго государственнаго духа—князь Бисмаркъ. Но политика Бисмарка, встрѣтившая дѣятельную поддержку со стороны Вагнера, имѣла во внутренней жизни Германіи глубоко реакціонное значеніе. Современная Германія нуждается въ широкомъ просторѣ для развитія своихъ общественныхъ силъ, натал-

кивающихся на стѣну бюрократическихъ стѣсненій. Государственная власть выступаетъ въ нѣмецкихъ государствахъ врагомъ демократическихъ теченій и потому всѣ прогрессивныя партіи Германіи стремятся въ настоящее время къ усиленію вліянія общества на государство, къ расширенію общественной самодѣятельности во всѣхъ областяхъ народной жизни.

Защитѣ этихъ стремленій въ экономической области и посвящена научная дѣятельность Брентано. Если Вагнеръ выражаетъ въ нѣмецкой экономической мысли прусское начало государственнаго соціализма, то Брентано служитъ выраженіемъ въ ней либеральнаго духа Англіи. Первая выдающаяся работа Брентано «Die Arbeitergilden der Gegenwart» (1871—1872 гг.) посвящена англійскимъ рабочимъ союзамъ, съ которыми онъ познакомился во время своего пребыванія въ Англіи. Свободная англійская жизнь, сравнительное благосостояніе англійскихъ рабочихъ, ихъ энергія и удивительная способность къ самопомощи, благодаря которой имъ удалось создать свои мощныя организаціи, ограждающія ихъ интересы лучше всякаго закона, произвели глубокое впечатлѣніе на нѣмецкаго экономиста. Англійская фабрика, побѣдоносно разносящая англійское вліяніе по всѣмъ частямъ свѣта и создавшая колоссальное богатство страны, показала Брентано экономическую мощь крупнаго капиталистическаго производства. Всѣ успѣхи Англіи покоятся на ея быстромъ усвоеніи передовыхъ формъ промышленности; въ центрѣ міровой торговли, рядомъ съ колоссальными прядильными и ткацкими фабриками Манчестера и Ольдгэма, романтическія симпатіи къ стариннымъ формамъ хозяйства, къ ручной прялкѣ и грубому ткацкому станку въ крестьянской избѣ какой-нибудь живописной горной деревушки, не могли не растаять, какъ ночной туманъ при ясномъ блескѣ солнца. Окунувшись въ англійскую жизнь, Брентано вынесъ изъ нея твердое и законченное экономическое міросозерцаніе, которому онъ остался вѣренъ и понынѣ.

Будучи сторонникомъ свободнаго развитія общественной самодѣятельности, Брентано отнюдь не служитъ идолу свободной конкуренціи. Наоборотъ, онъ признаетъ настоятельную необходимость ограниченія послѣдней путемъ сплоченія конкурирующихъ лицъ въ мощныя организаціи. При свободной конкуренціи побѣждаетъ сильнѣйшій, поэтому интересъ слабыхъ требуетъ поставить на мѣсто слабой личности сильную группу. Исторія показываетъ,—говоритъ Брентано,—что слабѣйшіе общественные элементы всегда стремились сплотиться въ такіе группы. Это имѣло мѣсто въ средніе вѣка, когда подмастерья образовывали обширныя общества самопощи, это же мы видимъ и нынѣ въ рабочихъ союзахъ.

Экономисты-класики разсматривали рабочую силу человѣка, какъ товаръ. Но если она и товаръ, то товаръ совершенно особаго рода. Всѣ прочіе товары ничѣмъ не связаны съ личностью владѣльца; напротивъ,

товаръ рабочая сила есть самъ человѣкъ. Это ставитъ продавцовъ рабочей силы въ очень неблагопріятное положеніе, еще усиливаемое тѣмъ, что рабочіе лишены средствъ къ существованію. Они не могутъ ждать съ продажей своего товара и, при полной свободѣ конкуренціи, не могутъ ограждать своихъ интересовъ въ борьбѣ съ покупателями рабочей силы—капиталистами.

Помочь этому злу могутъ союзы рабочихъ. Изученіе англійскихъ трэдъ-юніоновъ показало Брентано огромное значеніе ихъ въ смыслѣ поднятія матеріальнаго и культурнаго уровня жизни рабочихъ. Въ противность консервативному крылу соціалъ-политиковъ, Брентано является самымъ горячимъ сторонникомъ распространенія профессіональной организаціи также среди нѣмецкихъ рабочихъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Брентано требуетъ широкой соціально-политической дѣятельности со стороны государства. Соціальное законодательство и самопощь рабочихъ должны идти рядомъ рука объ руку. Рабочіе союзы безсильны, безъ помощи государства, оградить интересы обширной массы чернорабочаго, необученнаго труда, такъ какъ членами союзовъ являются лишь избранники рабочаго класса, рабочая аристократія; но и государство, безъ помощи самихъ рабочихъ, не можетъ достигнуть многаго въ дѣлѣ ихъ охраны, такъ какъ при пассивномъ отношеніи рабочихъ самые лучшіе законы не будутъ имѣть практическаго примѣненія. Самоохрана рабочихъ есть необходимое условіе охраны ихъ государствомъ.

Одной изъ теоретическихъ основъ экономическаго міросозерцанія Брентано является его убѣжденіе, что техническій прегрессъ есть основа соціальнаго. Развитіе капиталистическаго хозяйства только на первыхъ порахъ ведетъ къ ухудшенію положенія рабочихъ. Послѣдующіе же шаги капитализма сопровождаются поднятіемъ заработной платы, сокращеніемъ рабочаго дня и вообще подъемомъ рабочаго класса. Интересы предпринимателей отнюдь не страдаютъ отъ этого, ибо высокая заработная плата и короткій рабочій день въ огромной мѣрѣ повышаютъ производительность труда. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что на міровомъ рынкѣ побѣждаютъ страны съ лучше оплачиваемыми рабочими. Въ противоположность взгляду Рикардо, что выгода рабочихъ есть убытокъ капиталистовъ, Брентано утверждаетъ, что выгоды обоихъ враждующихъ нынѣ классовъ, въ концѣ концовъ, совпадаютъ.

Эта точка зрѣнія, впервые высказанная авторомъ въ небольшой, но чрезвычайно содержательной брошюрѣ: «Über das Verhältniss von Arbeitslohn und Arbeitszeit zur Arbeitsleistung» (1876), есть источникъ и силы и слабости экономическаго міровоззрѣнія Брентано. Съ одной стороны, она дѣлаетъ мюнхенскаго профессора рѣшительнымъ противникомъ всякихъ открытыхъ или явныхъ попытокъ воскрешенія отжившихъ формъ хозяйства. Въ противность многимъ соціалъ-политикамъ, боящимся революціоннаго характера капитализма и потому сочувствующимъ консервативному строю мелкаго производства, Брентано всецѣло

на сторонѣ капитализма. По этой же причинѣ—вслѣдствіе убѣжденія въ солидарности интересовъ капиталистовъ и рабочихъ — Брентано искренно сочувствуетъ рабочимъ организаціямъ и требуетъ для нихъ самой широкой свободы. Онъ— несомнѣнный и рѣшительный защитникъ экономическаго прогресса, и въ этомъ его сила.

Слабость Брентано и всей его школы (среди которой выдѣляется талантливый фрейбургскій профессоръ Шульце-Геверницъ, авторъ переведенныхъ на русскій языкъ интересныхъ работъ «Крупное производство» и «Очерки общественнаго хозяйства и экономической политики Россіи») заключается въ чрезмѣрномъ экономическомъ и соціальномъ оптимизмѣ. Стремясь къ «соціальному миру», Брентано усматриваетъ миръ и тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ кипитъ ожесточенная борьба. Картина современной дѣйствительности представляется нашему ученому въ слишкомъ розовомъ свѣтѣ. На самомъ же дѣлѣ, если интересы капиталистовъ и рабочихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вполнѣ солидарны (и тѣ, и другіе заинтересованы, напр., въ благопріятныхъ условіяхъ сбыта продуктовъ производства), то въ другихъ отношеніяхъ эти интересы прямо противоположны: классовой антагонизмъ продавцовъ и покупателей рабочей силы коренится въ самомъ существѣ наемнаго труда и потому исчезнуть никогда не можетъ. Всѣ разсужденія Брентано и его ученика Шульце-Геверница о «соціальномъ мирѣ» выражаютъ лишь благія пожеланія авторовъ, но мало характеризуютъ дѣйствительность. Даже для Англіи картина соціальнаго прогресса, рисуемая школой Брентано, слишкомъ подслащена и является въ значительной мѣрѣ «насъ возвышающимъ обманомъ», которымъ соціальные гармонисты хотятъ заставить читателя забыть о «горькой истинѣ». Классовая борьба въ Англіи нашего времени приняла, правда, болѣе культурныя и цѣлесообразныя формы (рабочіе теперь уже не разрушаютъ машинъ и не поджигаютъ фабрикъ), но не стала отъ этого менѣе энергичной, и условія рабочаго договора, какъ раньше, такъ и теперь, диктуются въ конечномъ счетѣ силой.

ОЧЕРКЪ VII.

Австрійская школа.

Мы указали въ предыдущемъ очеркѣ, что историческое направленіе въ политической экономіи встрѣтило въ новѣйшее время сильную оппозицію въ лицѣ знаменитаго австрійскаго экономиста Карла Менгера и его школы. По своимъ соціально-политическимъ взглядамъ австрійскіе экономисты мало отличаются отъ своихъ нѣмецкихъ коллегъ и подобно послѣднимъ являются сторонниками соціальныхъ реформъ. Оригинальность австрійской школы всецѣло коренится въ области экономической теоріи. Быть можетъ, не будетъ преувеличеніемъ сказать, что въ трудахъ школы Менгера абстрактная экономическая теорія сдѣлала самый крупный шагъ впередъ со времени Рикардо.

Изъ работъ признаннаго главы школы, профессора Вѣнскаго университета Карла Менгера (род. въ 1840 г.) наиболѣе замѣчательны двѣ: «Grundsätze der Volkswirtschaftslehre» (1871) и «Untersuchungen über die Methode der Sozialwissenschaften uub der Politischen Oekonomie insbesondere» (1883). Во второй работѣ Менгеръ выступаетъ съ блестящей критикой германской исторической школы. Онъ не отрицаетъ важности и необходимости изученія исторіи хозяйства, но указываетъ на то, что описательная наука исторіи хозяйства не имѣетъ ничего общаго съ абстрактной наукой теоріи хозяйственнаго процесса. Надежды, которые германскіе экономисты возлагали на историческій методъ, какъ на средство преобразованія экономической теоріи, свидѣтельствуютъ лишь о непониманіи ими задачъ этой послѣдней. Теоретическая политическая экономія отнюдь не задается цѣлью описать хозяйственныя явленія въ ихъ индивидуальной сложности въ различныхъ странахъ и въ различныя историческія эпохи. Это дѣло описательныхъ наукъ— статистики и исторіи хозяйства. Абстрактная экономическая теорія стремится къ иному—къ установленію общихъ типовъ хозяйственныхъ явленій и къ открытію, путемъ абстракціи, точныхъ экономическихъ законовъ, которые характеризуютъ хозяйственный процессъ въ его идеальномъ видѣ, т. е., не такъ, какъ онъ совершается въ дѣйствительности, а какъ онъ совершался бы при отсутствіи усложняющихъ обстоятельствъ. Поэтому экономическіе законы не выражаютъ дѣйстви-

тельности въ ея полнотѣ. Въ этомъ отношеніи политическая экономія раздѣляетъ лишь общую слабость точныхъ наукъ. Физика и химія всѣми признаются образцомъ точнаго изученія явленій природы. Изслѣдуетъ ли, однако, эти науки реальныя конкретныя явленія, или же абстрактные типы явленій? Несомнѣнно, послѣднее. Законы газообразныхъ тѣлъ, напр., законъ Бойля и Маріотта не примѣнимы въ полной мѣрѣ ни къ одному реальному газу и характеризуютъ лишь нѣкоторые идеальныя, представляемыя состоянія, къ которымъ реальныя явленія приближаются въ большей или меньшей степени. Точно также химія трактуетъ объ элементахъ, но абсолютно чистыхъ элементовъ, абсолютно чистаго кислорода, водорода, золота не существуетъ въ природѣ—всякое реальное тѣло есть смѣсь или соединеніе нѣсколькихъ элементовъ; слѣдовательно, и химія изучаетъ не реальныя явленія, а лишь абстрактные типы ихъ, почему и выводы химіи могутъ считаться точными лишь по отношенію къ этимъ идеальнымъ типамъ. Такимъ образомъ, абстракція, отвлеченіе отъ усложняющихъ обстоятельствъ, есть методъ всѣхъ точныхъ наукъ, выводы которыхъ абстрактно, въ примѣненіи къ представляемымъ явленіямъ, совершенно точны, но конкретно, въ примѣненіи къ реальнымъ фактамъ природы, точны лишь приблизительно.

Теоретическая политическая экономія есть именно такая абстрактная точная наука. Экономистъ исходитъ изъ предположенія, что человѣкъ руководствуется въ своей хозяйственной дѣятельности лишь однимъ мотивомъ эгоизма, или, что одно и то же, хозяйственнымъ разсчетомъ. Всѣ другіе мотивы человѣческой дѣятельности игнорируются экономистомъ; конечно, экономистъ знаетъ, что посылка эгоизма есть лишь условное допущеніе, абстракція, не охватывающая всей сложности конкретнаго явленія. Но абстракція эта методологически совершенно законна и правильна, ибо эгоизмъ есть дѣйствительно важнѣйшій (хотя и не единственный) мотивъ хозяйственной дѣятельности человѣка. Правда, благодаря тому, что экономистъ строитъ свои выводы на абстракціи, выводы его не могутъ вполнѣ совпадать съ дѣйствительностью. Но этотъ же недостатокъ присущъ, какъ мы видѣли, и всѣмъ законамъ естествознанія.

Отсюда ясна несостоятельность попытокъ создать научную экономическую теорію изъ индуктивнаго изученія хозяйственныхъ явленій въ ихъ конкретной сложности. Всякая точная наука абстрактна—абстрактной наукой должна быть и политическая экономія. Политическая экономія установила цѣлый рядъ точныхъ законовъ экономическихъ явленій, найденныхъ при помощи дедуктивнаго абстрактнаго метода, который не можетъ быть замѣненъ никакимъ инымъ.

Книга Менгера вызвала горячую полемику. Сторонники исторической школы отвѣчали въ болѣе или менѣе рѣзкомъ тонѣ, но не могли не признать, что указанія Менгера на теоретическую слабость экономистовъ исторической школы не совсѣмъ несправедливы. Однако, ме-

тодологическія соображенія, подобныя вышеприведеннымъ, несмотря на свое большее или меньшее остроуміе, никогда не могутъ имѣть такой убѣдительной силы, какъ успѣшное примѣненіе защищаемыхъ методологическихъ пріемовъ на практикѣ. Подобно тому, какъ побѣда есть лучшее доказательство искусства полководца, такъ и правильность научнаго метода лучше всего обнаруживается его плодотворностью, научными результатами его примѣненія. Историческій методъ остается пока въ экономической теоріи совершенно безплоднымъ. Экономисты-историки не только не произвели въ политической экономіи революціи, которую они возвѣстили съ такимъ шумомъ, но и не внесли въ науку никакихъ существенныхъ измѣненій, не выдвинули никакой новой экономической теоріи, хотя бы и частнаго характера. Напротивъ, школа Менгера, пользуясь абстрактно-дедуктивнымъ методомъ, пришла къ совершенно новымъ и чрезвычайно важнымъ теоретическимъ выводамъ. Она дала новую теорію цѣнности, которая имѣетъ всѣ шансы стать общепринятой въ наукѣ.

Теорія эта имѣетъ свою длинную исторію. Основанія ея впервые были установлены нѣмецкимъ экономистомъ Госсеномъ въ сочиненіи «Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs» (1854), совершенно непонятомъ современниками и незамѣченномъ, при своемъ выходѣ, никѣмъ. О Госсенѣ вспомнили только въ послѣднее время, когда та же теорія цѣнности была вновь развита независимо другъ отъ друга нѣсколькими экономистами, Джевонсомъ («Theory of Political Economy». 1871), Менгеромъ («Grundsätze der Volkswirtschaftslehre». 1871) и Леономъ Вальрасамъ («Elements d'économie politique pure». 1874). Ученики Менгера—Визеръ (въ сочиненіяхъ: «Ueber den Ursprung und die Hauptgesetze des wirtschafthlichen Werthes». 1884 и Der natürliche Werth».1889) и Бемъ-Баверкъ («Grundzüge der Theorie des wirtschaftlichen Güterwerthes». Jahrbücher Конрада, 1886 и «Kapital und Kapitalzins». II Theil. 1889) прибавили къ разсматриваемой теоріи много существенныхъ дополненій. За послѣдніе годы литература новой теоріи цѣнности разрослась въ огромныхъ размѣрахъ и приводить ея мы не будемъ.

W. S. Jevons

Wieser

Böhm-Bawerk

Теорія цѣнности австрійской школы принадлежитъ къ числу теорій, выводящихъ цѣнность изъ полезности предметовъ нашего хозяйства. Существованіе извѣстной связи между полезностью хозяйственнаго предмета и его цѣнностью кажется почти очевиднымъ съ точки зрѣнія простого здраваго смысла. Мы цѣнимъ только то, что намъ полезно, и тѣмъ выше, чѣмъ больше получаемая нами польза — вотъ, что намъ говоритъ, повидимому, неиспорченный никакой теоріей здравый смыслъ.

Однако, болѣе внимательное изученіе проблемы цѣнности обнаруживаетъ значительныя трудности, къ которымъ приводитъ эта точка зрѣнія. Дѣло въ томъ, что мы совершенно не цѣнимъ многіе предметы, полезность которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Такъ, мы

*

Мы говоримъ, что вода полезна. И это совершенно вѣрно по отношенію къ водѣ вообще, какъ опредѣленному роду вещей или по отношенію ко всему запасу воды, какъ цѣлому. Но можно ли утверждать, что каждое ведро воды въ рѣкѣ приноситъ намъ пользу? Правда, любой стаканъ воды можетъ утолить жажду, но фактически не вся вода, а только ничтожная ея часть, служитъ для удовлетворенія нашихъ потребностей. Поэтому, если рѣчь идетъ о родовой полезности воды, или о полезности всего запаса воды, то мы должны признать воду полезной. Но если дѣло идетъ о полезности той или иной конкретной части общаго запаса воды, то вопросъ рѣшается совершенно иначе: не подлежитъ сомнѣнію, что большая часть воды въ рѣкѣ мнѣ совершенно не нужна и для меня совершенно безполезна.

Итакъ, конкретная, дѣйствительная польза даннаго предмета есть совершенно иное, чѣмъ абстрактная, возможная полезность даннаго рода вещей. Вода принадлежитъ къ числу предметовъ, необходимыхъ для жизни,—но только ничтожная доля воды дѣйствительно удовлетворяетъ нашимъ потребностямъ и приноситъ намъ пользу.

Конкретная польза, извлекаемая нами изъ различныхъ конкретныхъ предметовъ одного и того же рода, въ равной мѣрѣ пригодныхъ по своимъ физическимъ свойствамъ къ тому, чтобы удовлетворить нашимъ потребностямъ, весьма различна. Первая кружка воды изъ рѣки служитъ мнѣ для питья — она поддерживаетъ мою жизнь; ея пользу можно считать наибольшей. Вторая кружка служитъ мнѣ для умыванія; она удовлетворяетъ моей потребности въ чистотѣ—полезность ея уже несравненно меньше. Третью кружку я, быть можетъ, употреблю на поливку цвѣтовъ — она послужитъ для удовлетворенія еще менѣе важной потребности. Наконецъ, для четвертой или пятой кружки я могу не найти никакого употребленія — полезность ея будетъ равна нулю.

Легко понять, что эти соображенія примѣнимы рѣшительно ко всѣмъ предметамъ, съ которыми мы имѣемъ дѣло въ хозяйствѣ. Возьмемъ, напримѣръ, хлѣбъ. Дѣйствительная польза, извлекаемая нами изъ каждаго фунта имѣющагося въ нашемъ обладаніи хлѣбнаго запаса, не одинакова, но образуетъ собой убывающій рядъ. Чѣмъ больше запасъ, тѣмъ менѣе важныя потребности удовлетворяются продуктами того же рода, тѣмъ ниже спускается полезность послѣдняго члена этого ряда. Эту наименьшую полезность единицы даннаго запаса хозяйственныхъ предметовъ Джевонсъ и Визеръ назвали *предѣльной полезностью* предмета (final degree of utility, Grenznutzen).

Теперь мы можемъ перейти къ проблемѣ цѣнности. Мы цѣнимъ тотъ или иной предметъ благодаря сознаваемой нами зависимости нашего благополучія отъ обладанія даннымъ предметомъ. Если утрата извѣстнаго предмета причиняетъ намъ страданіе или уменьшаетъ наше благосостояніе, если при отсутствіи даннаго предмета какая-нибудь

наша потребность останется неудовлетворенной, то мы, понимая, въ качествѣ разумныхъ существъ, связь слѣдствія съ причиной, не можемъ не придавать обладанію даннымъ предметомъ тѣмъ больше значенія, важности, чѣмъ болѣе важная потребность останется неудовлетворенной въ случаѣ утраты предмета. Хозяйственная цѣнность предмета есть не что иное, какъ сознаваемое нами его значеніе, важность по отношенію къ нашему хозяйственному благополучію. Процессъ оцѣнки естественно вытекаетъ изъ нашей разсудочной способности, въ связи, съ одной стороны (субъективной), съ нашимъ стремленіемъ къ увеличенію своего благополучія и уменьшенію страданія, съ другой (объективной), съ зависимостью нашего благополучія отъ обладанія внѣшними предметами. Внѣшнимъ выраженіемъ нашей оцѣнки предмета является наша дѣятельность, направленная на пріобрѣтеніе даннаго предмета или сохраненіе его. Чѣмъ выше наша оцѣнка, тѣмъ больше труда мы согласимся затратить на пріобрѣтеніе или сохраненіе предмета, тѣмъ бо̀льшимъ количествомъ другихъ цѣнныхъ предметовъ мы пожертвуемъ ради него.

Мы видѣли, что конкретная полезность отдѣльныхъ единицъ хозяйственнаго запаса образуетъ понижающійся рядъ; каждая послѣдующая единица запаса удовлетворяетъ менѣе важной потребности. Допустимъ, что въ нашемъ распоряженіи имѣется ограниченный запасъ полезныхъ предметовъ извѣстнаго рода. Спрашивается, какая потребность останется неудовлетворенной, если мы утратимъ единицу изъ даннаго запаса? Она можетъ удовлетворять болѣе важнымъ и менѣе важнымъ потребностямъ: стаканъ воды можетъ служить для питья или употребляться для поливки цвѣтовъ. Отъ удовлетворенія какой потребности я откажусь, если лишусь единицы изъ даннаго запаса предметовъ? Отвѣтъ ясенъ: утрата нѣкоторой части запаса поведетъ, конечно, къ неудовлетворенію *наименѣе важной потребности, изъ числа могущихъ быть удовлетворенными при помощи даннаго запаса.* Если у меня мало воды, то я откажусь отъ поливки цвѣтовъ, но не лишу себя питья. Итакъ, не наибольшая и не средняя полезность предмета, но его *предѣльная полезность* (въ вышеуказанномъ смыслѣ) опредѣляетъ важность потребности, остающейся неудовлетворенной въ случаѣ утраты этого предмета.

Мы сказали, что наша оцѣнка предмета есть не что иное, какъ признаніе зависимости нашего благополучія отъ обладанія даннымъ предметомъ. Мы только что видѣли, что отъ обладанія предметомъ зависитъ удовлетвореніе наименѣе важной потребности изъ всѣхъ, удовлетворяемыхъ при помощи запаса предметовъ этого рода, которымъ мы располагаемъ.

Таково рѣшеніе проблемы цѣнности. Предѣльная полезность, а не общая полезность запаса или же средняя полезность предметовъ извѣстнаго рода, регулируетъ ихъ цѣнность. Конкретная польза каждой

единицы общаго запаса различна, но цѣнность всѣхъ этихъ единицъ не можетъ не быть одинаковой. Поэтому, слѣдуетъ строго различать понятія цѣнности и полезности. Вслѣдствіе смѣшенія этихъ понятій наука долгое время не могла выбраться изъ запутаннаго лабиринта сложныхъ и разнообразныхъ факторовъ цѣнности; понятіе предѣльной полезности даетъ намъ аріаднину нить для выхода изъ этого лабиринта.

Теорія предѣльной полезности легко разрѣшаетъ всѣ трудности, которыя казались непреодолимыми съ точки зрѣнія предшествовавшихъ теорій полезности. Почему вода и воздухъ не имѣютъ никакой цѣнности? Потому, что большая часть воды и воздуха для насъ совершенно безполезна—предѣльная полезность ихъ равна нулю. Почему алмазъ цѣнится гораздо дороже хлѣба, а золото дороже желѣза? Потому, что, хотя потребность въ хлѣбѣ несравненно сильнѣе потребности въ алмазахъ, а потребность въ желѣзѣ сильнѣе потребности въ золотѣ, но зато потребности въ хлѣбѣ и въ желѣзѣ удовлетворяются гораздо полнѣе, чѣмъ потребности въ алмазахъ или золотѣ. Максимальная полезность хлѣба несравненно выше полезности алмаза, но предѣльная полезность хлѣба ниже, чѣмъ алмаза.

Потребность въ алмазахъ у тѣхъ классовъ населенія, которые покупаютъ ихъ, очень далека отъ удовлетворенія, между тѣмъ какъ потребность въ пищѣ у достаточныхъ классовъ удовлетворяется до конца.

Абстрактная, возможная полезность предмета не зависитъ отъ величины запаса предметовъ этого рода въ нашемъ распоряженіи. Но предѣльная полезность — иными словами, дѣйствительная польза послѣдняго члена понижающагося ряда — должна быть тѣмъ меньше, чѣмъ больше запасъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, что предѣльная полезность падаетъ въ случаѣ увеличенія запаса строго пропорціонально этому увеличенію. Ни о какой математической пропорціональности не можетъ быть въ данномъ случаѣ и рѣчи. Предѣльная полезность однихъ товаровъ, въ особенности предметовъ необходимости, падаетъ гораздо быстрѣе увеличенія запаса, благодаря тому, что потребность въ нихъ легко насыщается. Количество пищи, которое можетъ потребить человѣкъ, ограничивается вмѣстимостью желудка. Если пищи очень много, то ея предѣльная полезность быстро спускается до очень низкой величины — иногда почти до нуля. По этой причинѣ, мясо не имѣетъ почти никакой цѣны у пастушескихъ народовъ. Напротивъ, потребность въ предметахъ роскоши и украшенія почти никогда не достигаетъ полнаго насыщенія. Увеличеніе запаса драгоцѣнностей не сопровождается быстрымъ пониженіемъ ихъ предѣльной полезности, благодаря тому, что потребность въ нихъ всегда остается далекой отъ удовлетворенія.

Все это объясняетъ, почему цѣна предметовъ необходимости испы-

тываетъ такія рѣзкія колебанія подъ вліяніемъ колебаній предложенія, въ то время какъ цѣна предметовъ роскоши отличается сравнительной устойчивостью. Каждый товаръ имѣетъ свою скалу насыщенія соотвѣтствующей потребности—и эта скала опредѣляетъ, какое вліяніе колебанія предложенія оказываютъ на цѣну товара. Вотъ почему, такъ называемый, законъ спроса и предложенія не можетъ быть выраженъ въ математической формѣ.

Такова сущность новой теоріи цѣнности, развитіе которой составляетъ заслугу, главнымъ образомъ, австрійской школы. Мы могли намѣтить только основную идею теоріи предѣльной полезности, оставляя въ сторонѣ подробности и не показавъ примѣненія этой теоріи къ разрѣшенію всѣхъ самыхъ трудныхъ и запутанныхъ случаевъ образованія цѣнъ въ современномъ мѣновомъ хозяйствѣ. Послѣднее потребовало бы слишкомъ много мѣста и мы должны были ограничиться сказаннымъ. Но и этого немногаго достаточно, чтобы оцѣнить великое значеніе теоріи предѣльной полезности. Она впервые дала исчерпывающее объясненіе механизму оцѣнки, выяснила психическіе процессы, результатомъ которыхъ является цѣна. Предшествовавшія теоріи цѣнности почти не занимались субъективнымъ моментомъ, лежащимъ въ основаніи цѣны. Всѣ знали, что чѣмъ больше запасъ хозяйственныхъ предметовъ извѣстнаго рода, тѣмъ ниже мы цѣнимъ каждый изъ нихъ, но *почему* мы расцѣниваемъ предметы именно такъ, а не иначе, *почему* увеличеніе предложенія понижаетъ, а не повышаетъ расцѣнку—это оставалось невыясненнымъ. Существовалъ нѣкоторый перерывъ въ объясненіи механизма строенія цѣнъ — между объективнымъ моментомъ предложенія продуктовъ на рынкѣ и субъективнымъ моментомъ расцѣнки была ничѣмъ не заполненная пустота. Теорія предѣльной полезности заполнила эту пустоту — она показала передаточные ремни, которые связываютъ въ субъектѣ объективные факторы цѣны съ цѣнами. А такъ какъ, при огромной сложности соціальной жизни, пониманіе ея законовъ немыслимо безъ пониманія психическихъ процессовъ, опредѣляющихъ поведеніе индивида, его мотивацію (вся дедуктивная политическая экономія исходитъ изъ посылки хозяйственнаго разсчета, какъ руководящаго мотива хозяйственной дѣятельности), то выясненіе субъективнаго, психическаго процесса оцѣнки не могло не пролить новаго свѣта и на объективный механизмъ строенія цѣнъ [1]).

---

[1]) Критику теоріи предѣльной полезности и трудовой теоріи см. въ моей книгѣ „Теоретическія основы марксизма“.

ОЧЕРКЪ VIII.

Движеніе въ пользу націонализаціи земли.

Первымъ провозвѣстникомъ современнаго движенія въ пользу націонализаціи земли обыкновенно считаютъ Томаса Спенса, бывшаго въ молодости учителемъ въ Ньюкастлѣ (въ Англіи), а затѣмъ посвятившаго жизнь агитаціи въ пользу этой идеи. Агитація его приняла болѣе энергичный характеръ и обратила на себя вниманіе англійскаго общества и правительства въ тревожное время начала XIX вѣка, хотя Спенсъ, по его собственному показанію, впервые высказалъ свою мысль еще въ 1775 году, въ докладѣ, перечатанномъ значительно позже, въ 1796 году, подъ заглавіемъ «The meridian Sun of Liberty» («Полуденное солнце свободы»).

Въ этомъ докладѣ Спенсъ доказываетъ, что всѣ живущіе въ данной странѣ имѣютъ равное право на землю этой страны, каковаго права они не могутъ быть лишены людьми, раньше ихъ жившими тамъ же. Поэтому земля, естественно, должна принадлежать всему обществу; захватъ земли частными собственниками въ свою пользу равносиленъ нарушенію естественныхъ правъ общества. Общество должно поэтому возстановить свое нарушенное право и вернуть себѣ землю. При этомъ земля должна перейти во владѣніе не всего государства въ его цѣломъ, но отдѣльныхъ приходовъ, изъ которыхъ состоитъ страна. Каждый приходъ долженъ образовать собой особую общину, участія въ которой можетъ требовать каждый постоянный житель данной мѣстности. Земля общины не должна, однако, обрабатываться сообща ея членами, а должна отдаваться въ аренду отдѣльными участками на опредѣленные сроки съ торговъ всѣмъ желающимъ. Получаемыя общиной суммы должны служить для покрытія всѣхъ издержекъ какъ государства, такъ и самой общины. Такимъ образомъ, всѣ существующіе налоги замѣняются, по плану Спенса, арендной платой съ общинной земли.

Суммы, остающіяся за покрытіемъ расходовъ государства и общины, должны ежегодно распредѣляться поровну между всѣми членами общины. По мнѣнію Спенса, землевладѣльцы не имѣютъ никакого права на вознагражденіе со стороны общины за отчуждаемую у нихъ

землю, такъ какъ тѣ лица, которыя впервые присвоили себѣ землю, совершили насильственное похищеніе чужой собственности, а тѣ, кто получилъ землю по наслѣдству, дару или покупкѣ отъ этихъ первыхъ похитителей, являются укрывателями чужого, не принадлежащаго имъ имущества.

Идеи Спенса пріобрѣли извѣстную популярность въ народныхъ массахъ Англіи въ первыя десятилѣтія закончившагося вѣка; правительство утверждало даже, что въ 1817 г. сторонники Спенса подготовляли возстаніе съ цѣлью насильственнымъ путемъ осуществить предполагавшуюся земельную реформу. Но, повидимому, все это возстаніе было только выдумкой правительства для оправданія разнаго рода стѣснительныхъ мѣръ, принимавшихся имъ въ это время крайней политической реакціи.

Черезъ нѣкоторое время, однако, движеніе въ пользу земельной реформы пріобрѣло въ Англіи большее общественное значеніе. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ развивается въ Англіи, до сихъ поръ еще мало изслѣдованное и понятое, могущественное народное движеніе чартизма. Чартизмъ быстро достигъ такой силы, что угрожалъ, по мнѣнію очень многихъ, опрокинуть весь политическій и соціальный строй государства, но затѣмъ также быстро пламя чартизма погасло. Соціальной почвой чартизма было крайнее ухудшеніе экономическаго положенія массы англійскаго населенія, вызванное развитіемъ капитализма и тяжелыми промышленными кризисами 30-хъ и 40-хъ годовъ, сопровождавшимися безработицей промышленныхъ рабочихъ, небывалой по своей продолжительности и огромному распространенію. Эта безработица особенно обострилась въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ и именно въ это время движеніе чартизма достигло своей наибольшей силы.

По своей политической программѣ чартизмъ былъ движеніемъ въ пользу реформы англійскаго парламента на демократическихъ началахъ (всеобщее, равное и тайное голосованіе, отмѣна имущественнаго ценза для депутатовъ, однолѣтній парламентъ и жалованье депутатамъ—таковы были пункты «хартіи»); по своему же экономическому содержанію чартизмъ былъ протестомъ англійскаго рабочаго противъ новыхъ условій жизни, въ которыя онъ былъ поставленъ промышленной революціей и быстрымъ ростомъ фабричной промышленности. Общей экономической программы чартизмъ не имѣлъ, такъ какъ различныя группы чартистовъ выставляли и различныя требованія экономическаго характера. Среди этихъ требованій огромной популярностью пользовалось и требованіе націонализаціи земли.

Оно было выдвинуто самой выдающейся головой движенія—огненнымъ и страстнымъ защитникомъ интересовъ угнетеннаго народа, ирландцемъ Бронтерромъ О'Бріеномъ. Среди всѣхъ чартистскихъ вождей О'Бріенъ былъ единственнымъ, ясно сознававшимъ, какія эко-

номическія цѣли могутъ быть поставлены движенію, если будетъ достигнута политическая реформа. Еще до начала чартистскаго движенія О'Бріенъ, бывшій неутомимымъ агитаторомъ и журналистомъ, издавалъ весьма вліятельный радикальный рабочій органъ съ ясно выраженной соціалистической окраской «The Poor Man's Guardian» («Стражъ бѣдняка»). Центральнымъ пунктомъ экономической программы О'Бріена было, какъ сказано, требованіе коренной земельной реформы.

Земельная рента чрезвычайно повысилась въ Англіи въ первыя десятилѣтія XIX вѣка. Въ то же время, благодаря отмѣнѣ въ 1834 году старинныхъ законовъ о бѣдныхъ, значительно сократились ложившіеся на землевладѣльцевъ расходы по содержанію бѣдныхъ; бѣдные, получавшіе содержаніе отъ прихода, должны были, согласно новому закону, жить въ рабочемъ домѣ, представлявшемъ собой настоящую тюрьму. Нежелавшіе соглашаться на это лишались помощи, которую они привыкли разсматривать, какъ свое право.

Развитіе промышленности и торговли повело къ быстрому росту народнаго богатства въ Англіи, но англійскій народъ не только не получалъ отъ этого никакихъ выгодъ, но все глубже погружался въ нищету. Естественно было спросить, чѣмъ же называется эта бѣдность, увеличивающаяся среди богатства?

Прежде всего, частной собственностью на землю, отвѣчаетъ О'Бріенъ. «Допустите только,—говоритъ онъ въ своей книгѣ «The Rise and Progress of Human Slavery» («Ростъ и развитіе человѣческаго рабства»),— чтобы территорія извѣстной страны, созданная Господомъ для всѣхъ на ней живущихъ и ихъ потомковъ, была куплена отдѣльными лицами или монополизирована другимъ способомъ, и ваше общество распадется на тирановъ и рабовъ, плутовъ, не желающихъ работать, и вьючныхъ животныхъ, готовыхъ исполнять всякую работу. Никакіе позднѣйшіе законы, никакія самыя искусныя мѣры помощи не улучшатъ этой системы, въ основѣ которой лежитъ возмутительная несправедливость.

Другой причиной соціальнаго неравенства и народной нужды является, по мнѣнію О'Бріена, денежное ростовщичество — процентъ на капиталъ. «Нашъ рабочій классъ, — говоритъ онъ, — какъ земледѣльцы, такъ и промышленные рабочіе уже доведены жадностью хозяевъ до такого низкаго состоянія, какое только возможно безъ совершенной гибели народа; но денежное чудовище еще не насытилось. Какъ послѣдній рессурсъ, это чудовище создало новый законъ о бѣдныхъ, чтобы низвести рабочихъ до самаго низкаго уровня жизни. Этотъ законъ обращается съ жертвами бѣдности такъ, какъ въ другихъ странахъ обращаются съ осужденными преступниками; этотъ законъ даетъ одежду преступника и тюрьму преступника изнемогающему человѣку, трудъ котораго обогатилъ чудовище и вина котораго заключается только въ томъ, что онъ не задушилъ чудовище столѣ-

тіе тому назадъ... Таковы послѣдніе рессурсы промышленной Англіи... Да, мои друзья, новый законъ о бѣдныхъ есть послѣдняя кровавая попытка денежнаго чудовища поддержать разваливающееся строеніе этой безчеловѣчной системы — безпощадной и безжалостной системы, дѣлающей васъ бѣдняками среди произведеннаго вами самими богатства».

Во главу угла соціальной реформы О'Бріенъ ставитъ возвращеніе всему обществу земли, насильственно захваченной землевладѣльцами. Однако, въ противность Спенсу, О'Бріенъ не считаетъ возможнымъ отобрать землю у землевладѣльцевъ безъ всякаго вознагражденія. Правда, землевладѣльцы не имѣютъ на это вознагражденіе никакого нравственнаго права, такъ какъ у нихъ отбирается нѣчто, не созданное ими самими. Но все же по соображеніямъ цѣлесообразности, чтобы не вызывать слишкомъ энергичнаго сопротивленія, слѣдуетъ вознаградить землевладѣльцевъ за отбираемую у нихъ землю.

Землевладѣльцамъ могло бы быть предоставлено, по ихъ усмотрѣнію, сохранять до своей смерти свою землю въ своихъ же рукахъ или же продать ее государству. Послѣ смерти владѣльца, его земля поступаетъ въ собственность государства, выплачивающаго наслѣдникамъ ея полную цѣнность.

Но при этомъ государство отнюдь не должно уплачивать покупную сумму земли немедленно въ полномъ размѣрѣ. Столь же мало обязано государство уплачивать проценты землевладѣльцамъ на эту сумму, ибо процентъ на капиталъ основанъ на такой же эксплоатаціи трудящихся, какъ и землевладѣльческій доходъ. Государство вполнѣ исполнитъ свои обязательства по отношенію къ землевладѣльцамъ, если оно за извѣстный рядъ лѣтъ,—напр., за 30 лѣтъ,—погаситъ цѣликомъ, но безъ всякихъ процентовъ, покупную сумму земли. Въ теченіе этихъ 30 лѣтъ государство будетъ передавать землевладѣльцамъ или ихъ наслѣдникамъ получаемую имъ ренту съ отчужденныхъ участковъ, а затѣмъ всѣ обязательства государства по отношенію къ прежнимъ землевладѣльцамъ будутъ признаны ликвидированными.

Земля, поступающая въ распоряженіе государства, не должна обрабатываться имъ за свой счетъ, но отдаваться, какъ это предлагалъ и Спенсъ, въ аренду желающимъ съ торговъ. Никто, однако, не долженъ имѣть права арендовать землю въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ онъ можетъ ее обработать собственными средствами; пересдача арендуемыхъ участковъ должна быть устранена.

Несмотря на обязательства, принимаемыя на себя государствомъ по отношенію къ землевладѣльцамъ, переходъ земли въ распоряженіе государства и отдача ея мелкими участками въ аренду должны, по мнѣнію О'Бріена, до такой степени повысить государственные доходы, что возможно будетъ уничтоженіе всѣхъ налоговъ—всѣ государствен-

ные расходы будутъ покрываться арендной платой съ государственной земли.

Хотя О'Бріенъ велъ неутомимую агитацію за свой планъ національзаціи земли, имѣвшій среди чартистовъ много сторонниковъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ многочисленныя резолюціи чартистскихъ митинговъ въ его пользу, планъ этотъ не входилъ въ оффиціальную программу партіи до 1852 г., когда чартистское движеніе уже было въ упадкѣ и ему остались вѣрны лишь немногіе, наиболѣе крайніе элементы партіи. Вліятельнѣйшій вождь чартистовъ, Фергусъ О'Коннoръ, противопоставилъ плану національзаціи земли свой собственный планъ аграрной реформы, подъ знаменемъ которой и боролись чартисты во второй половинѣ 40-хъ годовъ.

О'Коннoръ, какъ и О'Бріенъ, видѣлъ въ аграрномъ вопросѣ центръ соціальнаго вопроса. Вообще, чартизмъ былъ, какъ сказано, протестомъ англійскихъ рабочихъ массъ противъ ужасовъ фабричной системы. Неудивительно, что провозглашенный О'Коннoромъ кличъ: «Назадъ на землю»! («Back to the land!») встрѣтилъ такое сочувствіе англійскаго рабочаго, видѣвшаго въ фабрикѣ своего главнаго врага. Противопоставленіе голодающей массы богатымъ фабрикантамъ было обычной темой чартистскихъ ораторовъ. Горячая ненависть къ фабричной системѣ, указаніе на гибельное вліяніе машинъ, на ошибочность торговой политики, стремящейся къ развитію вывоза, вмѣсто расширенія внутренняго рынка—всѣмъ этимъ были полны столбцы главнаго органа чаристовъ, «The Northern Star» («Сѣверная звѣзда»). Газета эта вела упорную кампанію противъ «партіи расширенія торговли» и доказывала, что внутренній рынокъ важнѣе внѣшняго и что именно развитіе внѣшней торговли и вызвало нищету англійскихъ рабочихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, О'Коннoръ и большинство чартистскихъ вождей были горячими поклонниками земледѣлія и крестьянскаго хозяйства. Обезземеленье англійской рабочей массы дѣлало невозможнымъ, по мнѣнію О'Коннора, улучшеніе положенія англійскаго рабочаго, такъ какъ скопленіе массы рабочихъ въ городахъ вызываетъ при каждомъ сокращеніи торговли массовую безработицу, благодаря чему заработная плата и занятыхъ рабочихъ падаетъ до самаго низкаго уровня. Пока рабочій рынокъ въ городахъ не будетъ освобожденъ отъ постояннаго наплыва рабочихъ изъ деревни, до тѣхъ поръ промышленный рабочій не будетъ въ силахъ отстоять себѣ сноснаго существованія на фабрикѣ.

Исходя изъ этихъ соображеній О'Коннoръ утверждалъ, что интересы всей массы англійскихъ рабочихъ требуютъ широкаго развитія въ деревнѣ мелкаго крестьянскаго хозяйства. По его мнѣнію, правительство должно было бы заключить заемъ въ 100 мил. ф. ст. (1 милліардъ рублей) и на эту сумму выкупить у крупныхъ землевладѣльцевъ землю, достаточную для образованія 1 милліона крестьянскихъ

хозяйствъ. Такимъ образомъ значительная часть англійскаго населенія вернулась бы къ земледѣлію, къ выгодѣ, какъ своей собственной, такъ и тѣхъ, кто останется въ городѣ.

Но такъ какъ англійское правительство не обнаруживало никакой наклонности совершить операцію, предлагавшуюся О'Конноромъ, а вождю чартистовъ нужно было предложить своимъ послѣдователямъ нѣчто осуществимое въ ближайшемъ же будущемъ, то онъ скоро отказался отъ своего первоначальнаго проекта и выступилъ въ началѣ 40-хъ годовъ съ новымъ «земельнымъ планомъ», быстро пріобрѣтшимъ широкую популярность и принятымъ на конференціи чартистскихъ делегатовъ въ Бирмингамѣ въ 1843 году.

Для пропаганды своего аграрнаго плана О'Коннoръ сталъ издавать особый органъ «The Labourer» («Работникъ»). Въ этомъ органѣ онъ заявлялъ себя рѣшительнымъ врагомъ коммунизма, но другомъ коопераціи. Онъ врагъ мелкихъ фермъ, сдаваемыхъ въ аренду, но другъ мелкой крестьянской собственности. Мелкая собственность должна, по его мнѣнію, чрезвычайно повысить производительность земледѣльческаго труда, примѣромъ чего можетъ служить бельгійское крестьянское хозяйство. Съ земледѣліемъ должна соединяться и обрабатывающая промышленность. «Жилище каждаго поселенца, во время длинныхъ зимнихъ вечеровъ, должно стать мѣстомъ оживленной домашней промышлениости. Портной или сапожникъ не утратятъ своего искусства оттого, что научатся обращаться съ лопатой. Они будутъ выдѣлывать, во время свободное отъ полевыхъ работъ, разныя издѣлія для продажи». Вообще же земледѣліе, а не промышленность, должно стать основаніемъ общественнаго хозяйства и давать занятіе большей части населенія.

Самый «земельный планъ» О'Коннора заключался въ слѣдующемъ. Рабочіе должны образовать общество для покупки земли. Достаточно собрать по подпискѣ 2 тысячи ф. (20.000 р.), чтобы общество начало свои операціи. Оно покупаетъ землю, разбиваетъ ее на мелкіе участки, строитъ на каждомъ участкѣ дома и сельскохозяйственныя постройки, снабжаетъ участки инвентаремъ, необходимымъ для сельскаго хозяйства. Жребій рѣшаетъ, кому изъ членовъ общества достаются эти участки. Владѣльцы участковъ уплачиваютъ обществу 5% съ цѣнности своихъ участковъ, построекъ и инвентаря. Общество закладываетъ пріобрѣтенную землю, покупаетъ на вырученную сумму новую землю, которую опять распредѣляетъ по жребію между участниками, снова закладываетъ и т. д.

Рабочіе горячо отозвались на призывъ О'Коннора. Подписчики являлись тысячами. 14 марта 1846 года земельная ассоціація пріобрѣла первое имѣніе для разбивки его на мелкіе участки. За первый годъ существованія ассоціаціи ей удалось собрать съ рабочихъ для покупки земли 11.678 ф. с. (около 111 тысячъ р.).

Успѣхъ подписки побудилъ О'Коннора нѣсколько измѣнить свой планъ. А именно, вмѣсто закладыванія пріобрѣтаемыхъ имѣній было рѣшено основать свой собственный земельный банкъ, который долженъ былъ привлекать отъ публики деньги подъ залогъ земельной собственности ассоціаціи.

Если вспомнить, что весь этотъ планъ насажденія крестьянскаго хозяйства на собственныя средства рабочихъ безъ всякой помощи отъ государства предлагался полунищимъ англійскимъ фабричнымъ рабочимъ сороковыхъ годовъ, то можно оцѣнить всю его непрактичность. Но чрезвычайно характерно, что столь фантастичный планъ имѣлъ нѣкоторое время крупный успѣхъ. Изстрадавшійся фабричный рабочій устремился за обманчивымъ призракомъ воскрешенія исчезнувшаго въ Англіи крестьянскаго хозяйства. За три года, къ началу 1848 г., О'Коннору удалось собрать съ рабочихъ по грошамъ крупную сумму въ 94.184 ф. с., при чемъ число подписчиковъ превзошло 100 т. чел. Нѣсколько имѣній было куплено и разбито на мелкіе участки.

Неизбѣжное крушеніе этого предпріятія было ускорено правительствомъ. Присужденіе земельныхъ участковъ путемъ жребія было признано незаконной лоттереей. Рабочіе потеряли свои деньги, и вмѣстѣ съ «земельнымъ планомъ» О'Коннора рухнулъ и чартизмъ. Чартистскіе вожди попытались тогда выставить другой лозунгъ—національзаціи земли, — но время чартизма уже миновало и движеніе быстро угасло подъ вліяніемъ наступившаго въ 50-хъ годахъ общаго улучшенія экономическаго положенія англійскаго рабочаго класса.

Чартизмъ не вызвалъ никакой аграрной реформы, однако идея ея отнюдь не умерла.

Ни одинъ экономистъ послѣ Рикардо не пользовался въ Англіи такимъ всеобщимъ признаніемъ и уваженіемъ, какъ Джонъ Стюартъ Милль. Его «Основанія политической экономіи» остаются и по настоящее время—черезъ много десятилѣтій послѣ ихъ написанія — классическимъ и, быть можетъ, всего болѣе читаемымъ руководствомъ экономической науки. И вотъ этотъ вліятельнѣйшій и авторитетнѣйшій представитель буржуазной политической экономіи обнаружилъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ сочувствіе идеѣ коренной реформы частной собственности на землю.

J.S. Mill

«Земля, — говоритъ Милль въ своемъ извѣстномъ курсѣ, — не создана никѣмъ изъ людей, она коренное наслѣдіе человѣческаго рода. Ея присвоеніе частнымъ лицомъ—исключительно вопросъ общей пользы. Когда частная собственность на землю невыгодна для общества, она несправедлива. Лишить человѣка участія въ томъ, что произведено другими, не значитъ поступить съ нимъ жестоко; другіе не были обязаны производить для него и онъ ничего не теряетъ, не получая доли изъ того, что вовсе не существовало бы, если бы не было произведено трудомъ другихъ. Но должно назвать жестокимъ положеніе того,

кто, родившись на свѣтъ, находитъ, что всѣ дары природы уже захвачены другими, не оставившими мѣста новому товарищу... Поземельная собственность не похожа на другіе роды собственности, это понимаютъ даже упорнѣйшіе защитники ея правъ... Право землевладѣльцевъ на землю совершенно подчинено общей государственной политикѣ. Принципъ собственности вовсе не даетъ имъ права на землю, а даетъ только право на вознагражденіе за ту часть получаемыхъ ими отъ земли выгодъ, которую государство по своимъ надобностямъ найдетъ полезнымъ взять у нихъ».

По мнѣнію Милля, государство имѣетъ право совершенно свободно располагать земельной собственностью (при условіи полнаго вознагражденія землевладѣльцевъ), сообразно общественнымъ нуждамъ. «Если законодательная власть захочетъ, то можетъ у всего класса землевладѣльцевъ отобрать землю, давъ за нее облигаціи государственнаго долга».

Единственнымъ справедливымъ обоснованіемъ права собственности,—говоритъ Милль,—является трудовой принципъ—право человѣка на продукты его труда. Земля не есть продуктъ человѣческаго труда—слѣдовательно, этическое обоснованіе земельной собственности отпадаетъ. Остаются соображенія цѣлесообразности: общество можетъ находить, что для него выгодно, чтобы земля находилась въ собственности отдѣльныхъ лицъ. Но это можетъ быть лишь въ томъ случаѣ, если земельные собственники какимъ-нибудь способомъ участвуютъ въ созданіи національнаго богатства и содѣйствуютъ экономическому благополучію населенія. Но что сказать о крупныхъ землевладѣльцахъ, хотя бы Ирландіи? Ихъ отношеніе къ землѣ выражается лишь взиманіемъ арендной платы съ арендаторовъ ихъ имѣній. Они не только не улучшаютъ техники земледѣлія, но, напротивъ, препятствуютъ таковому улучшенію, дѣлая невозможнымъ производство арендаторами меліорацій. «За немногими исключеніями, ирландскіе землевладѣльцы только истощаютъ производительность земли. Къ нимъ буквально примѣняется эпиграмма, сказанная кѣмъ-то при совѣщаніяхъ о томъ, чѣмъ обременены земли: «величайшее обремененіе для земель — землевладѣльцы»... Когда поземельная собственность стала въ такое положеніе, то прекращается возможность защищать ее».

Исходя изъ этихъ соображеній Милль основалъ въ 1870 г. общество, поставившее себѣ цѣлью земельную реформу. Сохраняя принципъ вознагражденія землевладѣльцевъ за отчуждаемую отъ нихъ землю, общество признавало, что государство должно стремиться сохранить за всѣмъ населеніемъ выгоды естественнаго прироста земельной ренты, не вызываемаго дѣятельностью самихъ землевладѣльцевъ. Для этого государство должно было бы облагать землю особымъ налогомъ, возрастающимъ по мѣрѣ естественнаго прироста доходности земли.

Взгляды Милля не могли не оказать большого вліянія на образованные классы англійскаго общества. О несправедливости земельной собственности высказался съ еще большей опредѣленностью и Герберть Спенсеръ въ одномъ изъ своихъ раннихъ сочиненій «Соціальная статика». Частная собственность на землю должна, по его мнѣнію, такъ же исчезнуть, какъ уже исчезла собственность на человѣческую личность.

Въ болѣе недавнее время выступилъ въ Англіи съ энергичной агитаціей въ пользу націонализаціи земли знаменитый натуралистъ Альфредъ Уоллэсъ. Его книга «Land Nationalisation, its Necessity and its Aims» («Націонализація земли, ея необходимость и цѣли») вышла въ 1882 г. Уоллэсъ предлагалъ государству выкупить всю частную земельную собственность, при чемъ выкупъ долженъ заключаться въ обезпеченіи государствомъ землевладѣльцамъ ихъ земельной ренты, но не навсегда, а лишь на время жизни владѣльцевъ и ихъ наслѣдниковъ, родившихся до смерти этихъ владѣльцевъ. Самый выкупъ долженъ быть произведенъ на слѣдующихъ основаніяхъ. Государство устанавливаетъ, путемъ спеціальной оцѣнки, какая часть цѣнности имѣнія создана землевладѣльцемъ (напр., цѣнность построекъ, разныхъ улучшеній и т. п.) или арендаторомъ и какая связана съ самой землей, какъ даромъ природы. Только эта послѣдняя часть цѣнности имѣнія и выкупается государствомъ на указанныхъ основаніяхъ. Вся же цѣнность, созданная тѣмъ или инымъ лицомъ, признается его неотъемлемой собственностью.

Выкупленная государствомъ земля остается въ наслѣдственномъ владѣніи и распоряженіи тѣхъ лицъ, которыя ею пользуются и въ настоящее время. Если земля въ арендѣ, то она поступаетъ въ распоряженіе арендатора, если землей пользуется самъ землевладѣлецъ, то въ распоряженіе землевладѣльца. Никакого ограниченія размѣра участковъ, поступающихъ во владѣніе и пользованіе отдѣльныхъ лицъ, не назначается. Но арендаторъ можетъ получить въ свое пользованіе арендуемую землю лишь въ случаѣ уплаты собственнику всей цѣнности, созданной землевладѣльцемъ на этой землѣ, и признанной собственностью послѣдняго. Государство можетъ оказывать помощь для уплаты арендаторомъ этой суммы, путемъ долгосрочной ссуды. Лицо, пользующееся землей, обязуется уплачивать государству ежегодную ренту, и пока оно исправно вноситъ эту ренту, до тѣхъ поръ земля остается въ полномъ расположеніи этого лица, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что оно не имѣетъ права пересдавать земли третьимъ лицамъ.

На ряду съ этимъ, всѣмъ гражданамъ государства предоставляется, разъ въ жизни, выбрать въ свое владѣніе, на извѣстныхъ условіяхъ, участокъ земли, размѣромъ не свыше 5 акровъ и не ниже 1 акра. За пользованіе этимъ участкомъ слѣдуетъ такая же рента, какъ и за

всякую другую землю. Имѣнія ниже извѣстнаго размѣра освобождаются отъ обязательства предоставлять желающимъ такіе участки. Относительно имѣній большихъ размѣровъ соблюдается правило, чтобы общая площадь имѣнія не уменьшалась въ теченіе жизни владѣльца, вслѣдствіе отвода названныхъ участковъ, болѣе, чѣмъ на 10% своихъ размѣровъ. Владѣльцы имѣній вознаграждаются за отводимые участки согласно правительственной расцѣнкѣ.

Уоллэсъ основалъ «Общество національзаціи земли», которое, однако, вскорѣ лишилось своихъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ, примкнувшихъ къ идеямъ американца Генри Джорджа, появленіе книги котораго «Прогрессъ и бѣдность» (1879) знаменуетъ собой новую эпоху въ разсматриваемомъ движеніи.

Свободная государственная земля, имѣвшаяся въ огромномъ количествѣ въ Соединенныхъ Штатахъ, долгое время играла роль предохранительнаго клапана американскаго капитализма. Съ востока на западъ тянулся въ Америкѣ эмиграціонный потокъ, уносившій излишнее населеніе изъ восточныхъ штатовъ, центровъ капиталистической промышленности, на дальній Западъ, гдѣ земли имѣлось въ изобиліи и гдѣ каждый могъ легко основать свое собственное земледѣльческое хозяйство. Но наступило время, когда этотъ клапанъ сталъ дѣйствовать менѣе успѣшно. И, что особенно важно, это время наступило гораздо раньше истощенія запаса незанятыхъ, пустующихъ земель. Уже въ 70-хъ годахъ закончившагося столѣтія, поселенцы въ западныхъ штатахъ начинаютъ жаловаться на трудность пріискать свободный участокъ земли, несмотря на то, что огромныя пространства земли остаются необработанными. Государственная земля была скуплена капиталистами восточныхъ штатовъ въ цѣляхъ спекулированія на повышеніи ея цѣны, а также захвачена желѣзнодорожными обществами, которымъ государство отводило огромные земельные участки даромъ. И тѣ и другіе находили выгоднымъ держать землю въ своихъ рукахъ со спекулятивными цѣлями, безъ всякаго производительнаго употребленія ея.

Грандіозныя рабочія стачки въ Америкѣ въ концѣ 70-хъ годовъ, въ эпоху тяжелаго промышленнаго кризиса, показали всему міру, что соціальный вопросъ является такимъ же грознымъ сфинксомъ въ Новомъ Свѣтѣ, какъ и въ Старомъ. Эти стачки имѣли характеръ настоящаго возстанія американскаго пролетаріата. Въ Питтсбургѣ желѣзнодорожные рабочіе, вмѣстѣ съ городскимъ пролетаріатомъ, захватили городъ въ свою власть, сожгли все имущество желѣзнодорожной компаніи, постройки, сооруженія, уничтожили болѣе полуторы тысячи вагоновъ и болѣе сотни локомотивовъ, разграбили нѣсколько товарныхъ поѣздовъ. Только послѣ кровавыхъ столкновеній правительству удалось усмирить рабочихъ. Подобныя же сцены разыгрались и въ другихъ городахъ Америки.

Стачки 70-хъ годовъ наглядно доказали всѣмъ, что предохранительный клапанъ американскаго капитализма пересталъ дѣйствовать; онѣ поставили американское общественное мнѣніе лицомъ къ лицу съ великимъ соціальнымъ вопросомъ нашего времени.

Книга Джорджа, написанная подъ непосредственнымъ вліяніемъ этихъ событій, является американской попыткой рѣшенія соціальнаго вопроса. Корень соціальнаго вопроса заключается, по мнѣнію Джорджа, въ присвоеніи землевладѣльцемъ избыточнаго продукта, создаваемаго успѣхами техники производства, ростомъ цивилизаціи и культуры. Какъ быстро бы ни шелъ ростъ народнаго богатства, рабочіе и предприниматели ничего отъ него не выиграютъ, ибо плоды ихъ труда и изобрѣтательности, по неумолимымъ законамъ общественнаго строя, основаннаго на частной земельной собственности, достаются классу, не принимающему никакого участія въ созданіи богатства. «Такъ какъ земля необходима для труда, производящаго богатство, то владѣть землей, значитъ владѣть всѣми плодами труда, за вычетомъ доли, необходимой для существованія рабочаго. Трудъ не можетъ воспользоваться тѣми благами, которыя приноситъ съ собой развивающаяся цивилизація, ибо эти блага перехватываются по пути... Причина того явленія, что заработная плата, несмотря на ростъ производительныхъ силъ, постоянно стремится къ наинизшему уровню, при которомъ возможно лишь голое существованіе, заключается въ томъ обстоятельствѣ, что съ ростомъ производительныхъ силъ въ еще большей мѣрѣ стремится расти и земельная рента».

Не капиталъ угнетаетъ рабочаго, а земельная собственность; интересы капиталиста и рабочаго вполнѣ солидарны, и оба они одинаково страдаютъ отъ общаго врага — землевладѣльца. Промышленные кризисы всецѣло вызываются земельной собственностью, а именно земельными спекуляціями капиталистовъ, захватывающихъ огромные земельные участки съ цѣлью спекулировать на увеличеніе ихъ цѣны.

Противоположность интересовъ труда и капитала рѣшительно отрицается Джоржемъ. Стачки и организаціи рабочихъ, направленныя противъ капиталистовъ, не встрѣчаютъ сочувствія Джоржа, относящагося съ полнымъ осужденіемъ и къ соціализму вообще. У рабочихъ и капиталистовъ, говоритъ онъ, есть одинъ врагъ—частная собственность на землю; когда этотъ врагъ будетъ побѣжденъ, тогда капиталисты и рабочіе будутъ жить въ полномъ согласіи и мирѣ другъ съ другомъ. Борьба труда и капитала основана на недоразумѣніи: и капиталисты и рабочіе — одинаково необходимы для хозяйственнаго благополучія страны, и потому имъ слѣдуетъ не враждовать, а помогать другъ другу.

Итакъ, бѣдность вызывается всецѣло и исключительно частной собственностью на землю. Отсюда вытекаетъ и «средство исцѣленія» отъ роковой болѣзни бѣдности, предлагаемое Джорджемъ. Если бѣдность

создается частной земельной собственностью, то для уничтоженія бѣдности нужно, очевидно, уничтожить этотъ соціальный институтъ. Но какимъ образомъ? Очень простымъ — отмѣчаетъ Джорджъ — обложеніемъ земли налогомъ, равнымъ земельной рентѣ. Землевладѣльцы не имѣютъ никакого права на вознагражденіе за потерю ренты, такъ какъ рента создается не ими, а обществомъ, которое, отбирая въ свою пользу ренту, возвращаетъ себѣ свое собственное дѣтище, свое созданіе. Государство можетъ осуществить великую соціальную реформу, послѣдствія которой Джорджъ рисуетъ самыми радужными красками, путемъ простого преобразованія системы налоговъ. Въ настоящее время налоги крайне разнообразны и стремятся охватить всевозможные источники дохода; они ложатся тяжелымъ бременемъ на трудъ и капиталъ и крайне стѣсняютъ хозяйство. Если бы всѣ эти налоги были уничтожены и переложены на землю, то всѣ классы населенія, кромѣ, конечно, крупныхъ землевладѣльцевъ, чрезвычайно выиграли бы. Выгода рабочихъ заключалась бы въ томъ, что, имѣя свободный доступъ къ землѣ, отъ которой отказались бы всѣ землевладѣльцы, не эксплоатирующіе теперь своихъ земельныхъ участковъ (ибо кто сталъ бы удерживать въ своихъ рукахъ землю, за которую приходится дорого платить безъ надежды что-либо выиграть?), рабочіе не стали бы продавать свой трудъ за меньшую сумму, чѣмъ доходъ, получаемый при самостоятельномъ веденіи сельскаго хозяйства. Кромѣ того, рабочіе выиграли бы въ качествѣ потребителей, благодаря удешевленію всѣхъ предметовъ, обложенныхъ пошлинами, акцизами и другими налогами, обременяющими промышленность. Предприниматели, капиталисты выиграли бы потому, что переложеніе всѣхъ налоговъ на землю дало бы огромный толчокъ промышленности. Мелкіе землевладѣльцы точно также выиграли бы, ибо ихъ потери отъ конфискаціи ренты были бы съ избыткомъ покрыты удешевленіемъ предметовъ потребленія, освобожденныхъ отъ налоговъ. «Для наиболѣе трудящихся фермеровъ, какъ бы парадоксально это ни казалось, переложеніе всѣхъ налоговъ на земельную ренту въ сущности было бы равнозначуще освобожденію ихъ отъ всякаго налога». Вообще всѣ фермеры, которые болѣе рабочіе, чѣмъ землевладѣльцы, выиграли бы отъ этой реформы. Кто же проигралъ бы отъ нея? Только крупные землевладѣльцы, «только тѣ стали бы бѣднѣе отъ указанной мѣры, кто могъ бы обѣднѣть безъ существеннаго ущерба для себя. Большія состоянія пострадали бы, но никто въ дѣйствительности не впалъ бы въ бѣдность».

Таково ученіе Джорджа, произведшее огромное впечатлѣніе на общественное мнѣніе, какъ это доказывается колоссальнымъ успѣхомъ его книги. Какъ бы мы ни оцѣнивали заслугъ Джорджа, какъ теоретика (по нашему мнѣнію, въ теоретическомъ отношеніи книга Джорджа представляетъ собой, сравнительно съ работами его предшествен-

никовъ, скорѣе шагъ назадъ, чѣмъ впередъ), за нимъ нельзя отнять славы самого вліятельнаго пропагандиста и популяризатора идеи земельной реформы. Появленіе его книги было выдающимся общественнымъ событіемъ своего времени. И самъ Джорджъ видѣлъ въ своей книгѣ не просто литературное произведеніе и не только ученый трудъ, но прежде всего, призывъ къ практическому дѣлу.

Немедленно по выходѣ въ свѣтъ «Прогресса и бѣдности» Джорджъ приступаетъ къ энергичной агитаціи въ пользу своихъ идей. Въ самой Америкѣ дѣятельность его вначалѣ сопровождалась шумнымъ успѣхомъ. Въ Нью-Іоркѣ вскорѣ образовалась вліятельная партія «United Labour Party» (Соединенная рабочая партія»), принявшая въ основныхъ чертахъ программу Джорджа. Въ 1886 г. краснорѣчивый борецъ противъ соціальнаго зла выступилъ кандидатомъ на должность мэра города Нью-Іорка и получилъ около 70.000 голосовъ, но былъ побитъ кандидатомъ демократовъ, собравшимъ около 90.000 голосовъ. Если вспомнить, что авторъ «Прогресса и бѣдности» стоялъ внѣ обѣихъ могущественныхъ партій, дѣлящихъ власть въ Соединенныхъ Штатахъ, республиканской и демократической, то нельзя не согласиться со сторонниками Джорджа, усматривавшими въ его пораженіи огромную нравственную побѣду. Несомнѣнно, что выборы 1886 г. не только не ослабили вліянія нашего соціальнаго реформатора, но, напротивъ, содѣйствовали дальнѣйшему росту вызваннаго имъ движенія. Во второй половинѣ 80-хъ годовъ къ послѣдователямъ Джорджа примыкаетъ нѣсколько вліятельныхъ лицъ изъ духовенства, въ томъ числѣ католическій патеръ ирландецъ Макъ Глиннъ, краснорѣчивый ораторъ, защищавшій планы апостола націонализаціи земли съ церковной каѳедры. Вмѣстѣ съ Джорджемъ Глиннъ основалъ «Anti-Poverty Society» («Общество борьбы съ бѣдностью»), задачей котораго было устраненіе бѣдности путемъ введенія единаго поземельнаго налога.

Но успѣхи всего этого движенія были непродолжительны. Среди «Соединенной партіи рабочихъ» обнаружился расколъ: соціалисты, вошедшіе въ партію, энергично высказались противъ церковнаго направленія, приданнаго движенію Макъ Глинномъ. На общемъ собраніи партіи въ Сиракузахъ, въ августѣ 1887 г., было рѣшено исключить изъ партіи соціалистовъ, пугавшихъ болѣе умѣренныхъ сторонниковъ Джорджа. Партія старалась опереться на мелкихъ фермеровъ, такъ какъ промышленные рабочіе не обнаруживали никакой наклонности войти въ нее; но и фермеры остались чужды движенію. На ноябрьскихъ выборахъ 1887 г. Джорджъ получилъ во всемъ Нью-Іоркскомъ штатѣ не болѣе голосовъ, чѣмъ годъ тому назадъ въ одномъ городѣ Нью-Іоркѣ. По городу ходила острота: «Джорджъ поднялся, какъ ракета и опустился, какъ обгорѣлая жердь».

Но всѣ эти неудачи не убили движенія, вызваннаго смѣлымъ за-

щитникомъ народныхъ интересовъ. Если у себя на родинѣ Джорджъ и имѣлъ мало успѣха, зато въ другихъ странахъ идеи его нашли для себя благодарную почву.

Вскорѣ послѣ появленія его знаменитой книги онъ совершилъ поѣздку съ агитаціонной цѣлью въ Ирландію и Англію; затѣмъ онъ побывалъ въ Европѣ еще нѣсколько разъ, читая съ огромнымъ успѣхомъ лекціи, участвуя въ публичныхъ митингахъ и всячески пропагандируя идею «единаго налога». Народныя массы встрѣчали его восторженно, и уже въ 1883 г. въ Англіи основалось «Land Restoration League» («Лига возвращенія земли»), всецѣло примкнувшая ко взглядамъ Джорджа. Вслѣдъ затѣмъ, такое же общество возникло и въ Шотландіи,

Среди англійскаго населенія никогда не умирало стремленіе къ возрожденію крестьянскаго хозяйства. Промышленные рабочіе мало-по-малу оставили химерическую надежду, столь манившую ихъ въ эпоху чартизма, вернуться опять къ землѣ. Но для земледѣльческихъ рабочихъ идеаломъ оставалось собственное хозяйство на собственной землѣ. Это лучше всего видно изъ того, что могущественное организаціонное движеніе 70-хъ годовъ среди земледѣльческихъ рабочихъ, созданное Джозефомъ Арчемъ, признало своей конечной цѣлью «три акра и корову» созданіе мелкаго крестьянскаго хозяйства. Въ своей автобіографіи Арчъ слѣдующимъ образомъ формулируетъ свой послѣдній завѣтъ рабочимъ: «Добивайтесь земли, но своими собственными средствами—я не вѣрю въ государственную помощь и національзацію земли. Берите участокъ земли за справедливую ренту и подвергайте его наилучшей обработкѣ, вотъ что долженъ дѣлать рабочій. Лишь въ послѣдней крайности я рекомендовалъ бы насиліе. Самопощь и свобода, порядокъ и прогрессъ, вотъ что совѣтую вамъ».

Такимъ образомъ, и въ наше время, какъ и въ эпоху чартизма, передъ земледѣльческимъ населеніемъ Англіи стоятъ два плана аграрной реформы—одинъ требуетъ фактическаго уничтоженія самаго института частной земельной собственности, а другой признаетъ возможнымъ созданіе крестьянскаго хозяйства на почвѣ существующаго права.

Оба эти теченія встрѣчаютъ поддержку въ различныхъ кругахъ англійскаго общества и народа. «Лига возвращенія земли» продолжаетъ и понынѣ вести энергичную агитацію въ пользу національзаціи земли. Крайне итересенъ способъ, которымъ ведется эта агитація. Въ 1891 г. лига образовала особый фондъ для пропаганды своихъ идей при помощи «красныхъ фургоновъ» («Red Vans»). Каждое лѣто фургоны эти разъѣзжаютъ по земледѣльскимъ округамъ Англіи. Сами фургоны краснаго цвѣта, покрыты афишами, возваніями, рисунками, пропагандирующими идею національзаціи земли. Пріѣхавъ въ деревню, фургонъ останавливается и членъ лиги, руководящій движеніемъ фургона и живущій въ немъ, старается разузнать мѣстные деревенскіе нужды и

интересы, поводы къ недовольству мѣстнымъ землевладѣльцемъ, предметы жалобъ рабочихъ и проч. Черезъ нѣсколько дней устраивается митингъ подъ открытымъ небомъ, при чемъ въ рѣчахъ ораторовъ принципы лиги иллюстируются обстоятельствами мѣстной жизни. На митингѣ продаются изданія лиги, распространяются рисунки и т. д.

Фургонъ направляется преимущественно туда, гдѣ населеніе особенно страдаетъ отъ притѣсненій землевладѣльцевъ, гдѣ мелкіе арендаторы вступаютъ въ споръ съ помѣщикомъ изъ-за условій аренды, гдѣ рабочіе недовольны фермерами, гдѣ помѣщики оказываютъ давленіе на политическія убѣжденія населенія или препятствуютъ его самодѣятельности и т. д., и т. д.

Митинги собираютъ многочисленныхъ слушателей, но такъ какъ землевладѣльцы не могутъ относиться ко всему этому благосклонно, то весьма часто собранія получаютъ шумный характеръ. Какъ видно изъ ежегодно печатаемыхъ отчетовъ «With the Red Vans», агенты землевладѣльцевъ нерѣдко организуютъ настоящія облавы на пропагандистовъ лиги; иногда страдаютъ и самые фургоны, въ которыхъ пропагандистамъ приходится выдерживать аттаки нанятой помѣщиками толпы, но члены лиги нисколько не смущаются этимъ, вѣруя, что «сила не аргументъ», и что побои не могутъ опровергнуть доводовъ разсудка.

Результаты каждой компаніи «красныхъ фурговъ» публикуются въ особой брошюркѣ въ красной обложкѣ, которая, въ свою очередь, является превосходнымъ средствомъ агитаціи; въ этихъ небольшихъ брошюркахъ сообщаются свѣдѣнія о всѣхъ замѣченныхъ случаяхъ угнетенія рабочаго люда землевладѣльцами, приводятся данныя объ экономическомъ положеніи сельскаго населенія и т. п.

Вся эта агитація не можетъ, разумѣется, не оказывать вліянія на народную массу. Но все же, пока, успѣхи лиги не велики. На англійское законодательство агитація лиги пока почти не повліяла.

Болѣе опредѣленные результаты достигнуты движеніемъ, вызваннымъ Джорджемъ, въ области муниципальной политики городовъ. Совѣтъ лондонскаго графства уже съ начала 90-хъ годовъ закончившагося столѣтія призналъ, что наиболѣе желательной формой городского обложенія является обложеніе частновладѣльческой земельной ренты. Но правительство оказывало сопротивленіе введенію такого налога. Тѣмъ не менѣе совѣту удалось добиться, послѣ упорной борьбы съ палатой лордовъ, частичнаго, по крайной мѣрѣ, осуществленія принципа налога на приростъ ренты собственниковъ городской земли. Во многихъ городахъ Англіи и Шотландіи среди городскихъ представителей имѣются убѣжденные послѣдователи Джорджа, а въ городскомъ муниципалитетѣ Глазго, крупнѣйшаго, послѣ Лондона, города Великобританіи, таковые образуютъ даже большинство. Въ 1899 г. въ Глазго былъ конгрессъ сторонниковъ земельной реформы, на который собралось 557 делегатовъ. Въ числѣ этихъ делегатовъ, на ряду съ пред-

ставителями разныхъ обществъ и союзовъ, было 216 представителей городскихъ муниципалитетовъ. Вообще же, въ области городского самоуправленія, мы замѣчаемъ въ Англіи быстрое движеніе впередъ въ духѣ все большаго развитія началъ муниципализаціи земельной собственности.

Рабочіе союзы въ Англіи относятся очень сочувственно къ идеѣ національзаціи земли. На конгрессѣ 1887 г. въ Сванси національзація земли вошла, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ, въ оффиціальную программу трэдъюніоновъ.

Что касается до германскаго движенія, то по собственному признанію основателя германскаго «Союза земельной реформы» («Bund fur Bodenbesitzreform»), бывшаго фабриканта и крупнаго капиталиста Флюршейма, вдохновителемъ его былъ Джорджъ. Однако, Флюршеймъ воспринялъ воззрѣнія Джорджа лишь съ существенными измѣненіями. Такъ, онъ врагъ экспропріаціи землевладѣльческаго дохода путемъ простого обложенія земли налогомъ, равнымъ рентѣ. По его мнѣнію, національзація земли должна совершиться въ разныхъ странахъ разнымъ путемъ. Относительно Англіи и Америки Флюршеймъ признаетъ возможной частичную экспропріацію земельной ренты, при чемъ остальная часть ренты подлежала бы выкупу; но относительно Германіи Флюршеймъ рѣшительно отвергаетъ экспропріацію ренты безъ выкупа. Государство должно произвести въ Германіи точную расцѣнку земли по существующимъ цѣнамъ и оставить за собой предпочтительное право покупки, пока вся земля не перейдетъ, такимъ образомъ, мало-по-малу, въ руки государства. Затѣмъ государство должно свою землю сдавать въ аренду желающимъ.

Флюршеймъ написалъ нѣсколько книгъ, въ которыхъ не только развивалъ свой планъ земельной реформы, но и пытался, подобно Джорджу, реформировать экономическую науку, предлагая свои собственныя разрѣшенія такихъ основныхъ проблемъ науки, какъ проблема капиталистической прибыли, промышленныхъ кризисовъ и т. д. Но, какъ теоретикъ, Флюршеймъ еще слабѣе Джорджа; теоріи его теперь никого не интересуютъ, а созданное имъ практическое дѣло живетъ. «Союзъ земельной реформы» продолжаетъ развивать весьма энергичную дѣятельность; движеніе уже вышло изъ области отвлеченныхъ разсужденій и привело къ важнымъ практическимъ результатамъ.

Весьма знаменательно и характерно, что германское движеніе въ пользу земельной реформы почти лишено аграрнаго характера. Оно направлено на защиту не землевладѣльца, а городского жителя, и борется не съ сельскохозяйственной, а съ городской рентой, неимовѣрный ростъ которой, приводящій къ столь же быстрому росту квартирной платы, является настоящимъ бѣдствіемъ для менѣе достаточной части городского населенія.

Движеніе это имѣетъ своей цѣлью не столько національзацію, сколько муниципализацію городской земли. Обложеніе недвижимой собственности въ городахъ прямыми налогами всецѣло предоставлено въ Пруссіи городскимъ управленіямъ. Отъ города зависитъ придать этому обложенію тотъ или иной характеръ. И городскія управленія прусскихъ городовъ все болѣе и болѣе склоняются къ убѣжденію, что одной изъ задачъ этого обложенія должно быть удержаніе въ рукахъ города незаслуженнаго прироста цѣнности, создаваемаго вздорожаніемъ городской земли.

Въ самой раціональной формѣ налогъ этотъ рисуется въ такой формѣ. Городъ рѣшаетъ, напр., обложить налогомъ въ 50% незаслуженный приростъ земельной ренты. Для этого черезъ опредѣленные и заранѣе указанные промежутки времени производится расцѣнка всѣхъ земельныхъ участковъ (какъ застроенныхъ, такъ и незастроенныхъ) въ городѣ. Данный участокъ земли возросъ, допустимъ, въ цѣнѣ съ 200 тысячъ марокъ до 250 т. марокъ. Если собственникъ докажетъ, что часть этого увеличенія цѣнности вызвана какими-либо улучшеніями, произведенными имъ на сумму, скажемъ, 20 т. марокъ, то городъ взыскиваетъ въ свою пользу 15 т. марокъ, разсрочивая платежъ этой суммы на извѣстный рядъ лѣтъ.

Въ такой формѣ налогъ на приростъ ренты еще нигдѣ не осуществленъ въ Германіи, но во многихъ городахъ дѣлаются попытки болѣе или менѣе приблизиться къ нему. Во всякомъ случаѣ, эта форма обложенія привлекаетъ все болѣе и болѣе сочувствія со стороны городского населенія.

Любопытно, что обложеніе прироста земельной ренты осуществлено въ наиболѣе раціональной формѣ въ германской колоніи въ Китаѣ — въ Кіаочао. Съ 1898 г. здѣсь введено земельное обложеніе, вызывающее горячее одобреніе сторонниковъ земельной реформы. При всякой продажѣ земли, государство взимаетъ въ свою пользу $^1/_3$ всего прироста цѣнности земли, не вызваннаго дѣятельностью владѣльца. Для того же, чтобы владѣлецъ не уменьшалъ дѣйствительной цѣнности своей земли, государство сохраняетъ за собой право преимущественной покупки всей продаваемой земли, по цѣнамъ, объявляемымъ продавцами. Если земля сохраняется въ рукахъ того же владѣльца, то каждыя 25 лѣтъ государство отбираетъ въ свою пользу $^1/_3$ прироста цѣнности этой земли. Земельный налогъ является почти единственнымъ налогомъ этой колоніи, въ которой идея «единаго налога» Генри Джорджа достигла, такимъ образомъ, своего частичнаго осуществленія.

Итакъ, движеніе въ пользу земельной реформы въ Германіи уже принесло крупные плоды на практикѣ и обѣщаетъ еще больше принести ихъ въ будущемъ. Но крайне характерно, что оно почти исключительно сосредоточилось въ городахъ и не проявило никакой силы въ деревнѣ.

Иную форму приняло то же движеніе въ самыхъ молодыхъ и самыхъ прогрессивныхъ демократіяхъ нашего времени — въ австралійскихъ колоніяхъ. Нигдѣ идеи Генри Джорджа не встрѣтили такого горячаго сочувствія и такой поддержки, какъ въ этихъ новыхъ странахъ, не связанныхъ традиціями, не страдающихъ отъ историческихъ преступленій старой Европы, свободныхъ отъ подчиненія крупному землевладѣнію и крупному капиталу и удивляющихъ весь міръ смѣлостью своего соціальнаго законодательства. Земельное обложеніе въ австралійскихъ колоніяхъ преслѣдуетъ, на первомъ планѣ, опредѣленныя соціально-политическія цѣли, а именно борьбу съ крупной земельной собственностью и съ земельными спекуляціями, и развитіе мелкаго крестьянскаго хозяйства.

Во главѣ австралійскихъ колоній идетъ въ этомъ отношеніи Новая Зеландія. Вліятельнѣйшій современный политическій дѣятель этой страны, Седдонъ, говорилъ въ концѣ 80 годовъ закончившагося столѣтія, когда онъ еще не былъ у власти, что «истиннымъ проклятіемъ Новой Зеландіи являются крупныя компаніи, сосредоточивающія землю въ своихъ рукахъ... Земля все болѣе и болѣе собирается въ ихъ рукахъ и правительство оказывается не въ силахъ бороться съ этимъ... Большинство крупныхъ состояній въ Новой Зеландіи возникаетъ изъ прироста цѣнности земли, создаваемаго изъ недѣли въ недѣлю и изъ года въ годъ народомъ колоніи, а отнюдь не какими-либо умственными усиліями землевладѣльцевъ».

Энергичное народное движеніе противъ крупнаго землевладѣнія привело къ чрезвычайно важному законодательному акту 1892 г., установившему въ колоніи новый поземельный налогъ на слѣдующихъ основаніяхъ. Всѣ земельные участки, цѣнность которыхъ во владѣніи одного хозяина ниже 500 ф. с. (5.000 р.), освобождаются отъ всякаго налога. Земельные же участки высшей цѣнности облагаются прогрессивнымъ налогомъ, доходящимъ до 1,26% цѣнности земли (для самыхъ крупныхъ владѣній).

Результаты этой законодательной мѣры оказались весьма благопріятными; новый налогъ далъ возможность понизить нѣкоторые косвенные налоги и содѣйствовалъ раздробленію крупныхъ имѣній. Правительство, проведшее налогъ, пріобрѣло огромную популярность въ народныхъ массахъ и получило на выборахъ 1899 г. подавляющее большинство голосовъ, при чемъ оппозиція налогу въ странѣ почти исчезла, и многіе избиратели настаивали на дальнѣйшемъ развитіи принципа налога и усиленіи его прогрессіи.

Въ 1894 г. въ Новой Зеландіи былъ принятъ законъ, разрѣшающій правительству производить принудительный выкупъ частновладѣльческой земли, но правительству пришлось мало пользоваться этимъ правомъ, такъ какъ земли предлагалось въ продажу больше, чѣмъ правительство считало нужнымъ пріобрѣтать.

Подобные же законы были изданы и въ другихъ австралійскихъ колоніяхъ. Въ общемъ, австралійское аграрное законодательство несомнѣнно идетъ въ сторону націонализаціи земли. Пока достигнуто еще очень немного—только указано общее направленіе аграрной реформы и сдѣланъ первый шагъ; но этотъ первый шагъ знаменателенъ и, говоря словами новозеландскаго премьера, шагъ этотъ направленъ «къ установленію цивилизаціи въ этихъ молодыхъ странахъ на болѣе широкой основѣ болѣе глубокаго сочувствія нуждамъ человѣчества» *).

---

*) Подробности о движеніи въ пользу націонализаціи земли, а также критическую оцѣнку движенія, см. въ моей книгѣ „Націонализація земли“.

ОЧЕРКЪ IX.

Критическій соціализмъ.

Великіе утописты—Оуэнъ, Сенъ-Симонъ, Фурье — были не только утопистами, рисовавшими въ голубой дали облитый солнечнымъ свѣтомъ новый чудный міръ, который долженъ придти на смѣну тяжелаго и мрачнаго стараго міра, но и глубокими критиками современнаго соціальнаго строя. Однако, утопія стояла у нихъ, несомнѣнно, впереди критики. Утописты призывали не къ соціальной борьбѣ, а къ соціальному творчеству; они смотрѣли такъ далеко впередъ, что окружавшее ихъ взволнованное море политической жизни почти не попадало въ ихъ поле зрѣнія. Поэтому неудивительно, что ученія утопистовъ не вызвали никакихъ крупныхъ классовыхъ общественныхъ движеній и не стали лозунгомъ никакой могущественной политической партіи. Характерной чертой утопическаго міровоззрѣнія была непоколебимая увѣренность въ возможности гармоническаго примиренія всѣхъ общественныхъ интересовъ. Утописты были глубоко убѣжденными—не за страхъ, а за совѣсть—проповѣдниками *соціальнаго міра*, служащаго темой столькихъ фальшивыхъ мелодій въ буржуазномъ лагерѣ. Но въ отличіе отъ «соціальныхъ гармонистовъ» типа Бастіа, утописты искали мира не въ царствѣ капитала, а въ царствѣ будущей свободной ассоціаціи.

Утописты стояли въ сторонѣ отъ политической классовой борьбы, отрицали неизбѣжность ея и видѣли въ ней продуктъ человѣческаго невѣжества. Борьба, однако, продолжалась—голоса немногихъ мечтателей не могли измѣнить теченія историческаго потока. Это не значитъ, чтобы проповѣдь утопистовъ не имѣла практическихъ результатовъ,—но сфера вліянія утопистовъ лежала не въ политикѣ, а въ положительномъ творчествѣ новыхъ общественныхъ формъ. Мы видѣли, что Оуэну удалось создать великое кооперативное движеніе, охватывающее въ настоящее время милліоны рабочихъ всего свѣта. Точно также не подлежитъ сомнѣнію и вліяніе Фурье на образованіе производительныхъ ассоціацій. Такимъ образомъ, практическое дѣло утопистовъ уже и теперь громадно. Еще неизмѣримо большее значеніе оно должно пріобрѣсти въ будущемъ. Созданіе новаго соціальнаго

идеала нужно считать самымъ крупнымъ завоеваніемъ общественной мысли XIX столѣтія.

Насколько творчество выше критики, настолько утописты выше своихъ продолжателей — критиковъ капиталистическаго строя — Прудона, Родбертуса, Маркса. И если Марксъ заставилъ на долгое время забыть своихъ болѣе великихъ предшественниковъ и учителей, то это лишь потому, что условія исторической жизни выдвинули въ наше время на первый планъ классовую политическую борьбу, значенія которой не понимали утописты.

Правда, подобно тому, какъ утописты были одновременно и критиками, такъ и Марксъ былъ не только критикомъ, но и послѣдователемъ соціальнаго идеала утопистовъ. Однако, критическіе, отрицательные элементы, несомнѣнно, берутъ въ ученіи Маркса перевѣсъ надъ положительными, творческими. Въ «Капиталѣ» утопія складываетъ свои крылья и опускается съ неба на землю; въ этомъ и сила, и слабость Маркса. Утописты стремились угадать цѣль, къ которой движется современное общество; Марксъ сосредочивалъ свое вниманіе на изученіи пути къ этой цѣли. Путь историческаго развитія казался утопистамъ простымъ; мирная пропаганда новыхъ взглядовъ — дальше этого не пошли утописты. Для продолжателей ихъ дѣла выдвинулась на первый планъ иная огромная задача — открытіе *закона развитія* современнаго общества. Исходя изъ критическихъ идей самихъ утопистовъ, въ особенности Сенъ-Симона и Фурье, критическое направленіе пришло къ выводу, что важнѣйшимъ содержаніемъ исторіи является борьба различныхъ общественныхъ группъ за свои экономическіе интересы. Отсюда вытекло и иное отношеніе къ этой борьбѣ. Утописты обращались со своей проповѣдью ко всему обществу, безъ различія классовъ. Критическое направленіе попыталось слить въ одно цѣлое дѣло осуществленія новаго соціальнаго идеала съ защитой интересовъ одного общественнаго класса, составляющаго большинство населенія—пролетаріата. Направленіе это быстро стало однимъ изъ самыхъ могущественныхъ факторовъ политической жизни Западной Европы, благодаря тому, что оно сумѣло сдѣлаться выразителемъ политическихъ и экономическихъ требованій рабочаго класса. Полнаго развитія разсматриваемое направленіе достигло въ трудахъ Маркса; хотя въ настоящее время ортодоксальный марксизмъ пережилъ апогей своего успѣха и находится въ періодѣ разложенія, тѣмъ не менѣе и теперь марксизмъ остается господствующимъ соціальнымъ міровоззрѣніемъ среди рабочихъ массъ Германіи. Какъ бы мы ни оцѣнивали положительныхъ заслугъ автора «Капитала», не подлежитъ сомнѣнію, что по своему вліянію на умы современниковъ Марксъ далеко оставляетъ за собой всѣхъ соціальныхъ мыслителей новаго времени. Провозглашенная Марксомъ политическая борьба, какъ средство осуществленія классовыхъ интересовъ пролетаріата, поглотила лучшія силы

рабочаго класса континента. Положительное экономическое творчество, къ которому призывали утописты, не пользовалось никакимъ сочувствіемъ политиковъ школы Маркса. И только въ самое послѣднее время наблюдается въ этомъ отношеніи реакція—кооперативное движеніе признается многими выдающимися нѣмецкими послѣдователями Маркса не менѣе важнымъ дѣломъ, чѣмъ политическая организація рабочихъ. Такимъ образомъ, даже въ главной твердынѣ марксизма возникаетъ новое теченіе и вырабатывается новая тактика, объединяющая въ себѣ сильные и жизнеспособные элементы утопизма и марксизма,—тактика уже давно нашедшая блестящее практическое выраженіе въ дѣятельности бельгійской рабочей партіи.

I.

Прудонъ.

Бываютъ историческія фразы, какъ и историческія событія. Одна изъ такихъ фразъ принадлежитъ Прудону. Его сочиненія теперь почти забыты; но кто не знаетъ, что Прудонъ рѣшился дерзновенно провозгласить—«la propriété, c'est le vol». Эти нѣсколько словъ больше содѣйствовали знаменитости автора, чѣмъ десятки написанныхъ имъ толстыхъ томовъ.

Но если вообще трудно охарактеризовать парой словъ содержаніе богатой и разнообразной жизни человѣка, то это въ особенности вѣрно по отношенію къ Прудону. Его всѣмъ извѣстная фраза не только не даетъ намъ ключа къ пониманію міровоззрѣнія автора, но способна внушить совершенно превратное представленіе о взглядахъ этого замѣчательнаго человѣка. Прудонъ вовсе не былъ крайнимъ революціонеромъ; онъ не проповѣдывалъ грабежа и расхищенія имущества богатыхъ, какъ можно было бы подумать по его дерзкому сопоставленію собственности съ кражей. Какъ общественный дѣятель, Прудонъ всего менѣе могъ быть обвиненъ въ безпощадномъ радикализмѣ; его упрекали, и съ полнымъ основаніемъ, въ обратномъ—въ угодливости правительству, въ склонности къ компромиссу, въ оппортунизмѣ. Правда, его фраза прозвучала въ свое время, какъ звонъ набата. Отъ нея пахнетъ кровью и дымомъ пожаровъ, она способна нарушить сонъ мирнаго буржуа и внушить его испуганному воображенію картины гражданской войны и всеобщаго разрушенія. Но самое лучшее средство покончить съ этими страхами—это познакомиться съ сочиненіями самого автору знаменитой фразы.

Пьеръ-Жозефъ Прудонъ (1809—1865) былъ сыномъ мелкаго городского ремесленника. Онъ самъ называлъ себя мужикомъ и когда въ 1848 г. ему случилось возражать въ національномъ собраніи одному легитимисту, хвастившемуся знаменитостью рода, онъ съ гордостью заявилъ: «У меня 14 предковъ мужиковъ—назовите мнѣ хоть

одно семейство, имѣющее больше благородныхъ предковъ!» Жизнь Прудона была далеко не изъ легкихъ. Судьба его не баловала. Главнымъ бичемъ его жизни была постоянная нужда. Въ молодости онъ перепробовалъ нѣсколько профессій—былъ наборщикомъ, затѣмъ содержалъ небольшую типографію; разорившись, поступилъ секретаремъ къ одному богатому барину. Затѣмъ, для него сталъ главнымъ источникомъ заработка литературный трудъ, который, однако, не могъ обезпечить ему достаточнаго дохода, благодаря тому, что Прудонъ былъ во враждѣ со всѣми партіями и не имѣлъ опоры въ прессѣ. Поэтому онъ очень тяготился литературнымъ заработкомъ и неоднократно пытался получить мѣсто въ какомъ-нибудь торговомъ предпріятіи; такъ, нѣсколько лѣтъ онъ управлялъ дѣлами одной торговой фирмы. Ему приходилось много претерпѣть отъ гоненій правительства, хотя онъ былъ совершенно чуждъ принципіальной оппозиціи власти. Наоборотъ, онъ постоянно носился съ мыслью привлечь правительство на свою сторону и съ его помощью осуществить свои проекты. Незадолго до февральской революціи онъ выразилъ увѣренность, что эра революцій миновала навсегда и что трону Луи-Филиппа не угрожаетъ никакая опасность. Февральская революція, въ которой Прудонъ не принималъ никакого участія, сдѣлала нашего автора депутатомъ національнаго собранія. Но благодаря своей обычной тактикѣ—наносить удары съ одинаковымъ ожесточеніемъ направо и налѣво, радикализму и консерватизму—Прудонъ не преуспѣлъ на политической трибунѣ. Только одинъ разъ ему пришлось выступить въ собраніи со своимъ собственнымъ проектомъ коренной реформы налоговъ. Онъ произнесъ горячую рѣчь и въ результатѣ голосованія на сторонѣ проекта оказалось... два голоса, включая и голосъ самого Прудона.

Политическая дѣятельность Прудона закончилась присужденіемъ его къ трехлѣтнему тюремному заключенію за нападки на президента республики — Луи-Наполеона. Съ наполеоновскимъ правительствомъ нашъ авторъ никакъ не могъ поладить. Онъ не считалъ себя непримиримымъ врагомъ имперіи, столь же мало, какъ и монархіи Луи-Филиппа. Но имперія считала его своимъ врагомъ—и не останавливалась передъ суровыми карами, чтобы зажать ротъ безпокойному публицисту. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ своего освобожденія онъ опять навлекаетъ на себя неудовольствіе бонапартовской полиціи, и только бѣгствомъ въ Бельгію спасается отъ угрожавшаго ему новаго тюремнаго заключенія.

Въ то же время, республиканская партія обвиняла Прудона въ заискиваніи передъ имперіей. Дѣйствительно, въ одной брошюрѣ, вышедшей вскорѣ послѣ переворота 2-го декабря, Прудонъ обнаружилъ довольно благосклонное отношеніе къ виновнику этого позорнаго акта и призналъ возможнымъ, при извѣстныхъ условіяхъ, оправдать переворотъ. Авансы по адресу имперіи встрѣчаются и въ нѣкоторыхъ по-

слѣдующихъ сочиненіяхъ преслѣдуемаго автора. Непримиримые враги бонапартовскаго режима ставили также съ полнымъ основаніемъ въ вину Прудону, что онъ воспользовался амнистіей Наполеона и вернулся во Францію послѣ того, какъ раньше публично заявлялъ о своемъ рѣшеніи ни въ какомъ случаѣ не принимать амнистіи изъ рукъ правительства, присудившаго его къ тюрьмѣ.

Все это, несомнѣнно, доказываетъ отсутствіе политической стойкости у Прудона. Но помимо недостатка гражданскаго мужества, поведеніе его объясняется и другими соображеніями, не бросающими столь неблаговиднаго свѣта на личность автора знаменитаго мемуара о собственности. Прудонъ не былъ вполнѣ чуждъ утопическаго міровоззрѣнія, типическими выразителями котораго могутъ считаться Оуэнъ, Сенъ-Симонъ и Фурье. Это міровоззрѣніе, отрицавшее значеніе политической борьбы, дало возможность Оуэну, чистота побужденій котораго стоитъ выше всякихъ подозрѣній, обращаться съ адресами къ реакціоннымъ правительствамъ священнаго союза, а благородному и рыцарственному Сенъ-Симону посвящать свои сочиненія Людовику XVIII. Точно также и Прудонъ былъ равнодушенъ къ политикѣ и, несмотря на свой собственный, достаточно, казалось бы, убѣдительный опытъ, не покидалъ несбыточной надежды заставить правительство служить своимъ идеямъ.

Въ общей же сложности, Прудонъ отнюдь не былъ героической натурой. Его соціальные идеалы также не отличались высотой; на нихъ ярко отразилось міросозерцаніе того класса, откуда вышелъ Прудонъ—мелкой буржуазіи. Въ этомъ отношеніи весьма характерно отношеніе Прудона къ женщинѣ и семьѣ. Великіе утописты стремились къ такой же коренной роформѣ семьи, какъ и современнаго общественнаго строя. Они требовали не только освобожденія труда, но и освобожденія женщины. Напротивъ, мнѣнія Прудона о такъ называемомъ женскомъ вопросѣ нисколько не возвышались надъ уровнемъ обычныхъ буржуазныхъ взглядовъ на бракъ и семью. Онъ самъ былъ женатъ на простой работницѣ и нашелъ въ ней свой идеалъ хорошей хозяйки и любящей матери своихъ дочерей, объ образованіи которыхъ онъ совершенно не заботился. Женщина была, въ его глазахъ, низшимъ существомъ; къ образованнымъ женщинамъ онъ относился съ нескрываемымъ отвращеніемъ и заявлялъ, что предпочитаетъ имъ куртизанокъ. Семья представлялась ему прочнымъ и неразрывнымъ хозяйственнымъ союзомъ, въ которомъ долженъ неограниченно царить мужчина; на долю мужчины выпадаетъ высшая духовная дѣятельность, между тѣмъ какъ женщина должна быть только хозяйкой и матерью. Такъ называемая, эмансипація женщины повела бы, по мнѣнію Прудона, лишь къ разврату, ибо только суровый долгъ и узы брака могутъ ввести въ границы и сдержать стихійную чувственность, заложенную въ женщину.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію сочиненій Прудона. Изъ нихъ самымъ блестящимъ является его юношеская работа о собственности, «Qu'est ce que la propriété? I-e mémoire (1840)», написанная на тему, данную академіей—подобно знаменитой книгѣ Руссо о вліяніи цивилизаціи на нравы людей.

Прудонъ разсматриваетъ въ этой работѣ одну за другой, такъ называемыя, теоріи собственности—юридическія обоснованія этого соціальнаго института. Среди юристовъ наиболѣе популярна теорія перваго завладѣнія. Сущность этой теоріи сводится къ слѣдующему. Чтобы работать и добывать пищу, человѣкъ долженъ обладать орудіями труда, а также участками земли, подвергаемыми обработкѣ. Вначалѣ земля не принадлежала никому. Поэтому всякій могъ захватить себѣ столько земли, сколько ему нужно было для обработки, и, мало по малу, земля перешла въ частную собственность безъ нарушенія чьихъ-либо правъ и интересовъ. Но когда земля была, такимъ образомъ, подѣлена, положеніе вещей рѣзко измѣнилось. Завладѣвать было нечѣмъ, потому что никто не имѣетъ права пользоваться той вещью, которая уже принадлежитъ другому. Общество распалось на имущихъ, собственниковъ и пролетаріевъ.

Но завладѣніе,—говоритъ Прудонъ,—можетъ давать человѣку право лишь на то, что ему дѣйствительно необходимо для существованія и къ чему онъ лично приложилъ трудъ. Какъ же оправдать, съ этой точки зрѣнія, захватъ однимъ лицомъ огромныхъ земельныхъ пространствъ, требующихъ для своей обработки сотенъ и тысячъ рукъ? Теорія завладѣнія, юридически обосновывая мелкую собственность, тѣмъ самымъ отрицаетъ правомѣрность крупной собственности.

Экономисты, со временъ Локка, приводятъ обыкновенно въ защиту частной собственности доводы другого рода. Они придерживаются, такъ называемой, рабочей теоріи. Изъ этой теоріи исходятъ, напр., въ своей защитѣ собственности Тьеръ и Бастіа. Право собственности, говорятъ они, основывается на правѣ рабочаго безконтрольно распоряжаться продуктами своего труда. Бастіа прямо такъ и опредѣляетъ сущность права собственности: «собственность есть право рабочаго на цѣнность, созданную его трудомъ». Но если такъ, то вся земельная собственность должна быть признана незаконной и несправедливой. Намъ говорятъ, что человѣкъ пріобрѣтаетъ право собственности на землю, потому что онъ ее обрабатываетъ, прилагаетъ къ ней свой трудъ. Но развѣ продуктомъ его труда является земля, а не хлѣбъ, сѣно, вино и проч.? Почему же право собственности простирается не только на продукты, но и на средства производства? Почему въ прежнее время приложеніе труда къ землѣ могло давать земледѣльцу право собственности на землю, а въ настоящее время оно не приводитъ уже къ этому праву? Почему въ настоящее время арендаторъ не признается собственникомъ земли, которую онъ десятки лѣтъ обработывалъ и улучшалъ?

Такъ же несостоятельна такъ называемая «легальная» теорія права собственности—обоснованіе этого права волей законодателя. Требуется указать высшій нравственный или юридическій принципъ, на которомъ покоится институтъ собственности. Ссылка на законъ есть признаніе, что такого высшаго принципа не существуетъ и что право собственности основывается просто на силѣ. Попытка иначе обосновать, съ точки зрѣнія легальной теоріи, право собственности возвращаетъ насъ къ теоріи завладѣнія или рабочей теоріи.

Итакъ, существующія теоріи собственности безсильны оправдать это право. Въ дѣйствительности, оно есть не что иное, какъ право полученія дохода, не основаннаго на трудѣ, иначе говоря, право полученія, безъ всякаго возмѣщенія, продуктовъ, произведенныхъ другими лицами. Собственникъ, въ силу своего права, жнетъ, гдѣ не сѣялъ, потребляетъ то, чего не произвелъ, и пользуется наслажденіями, когда другіе умираютъ съ голода. Доходъ, вытекающій изъ права собственности, принимаетъ различныя формы въ зависимости отъ своего источника. Доходъ этотъ называется арендной платой, когда его источникомъ является земельная собственность, наемной платой, когда онъ вытекаетъ изъ собственности на зданія, процентомъ, если онъ извлекается изъ денежнаго капитала, наконецъ, прибылью, если полученіе его основывается на пользованіи торговымъ или промышленнымъ капиталомъ. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ сущность дѣла остается одна и та же—извлекаемый доходъ не основывается на трудѣ.

Откуда же получается названный доходъ? Очевидно, какова бы ни была форма этого дохода, источникъ его можетъ быть лишь одинъ: рабочіе создаютъ больше цѣнностей, чѣмъ получаютъ ихъ въ видѣ заработной платы, излишекъ поступаетъ въ пользу собственника и составляетъ его доходъ—арендную или наемную плату, прибыль или процентъ. Слѣдовательно, «la propriété, c'est le vol».

Нужно, однако, имѣть въ виду, что несправедливость и угнетеніе заключаются не въ томъ, что человѣкъ завладѣваетъ орудіями труда или земельнымъ участкомъ, а въ томъ, что одинъ человѣкъ лишаетъ того и другого другихъ людей. Поскольку владѣніе одного человѣка не нарушаетъ правъ другого, постольку собственность является вполнѣ правомѣрной формой пользованія орудіями и предметами хозяйства. Но существующая историческая собственность неизмѣнно основывалась на насиліи и эксплоатаціи. Частная собственность была глубочайшей причиной общественнаго неравенства, а, слѣдовательно, и всѣхъ революцій, посредствомъ которыхъ люди стремились возстановить равенство.

Но если собственность разрушаетъ равенство, ведетъ къ порабощенію слабаго сильнымъ, то коммунизмъ привелъ бы къ другому неравенству, еще болѣе гибельному. Въ такомъ обществѣ, о которомъ мечтаютъ соціалисты, слабые угнетали бы сильныхъ, лѣнивые и неспособные жили бы на счетъ трудящихся и способныхъ. Коммунизмъ

есть система рабства, такъ какъ общность владѣнія требуетъ принудительной организаціи труда, лишаетъ членовъ общества свободы дѣйствій и превращаетъ ихъ всѣхъ въ рабовъ государства.

Таково содержаніе знаменитой книги Прудона. Въ ней впервые съ полной ясностью и рѣзкостью высказана мысль, что центральнымъ правовымъ институтомъ современнаго общества, институтомъ, на которомъ все основывается, изъ котораго все исходитъ, и хорошее, и дурное, составляющее цивилизацію, которой мы такъ гордимся, является институтъ частной собственности, и что критика современнаго соціальнаго строя должна быть прежде всего направлена на этотъ основной соціальный институтъ, одинаково присущій всѣмъ цивилизованнымъ народамъ.

Право собственности до такой степени привычно человѣку нашего времени, что оно кажется не исторически развившейся, а потому и подлежащей дальнѣйшему развитію юридической нормой, а какъ бы первоначальнымъ и неотъемлемымъ условіемъ самого общественнаго существованія человѣка. Этотъ институтъ, вкоренившійся глубочайшимъ образомъ въ современную жизнь, подчинилъ своему вліянію все нравственное міросозерцаніе цивилизованнаго человѣка. На этой почвѣ возникло условное чувство чести, болѣе гнушающееся нарушенія права собственности, чѣмъ нарушенія самыхъ естественныхъ правъ человѣческой личности.

И вотъ является писатель, осмѣлившійся посягнуть на эту святую святыхъ современнаго общества, порвать со всѣми установившимися представленіями о дурномъ и хорошемъ, честномъ и безчестномъ! Если собственность есть кража, если почтенный бережливый рантье ничѣмъ не отличается отъ рыцаря большой дороги, то значитъ все рушится, все теряетъ смыслъ и значеніе, наступаетъ хаосъ, въ которомъ бѣдный буржуа чувствуетъ себя совершенно не въ силахъ разобраться. Не мудрено, что дерзновенныя слова Прудона прогремѣли по всему свѣту. Самъ авторъ былъ такъ гордъ ими, что не обинуясь объявилъ ихъ самымъ великимъ событіемъ своего времени.

Однако, слова эти были не такъ ужъ новы. Знаменитая фраза о собственности была впервые сказана еще въ XVIII-мъ вѣкѣ вождемъ жирондистовъ Бриссо. Но у Прудона она была выраженіемъ цѣлаго общественнаго міровоззрѣнія, вѣнцомъ соціальной системы, чего отнюдь нельзя сказать о Бриссо. Слова Прудона заключали въ себѣ опредѣленную теорію происхожденія нетрудового дохода. Согласно этой теоріи, нетрудовой доходъ основывается на эксплоатаціи рабочаго, присвоеніи собственникомъ доли трудовой цѣнности, создаваемой рабочимъ. Ученіе это естественно вытекаетъ изъ трудовой теоріи цѣнности, понимаемой абсолютно и механически, т.-е. не какъ опредѣленное методологическое допущеніе, а какъ выраженіе реальнаго свойства труда быть единственной субстанціей цѣнности; теорія неоплаченнаго труда

была развита уже школой Оуэна, а свое завершеніе она получила у Родбертуса и Маркса. Что касается до Прудона, то онъ, несомнѣнно, исходилъ изъ нея, хотя въ его мемуарѣ о собственности, какъ и въ послѣдующихъ сочиненіяхъ, теорія эксплоатаціи труда не сдѣлала ни шага впередъ сравнительно съ болѣе ранними сочиненіями англійскихъ соціалистовъ. Вообще, знаменитая книга Прудона о собственности болѣе замѣчательна по блеску изложенія, сильному, полному воодушевленія и страсти языку, яркимъ, остроумнымъ, парадоксальнымъ оборотамъ мысли, чѣмъ по новизнѣ и глубинѣ содержанія. Въ теоретическомъ отношеніи наиболѣе цѣннымъ въ разбираемой работѣ можно признать самую постановку вопроса, темы изслѣдованія.

Но правильно поставивъ задачу, Прудонъ мало сдѣлалъ для ея разрѣшенія. Его критика института частной собственности, въ общемъ, слаба. Дѣйствительно, въ чемъ заключается эта критика? Главнымъ образомъ, въ разборѣ господствующихъ юридическихъ теорій обоснованія права собственности. Но если бы даже Прудону удалось совершенно разбить эти теоріи, отсюда вытекало бы не то, что институтъ собственности заслуживаетъ отверженія, а лишь то, что собственность защищается учеными плохо. Вмѣсто изслѣдованія соціальныхъ результатовъ права собственности, значенія этого права для интересовъ различныхъ классовъ населенія и всего общества въ цѣломъ, нашъ авторъ даетъ намъ юридическій анализъ разсматриваемаго права, и анализъ, къ тому же, весьма неудачный. Прудонъ, конечно, не доказалъ невозможности юридическаго обоснованія права собственности. Его критическіе удары направляются, главнымъ образомъ, противъ двухъ теорій собственности — теоріи завладѣнія и рабочей теоріи. Но самой сильной въ научномъ отношеніи теоріи собственности — такъ называемой легальной теоріи — Прудонъ почти не затрогиваетъ своей критикой. Согласно этой теоріи, право собственности имѣетъ за себя верховную юридическую санкцію не какого-либо отвлеченнаго этическаго начала, а общественной пользы. Общество нуждается въ институтѣ частной собственности не въ силу его справедливости, а въ силу его соціальной плодородности. Чтобы разбить этотъ аргументъ въ пользу собственности, слѣдовало бы доказать, что общество, въ цѣломъ или въ лицѣ большинства, не пострадаетъ или даже выиграетъ отъ уничтоженія частной собственности. Ничего подобнаго Прудонъ не исполнилъ, да и не могъ исполнить, такъ какъ—и это самое главное — онъ отнюдь не принципіальный врагъ частной собственности, какъ это можно было бы подумать, судя по рѣзкости его критики.

Мы видѣли, что, отвергая частную собственность въ современной ея формѣ, Прудонъ не менѣе рѣшительно высказывается противъ соціализма. Никакого положительнаго рѣшенія авторъ не даетъ, и читатель остается въ недоумѣніи, что же, собственно, защищаетъ критикъ. Разсѣять этого недоумѣнія не сумѣлъ бы и самъ Прудонъ, такъ какъ

онъ, какъ можно съ увѣренностью утвеуждать, и самъ опредѣленно не зналъ, какимъ образомъ можно предотвратить эксплоатацію однихъ членовъ общества другими, возникающую при господствѣ собственности, и въ то же время избѣжать указываемыхъ имъ бѣдствій коммунизма. Правда, его умственному взору представлялась нѣкоторая туманная утопія коренной реформы права собственности при сохраненіи личнаго владѣнія, но утопія эта облеклась въ разное время въ разныя формы. Прудонъ до конца жизни не терялъ надежды придумать такое соціальное устройство, которое одинаково обезпечивало бы личную свободу каждаго и благосостояніе всѣхъ. Свобода и равенство были основными политическими догматами Прудона. Онъ не соглашался пожертвовать ни однимъ изъ нихъ. Во имя равенства онъ отвергалъ частную собственность въ существующей формѣ; во имя свободы онъ отвергалъ соціализмъ. Нужно было, слѣдовательно, найти такое общественное устройство, въ которомъ и свобода, и равенство были бы обезпечены въ равной мѣрѣ.

Задача была не изъ легкихъ, и не мудрено, что Прудонъ постоянно колебался между различными рѣшеніями ея. Интересно, что подъ конецъ жизни онъ нашелъ, наконецъ, свой идеалъ не въ чемъ иномъ, какъ... въ русской общинѣ. Въ своемъ посмертномъ сочиненіи «Théorie de la propriété» Прудонъ говоритъ, что истинное рѣшеніе проблемы собственности дано славянской расой, создавшей общинную собственность, при которой земля принадлежитъ всей общинѣ, а право пользованія отдѣльными земельными участками — каждому члену общины

«Требованіемъ владѣнія такого рода.—заявляетъ нашъ авторъ,— я закончилъ свой первый мемуаръ о собственности, не давъ этому требованію вполнѣ ясной формулировки. Распространить славянскую форму владѣнія было бы большимъ шагомъ впередъ въ цивилизаціи. Эта форма болѣе пригодна для примѣненія въ жизни, чѣмъ абсолютное «dominium» римлянъ, которое воскресло въ нашемъ правѣ собственности. Никакой разумный экономистъ не можетъ желать большаго. При господствѣ славянскаго права владѣнія рабочій получаетъ должное вознагражденіе и плоды его трудовъ вполнѣ обезпечены. Этотъ принципъ славянской цивилизаціи есть самый славный фактъ въ исторіи этой расы».

Самымъ цѣннымъ въ научномъ отношеніи трудомъ Прудона мы считаемъ его «Système des contradictions économiques ou Philosophie de la misère» (1846). Эта работа произвела огромное впечатлѣніе на современниковъ; въ Германіи быстро появилось три перевода ея, и даже ученые буржуазнаго лагеря, какъ, напр., одинъ изъ основателей исторической школы, знаменитый Бруно Гильдебрандъ, признали Прудона выдающимся экономическимъ мыслителемъ эпохи.

Въ «Экономическихъ противорѣчіяхъ» Прудонъ даетъ критическое изслѣдованіе основныхъ категорій современнаго экономическаго строя-

Подъ вліяніемъ Гегеля, онъ видитъ задачу науки объ обществѣ въ изслѣдованіи *процесса общественнаго развитія*. «Соціальная наука,— говоритъ онъ,—есть систематическое и раціональное познаніе не того, чѣмъ общество *было*, и не того, чѣмъ оно *будетъ*, но того, что оно *есть* во всей своей жизни, т.-е. въ совокупности своихъ послѣдовательныхъ проявленій».

Соціальная наука одинаково чужда какъ консерватизма, такъ и утопіи. Она изслѣдуетъ самый процессъ общественнаго движенія и свои практическія требованія выводитъ изъ открываемыхъ ею законовъ этого движенія.

«Краеугольнымъ камнемъ экономическаго зданія является цѣнность». Со времени Ад. Смита экономисты различаютъ два рода цѣнности — потребительную и мѣновую. Въ какомъ же отношеніи другъ къ другу находятся эти два вида цѣнности? Увеличеніе предложенія товаровъ увеличиваетъ общую сумму ихъ полезности, ихъ потребительной цѣнности, но понижаетъ ихъ рыночную цѣну. Уменьшеніе предложенія повышаетъ цѣну, хотя полезность становится меньше. Слѣдовательно, между мѣновой и потребительной цѣнностью существуетъ внутреннее противорѣчіе.

Противорѣчіе это разрѣшается конституированіемъ цѣнности—приведеніемъ ея въ соотвѣтствіе съ трудомъ, затраченнымъ на производство каждой вещи.

Но задача конституированія цѣнности еще далеко не разрѣшена обществомъ. Отъ этого зависятъ всѣ отрицательныя явленія современнаго хозяйственнаго строя—разстройства товарнаго обращенія, потрясенія кредита, промышленные, денежные и торговые кризисы, неравенство вознагражденія рабочихъ, эксплоатація однихъ членовъ общества другими, бѣдность большинства населенія. Если бы товары обмѣнивались въ соотвѣтствіи съ трудомъ, то всякій получалъ бы вознагражденіе пропорціонально своимъ заслугамъ; теперь же мы видимъ, что представители физическаго труда вознаграждаются ничтожно, между тѣмъ какъ тѣ профессіи, которыя составляютъ достояніе привилегированныхъ, достаточныхъ классовъ общества, оплачиваются во много разъ выше. Если бы обмѣнъ совершался на основаніи трудовой равноцѣнности, то рабочій, отдавая свой трудъ капиталисту, получалъ бы отъ него всю созданную трудомъ цѣнность, и эксплоатація труда капиталомъ должна была бы прекратиться. Существованіе въ современномъ обществѣ непроизводительныхъ классовъ, потребляющихъ, но не производящихъ, есть результатъ того, что конституированіе цѣнности еще далеко не достигнуто.

Но, съ другой стороны, весь прогрессъ общества заключается въ борьбѣ за эту великую цѣль. «Политическая экономія есть не что иное, какъ исторія этой борьбы. Поскольку политическая экономія освящаетъ и желаетъ упрочить аномалію цѣнности и притязанія

эгоизма, она есть, поистинѣ, теорія несчастія и организація бѣдности; но поскольку она указываетъ средства, открытыя цивилизаціей, къ уничтоженію пауперизма (хотя эти средства монополія непрерывно стремится обратить въ свою пользу), она предвѣщаетъ организацію богатства».

Ученіе о цѣнности является основаніемъ всей системы «Экономическихъ противорѣчій» Прудона. Послѣдовательно, одну за другой, разсматриваетъ Прудонъ экономическія категоріи, и такъ какъ въ корнѣ ихъ лежитъ противорѣчивая категорія цѣнности, то всѣ онѣ оказываются содержащими въ себѣ внутреннія противорѣчія. Подобно тому, какъ человѣческій умъ изобрѣтаетъ одну гипотезу за другой для разрѣшенія трудной задачи, такъ и міровая мысль, — говоритъ нашъ авторъ,—послѣдовательно создаетъ новыя соціальныя категоріи, все болѣе полно разрѣшающія противорѣчія соціальнаго строя.

Соціальная эволюція начинается съ раздѣленія труда. Раздѣленіе труда даетъ возможность человѣчеству осуществить идею равенства, такъ какъ только при дифференціаціи профессій каждый можетъ заниматься тѣмъ, къ чему онъ наиболѣе способенъ или къ чему онъ чувствуетъ наибольшее влеченіе. Спеціализація труда увеличиваетъ въ огромныхъ размѣрахъ его производительность и открываетъ человѣчеству широкую дорогу къ накопленію богатства и знанія. Но, съ другой стороны, раздѣленіе труда порабощаетъ рабочаго, дѣлаетъ его слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ хозяина, увеличиваетъ нищету и невѣжество низшихъ классовъ народа и ведетъ къ сосредоточенію всѣхъ благъ цивилизаціи у небольшой кучки избранныхъ. Новое противорѣчіе, разрѣшаемое новой экономической категоріей—машинами.

Изобрѣтеніемъ машинъ промышленный геній человѣка протестуетъ противъ раздробленія и спеціализаціи труда. Дѣйствительно, что такое машина? Это—соединеніе въ одномъ цѣломъ тѣхъ инструментовъ, которыми раньше работало нѣсколько рабочихъ. Въ этомъ смыслѣ введеніе машинъ, по своимъ результатамъ, прямо противоположно дѣйствію раздѣленія труда. Машина должна уменьшить человѣческій трудъ, понизить цѣны продуктовъ и сдѣлать ихъ доступными всѣмъ классамъ населенія. «Машина есть символъ человѣческой свободы, знакъ господства человѣка надъ природой, аттрибутъ нашего могущества, выраженіе нашего права, эмблема нашей личности».

«Но тѣмъ самымъ, что машины уменьшаютъ трудъ рабочаго, онѣ урѣзываютъ и сокращаютъ возможность труда, благодаря чему спросъ на трудъ все болѣе и болѣе падаетъ и не достигаетъ предложенія». Вытѣсненіе рабочаго машиной есть хроническое бѣдствіе, непрерывное и неизбѣжное, «нѣчто въ родѣ холеры, которая появляется то подъ видомъ Гуттенберга, то Акрайта; здѣсь она называется Жаккардомъ, тамъ Джемсомъ Уаттомъ, въ другомъ мѣстѣ маркизомъ Жоффруа».

«Машины, такъ же, какъ и раздѣленіе труда, суть, при господствующей системѣ соціальной экономіи, одновременно источникъ богатства и постоянная и фатальная причина нищеты». Нерѣдко машины вводятся со спеціальной цѣлью борьбы съ рабочими; такъ, станокъ Шарпа и Робертса былъ введенъ въ Манчестерѣ для того, чтобы побѣдить стачку рабочихъ, не соглашавшихся на пониженіе заработной платы. Но, вытѣсняя рабочихъ машинами, фабриканты сами себѣ роютъ яму, ибо рабочіе суть потребители машинныхъ издѣлій, и сокращеніе числа рабочихъ равносильно сокращенію рынка для сбыта издѣлій.

Машинная работа оказываетъ губительное дѣйствіе на организмъ рабочаго и вызываетъ въ фабричныхъ странахъ прямо вырожденіе населенія. Въ Англіи наблюдается, одновременно съ развитіемъ фабричнаго производства, такое увеличеніе пауперизма, что ростъ налоговъ въ пользу бѣдныхъ идетъ быстрѣе роста населенія.

Пролетаріатъ есть прямое порожденіе машинъ. «Крупная мастерская есть первая, простѣйшая и самая могущественная машина». Увеличивая примѣненіе машинъ, мы не дѣлаемъ трудъ рабочаго легче, напротивъ, фабричная работа и тяжелѣе и непріятнѣе прежняго ручного труда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, машина унижаетъ рабочаго, превращая его изъ искуснаго ремесленника въ простого чернорабочаго. «Каковъ бы ни былъ прогрессъ механическаго знанія, сколько бы ни изобрѣтали машинъ еще во сто разъ болѣе удивительныхъ, чѣмъ прядильная машина «Дженни», паровой ткацкій станокъ и цилиндровый печатный станокъ, какія бы новыя силы, еще въ сотни разъ могущественнѣе пара, ни открывали,—все же всѣ эти изобрѣтенія не только не дадутъ свободы человѣчеству, не увеличатъ его досуга и не улучшатъ потребленія, но, напротивъ, умножатъ трудъ, усугубятъ рабство, удорожатъ жизнь и еще болѣе углубятъ пропасть, раздѣляющую господствующій и наслаждающійся классъ отъ класса подчиненнаго и страдающаго».

Свободная конкуренція представляетъ собой слѣдующую категорію экономическаго строя. Всѣмъ извѣстны выгоды свободной конкуренціи, столь восхваляемыя экономистами. Но экономисты упускаютъ изъ виду основную истину, что «конкуренція убиваетъ конкуренцію». Геометрія не знаетъ истины болѣе несомнѣнной. Правда, соціалисты говорятъ намъ, что во всемъ нужно различать правильное пользованіе отъ злоупотребленія. Есть конкуренція благородная, заслуживающая высокой похвалы—это соревнованіе. Но есть конкуренція гибельная, безнравственная и разрушительная — это своекорыстіе. Точно также экономисты требуютъ, чтобы мы сохранили хорошую сторону конкуренціи и устранили дурную. Экономисты не отрицаютъ, что конкуренція приводитъ къ своей противоположности — монополіи; но они видятъ въ этомъ лишь злоупотребленіе. Однако, говоритъ Прудонъ,

монополія не есть злоупотребленіе конкуренціей, а естественный и неустранимый принципъ послѣдней. «Монополія есть фатальное завершеніе конкуренціи, непрерывно порождающей монополію, какъ свое отрицаніе; въ этомъ заключается и оправданіе монополіи. Такъ какъ конкуренція присуща обществу, какъ движеніе присуще живымъ существамъ, то и монополія, слѣдующая за конкуренціей, составляющая ея цѣль и предѣлъ, безъ которыхъ конкуренція была бы непріемлема, должна быть признаваема столь же законной». Въ ожесточенной экономической борьбѣ побѣждаетъ сильнѣйшій, становящійся монополистомъ. Чѣмъ сильнѣе конкуренція, тѣмъ неизбѣжнѣе монополія. И мы видимъ, что монополія захватываетъ все новыя и новыя области хозяйства. И въ земледѣліи и въ промышленности, и въ торговлѣ монополія становится господствующей. Благодаря этому, растутъ производительныя силы общества; коллективные рабочіе, объединенные монополистомъ, производятъ больше разъединенныхъ рабочихъ. Но монополія въ то же время есть могущественнѣйшая причина общественнаго упадка. Latifundiae perdidere Italiam! Монополія стремится не къ созданію наибольшей суммы общественнаго благосостоянія, а къ доставленію наибольшаго дохода монополисту. Ради увеличенія своего дохода монополисты готовы сократить сумму производимыхъ продуктовъ—иначе говоря, пожертвовать общимъ благосостояніемъ ради своего собственнаго. Монополія въ корнѣ противоположна равенству.

Подобнымъ образомъ Прудонъ послѣдовательно разбираетъ экономическія категоріи — налоги, торговлю, кредитъ, и, наконецъ, собственность и коммунизмъ. Во всемъ онъ находитъ внутреннія противорѣчія, разрѣшеніе которыхъ возможно будетъ лишь тогда, когда будетъ разрѣшено лежащее въ основѣ современной хозяйственной системы противорѣчіе цѣнности, когда законъ трудовой цѣнности получитъ свое полное осуществленіе. Въ заключеніе Прудонъ критикуетъ ученіе Мальтуса и противопоставляетъ его формулѣ,—что населеніе растетъ въ геометрической, а средства существованія въ ариѳметической прогрессіи — свою собственную, гласящую, что средства существованія растутъ, какъ квадраты числа рабочихъ. Нечего и говорить, что обѣ формулы—и Мальтуса и Прудона—одинаково произвольны.

Таково содержаніе «Экономическихъ противорѣчій» далеко оставляющихъ за собой по глубинѣ и зрѣлости мысли первое экономическое сочиненіе Прудона. Хотя авторъ совершенно произвольно распредѣляетъ свои экономическія категоріи, которыя не только не соотвѣтствуютъ послѣдовательности историческаго развитія, но и не подчинены никакому логическому правилу и столь же успѣшно могли бы быть размѣщены въ обратномъ или въ какомъ-либо иномъ порядкѣ, все же «Экономическія противорѣченія» содержатъ въ себѣ такую

глубокую критику капиталистическаго строя, что большинству послѣдующихъ критиковъ капитализма оставалось только развивать или видоизмѣнять мысли Прудона. Не подлежитъ сомнѣнію, что, несмотря на крайне пристрастную критику Прудона Марксомъ, «Капиталъ» Маркса создался подъ непосредственнымъ вліяніемъ «Экономическихъ противорѣчій». И это неудивительно, такъ какъ Прудонъ былъ первымъ замѣчательнымъ экономистомъ, примѣнившимъ гегелевскій діалектическій методъ къ изслѣдованію системы экономическихъ категорій во всей ихъ совокупности. Тому же методу слѣдовалъ и Марксъ.

Задача «Экономическихъ противорѣчій» была чисто критическая. Правда, Прудонъ уже и въ этомъ сочиненіи довольно ясно далъ понять, въ чемъ онъ видитъ рѣшеніе соціальнаго вопроса. Конституированіе цѣнностей всѣхъ товаровъ—вотъ въ чемъ заключалось искомое рѣшеніе. Но какъ этого достигнуть? На это Прудонъ отвѣчаетъ въ другой книгѣ «Résumé de la question sociale» (1849). Онъ подымаетъ свой старый вопросъ — что такое собственность — и рѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что собственность, при современныхъ условіяхъ хозяйства, есть не что иное, какъ своего рода привилегія на полученіе сбора, пошлины съ продуктовъ, поступающихъ въ оборотъ, съ циркуляціи товаровъ.

Реформируя механизмъ товарнаго обращенія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ реформируемъ и право собственности, со всѣми его гибельными послѣдствіями.

Но какая сила руководитъ въ настоящее время обращеніемъ товаровъ и деспотически управляетъ ихъ движеніемъ? Эта сила—деньги. Слѣдовательно, и рѣшеніе соціальнаго вопроса должно заключаться въ реформѣ денежнаго обращенія. Денежный капиталъ долженъ утратить свою деспотическую власть.

Для достиженія этой цѣли Прудонъ предлагаетъ устройство мѣнового банка, во многомъ напоминающаго рабочую биржу Оуэна, съ тѣмъ различіемъ, что Оуэнъ стремился только къ устраненію денегъ въ роли мѣнового посредника, между тѣмъ какъ Прудонъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, хотѣлъ достигнуть своимъ мѣновымъ банкомъ и другой цѣли—дарового, безпроцентнаго кредита.

Мы не будемъ повторять сказаннаго выше (по поводу рабочей биржи Оуэна) о невозможности обезпечить сбытъ всѣхъ товаровъ путемъ замѣны денегъ какими-либо условными знаками, путемъ организаціи безденежнаго обмѣна. Не организація сбыта, а организація общественнаго производства, замѣна анархическаго единоличнаго хозяйства планомѣрнымъ общественнымъ хозяйствомъ—вотъ что требуется для того, чтобы продукты всегда находили сбытъ. Мѣновой банкъ Прудона былъ, несомнѣнно, утопіей, хотя отнюдь не соціалистической. Прудонъ надѣялся сохранить въ неприкосновенности индивидуальную

свободу производителя и, въ то же время, избавить рабочаго отъ власти предпринимателя путемъ безпроцентнаго кредита. Но гдѣ найти капиталы для неограниченнаго кредита? Прудонъ повторяетъ здѣсь ошибку многихъ буржуазныхъ экономистовъ, приписывавшихъ кредиту чудесную способность создавать богатство изъ ничего. Классическимъ и неподражаемымъ примѣромъ и, вмѣстѣ, родоначальникомъ этихъ утопистовъ кредита былъ кредитный Каліостро XVIII вѣка—шотландецъ Джонъ Лоу, заразившій своимъ безуміемъ чуть не всю французскую націю, закружившій ее въ вихрѣ неистовой биржевой игры, ослѣпившій ее миражемъ фантастическихъ сказочныхъ богатствъ, лопнувшихъ, какъ мыльный пузырь. Весьма характерно, что Прудонъ относился съ большой симпатіей къ Лоу и даже заявлялъ въ «Экономическихъ противорѣчіяхъ», что истинныя идеи Лоу еще никѣмъ не поняты надлежащимъ образомъ и что, будучи правильно поняты, онѣ могутъ произвести настоящій переворотъ въ народномъ хозяйствѣ.

Такой переворотъ долженъ былъ осуществить мѣновой, или, какъ впослѣдствіи его назвалъ Прудонъ, народный банкъ. Со своимъ обычнымъ избыткомъ темперамента, нашъ авторъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ возвѣстилъ о своемъ новомъ предпріятіи. «Я начинаю дѣло, равнаго которому не было и не будетъ въ мірѣ. Я хочу измѣнить основаніе общества, повернуть ось цивилизаціи, сдѣлать такъ, чтобы міръ, который, по волѣ Божества, движется съ запада на востокъ, началъ двигаться, по волѣ человѣка, съ востока на западъ». И всѣ эти чудеса долженъ былъ произвести скромный «народный банкъ» съ капиталомъ въ 50.000 франковъ!

Къ счастью для Прудона, судьба избавила его отъ разочарованія и нѣкотораго конфуза, который не могъ не сопровождать неизбѣжнаго жалкаго крушенія предпріятія, начатаго съ такими необычайными обѣщаніями. Въ дѣло вмѣшалось попечительное правительство Луи Бонапарта, позаботившееся о томъ, чтобы «ось цивилизаціи» не пострадала: какъ разъ въ самое горячее время, наканунѣ открытія операцій банка, Прудонъ былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму. За отсутствіемъ главнаго руководителя, «народный банкъ», акціи котораго парижскій рабочій классъ раскупалъ очень охотно, долженъ былъ немедленно закрыться.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что Прудонъ считается создателемъ теоріи анархизма, превосходящей по своей утопичности всѣ соціалистическія теоріи, къ которымъ нашъ авторъ относился съ такимъ осужденіемъ.

II.

Родбертусъ.

Классовые интересы, несомнѣнно, оказали глубокое вліяніе на экономическую науку, но все же политическая экономія далеко не составляетъ простого идеологическаго отраженія классовой борьбы. Интересы различны, но истина одна; интересы рабочаго класса могутъ быть противоположны интересамъ капиталистовъ, но то, что является объективной истиной для капиталиста, должно быть объективной истиной и для рабочаго. Законы логики общеобязательны и самый сильный интересъ не можетъ не склониться передъ ними. Не существуетъ двухъ политическихъ экономій—буржуазной и соціалистической, а есть одна наука о народномъ хозяйствѣ, правда, еще очень не совершенная и потому распадающаяся на нѣсколько направленій, но прогрессъ науки заключается въ сближеніи этихъ направленій, различія между которыми хотя и велики, но не настолько, чтобы для объективной и потому единой науки не оставалось мѣста. Теоретическія построенія защитника капиталистическихъ интересовъ Рикардо легли въ основу, такъ называемаго, научнаго соціализма, долгое время опиравшагося на трудовую теорію цѣнности; въ новѣйшее время нѣкоторые выдающіеся теоретики соціализма приняли новую теорію цѣнности—теорію предѣльной полезности,—развитую учеными буржуазнаго лагеря. Такимъ образомъ, не взирая на различіе классовыхъ интересовъ, объективная и единая наука прокладываетъ себѣ путь, слѣдуя своимъ собственнымъ логическимъ законамъ развитія и повинуясь одному голосу—истины.

Ученый можетъ имѣть классовыя симпатіи; но истина должна быть для него всего выше. Именно такимъ ученымъ, сумѣвшимъ подняться надъ своими классовыми симпатіями, не пожертвовавши ради нихъ ни крупицей того, что онъ считалъ объективной истиной, былъ одинъ изъ геніальнѣйшихъ экономистовъ XIX вѣка—Карлъ Родбертусъ-Ягецовъ (1805—1875 г.). C. Rodbertus

По своему происхожденію, общественному положенію, условіямъ жизни и всей жизненной обстановкѣ, этотъ, на ряду съ Марксомъ, замѣчательнѣйшій представитель критическаго соціализма былъ совершенно чуждъ рабочимъ классамъ. Отецъ его былъ профессоромъ римскаго права въ грейфсвальдскомъ университетѣ. По окончаніи университета Родбертусъ поступилъ на службу по министерству юстиціи. Но вскорѣ онъ вышелъ въ отставку и въ 1832 г. купилъ въ Помераніи крупное дворянское имѣніе Ягецовъ, гдѣ и жилъ, съ небольшими перерывами, до конца жизни. Онъ былъ дѣятельнымъ и успѣшнымъ сельскимъ хозяиномъ, благодаря чему пользовался значительнымъ престижемъ среди мѣстнаго дворянства, неоднократно выбирав-

шаго его на разныя почетныя должности. Въ 1847 г. Родбертусъ былъ представителемъ дворянства въ ландтагѣ. Какъ парламентскій дѣятель, онъ обращалъ на себя вниманіе, главнымъ образомъ, своей горячей преданностью общегерманскимъ національнымъ интересамъ. Революціонныя бури выдвинули нашего ученаго на короткое время на первый планъ политической арены. Онъ съ жаромъ выступилъ на защиту верховныхъ правъ народнаго представительства и національной германской идеи. Когда образовалось умѣренно-прогрессивное министерство Ауэрсвальда-Ганземана, Родбертусъ получилъ въ немъ портфель министра народнаго просвѣщенія.

Но министромъ онъ пробылъ всего нѣсколько дней: реакція скоро восторжествовала и наступилъ періодъ трусливыхъ попытокъ парламентскихъ либераловъ бороться съ прусской солдатчиной. Родбертусъ принималъ нѣкоторое участіе въ этой борьбѣ и издалъ въ началѣ 1849 г. брошюру, въ которой защищалъ права народнаго представительства и отрицалъ законность дѣйствій прусскаго правительства. Въ скоромъ времени онъ былъ избранъ депутатомъ одного берлинскаго округа. Когда собраніе представителей было распущено правительствомъ, Родбертусъ высказался противъ участія своей партіи въ выборахъ и уже больше не игралъ активной роли въ политической жизни страны. Онъ сблизился съ консерваторами и разошелся съ либералами; поэтому, когда въ 1862 г. партія прогрессистовъ предложила Родбертусу кандидатуру въ одномъ округѣ, онъ отклонилъ это предложеніе.

Вся его послѣдующая жизнь была посвящена упорному, уединенному научному труду въ деревнѣ и отчасти практической дѣятельности въ качествѣ сельскаго хозяина. Вначалѣ научныя работы Родбертуса не имѣли никакого успѣха; его первая статья «Die Forderungen der arbeitenden Klassen» (1837) не была принята газетой, для которой предназначалась, и появилась въ печати только почти полвѣка спустя въ посмертномъ изданіи. «Соціальныя письма» къ Кирхману—работа, въ полномъ смыслѣ, геніальная,—были напечатаны въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ и остались совершенно незамѣченными публикой. Только въ 60-хъ годахъ одинокій мыслитель начинаетъ находить друзей и послѣдователей. Съ нимъ завязываетъ сношенія Лассаль, стремившійся, но безуспѣшно, вовлечь Родбертуса въ свою агитацію, поведшую къ образованію германской рабочей партіи. Несмотря на всѣ усилія, Лассалю не удалось побудить Родбертуса вступить въ члены «Всеобщаго германскаго рабочаго союза». Въ отвѣтъ на одинъ вопросъ комитета союза, Родбертусъ издалъ брошюру, въ которой выразилъ мнѣніе, что рабочіе вполнѣ правы въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ Шульце-Деличу, но что и рекомендуемыя Лассалемъ производительныя ассоціаціи съ государственной помощью не въ силахъ разрѣшить соціальнаго вопроса. Въ особенности неодобрительно отнесся Родбертусъ къ тому, что рабочіе, подъ вліяніемъ Лассаля,

поставили въ первую очередь своихъ требованій всеобщее избирательное право; политическія задачи—говорилъ Родбертусъ—не должны ни въ какомъ случаѣ заслонять соціальныхъ. Рабочимъ не слѣдуетъ тратить время на блужданіе окольными путями политики, а нужно напрямикъ идти твердымъ шагомъ къ своимъ соціальнымъ цѣлямъ.

Крѣпкая монархическая власть отнюдь не представлялась Родбертусу помѣхой къ достиженію его соціальныхъ идеаловъ. Напротивъ, въ его глазахъ особенностью нашего времени является близость политическаго консерватизма къ экономическому радикализму. Поэтому Родбертусъ одновременно поддерживалъ сношенія съ создателемъ нѣмецкой соціалъ-демократіи Лассалемъ и съ консервативными политиками въ родѣ Рудольфа Мейера и Вагнера. Онъ искренно вѣрилъ въ утопію соціальной монархіи и думалъ, что прусская королевская власть можетъ взять на себя миссію осуществленія требованій рабочихъ классовъ.

Все это, разумѣется, отнюдь не свидѣтельствуетъ о проницательности Родбертуса, какъ политика, и о глубинѣ его соціально-политическихъ воззрѣній. Его сила лежала въ совершенно иной области, чѣмъ практическая политика—въ области теоретической мысли. Классовыя симпатіи тѣсно связывали его съ консервативными и даже реакціонными общественными элементами, а какъ теоретикъ онъ былъ провозвѣстникомъ общественнаго строя будущаго. Этимъ и объясняется противорѣчивая общественная позиція великаго экономиста.

Какъ теоретикъ, Родбертусъ стоитъ очень высоко. Въ особенности замѣчательно его ученіе о распредѣленіи, которое онъ развиваетъ въ самомъ строгомъ соотвѣтствіи съ трудовой теоріей цѣнности.

Результатомъ производительной дѣятельности общества, говоритъ Родбертусъ въ своихъ «Соціальныхъ письмахъ», является коллективное созданіе общественнаго продукта. Часть этого общественнаго продукта совсѣмъ не предназначена для общественнаго потребленія и идетъ на возмѣщеніе израсходованнаго и уничтоженнаго во время процесса производства общественнаго капитала—иначе говоря, средствъ производства. Другая часть распредѣляется между общественными классами владѣющими тремя основными производительными факторами — трудомъ, капиталомъ и землей—рабочими, капиталистами и землевладѣльцами. «Рабочая плата, земельная рента, прибыль на капиталъ суть соціальные факты и понятія,—говоритъ Родбертусъ,—т.-е., факты и понятія, которые существуютъ лишь потому, что соотвѣтствующія лица соединены узами раздѣленія труда въ одно общество. При принципіальномъ объясненіи заработной платы, ренты и пр. можно разсматривать всю общественную заработную плату, всю ренту и пр., какъ цѣлое, такъ что можно мыслить все общество, какъ состоящее изъ одного рабочаго, одного землевладѣльца и одного капиталиста. Ибо законы, регулирующіе дальнѣйшее раздѣленіе заработной платы,

земельной ренты и прибыли между отдѣльными рабочими, отдѣльными землевладѣльцами и отдѣльными капиталистами, суть иные законы, чѣмъ тѣ, которые устанавливаютъ распаденіе общественнаго продукта вообще на рабочую плату, земельную ренту и прибыль».

«Ренту образуетъ всякій доходъ, получаемый безъ собственнаго труда, исключительно въ силу владѣнія имуществомъ. Что такой доходъ имѣется въ обществѣ—это не можетъ быть никѣмъ оспариваемо, хотя нѣкоторые и утверждаютъ, что имущество, которымъ собственники владѣютъ, есть результатъ собственнаго труда владѣльца. Рентой является, поэтому, какъ земельная рента, такъ и прибыль, процентъ на капиталъ».

Какимъ же образомъ возникаетъ рента? Съ точки зрѣнія Родбертуса, единственной производительной силой является трудъ, всякая цѣнность создается трудомъ и только трудомъ. Между тѣмъ, рента несомнѣнно есть цѣнность, но она не есть результатъ труда получающаго ее лица. Слѣдовательно, рента есть часть трудового продукта другого лица. Для возникновенія ренты необходимы два слѣдующихъ основныхъ условія: «Во первыхъ, не можетъ быть ренты, если трудъ не создаетъ больше того, что требуется, по крайней мѣрѣ, для продолженія труда рабочаго; ибо, если такого избытка нѣтъ, то никто не можетъ получать доходъ, не работая лично. Во вторыхъ, не можетъ быть ренты, если не имѣется учрежденій, лишающихъ рабочихъ всего или доли этого избытка и передающихъ его другимъ, лично не работающимъ, ибо рабочіе, по самому существу дѣла, являются первичными обладателями своего продукта. То обстоятельство, что работа даетъ этотъ избытокъ, основывается на хозяйственныхъ причинахъ, повышающихъ производительность труда. То же, что этотъ избытокъ частью или цѣликомъ отбирается у рабочихъ и поступаетъ въ пользу другихъ, основывается на положительномъ правѣ, которое съ самаго своего возникновенія покоилось на силѣ и понынѣ лишь путемъ принужденія лишаетъ рабочихъ части созданнаго ими продукта».

Этой силой, создавшей нетрудовыя формы дохода, первоначально было *рабство*. Рабочіе, изготовлявшіе общественный продуктъ, были рабами своего господина, оставлявшаго рабамъ лишь такую долю ихъ продукта, которая была строго необходима для поддержанія ихъ жизни и работоспособности. Но рабство возникаетъ лишь на опредѣленной ступени производительности труда, благодаря тому, что на болѣе раннихъ ступеняхъ трудъ слишкомъ мало производителенъ и не могъ бы создать никакого избыточнаго продукта. Поэтому, наиболѣе первобытныя племена не обращаютъ своихъ плѣнниковъ въ рабство, а просто убиваютъ ихъ.

Въ настоящее время рабства не существуетъ, но отсутствіе средствъ производства у рабочихъ и принадлежность земли и капитала другимъ лицамъ оказываютъ на рабочихъ такое же принудительное дѣйствіе,

какъ и рабство. «Приказанія рабовладѣльца замѣнены договоромъ рабочихъ со своимъ хозяиномъ, но этотъ договоръ только формально а не матеріально, свободенъ, и голодъ почти вполнѣ замѣняетъ плеть. Что называлось раньше кормомъ для рабовъ, теперь называется заработной платой».

Причиной увеличенія производительности труда, сдѣлавшей возможной ренту, было раздѣленіе труда. «Въ изолированномъ состояніи—до раздѣленія труда—наши потребности превосходятъ наши силы; въ общественномъ состояніи—при раздѣленіи труда—наши силы превосходятъ наши потребности». Но вмѣстѣ съ раздѣленіемъ труда возникаетъ и эксплоатація однихъ членовъ общества другими, распаденіе общества на работающіе и неработающіе классы, при чемъ послѣдніе присвоиваютъ себѣ большую или меньшую долю продукта первыхъ. «Утвержденіе экономистовъ, что, по крайней мѣрѣ, первоначально земля, капиталъ и рабочій продуктъ принадлежали самимъ рабочимъ, не только не согласуется съ исторіей, но даже, наоборотъ, исторія показываетъ, что первоначально не только земля, капиталъ и рабочій продуктъ, но даже и самъ рабочій принадлежали другимъ лицамъ, что первичная система эксплоатаціи была настолько же тяжелѣе современной, насколько рабство тяжелѣе земельной и капитальной собственности».

Получивъ свободу, рабочій не получилъ ничего, кромѣ свободы. Онъ не получилъ ни земли, ни капитала, требуемыхъ для производства. И то, и другое было собственностью другихъ лицъ. Такое положеніе вещей должно было неизбѣжно привести къ тому, что собственники земли и капитала стали руководителями производства и собственниками трудоваго продукта, рабочему же было предоставлено пользованіе *частью* произведеннаго имъ продукта, какъ своей заработной платой. «Если трудъ достаточно производителенъ, и существуетъ право собственности на землю и капиталъ, то неизбѣжно должно произойти само собой, что рабочіе будутъ получать, какъ свой доходъ, только часть своего трудоваго продукта, а остальная часть поступитъ въ доходъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ».

Такимъ образомъ объясняетъ Родбертусъ происхожденіе ренты—нетрудового дохода вообще. Но въ развитомъ капиталистическомъ хозяйствѣ рента, въ свою очередь, распадается на два различныхъ дохода—доходъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ—прибыль и земельную ренту. На чемъ же основывается это распаденіе?

Если мы обратимся къ хозяйственному строю, предшествовавшему капиталистическому, напр., къ хозяйственному строю античнаго міра или среднихъ вѣковъ, то мы не найдемъ этого распаденія ренты. Возьмемъ, напр., хозяйство римскаго патриція. Патрицій былъ собственникомъ земли, средствъ производства и рабочихъ. Рабы не только добывали сырье, но и превращали его въ окончательный продуктъ.

Весь этотъ продуктъ, за вычетомъ содержанія рабовъ и расходовъ по возмѣщенію уничтожившихся въ процессѣ работы средствъ производства, составлялъ доходъ патриція, очевидно не имѣвшаго ни повода, ни возможности различать въ своемъ доходѣ долю прибыли на капиталъ и долю земельной ренты. Къ тому же этотъ доходъ имѣлъ натуральную форму, благодаря чему строгая расцѣнка его была вообще неосуществима. Съ точки зрѣнія патриція, источникомъ его дохода было имущество, въ дѣйствительности же создателями этого дохода были рабы.

При такомъ положеніи вещей, даже самое понятіе капитала и прибыли на капиталъ не можетъ достигнуть ясности. Только одна категорія капитала выдѣляется и пріобрѣтаетъ опредѣленность уже въ античномъ мірѣ—это денежный капиталъ. Такъ какъ и при господствѣ натуральнаго хозяйства обмѣнъ не совершенно исключенъ и потребность въ деньгахъ существуетъ иногда даже очень сильная, благодаря тому, что денегъ мало,—то и на самыхъ раннихъ ступеняхъ хозяйства мы замѣчаемъ существованіе ростовщическаго денежнаго капитала. Ростовщическій денежный процентъ есть почти единственно извѣстная въ античномъ мірѣ форма прибыли на капиталъ. Но размѣръ этой прибыли—ростовщическаго процента—не находится ни въ какой зависимости отъ дохода промышленнаго предпріятія, такъ какъ высота процента устанавливается при этихъ условіяхъ исключительно нуждой заемщика, почему и процентъ можетъ достигать чудовищныхъ размѣровъ. Благодаря этому, общественное мнѣніе древняго міра не признавало процента правомѣрнымъ, нормальнымъ видомъ народнаго дохода и видѣло въ немъ нѣчто противоестественное и заслуживающее порицанія.

Современное хозяйство имѣетъ совершенно иной характеръ. Вмѣсто натуральнаго производства для собственнаго потребленія въ немъ господствуетъ и даетъ тонъ экономической жизни производство для сбыта, на продажу. Отсюда вытекаетъ необходимость строгой расцѣнки всѣхъ предметовъ хозяйства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, первоначально недѣлимое производство продукта съ начала до конца въ одномъ и томъ же хозяйствѣ распадается на двѣ основныхъ ступени. На одной ступени изготовляется сырье, на другой—сырье превращается въ фабрикатъ. Изготовленіе и обработка сырья принадлежатъ различнымъ предпріятіямъ.

Первоначально единая рента должна теперь распасться на двѣ части, такъ какъ и производители сырья, и фабриканты должны получить свою долю. Какое же начало управляетъ раздѣленіемъ ренты? Начало трудовой цѣнности, создаваемой на каждой ступени производства,—отвѣчаетъ Родбертусъ. «Я исхожу изъ предположенія,—говоритъ нашъ авторъ,—что мѣновая цѣнность какъ каждаго готоваго продукта, такъ и на каждой ступени изготовленія продукта, равна со-

отвѣтствующей трудовой затратѣ, такъ что не только готовые продукты, но и сырье и фабрикатъ обмѣниваются между собой пропорціонально своимъ трудовымъ стоимостямъ; если, напр., изготовленіе сырья потребовало столько же труда, какъ и превращеніе его въ фабрикатъ, то готовый фабрикатъ будетъ расцѣниваться вдвое выше сырья». При этомъ условіи очевидно, что рента должна распредѣлиться между собственниками сырья и фабрикатовъ пропорціонально трудовой затратѣ на каждой ступени производства, ибо рента есть доля цѣнности продукта, и если цѣнность пропорціональна труду, то и рента должна быть, при прочихъ равныхъ условіяхъ, пропорціональна труду.

Итакъ, если производство сырья стоило такого же труда, какъ и превращеніе сырья въ фабрикатъ, то сумма ренты на первой ступени производства должна быть равна суммѣ ренты на второй ступени. Но капиталъ, на который начисляется рента, неизбѣжно долженъ быть больше на второй ступени, чѣмъ на первой, такъ какъ на первой ступени въ расходы производства не входитъ сырье, а на второй ступени сырье есть необходимая составная часть этихъ расходовъ.

Отсюда слѣдуетъ, что процентъ прибыли долженъ бы быть выше въ производствѣ сырья (ибо капиталъ, на который начисляется прибыль, меньше), чѣмъ въ производствѣ фабрикатовъ.

Совмѣстимо-ли, однако, съ законами капиталистической конкуренціи существованіе въ двухъ основныхъ отдѣлахъ національнаго производства двухъ различныхъ процентовъ прибыли? Конечно, нѣтъ. Избыточная прибыль, извлекаемая изъ производства сырья и, въ частности, изъ сельскаго хозяйства, не можетъ достаться капиталу. Согласно закону равенства прибыли, на сельскохозяйственный капиталъ долженъ начисляться лишь такой же процентъ прибыли, какъ и на промышленный капиталъ. Кому же достанется избыточная прибыль въ земледѣльческомъ производствѣ? Очевидно, *землевладѣльцу*, собственнику естественныхъ силъ, безъ помощи которыхъ невозможно производство сырья. Эта избыточная прибыль и образуетъ земельную ренту, доходъ землевладѣльца. И земельная рента, и прибыль суть составныя части ренты вообще, доли собственниковъ въ трудовомъ продуктѣ, которая въ предшествовавшія историческія эпохи поступала собственнику въ нераздѣленномъ видѣ, а затѣмъ, вслѣдствіе обособленія земельной и капитальной собственности, стала распредѣляться, согласно закону трудовой стоимости, между землевладѣльцами и капиталистами и получила названіе земельной ренты и прибыли на капиталъ.

Легко понять различіе этой теоріи земельной ренты отъ теоріи Рикардо. По Рикардо земельная рента зависитъ лишь отъ различія естественнаго плодородія земельныхъ участковъ или отъ различія производительности послѣдовательныхъ затратъ земледѣльческаго капитала. Родбертусъ нисколько не отрицаетъ очевиднаго факта, что зе-

мельная рента должна быть тѣмъ выше, чѣмъ участокъ плодороднѣе, точно такъ же, какъ и того, что рента повышается при большей интенсивности сельскаго хозяйства. Такую земельную ренту, возникающую благодаря естественнымъ *различіямъ* условій земледѣльческаго производства, Родбертусъ называетъ *дифференціальной* рентой. Законы дифференціальной ренты выяснены Рикардо. Но, въ противность послѣднему, Родбертусъ утверждаетъ, что, кромѣ дифференціальной ренты, существуетъ и абсолютная земельная рента, совершенно не зависящая отъ указанныхъ различій и неизбѣжно возникающая въ сельскомъ хозяйствѣ непосредственно въ силу того, что сельское хозяйство, производя сырье, требуетъ меньшей затраты капитала, чѣмъ обрабатывающая промышленность, въ составъ капитала которой входитъ это самое сырье. Поэтому, не только болѣе плодородные участки земли даютъ ренту, но и наименѣе плодородная земля, если только она обрабатывается, не можетъ не приносить ренты.

Однако, несмотря на многія вѣрныя частности и замѣчательно глубокое соціологическое освѣщеніе вопроса о происхожденіи землевладѣльческаго дохода, теорія земельной ренты Родбертуса, въ цѣломъ, безусловно несостоятельна. Она построена на предположеніи, что цѣна продукта опредѣляется не *издержками производства*, а трудовой стоимостью. Но самъ Родбертусъ признаетъ въ другихъ своихъ работахъ ошибочность этой точки зрѣнія. Центромъ тяготѣнія среднихъ цѣнъ является въ современномъ хозяйствѣ не трудовая стоимость, а издержки производства.

Если же такъ, то все ученіе о земельной рентѣ Родбертуса падаетъ. Нужно согласиться, что въ земледѣльческомъ производствѣ отсутствуютъ затраты на сырье, между тѣмъ какъ въ обрабатывающей промышленности эти затраты входятъ въ составъ издержекъ производства. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Большая прибыльность земледѣльческаго производства, какъ думаетъ Родбертусъ? Отнюдь нѣтъ. Большая прибыльность получилась бы въ томъ случаѣ, если бы цѣны сырья и фабриката устанавливались на основѣ трудовыхъ затратъ. А такъ какъ этого нѣтъ и быть не можетъ, такъ какъ цѣны въ капиталистическомъ хозяйствѣ управляются не затратами труда, а затратами капитала, издержками производства, то сравнительно болѣе высокія затраты капитала на производство фабрикатовъ приведутъ лишь къ болѣе высокимъ цѣнамъ послѣднихъ. Если фабрикатъ имѣетъ вдвое высшую трудовую стоимость, чѣмъ сырье, то цѣна его будетъ болѣе, чѣмъ вдвое, превышать цѣну сырья, благодаря тому, что издержки производства фабриката, какъ показалъ Родбертусъ, должны въ этомъ случаѣ болѣе, чѣмъ вдвое, превышать издержки производства сырья. Указанное Родбертусомъ обстоятельство (относительно меньшая затрата капитала въ производствѣ сырья сравнительно съ производствомъ фабрикатовъ) ведетъ не къ возникновенію земельной

ренты, а къ отклоненію среднихъ товарныхъ цѣнъ отъ трудовыхъ стоимостей.

Такимъ образомъ, желая опровергнуть теорію земельной ренты Рикардо, Родбертусъ опровергъ трудовую теорію цѣнности въ ея абсолютной формѣ. Нашъ авторъ совершенно правъ, утверждая, что его теорія земельной ренты есть безусловно необходимый логическій выводъ изъ признанія труда единственнымъ факторомъ цѣнности. Но это говоритъ лишь противъ этой послѣдней теоріи, ибо легко показать, что теорія земельной ренты Родбертуса есть экономическая нелѣпость. Въ самомъ дѣлѣ, согласно этой теоріи, первыя ступени производства должны давать большій доходъ предпринимателю сравнительно съ послѣдующими. Родбертусъ дѣлитъ въ данномъ случаѣ весь процессъ производства на двѣ ступени—производство сырья и производство фабриката. Но, конечно, ступеней производства, въ дѣйствительности, гораздо больше. Такъ, хлопокъ, раньше, чѣмъ превратиться въ предметъ одежды, долженъ подвергнуться цѣлому ряду промежуточныхъ производствъ, каждое изъ которыхъ можетъ быть предметомъ независимаго промышленнаго предпріятія (производство хлопка, пряденье, ткачество, окраска и набивка, фабрикація предметовъ одежды). Изъ теоріи Родбертуса вытекаетъ, что каждая предшествующая ступень производства должна давать избыточный доходъ сравнительно съ послѣдующей, ибо по мѣрѣ того, какъ продуктъ поднимается по ступенямъ производства, цѣнность его растетъ, а, слѣдовательно, растутъ и затраты на пріобрѣтеніе матеріала для обработки. Если бы разсматриваемая теорія была справедлива, то красильщикъ получалъ бы избыточный доходъ сравнительно съ портнымъ, ткачъ сравнительно съ красильщикомъ, прядильщикъ сравнительно съ ткачемъ и т. д. На каждой ступени производства, кромѣ послѣдней, возникала бы добавочная рента—иначе говоря, процентъ прибыли былъ бы различенъ, и тѣмъ выше, чѣмъ ближе эта ступень къ началу производства—изготовленію сырья. Нечего и говорить, что ничего этого не бываетъ въ дѣйствительности и быть не можетъ, ибо признаваемый Родбертусомъ законъ равенства прибылей приводитъ цѣны продуктовъ на всѣхъ ступеняхъ производства къ соотвѣтствію съ издержками производства.

Весьма своеобразную позицію занимаетъ Родбертусъ по отношенію къ центральному вопросу въ соціально-политическомъ отношеніи—вопросу о правомѣрности дохода, вытекающаго изъ права собственности. Мы видѣли, что авторъ «Соціальныхъ писемъ» отнюдь не склоненъ прикрывать вуалью разнаго рода истины, грустныя или позорныя для современной цивилизаціи, отъ которыхъ стыдливо отворачиваются буржуазные писатели. Его критическій ножъ рѣжетъ смѣло и глубоко, вскрывая самыя основы современнаго соціальнаго строя. Родбертусъ менѣе всего склоненъ замалчивать или отрицать, что доходъ,

вытекающій изъ права собственности на средства производства, покоится всецѣло на правѣ силы, и что всѣ попытки подыскать для этого дохода какое-нибудь иное основаніе, болѣе согласное съ этическими воззрѣніями нашего времени, должны остаться, по необходимости, безуспѣшны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Родбертусъ отнюдь не считаетъ права собственности на землю и капиталъ неустранимымъ условіемъ хозяйственной дѣятельности вообще. Даже больше—нашъ авторъ выработалъ въ одной изъ своихъ работъ планъ организаціи общественнаго хозяйства при отсутствіи частной собственности на средства производства. И въ то же время, Родбертусъ выступалъ защитникомъ классовыхъ интересовъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Какимъ образомъ согласовать это противорѣчіе?

Для Родбертуса тутъ никакого противорѣчія нѣтъ. Капиталистическій хозяйственный строй, въ глазахъ Родбертуса, есть историческая форма хозяйства, подлежащая дальнѣйшему развитію, долженствующему привести къ замѣнѣ существующей стихійной свободы частнохозяйственнаго предпринимательства—планомѣрной организаціей всего національнаго производства подъ руководствомъ общественной власти; но для даннаго историческаго момента частнохозяйственное препринимательство необходимо. «Хотя я думаю,—писалъ Родбертусъ въ «Капиталѣ»,—что современное общество уже цѣликомъ попало въ коммунистическій потокъ, все же я отнюдь не разсчитываю на уничтоженіе земельной и капитальной собственности въ ближайшемъ будущемъ. Противоположныя экономическія и правовыя убѣжденія, могущество интересовъ, связанныхъ съ земельной и капитальной собственностью, умственное и нравственное состояніе какъ господствующихъ классовъ собственниковъ, такъ и подчиненныхъ рабочихъ классовъ, дѣлаютъ невозможнымъ еще на много десятковъ лѣтъ крушеніе столь глубококоренящихся соціальныхъ учрежденій. Я не думаю также, чтобы «свободный трудъ» достаточно обезпечивалъ сохраненіе науки и искусства, и большинства другихъ высшихъ благъ цивилизаціи. Прекрасно было бы, если бы воспитаніе человѣческаго рода... уже закончилось, такъ что человѣкъ могъ бы добровольно и по собственной иниціативѣ исполнять прибавочную работу. Но съ того времени какъ лучшіе умы признали неправомѣрность рабства, потребовалось тысячелѣтіе, чтобы даже въ цивилизованныхъ странахъ Европы изгладились послѣдніе слѣды рабства. И хотя теперь исторія движется быстрѣе, зато и собственность на землю и капиталъ гораздо прочнѣе срослась съ обществомъ».

Современный хозяйственный строй можетъ, поэтому, по мнѣнію Родбертуса, съ увѣренностью разсчитывать на нѣсколько столѣтій существованія. Собственность *пока* необходима въ высшихъ интересахъ человѣчества. Собственники земли и капитала, въ качествѣ руководителей національнаго производства, исполняютъ, въ глазахъ автора

«Соціальныхъ писемъ», чрезвычайно важную хозяйственную функцію. Безъ упорной работы ума частнаго предпринимателя не могъ бы работать хозяйственный механизмъ нашего времени.

«Для того, чтобы съ успѣхомъ руководить производствомъ при господствѣ раздѣленія труда, требуются не только познанія, но и моральная сила и энергія. Тѣ же свойства необходимы и для того, чтобы слѣдить за потребностями рынка, соотвѣтственно направлять производство и быстро удовлетворять общественную потребность. Рѣдко бываетъ, чтобы капиталистъ или землевладѣлецъ, такъ или иначе, не дѣйствовали въ этомъ смыслѣ. Дѣятельности этого рода рабочій не исполняетъ и не можетъ исполнять по самому характеру своего занятія. Однако, она абсолютно необходима въ національномъ производствѣ. Поэтому, поскольку всякая общеполезная дѣятельность въ правѣ ожидать оплаты, нельзя сомнѣваться, что капиталисты и землевладѣльцы, предприниматели и руководители предпріятій, имѣютъ полное право требовать отъ общества оплаты своей вышеуказанной дѣятельности. Они имѣютъ на это такое же право, какъ и министръ торговли, если только онъ исполняетъ свои обязанности хорошо. Вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, что указанная дѣятельность, какъ и дѣятельность судьи, школьнаго учителя, врача и т. д., можетъ быть оплачена только путемъ вычета изъ трудового продукта рабочихъ—ибо нѣтъ другого источника матеріальнаго богатства».

Вмѣстѣ со всѣми экономистами, соціальное міровоззрѣніе которыхъ сложилось во вторую четверть закончившагося вѣка—въ періодъ паденія заработной платы и роста нищеты—Родбертусъ раздѣляетъ пессимистическое ученіе о тяготѣніи заработной платы къ минимуму средствъ существованія.

«Распредѣленіе національнаго продукта,—говоритъ онъ,—подчиняющееся «естественнымъ» законамъ обращенія, приводитъ къ тому, что при растущей производительности труда заработная плата составляетъ все меньшую долю продукта; ибо сколько бы ни произвелъ рабочій, жестокіе законы обмѣна принуждаютъ его довольствоваться одной и той же скромной суммой средствъ существованія, безусловно необходимой для жизни. А такъ какъ при большей производительности труда то же абсолютное количество продуктовъ должно имѣть меньшую трудовую стоимость, то, слѣдовательно, рабочій, получая, несмотря на всѣ успѣхи промышленности, одно и тоже количество предметовъ потребленія, отдаетъ въ пользу владѣющихъ классовъ все большую долю своего трудового продукта»... Въ этомъ тяготѣніи заработной платы къ минимуму средствъ существованія Родбертусъ находитъ объясненіе роста нищеты, замѣчаемому именно въ наиболѣе прогрессирующихъ странахъ.

Но этотъ же законъ объясняетъ, по мнѣнію нашего автора, и другую, не менѣе характерную, черту господствующаго хозяйствен-

наго строя—постоянное возвращеніе промышленныхъ кризисовъ, отъ которыхъ такъ жестоко страдаютъ передовыя страны. «Нищета и промышленные кризисы,—читаемъ во второмъ «Соціальномъ письмѣ»,—вызываются одной и той же причиной; одно и то же свойство современнаго товарнаго обращенія создаетъ оба этихъ величайшихъ препятствія равномѣрному и непрерывному общественному прогрессу».

Представимъ себѣ, что производительность труда возросла. Это значитъ, что одинаковое количество труда создаетъ теперь большее количество товаровъ, поступающихъ на рынокъ. Если бы рабочіе классы имѣли возможность закупить это возросшее количество товаровъ, то, очевидно, спросъ на товары соотвѣтствовалъ бы предложенію. Но, согласно ученію, принимаемому Родбертусомъ, *реальная* заработная плата остается неизмѣнной. Если количество производимыхъ рабочими продуктовъ возрастаетъ и цѣна продуктовъ соотвѣтственно падаетъ, то законы обращенія приводятъ къ соотвѣтствующему пониженію *денежной* заработной платы. При этомъ условіи очевидно, что при каждомъ успѣхѣ промышленной техники рабочіе классы должны предъявлять спросъ все на меньшую *долю* національнаго продукта. Слѣдствіемъ этого должна явиться невозможность сбыть рабочимъ возросшее количество товаровъ—иначе говоря, должно получиться перепроизводство всѣхъ товаровъ, предназначенныхъ для потребленія низшихъ классовъ населенія; а такъ какъ главная масса товаровъ, обращающихся на рынкѣ, относится именно къ этой категоріи, то переполненіе рынка товарами приметъ форму общаго промышленнаго кризиса. «Покупательная сила большей части общества уменьшается по мѣрѣ возрастанія производительности труда, и слѣдствіемъ этого является производство потребительныхъ цѣнностей, не имѣющихъ рыночной цѣны и покупательной силы, несмотря на то, что потребности въ нихъ большинства населенія не удовлетворены».

Такимъ образомъ, кризисы вызываются, по мнѣнію Родбертуса, сокращеніемъ, по мѣрѣ возрастанія производительности труда, доли рабочихъ въ національномъ продуктѣ. При этомъ важно имѣть въ виду, что Родбертусъ рѣшительно отрицаетъ, чтобы кризисы были въ какой-бы-то ни было связи съ абсолютнымъ размѣромъ заработной платы. «Я утверждаю,—говоритъ онъ,—что причина промышленныхъ кризисовъ заключается не въ недостаточности доли рабочихъ въ общемъ продуктѣ, но въ паденіи этой доли по мѣрѣ успѣховъ техники, и также утверждаю, что кризисы не могли-бы наступить, если-бы эта доля была столь же мала, какъ и нынѣ, но не измѣнялась бы при повышеніи производительности труда, и, далѣе, что кризисы будутъ происходить, какъ бы ни была велика эта доля, если только она будетъ падать при ростѣ производительности труда».

Теорія Родбертуса была бы правильна, если бы его посылки соотвѣтствовали дѣйствительности. Если бы доля рабочихъ классовъ въ

національномъ продуктѣ падала при каждомъ успѣхѣ промышленности, то перепроизводство предметовъ потребленія рабочихъ массъ, а, слѣдовательно, и общій промышленный кризисъ, были бы неизбѣжны. Но въ томъ-то и дѣло, что эта посылка не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Можно признавать или отрицать фактъ повышенія реальной заработной платы за продолжительные историческіе періоды, но одно несомнѣнно: для небольшихъ періодовъ времени денежная заработная плата гораздо устойчивѣе реальной. Вся теорія кризисовъ Родбертуса построена на предположеніи, что сокращеніе доли рабочихъ въ національномъ продуктѣ происходитъ настолько быстро и внезапно, что національное производство не успѣваетъ приспособиться къ измѣнившемуся спросу и капиталы не успѣваютъ перейти отъ производства предметовъ потребленія рабочихъ къ производству предметовъ потребленія господствующихъ общественныхъ классовъ (доля которыхъ въ національномъ продуктѣ возросла). Всего этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ: прогрессъ техники идетъ не скачками, одновременно во многихъ отрасляхъ производства, а постепенно и понемногу, и въ разное время въ различныхъ отрасляхъ труда. Промышленные кризисы отнюдь не вызываются промышленными изобрѣтеніями; наоборотъ, крупныя изобрѣтенія дѣлаются и входятъ въ общее употребленіе обыкновенно *послѣ* промышленныхъ кризисовъ, въ періоды застоя, когда низкая прибыль побуждаетъ фабрикантовъ принимать мѣры къ пониженію издержекъ производства. Періоды торговаго и промышленнаго оживленія, предшествующіе кризисамъ и непосредственно вызывающіе ихъ, характеризуются не ускореніемъ техническаго прогресса и удешевленіемъ фабрикатовъ, а, наоборотъ, замедленіемъ техническаго прогресса и повышеніемъ цѣнъ фабрикатовъ. Денежная заработная плата не понижается въ періоды, предшествующіе кризисамъ, а, наоборотъ, повышается.

Исходя изъ мысли, что главное зло существующаго хозяйственнаго строя заключается не столько въ недостаточности доли рабочихъ въ національномъ продуктѣ, сколько въ ея непрерывномъ паденіи по мѣрѣ прогресса техники, Родбертусъ предлагаетъ рядъ мѣръ, долженствующихъ предотвратить это зло. Въ «Письмѣ къ конгрессу рабочихъ при всемірной выставкѣ въ Лондонѣ» Родбертусъ совѣтуетъ рабочимъ выработать нормальный рабочій день, долженствующій выражать нормальное и среднее количество рабочихъ часовъ въ сутки, соотвѣтствующее силамъ рабочаго и его интересамъ, какъ человѣка и члена общества. Когда этотъ нормальный рабочій день будетъ установленъ, слѣдуетъ опредѣлить, смотря по тягостности и утомительности труда въ разныхъ занятіяхъ, сколько часовъ труда въ каждомъ изъ этихъ занятій соотвѣтствуетъ нормальному рабочему дню; это дастъ норму для рабочаго дня въ различныхъ родахъ труда. Затѣмъ, нужно выяснить средній трудовой продуктъ нормальнаго рабочаго дня для каждаго

производства въ отдѣльности. Такимъ образомъ опредѣлится нормальная производительность труда. Исходя изъ этихъ данныхъ можно выработать, примѣнительно къ господствующимъ условіямъ жизни рабочихъ въ разныхъ странахъ, нормальную заработную плату (т.-е., плату, пропорціональную производительности труда, но отнюдь не равняющуюся всему трудовому продукту). Дѣло рабочихъ настоять на принятіи предпринимателями этихъ нормальныхъ расцѣнокъ труда, которыя должны каждыя десять лѣтъ пересматриваться и измѣняться соотвѣтственно происшедшимъ перемѣнамъ производительности труда. Такимъ образомъ удастся достигнуть устойчивости доли рабочихъ классовъ въ національномъ продуктѣ и предотвратить пониженіе этой доли.

Въ этомъ направленіи, по мнѣнію Родбертуса, должно работать наше время, чтобы путемъ компромисса уменьшить бѣдствія, создаваемыя свободой товарнаго хозяйства, превращающей самого человѣка въ такой-же товаръ, какъ и предметы человѣческаго потребленія.

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ сочиненій Родбертуса, изданномъ послѣ его смерти, во второй части «Zur Beleuchtung der sozialen Frage», содержится интересная попытка статистическаго освѣщенія законовъ распредѣленія народнаго дохода въ капиталистическомъ обществѣ, по даннымъ англійской статистики подоходнаго налога. Родбертусъ пользуется работой англійскаго статистика Бакстера, графически изобразившаго соціальное сложеніе англійскаго общества въ началѣ 60-хъ годовъ. Пьедесталъ «общественной пирамиды» образуетъ многочисленный классъ рабочихъ, охватывающій около 77% населенія, но владѣющій только 40% національнаго дохода; на этомъ пьедесталѣ возвышается пирамида имущихъ классовъ, вершину которой образуетъ небольшая кучка милліонеровъ, сосредоточивающая въ своихъ рукахъ около 14% національнаго дохода. Средніе классы общества по своей численности играютъ совершенно ничтожную роль сравнительно съ рабочими, а по общей суммѣ дохода далеко уступаютъ классу богатыхъ людей.

Но эти данныя, характеризующія распредѣленіе англійскаго національнаго дохода въ опредѣленный историческій моментъ, ничего не говорятъ о тенденціяхъ историческаго *развитія*, объ измѣненіяхъ, претерпѣваемыхъ общественной пирамидой подъ вліяніемъ роста капиталистическаго хозяйства. Для этой послѣдней цѣли необходимо сравнить распредѣленіе національнаго дохода въ одной и той же странѣ въ различные моменты времени. Родбертусъ пользуется для сравненія данными Колькуна, относящимися къ Британскому королевству въ 1812 году.

Сравненіе это приводитъ Родбертуса къ слѣдующему заключенію: «Общество все болѣе и болѣе развивается въ противоположныхъ на-

правленіяхъ. Все возрастающая неимущая масса снизу! Все болѣе накопляющая огромныя богатства, относительно сокращающаяся, небольшая группа наверху! Соединяющіе эти противоположности, промежуточные, примиряющіе классы въ быстромъ паденіи и по своей численности, и по своему доходу!»

И Родбертусъ даетъ свой рисунокъ соціальнаго сложенія капиталистическаго общества. Внизу, на самыхъ низахъ, залегаетъ какъ бы придавленный тяжестью соціальнаго зданія толстый пластъ пауперовъ, нищихъ, безполезныхъ для общества и содержимыхъ на его счетъ въ состояніи крайней скудости и нужды. Затѣмъ возвышается мощный фундаментъ, въ которомъ сосредоточена истинная сила націи—классъ рабочихъ, которыхъ Родбертусъ изображаетъ трудолюбивыми муравьями, питающими всѣ остальные классы общества и воздвигающими своимъ трудомъ національное зданіе. На рабочемъ фундаментѣ покоится узкая подставка—средніе классы общества—поддерживающая богатые классы—огромный денежный мѣшокъ, вѣнчающій всю постройку...

Рисунокъ Родбертуса очень остроуменъ и изобразителенъ. Жаль только, что статистическія данныя, изъ которыхъ исходитъ нашъ авторъ, частью мало надежны, а частью и несомнѣнно невѣрны—какъ, напр., данныя Колькуна; весьма возможно, что движеніе національнаго дохода въ Англіи за разсматриваемое время шло въ направленіи, указанномъ Родбертусомъ, т.-е., что общество все рѣзче раскалывалось на богатыхъ и бѣдняковъ, а средніе классы теряли почву. Но доказать этого статистическимъ путемъ Родбертусу не удалось. И потому его статистическія сопоставленія слѣдуетъ считать лишь произвольной цифровой иллюстраціей вѣроятнаго направленія общественнаго развитія.

Родбертусъ былъ не только экономистомъ, но и замѣчательнымъ историкомъ. Его изслѣдованія хозяйственной исторіи Рима составили эпоху въ изученіи исторіи классическаго міра. Но изслѣдованія эти важны не только для пониманія *прошлаго*; одновременно съ этимъ, они подкрѣпляютъ и глубже обосновываютъ геніальныя обобщенія Родбертуса относительно *настоящаго* и *будущаго* нашего хозяйственнаго развитія. Въ противоложность экономистамъ такъ называемой исторической школы, совершенно не сумѣвшимъ связать въ одно цѣлое экономическую *исторію* и экономическую *теорію*, воспользоваться историческими обобщеніями для установленія новыхъ теоретическихъ посылокъ, Родбертусъ даетъ грандіозную картину историческаго развитія народнаго хозяйства, которая проливаетъ новый и яркій свѣтъ на экономическую теорію вообще.

Въ настоящемъ Робертусъ ищетъ зачаточныхъ элементовъ будущаго; въ прошломъ онъ видитъ зародышъ, изъ котораго развилось настоящее. Но такъ какъ исторія заключается въ непрерывномъ творчествѣ новыхъ соціальныхъ формъ, то Родбертусъ чуждъ нерѣдкой

ошибки историковъ—конструированія соціальныхъ формъ одной исторической эпохи по формамъ другой. Напротивъ, великая заслуга Родбертуса въ томъ и заключается, что онъ съ чрезвычайною рѣзкостью и отчетливостью противопоставилъ другъ другу три основныхъ типа хозяйственнаго устройства—«ойкоснаго» хозяйства древности, современнаго капиталистическаго мѣнового хозяйства и соціалистическаго хозяйства будущаго.

Соціальный строй будущаго міра покоился на натуральномъ хозяйствѣ, картину котораго Родбертусъ возсоздаетъ съ неподражаемымъ искусствомъ. Хозяйственной единицей былъ *ойкосъ*,—античная семья, владѣвшая болѣе или менѣе обширнымъ участкомъ земли, орудіями труда и рабами, исполнявшими хозяйственныя операціи. И земледѣліе, и обработка сырья сосредоточивались въ ойкосѣ. «Благоустроенный ойкосъ самъ удовлетворялъ всѣмъ потребностямъ своей обширной домохозяйственной сферы, и потому настолько обезпечивалъ ей самостоятельность, самообезпеченность, что владыка ойкоса, глава семьи, первоначально бывшій единственнымъ полноправнымъ гражданиномъ, могъ всецѣло и безкорыстно посвящать себя служенію государству». Не было никакой нужды въ деньгахъ для того, чтобы подымать національный продуктъ со ступени на ступень въ процессѣ производства, потому что въ теченіе всего этого процесса продуктъ не мѣнялъ владѣльца. Достаточно было воли господина ойкоса, приказывавшаго своимъ рабамъ-ремесленникамъ продолжать работу надъ произведеніями рабовъ-земледѣльцевъ. Въ распредѣленіи національнаго дохода деньги принимали ничтожное участіе. Рабочаго класса не было на рынкѣ, такъ какъ въ ойкосномъ хозяйствѣ рабочій получалъ содержаніе натурой. Не имѣло мѣста и дѣленіе ренты между землевладѣльцемъ и капиталистомъ (такъ какъ одно и то же лицо совмѣщало въ себѣ владѣніе капиталомъ и землей). Деньги существовали, но играли совершенно второстепенную роль въ хозяйствѣ ойкоса: онѣ служили лишь для обмѣна избыточныхъ продуктовъ, оставшихся за покрытіемъ потребностей ойкоса, и обращались въ международной торговлѣ, значеніе которой также было весьма ограничено. Рабочаго вопроса общество не знало, такъ какъ не было класса свободныхъ рабочихъ. Общество распадалось только на богатыхъ и бѣдныхъ, при чемъ богатство зависѣло, главнымъ образомъ, отъ размѣра землевладѣнія. Не имѣвшій земли былъ бѣднякомъ и пролетаріемъ. Ему противостоялъ богатый землевладѣлецъ, владѣвшій множествомъ рабовъ, благодаря чему античная культура достигла высокой степени матеріальнаго совершенства. Рабы, среди которыхъ были искусно и даже художественно обученные рабочіе, создавали ту обстановку неслыханной роскоши, удовлетворявшую самому утонченному, изысканному вкусу, среди которой жилъ, напр., богатый римскій патрицій.

Ойкосъ былъ ячейкой античнаго государства. Разложеніе ойкоса

повлекло за собой гибель и античнаго государства. Въ эпоху Римской имперіи разложеніе античнаго соціальнаго строя идетъ быстрыми шагами и на развалинахъ ойкоса выростаетъ новая хозяйственная организація. Рабство превращается сначала въ колонатъ—въ систему прикрѣпленія земледѣльческаго рабочаго къ землѣ—крѣпостное состояніе. Изъ колоновъ образовался мало-по-малу классъ свободныхъ крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ классъ прежнихъ собственниковъ-рабовладѣльцевъ дифференцируется и раскалывается на два класса—землевладѣльцевъ и капиталистовъ; возникаетъ классъ свободныхъ рабочихъ. Денежное хозяйство пріобрѣтаетъ все большее значеніе и, такимъ образомъ, создаются начатки соціальнаго строя нашего времени.

Все это изложено Родбертусомъ съ удивительнымъ мастерствомъ и на основаніи самаго детальнаго изученія первоисточниковъ; его картина развитія античнаго хозяйства не апріорное построеніе дилетанта-историка, а строго фактическая, документальная исторія спеціалиста. Но въ то же время—что такъ рѣдко бываетъ въ подобныхъ работахъ — она вся освѣщена и проникнута теоретическою мыслью. Въ центрѣ ея лежитъ теорія ойкоса, какъ основной ячейки античнаго соціальнаго строя. Теорія эта является въ настоящее время почти общепринятой не только среди экономистовъ, но, въ значительной мѣрѣ, и историковъ древности.

Родбертусъ принадлежитъ къ числу тѣхъ истинно великихъ мыслителей, вліяніе которыхъ на потомство гораздо сильнѣе вліянія ихъ на современниковъ. При жизни онъ стоялъ въ сторонѣ отъ широкой дороги общественной жизни. Въ политической борьбѣ онъ не могъ принимать участія, благодаря своей противорѣчивой соціально-политической программѣ. Крупный землевладѣлецъ, защитникъ аграрныхъ интересовъ, онъ не могъ стать во главѣ рабочаго движенія; радикально-консервативная партія — радикальная въ соціальныхъ вопросахъ и консервативная въ политическихъ—образованія которой желалъ Родбертусъ, есть несомнѣнная политическая нелѣпость. Если бы Родбертусъ былъ сколько-нибудь политикомъ, онъ быстро разочаровался бы въ своихъ соціально-политическихъ планахъ. Но въ томъ-то и дѣло, что уединенный мыслитель Ягецова былъ всего менѣе политикомъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ и глубокихъ соціальныхъ философовъ новаго времени; уже по одному этому онъ не могъ имѣть быстраго успѣха. Слабость его соціально-политической программы должна была еще болѣе препятствовать вліянію его идей на умы современниковъ.

Если сравнивать Родбертуса съ Марксомъ, то нельзя не признать, что теорія нетрудового дохода нашла у Родбертуса болѣе точное и логически стройное выраженіе, чѣмъ у Маркса. Родбертусу требуется нѣсколько страницъ для выраженія того, что Марксъ излагаетъ на десяткахъ и сотняхъ страницъ. Несмотря на свою сжатость и крат-

кость, на свой лапидарный стиль, теорія ренты автора «соціальныхъ писемъ» глубже и богаче содержаніемъ всего того, что написалъ по тому же вопросу Марксъ. Вообще, въ области отвлеченной экономической теоріи Родбертусъ оригинальнѣе и выше Маркса, далеко уступая послѣднему въ болѣе широкой сферѣ соціологическихъ обобщеній. Что же касается до значенія обоихъ мыслителей, какъ политиковъ, то въ этомъ отношеніи ихъ нельзя, конечно, и сравнивать. Померанскій помѣщикъ Родбертусъ совсѣмъ не понималъ политической жизни и не пошелъ дальше совершенно несбыточной и не имѣющей никакого практическаго значенія утопіи «соціальной монархіи»; а Марксъ былъ и остается вдохновителемъ величайшаго соціальнаго движенія новаго времени.

III.

Марксъ. Karl Marx.

Критическій соціализмъ насчитываетъ столько же великихъ представителей, какъ и утопическій соціализмъ. Прудонъ, Родбертусъ и Марксъ могутъ быть противопоставлены Оуэну, Сенъ-Симону и Фурье. Но среди критиковъ далеко не замѣчается того сходства общаго міросозерцанія, которое характерно для утопистовъ. Анархистъ Прудонъ, вышедшій изъ полукрестьянской среды, сохранившій всю жизнь тяготѣніе къ мелко-буржуазнымъ идеаламъ, имѣетъ весьма мало общаго по своему соціальному міровоззрѣнію съ крупнымъ землевладѣльцемъ и сторонникомъ крѣпкой государственной власти Родбертусомъ; еще глубже отличается отъ нихъ обоихъ величайшій представитель критическаго соціализма, вдохновитель новѣйшаго рабочаго движенія,— Карлъ Марксъ.

Въ лицѣ Маркса мы имѣемъ передъ собою удивительно законченную и цѣльную фигуру, какъ бы всю вылитую изъ бронзы. Что-то мощное, непоколебимое и безгранично самоувѣренное, но въ то же время угловатое, жесткое, рѣзкое сквозитъ во всякой чертѣ его характернаго нравственнаго облика. Видно, что передъ вами человѣкъ, привыкшій царить надъ умами людей и не допускающій ни минуты сомнѣнія въ своемъ правѣ на это. Его портретъ нѣсколько напоминаетъ изображеніе Юпитера Олимпійца. И дѣйствительно, такимъ олимпійцемъ, повелителемъ неба, держащимъ въ своихъ рукахъ громоносныя стрѣлы, долженъ былъ казаться Марксъ своимъ многочисленнымъ ученикамъ и послѣдователямъ. Въ своемъ собственномъ царствѣ онъ былъ не конституціоннымъ монархомъ, но самодержавнымъ владыкой. Его умственное руководительство превращалось въ желѣзную диктатуру, которой долженъ былъ подчиняться каждый, поддерживавшій съ нимъ духовное общеніе.

По внѣшнимъ фактамъ своей жизни Марксъ можетъ показаться

типомъ самоотверженнаго борца за идеалъ. Большую часть жизни онъ прожилъ политическимъ эмигрантомъ, въ бѣдности, нерѣдко въ тяжелой обстановкѣ политическаго одиночества. Его первые шаги на жизненномъ пути сопровождались большими успѣхами, но затѣмъ наступили трудные долгіе годы изгнанія, среди полнаго равнодушія публики къ научной работѣ великаго мыслителя и при невниманіи рабочаго класса къ его соціальной проповѣди. Все это, однако, нисколько не сломило энергіи Маркса, который въ минуты невзгоды оставался такимъ же твердымъ и непоколебимымъ, какъ и во время успѣховъ. Его соціальное міровоззрѣніе сложилось очень рано—когда ему не было и 30 лѣтъ; но умирая 64-лѣтнимъ старикомъ, онъ ни однимъ словомъ, ни тѣмъ болѣе дѣломъ не измѣнилъ этому міровоззрѣнію и остался ему вѣренъ до конца; никакихъ компромиссовъ не было въ его политической карьерѣ. Неуклонно шелъ онъ выбраннымъ имъ самимъ путемъ и могъ съ полнымъ правомъ примѣнить къ себѣ гордыя слова Данте:

Segui il tuo corso, e lascia dir le genti!

(Слѣдуй своему пути, и пусть люди говорятъ, что хотятъ!).

И все же идеализмъ былъ несвойственъ натурѣ Маркса. Не былъ онъ и фанатикомъ идеи, ибо не идея владѣла имъ, но онъ владѣлъ своей идеей. Изъ всѣхъ страстей, волнующихъ душу людей, его холодная душа была всего доступнѣе одной страсти—страсти къ познанію. Упорная умственная работа привела Маркса къ выработкѣ законченнаго міровоззрѣнія, и вся его жизнь превратилась въ борьбу за торжество этого міровоззрѣнія. Но, несмотря на настойчивость и поразительную энергію, которую Марксъ проявилъ въ своей жизненной борьбѣ, борьба эта не освѣщалась тѣмъ высшимъ свѣтомъ, о которомъ говорилъ своимъ ученикамъ умиравшій Сенъ-Симонъ—свѣтомъ энтузіазма. Въ лицѣ Маркса мы имѣемъ передъ собой не вдохновеннаго бойца за лучшее будущее человѣчества, не пророка и не проповѣдника новой соціальной вѣры, но упорнаго и настойчиваго мыслителя, непоколебимо убѣжденнаго, что имъ открыты законы развитія человѣческаго общества, что завѣса будущаго спала передъ его умственнымъ взоромъ, и что люди должны идти указаннымъ имъ путемъ, ибо такова желѣзная необходимость. Литературный талантъ Маркса былъ перворазряднымъ; многія страницы его произведеній блещутъ такой сжатой энергіей выраженія и такимъ блескомъ и остроуміемъ сравненій и метафоръ, что должны быть причислены къ лучшимъ образчикамъ художественной прозы. Но какъ ни разнообразны и ни могущественны душевныя струны Маркса, *одна* струна никогда не звучала въ его душѣ—энтузіазма, вдохновенія.

Ненависть, презрѣніе, сарказмъ—вотъ тѣ чувства, изъ которыхъ слагался паѳосъ Маркса. Творецъ «Капитала» былъ глубокимъ психологомъ, но нельзя не согласиться съ Зомбартомъ, что человѣческая

душа была раскрыта для него лишь на половину: все темное и злое находило въ нашемъ мыслителѣ удивительнаго ясновидца, но по отношенію къ благороднымъ движеніямъ человѣческой души онъ страдалъ чѣмъ-то, весьма похожимъ на умственную слѣпоту. Ему было знакомо негодованіе противъ зла—но въ этомъ негодованіи чувству симпатіи къ угнетеннымъ почти не было мѣста.

Какимъ глубокимъ контрастомъ является душевный обликъ Маркса сравнительно съ обликами великихъ утопистовъ! Непобѣдимая любовь къ людямъ Оуэна—рыцарское благородство Сенъ-Симона—вдохновенныя мечты Фурье о прекрасномъ гармоническомъ строѣ будущаго общества — всѣ эти движущія силы идеалистическаго міровоззрѣнія утопистовъ были чужды Марксу. И если онъ сошелся съ утопистами въ своемъ соціальномъ идеалѣ, то это, съ одной стороны, потому, что научный анализъ объективнаго хода историческаго развитія оправдывалъ въ его глазахъ предвидѣнье утопистовъ; съ другой же стороны, Марксъ не былъ лишенъ чувствъ, толкавшихъ его въ ту же сторону, куда шли и утописты. Правда, чувство любви къ людямъ было ему мало доступно. Но зато онъ былъ чрезвычайно способенъ ко враждѣ—и вражда къ угнетателямъ замѣняла въ его душѣ любовь къ угнетеннымъ.

Къ своимъ политическимъ врагамъ Марксъ былъ безпощаденъ; а врагомъ его было сдѣлаться легко—для этого было достаточно не быть его послѣдователемъ. Одной изъ самыхъ грустныхъ страницъ біографіи великаго экономиста являются его отношенія къ разнымъ выдающимся людямъ, съ которыми его сталкивала судьба и съ которыми онъ расходился во взглядахъ. Всѣ полемическія столкновенія Маркса отличаются чрезвычайнымъ избыткомъ личной злобы къ противнику и производятъ тягостное впечатлѣніе своимъ недостаткомъ моральнаго такта. Трудно указать другого такого мастера въ уничтоженіи противника путемъ выраженія ему самаго ядовитаго презрѣнія—и трудно указать другого писателя, пускавшаго это оружіе въ ходъ такъ часто и такъ охотно.

Со своими друзьями, въ своей частной жизни, Марксъ былъ совсѣмъ инымъ. Подобно многимъ сильнымъ людямъ, онъ былъ мягокъ и добродушенъ съ тѣми, кто ему покорялся и признавалъ его авторитетъ. Суровый политическій боецъ преображался у своего домашняго очага, въ интимномъ кругу, среди своей семьи, которую онъ очень любилъ, въ веселаго, остроумнаго и привѣтливаго хозяина и собесѣдника. По словамъ Либкнехта, одной изъ трогательныхъ чертъ Маркса была его любовь къ дѣтямъ—онъ чувствовалъ большую потребность въ дѣтскомъ обществѣ и могъ цѣлыми часами играть съ дѣтьми. Обладая крѣпкимъ, здоровымъ организмомъ, уравновѣшеннымъ, хотя и желчнымъ характеромъ, Марксъ любилъ простыя непритязательныя развлеченія — и веселье было частымъ гостемъ въ его домѣ.

Трудно сказать, внушалъ ли онъ къ себѣ любовь; но, несомнѣнно, многіе передъ нимъ преклонялись и были ему преданы. Со своими вѣрноподданными онъ былъ милостивымъ повелителемъ; но ничего похожаго на равенство не было въ интимномъ кругу Маркса. Онъ одинъ царилъ, а всѣ прочіе были его покорными слугами и учениками. И горе было ученику, который осмѣлился бы ослушаться учителя!

Карлъ Марксъ (1818—1883) происходилъ изъ еврейской семьи, изъ которой втеченіе ряда поколѣній выходили замѣчательные раввины. Отецъ его былъ адвокатомъ и вскорѣ послѣ рожденія Карла принялъ крещеніе вмѣстѣ со всей семьей. Въ университетѣ молодой Марксъ спеціально изучалъ философію и право и получилъ степень доктора философіи. Онъ предполагалъ открыть курсъ лекцій по философіи въ Боннскомъ университетѣ, но созданныя правительствомъ затрудненія для академической дѣятельности его друга Бруно Бауэра (который былъ доцентомъ богословія) побудили молодого ученаго отказаться отъ этой мысли.

Итакъ, Марксъ получилъ философское образованіе и первоначально думалъ посвятить себя спеціальному изученію философіи. Его первая работа—докторская диссертація о философіи Эпикура—была написана на философскую тему. Серьезная философская школа, которую прошелъ Марксъ, несомнѣнно, глубоко отразилась на всей послѣдующей литературной дѣятельности великаго экономиста. Тѣмъ не менѣе, философа въ узкомъ смыслѣ слова изъ него не вышло. Несмотря на свою огромную умственную силу и крайне широкую область своихъ изслѣдованій, охватывающихъ всю общественную жизнь, никакой законченной системы своихъ философскихъ воззрѣній Марксъ не далъ. Въ исторіи философіи для нашего доктора философіи почти нѣтъ мѣста.

Философская непроизводительность нашего мыслителя зависѣла отъ его быстраго разочарованія въ философіи, какъ особой области познанія. Будущій творецъ матеріалистической теоріи общественнаго развитія вышелъ изъ идеалистической школы Гегеля. Въ концѣ 30-хъ годовъ, когда нашъ юный студентъ проходилъ въ Берлинѣ свой философскій курсъ, Гегель былъ вѣнчаннымъ королемъ философской мысли Германіи. Метафизика праздновала свои самые пышные тріумфы и за ея побѣдной колесницей скромно шла наука. Но молодой философъ не на долго присоединился къ этому торжественному шествію. Въ свойствахъ своего ума и характера онъ обладалъ талисманомъ, охранявшимъ его отъ метафизическихъ увлеченій. Трудно указать въ исторіи міровой мысли другой выдающійся умъ, который былъ бы до такой степени чуждъ всякихъ идеалистическихъ порывовъ, какъ умъ Маркса. Никакого исканія вѣчнаго и абсолютнаго, никакого стремленія за предѣлы опыта, никакой жажды вѣры, никакого чувства тайны, наполняющей міръ! Прямо-таки странно, какимъ образомъ такой сильный умъ могъ мыслить такъ грубо-реалистически! Быть можетъ, Марксъ

былъ единственнымъ въ исторіи примѣромъ геніальнаго мыслителя, совершенно лишеннаго религіознаго чувства. И конечно, только философская непродуманность его міросозерцанія давала ему возможность съ такимъ высокомѣрнымъ презрѣніемъ относиться къ верховнымъ проблемамъ человѣческаго духа, неотступно привлекающимъ къ себѣ возвышенные умы. Вообще, по своему общему міросозерцанію и душевному складу, Марксъ болѣе всего напоминаетъ французскихъ матеріалистовъ XVIII вѣка, съ ихъ моралью разумнаго эгоизма и реалистической ограниченностью философскаго мышленія. Но французскіе матеріалисты были людьми малаго духа, между тѣмъ какъ Марксъ былъ мыслителемъ огромной силы. И въ этомъ глубокое различіе между ними.

При такихъ умственныхъ симпатіяхъ Марксъ не могъ проникнуться идеалистическимъ духомъ философіи Гегеля. Тѣмъ не менѣе, гегеліанская школа не прошла для него безслѣдно. Отвергнувъ наиболѣе существенную идеалистическую часть системы Гегеля—все положительное содержаніе этой системы—нашъ философъ усвоилъ діалектическій методъ Гегеля — представленіе о міровомъ процессѣ, какъ о непрерывномъ развитіи путемъ противоположностей. Однако, марксистская діалектика существенно отличается отъ гегеліанской. У Гегеля процессъ природы есть внѣшнее обнаруженіе процесса мысли. «Для меня же,—говоритъ Марксъ въ предисловіи ко второму изданію «Капитала»,—идеальное начало является, наоборотъ, лишь прошедшимъ черезъ человѣческій мозгъ матеріальнымъ началомъ... Діалектика стоитъ у Гегеля вверхъ ногами. Нужно ее перевернуть, чтобы найти раціональное начало въ мистической оболочкѣ».

Подвергнувши гегелевскую діалектику этой рискованной операціи, Марксъ призналъ ее вполнѣ пригоднымъ методомъ изслѣдованія общественнаго развитія. Діалектическое развитіе предполагаетъ постоянную смѣну трехъ фазисовъ — тезиса, антитезиса и синтезиса: данная ступень развитія (тезисъ) влечетъ свое отрицаніе (антитезисъ), за которымъ слѣдуетъ высшая ступень, отрицающая отрицаніе и примиряющая противорѣчіе двухъ предшествовавшихъ ступеней въ высшемъ единствѣ (синтезисъ), въ свою очередь отрицаемомъ дальнѣйшей ступенью развитія и т. д. Внутреннія противорѣчія, присущія каждому бытію, являются движущими силами развитія. Развитіе не имѣетъ конца — все находится въ непрерывномъ движеніи, возникаетъ для того, чтобы погибнуть, и погибаетъ для того, чтобы возникнуть въ новомъ видѣ—неподвижна лишь голая абстракція отъ всякаго движенія—«безсмертная смерть».

Этотъ методъ Марксъ думалъ примѣнить къ изученію историческаго развитія общества. Но, строго говоря, авторъ «Капитала», какъ онъ и самъ признавался, только «кокетничалъ гегелевской манерой выражаться». Отъ гегелевскаго метода у него осталась подъ конецъ почти одна терминологія.

Гораздо глубже повліялъ на Маркса другой философъ, также вышедшій изъ школы Гегеля, но чуждый гегелевскому идеализму — Людвигъ Фейербахъ. Его книга «Сущность христіанства» пришлась какъ нельзя болѣе по вкусу юныхъ гегеліанцевъ, стремившихся освободиться отъ метафизическаго плѣна. Не нужно забывать, что дѣло происходило въ началѣ 40-хъ годовъ, когда вся умственная атмосфера Европы была насыщена приближавшейся революціонной грозой. Книга Фейербаха показалась откровеніемъ. «Нужно самому пережить освобождающее дѣйствіе этой книги, чтобы составить себѣ представленіе объ ея значеніи,—писалъ Энгельсъ.—Воодушевленіе было всеобщее; мы всѣ моментально сдѣлались фейербахіанцами».

И дѣйствительно, въ лицѣ автора «Сущности христіанства» Марксъ нашелъ философа значительно болѣе родственнаго себѣ по духу, чѣмъ Гегель. Главное, что влекло юнаго отрицателя къ Фейербаху — это общее направленіе философіи послѣдняго. Въ области морали Фейербахъ былъ утилитаристомъ, въ области философіи — матеріалистомъ. Одному изъ своихъ сочиненій Фейербахъ далъ характерный подзаголовокъ: «человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ». Философское значеніе этого оригинальнаго мыслителя Энгельсъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ. «Путь развитія Фейербаха идетъ отъ гегеліанства—правда, далеко не правовѣрнаго — къ матеріализму, развитія, приводящаго на извѣстной своей ступени къ совершенному разрыву съ идеалистической системой Гегеля. Съ непреодолимой силой въ умѣ Фейербаха возникаетъ убѣжденіе, что принимаемое Гегелемъ доміровое существованіе абсолютной идеи, вѣчное бытіе логическихъ категорій, есть не что иное, какъ остатокъ фантастическихъ суевѣрій; что матеріальный, чувственно-воспринимаемый міръ, къ которому принадлежимъ мы сами, есть единственно реальное бытіе, и что наше сознаніе и мышленіе, какими бы сверхчувственными они намъ не казались, суть продукты матеріальнаго, тѣлеснаго органа, мозга. Не матерія продуктъ мозга, но духъ есть не что иное, какъ высшій продуктъ матеріи».

Всѣ эти идеи, вплоть до знаменитаго тезиса «человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ» (зерно матеріалистическаго пониманія исторіи), были восприняты Марксомъ. Но для нашего радикальнаго мыслителя даже Фейербахъ былъ слишкомъ идеалистиченъ. Несмотря на свой матеріализмъ, авторъ «Сущности христіанства» признавалъ необходимость религіи—хотя бы только религіи человѣчества. Онъ былъ не чуждъ энтузіазма: отвергнувъ поклоненіе высшему началу, онъ склонялъ колѣна передъ величіемъ любви, которая была вѣнцомъ его системы, верховной силой, управляющей человѣческимъ обществомъ. На этомъ базисѣ нѣсколько сентиментальный, несмотря на свой атеизмъ, философъ стремился обосновать свою систему морали.

Какъ презрительно долженъ былъ относиться къ этимъ слабостямъ добродушнаго нѣмецкаго философа молодой Марксъ! Онъ столь же

мало вѣрилъ въ любовь, какъ и въ абсолютную идею. Человѣческая исторія, насыщенная насиліемъ и кровью безчисленныхъ поколѣній, казалась ему лучшимъ опроверженіемъ религіи любви. Онъ возлагалъ свои надежды не на любовь, а на силу, которая должна, наконецъ, избавить людей отъ тяготѣющаго надъ ними тысячелѣтняго безпощаднаго, безжалостнаго гнета.

Уже въ 1842 г. (т.-е. всего 24-хъ лѣтъ отъ роду) нашъ радикальный философъ становится редакторомъ большой оппозиціонной газеты въ Кельнѣ—«Rheinische Zeitung». Газета была органомъ оппозиціонной буржуазіи и просуществовала недолго — правительство поспѣшило ее закрыть.

На родинѣ Марксу дѣлать нечего, онъ ѣдетъ въ Парижъ и вмѣстѣ съ Арнольдомъ Руге основываетъ органъ «Deutsch-französische Jahrbücher», изъ котораго появилась, однако, только одна книжка. Журналъ прекратился частью вслѣдствіе трудности доставленія его въ Германію, частью вслѣдствіе принципіальныхъ разногласій между редакторами. Разногласія состояли, по словамъ Энгельса, въ томъ, что Руге оставался гегеліанцемъ и буржуазнымъ радикаломъ, между тѣмъ какъ Марксъ, подъ вліяніемъ изученія французскихъ соціалистовъ, переходитъ къ соціализму.

Около этого времени Марксъ начинаетъ упорно изучать экономическіе вопросы. Первый толчокъ къ экономическимъ изслѣдованіямъ былъ данъ нашему мыслителю, по его собственнымъ словамъ, необходимостью высказываться по экономическимъ вопросамъ въ редактированной имъ газетѣ «Rheinische Zeitung». Пребываніе въ Парижѣ доставило молодому нѣмецкому эмигранту случай ближе познакомиться съ французскими соціалистами, изъ которыхъ наибольшее вліяніе на него оказалъ, вѣроятно, Прудонъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ существенное значеніе въ выработкѣ соціальнаго міровоззрѣнія Маркса имѣла, повидимому, и книга Лоренца Штейна «Der Socialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs» (1842 г.).

Въ числѣ сотрудниковъ «Deutsch-französische Jahrbücher» былъ и Фридрихъ Энгельсъ, съ которымъ Марксъ хорошо сошелся въ Парижѣ въ 1844 году; между ними установилась тѣсная дружба, основанная на сходствѣ воззрѣній и на полномъ подчиненіи Энгельса своему нѣсколько болѣе старшему сверстнику. Въ исторіи трудно указать другой примѣръ такой тѣсной духовной связи двухъ выдающихся людей. Что Энгельсъ самъ по себѣ представлялъ крупную величину, это достаточно доказывается его работами, исполненными до сближенія съ Марксомъ. Одна изъ нихъ, «Die Lage der arbeitenden Klasse in England», представляетъ собой, безспорно, замѣчательное произведеніе, оригинальное и глубокое. Но въ натурѣ Энгельса не хватало, повидимому, самостоятельности и энергіи; послѣ сближенія съ Марксомъ онъ какъ бы утрачиваетъ свою индивидуальность, совершенно

отходитъ на второй планъ, довольствуясь скромной ролью сотрудника своего великаго друга и популяризатора его взглядовъ. Только послѣ смерти Маркса Энгельсъ пересталъ играть «вторую скрипку» и занимаетъ въ руководительствѣ рабочимъ движеніемъ его мѣсто.

Первымъ совмѣстнымъ трудомъ обоихъ друзей была книга, направленная противъ ихъ прежняго товарища — Бруно Бауэра, (Die heilige Familie. Gegen Bruno Bauer und Konsorten» 1845 г.), написанная въ томъ рѣзко полемическомъ тонѣ, который характеризуетъ всѣ произведенія Маркса.

Въ Парижѣ Марксъ пробылъ недолго. Прусскому правительству удалось выхлопатать у министерства Гизо высылку молодого публициста изъ Франціи за редактированіе небольшой нѣмецкой оппозиціонной газеты «Vorwärts», издававшейся въ Парижѣ. Преслѣдуемый писатель переселяется въ 1845 году въ Брюссель и здѣсь издаетъ въ 1847 г. полемическую книгу противъ Прудона. Марксъ и Энгельсъ становятся членами одного тайнаго политическаго общества и выпускаютъ въ началѣ 1848 г., по порученію этого общества, знаменитый «Коммунистическій Манифестъ».

Затѣмъ слѣдуетъ февральская революція, арестованіе Маркса въ Брюсселѣ и возвращеніе его въ Парижъ по приглашенію одного изъ членовъ временнаго правительства. Вся Европа полна революціонной смуты, Германія волнуется. Марксъ спѣшитъ вернуться на родину и возобновляетъ въ Кельнѣ изданіе газеты «Neue Rheinische Zeitung», просуществовавшей, однако, меньше года. Побѣда реакціи повела къ высылкѣ молодого революціоннаго публициста изъ Кельна, а вслѣдъ затѣмъ и французское правительство запретило ему пребываніе въ Парижѣ.

Тутъ наступаетъ рѣшительный поворотъ въ жизни нашего мыслителя; на политической аренѣ ему дѣлать нечего и онъ удаляется въ обычное убѣжище политическихъ эмигрантовъ европейскаго континента — въ свободную Англію, въ Лондонъ, который и дѣлается его окончательнымъ и постояннымъ мѣстомъ жительства.

Революціонныя бури затихли. Скитанья Маркса кончились и онъ живетъ нѣсколько десятковъ лѣтъ не преслѣдуемый и не тревожимый никѣмъ въ міровой столицѣ. Но это внѣшнее спокойствіе было тяжелымъ испытаніемъ для творца «Капитала». По своей натурѣ онъ былъ борцомъ; его мощная воля требовала энергичной дѣятельности, а, между тѣмъ, политическія условія Европы обрекали его втеченіе длиннаго ряда лѣтъ на полное политическое бездѣйствіе. Когда Марксъ покинулъ континентъ, ему едва исполнился 31 годъ; несмотря на такую молодость, онъ былъ уже однимъ изъ самыхъ видныхъ радикальныхъ публицистовъ Германіи и пользовался огромнымъ вліяніемъ и авторитетомъ среди своихъ единомышленниковъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ революціонномъ движеніи 1848 г., когда даже са-

мымъ скептическимъ людямъ могло казаться, что наступилъ огромный соціальный переворотъ, за которымъ послѣдуетъ рожденіе міра будущаго. Но революціонный вихрь пронесся—и старая Европа устояла; только обломки революціонныхъ партій свидѣтельствовали о неудавшейся революціи.

Первые годы реакціи были особенно тяжелы для политическихъ эмигрантовъ, скопившихся изъ всѣхъ странъ Европы въ Лондонѣ. Разочарованіе было глубоко. Послѣ столькихъ блестящихъ успѣховъ—такое уничтожающее пораженіе! Послѣ столькихъ свѣтлыхъ надеждъ—такая удручающая дѣйствительность! Бывшіе диктаторы, главнокомандующіе революціонныхъ армій, министры, члены временныхъ правительствъ превратились въ жалкихъ изгнанниковъ, искавшихъ и не находившихъ заработка. Такое паденіе было труднымъ испытаніемъ стойкости политическихъ убѣжденій многихъ революціонныхъ дѣятелей. Болѣе слабые пали и «поклонились тому, что сжигали»; но и самые сильные поколебались, утратили энергію и прежнюю вѣру, поддались унынію, которое охватило всю европейскую демократію. Вспомнимъ, напримѣръ, какой тяжелый душевный кризисъ пережилъ въ это время Герценъ — человѣкъ выдающейся энергіи и свѣтлаго ума. И, быть можетъ, среди всѣхъ усталыхъ, измученныхъ, колеблющихся или совсѣмъ измѣнившихъ своему дѣлу ветерановъ и инвалидовъ революціи одинъ Марксъ остался такимъ же бодрымъ, какимъ онъ былъ въ минуты наибольшаго подъема революціонной волны. Его соціальное міровоззрѣніе только крѣпнетъ подъ вліяніемъ пережитыхъ испытаній. Въ тѣхъ событіяхъ, которыя другимъ казались крушеніемъ движенія, онъ видѣлъ лишь послѣдовательные фазисы развитія движенія. За отливомъ долженъ послѣдовать приливъ,—и чѣмъ сильнѣе реакція, тѣмъ выше должна подняться грядущая революціонная волна.

Политическій застой 50-хъ годовъ былъ для Маркса періодомъ самой упорной, бодрой и плодотворной умственной работы. Уже въ концѣ 40-хъ годовъ онъ обладалъ серьезной экономической эрудиціей и, какъ показываетъ его книга о Прудонѣ, былъ хорошо знакомъ съ англійской экономической литературой. Пребываніе въ Лондонѣ и постоянныя занятія въ Британскомъ Музеѣ доставили ему возможность расширить ого экономическую эрудицію въ колоссальныхъ размѣрахъ. По всей вѣроятности, никто до и послѣ Маркса не зналъ въ такомъ совершенствѣ и въ такой полнотѣ англійскую экономическую литературу. Французскую экономическую литературу онъ также зналъ хорошо, нѣмецкую же гораздо меньше, какъ показываетъ засвидѣтельствованное Энгельсомъ его незнакомство съ первыми работами Родбертуса.

Въ 50-хъ годахъ Марксъ дѣятельно сотрудничалъ въ «New-York-Tribune» и выпустилъ нѣсколько брошюръ, изъ которыхъ особенно замѣчательна «Der 18 Brumaire des Louis Bonaparte» (1852 г.)—ма-

стерской анализъ событій, поведшихъ къ диктатурѣ Бонапарта. Наконецъ, въ 1859 г. онъ представилъ первый очеркъ своей критики капиталистическаго строя, въ работѣ подъ заглавіемъ «Zur Kritik der Politischen Oekonomie». Книга эта должна была быть первымъ выпускомъ задуманнаго Марксомъ обширнаго экономическаго сочиненія, но послѣдующихъ выпусковъ не появилось, благодаря тому, что авторъ измѣнилъ планъ своей работы. Вмѣсто продолженія «Zur Kritik der Poitischen Oekonomie», онъ выпустилъ въ 1867 г. первый томъ своего главнаго, въ полномъ смыслѣ слова геніальнаго труда «Das Kapital». Второй томъ «Капитала» вышелъ послѣ смерти своего великаго автора, въ 1885 году, третій—въ 1894 г.

Въ 60-хъ годахъ, въ то время, когда Марксъ работалъ надъ «Капиталомъ», обстоятельства позволили ему вернуться къ практической общественной, дѣятельности. Въ 1864 г., въ Лондонѣ была основана «Международная ассоціація рабочихъ». Иниціатива созданія «Интернаціонали» не принадлежала Марксу, но такъ какъ Марксъ былъ великъ, а прочіе члены «Интернаціонали» были людьми обыкновеннаго роста, то руководительство общества естественно перешло къ нему. Задачей «Интернаціонали» было объединеніе рабочаго движенія въ разныхъ странахъ капиталистическаго міра и поддержка этого движенія общими силами пролетаріата. Со стороны Маркса требовалось большая ловкость и хитрость для того, чтобы корабль «Интернаціонали» не разбился съ первыхъ же шаговъ о подводные камни партійныхъ раздоровъ среди рабочихъ. Но великій экономистъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ искуснымъ дипломатомъ. Онъ умѣлъ, когда нужно, скрывать свои мысли и прибѣгать къ туманнымъ выраженіямъ, чтобы заставить людей согласиться съ тѣмъ, съ чѣмъ они несогласны. Вступительный адресъ общества и его статуты, принадлежащіе перу Маркса, были составлены такъ ловко, что самыя противоположныя рабочія теченія могли примкнуть къ «Интернаціонали».

Дѣятельность общества вначалѣ выразилась, главнымъ образомъ, въ поддержкѣ стачекъ. Однако, съ каждымъ годомъ Марксъ все болѣе и болѣе забиралъ въ свои руки нити управленія обществомъ, постепенно проникавшемся идеями автора «Капитала» и подчинявшемся его соціально-политической программѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ росла и оппозиція, группировавшаяся преимущественно вокругъ Бакунина и приведшая, въ концѣ концовъ, къ крушенію «Интернаціонали». Въ 1872 г. на конгрессѣ въ Гаагѣ было постановлено, подъ внушеніемъ Маркса, лично ненавидѣвшаго Бакунина, исключеніе послѣдняго изъ состава общества. Это повело къ расколу «Интернаціонали» — цѣлый рядъ секцій высказался за Бакунина, и «Международная ассоціація рабочихъ» фактически прекратила существованіе.

Паденіемъ «Интернаціонали» заканчивается публичная политическая дѣятельность Маркса; но его вліяніе на рабочее движеніе всего

міра росло и росло. Къ концу жизни геніальный экономистъ былъ на вершинѣ своей славы. Его мысли стали символомъ вѣры германскихъ рабочихъ; его практическая программа легла въ основаніе политической борьбы пролетаріата. Всѣ его былые соперники сошли со сцены или были забыты. И онъ оставался единственнымъ общепризнаннымъ верховнымъ авторитетомъ, творцомъ и главою самаго могущественнаго соціальнаго движенія, какое только знаетъ новѣйшая исторія.

Ученіе Маркса охватываетъ собой не только экономическую теорію, но и общую философію исторіи; въ то же время, изъ теоретическихъ основъ этого ученія вытекаетъ опредѣленная программа политической и общественной дѣятельности. Поэтому марксизмъ можетъ быть изучаемъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Но мы не будемъ говорить о философіи исторіи Маркса—такъ называемомъ матеріалистическомъ пониманіи исторіи *),— а остановимся только на его экономической теоріи — ученіи о природѣ и законахъ развитія капиталистическаго хозяйства.

Въ основаніе всей своей экономической системы Марксъ кладетъ ученіе о трудѣ, какъ единственной и абсолютной субстанціи цѣнности. «Величина цѣнности какой-либо полезной вещи опредѣляется только количествомъ общественно необходимаго труда или общественно необходимаго для ея производства рабочаго времени», говоритъ Марксъ. «Общественно же необходимымъ рабочимъ временемъ является то рабочее время, которое, при существующихъ нормальныхъ въ данномъ обществѣ условіяхъ производства и средней степени умѣлости и напряженности труда, необходимо для изготовленія той или иной полезной вещи... Товары, въ которыхъ содержатся одинаковыя количества труда, или которые могутъ быть произведены въ одинаковые промежутки рабочаго времени, имѣютъ, поэтому, одинаковую цѣнность. Цѣнность одного товара относится къ цѣнности другого товара, какъ рабочее время, необходимое для производства одного, относится къ рабочему времени, необходимому для производства другого. Какъ цѣнности, всѣ товары суть только опредѣленныя количества застывшаго рабочаго времени». Итакъ, цѣнность товара—это застывшее въ немъ рабочее время. Человѣческій трудъ есть не одинъ изъ моментовъ, вліяющихъ на высоту цѣнности, какъ училъ Рикардо; нѣтъ, трудъ образуетъ самое существо, самую субстанцію цѣнности.

Но вѣдь конкретный человѣческій трудъ такъ же различенъ, какъ различны и продукты труда. Трудъ сапожника, въ своей конкретной формѣ, есть нѣчто иное, чѣмъ трудъ врача. Различные конкретные виды труда столь же несоизмѣримы между собой, какъ и продукты труда въ своей потребительной формѣ. Всѣ разнообразные виды труда

*) Критическая оцѣнка историческаго матеріализма дана въ моей книгѣ «Теоретическія основы марксизма».

становятся, однако, вполнѣ соизмѣримыми другъ съ другомъ, если мы отвлекаемся отъ ихъ конкретной формы и разсматриваемъ ихъ, какъ простое выраженіе абстрактнаго человѣческаго труда, какъ затрату человѣческой рабочей силы вообще.

Сложный, искусный трудъ, требующій обученія со стороны рабочаго, содержитъ въ себѣ, какъ бы въ сжатомъ видѣ, умноженное количество простого труда. Въ этомъ смыслѣ всѣ виды труда соизмѣримы между собой и могутъ быть выражены въ однѣхъ и тѣхъ же единицахъ человѣческаго труда въ его абстрактной формѣ. Именно этотъ абстрактный человѣческій трудъ, освобожденный отъ конкретныхъ формъ своего обнаруженія, и образуетъ субстанцію цѣнности.

Итакъ, цѣнность—это кристаллизованный въ товарѣ человѣческій трудъ. Понятно, что, съ точки зрѣнія Маркса, ничего не могло быть нелѣпѣе вопроса о томъ, какое участіе принимаетъ природа въ созданіи цѣнности. «Такъ какъ мѣновая цѣнность есть только опредѣленный общественный способъ выражать потраченный на какую-нибудь вещь трудъ, то въ мѣновой цѣнности можетъ содержаться столько же даннаго самой природой вещества, сколько, напр., въ вексельномъ курсѣ».

Но цѣнность есть не просто человѣческій трудъ. Хозяйственный трудъ есть необходимая основа всякаго хозяйства, независимо отъ исторической формы его. Цѣнность же есть историческая, преходящая экономическая категорія, свойственная только опредѣленной исторической формѣ хозяйства—товарному хозяйству.

Экономическая категорія цѣнности предполагаетъ два момента: 1) затрату человѣческаго труда на производство даннаго хозяйственнаго продукта и 2) выраженіе этой затраты не непосредственно въ рабочемъ времени, а посредственно, въ другомъ трудовомъ продуктѣ, обмѣниваемомъ на данный трудовой продуктъ. Представимъ себѣ напр., что общество слагается не изъ товаропроизводителей, обмѣнивающихся продуктами своего или чужого труда, а образуетъ собой соціалистическую общину, владѣющую сообща средствами производства и всѣми предметами своего потребленія. Въ такомъ обществѣ «количество труда, заключеннаго въ продуктѣ, вовсе не потребовало бы для своего опредѣленія окольнаго пути (обмѣна); ежедневный опытъ непосредственно указывалъ бы такому обществу, сколько труда заключено въ продуктѣ. Общество могло бы просто вычислить, сколько рабочихъ часовъ стоила данная паровая машина, гектолитръ пшеницы, сто квадратныхъ метровъ сукна. Никому не могло бы придти въ голову выражать непосредственно извѣстное количество труда, заключенное въ продуктѣ, въ относительномъ, колеблющемся и недостаточномъ мѣрилѣ, — въ другомъ продуктѣ, а не въ естественномъ, адэкватномъ, и абсолютномъ мѣрилѣ труда — времени.. Правда, обществу было бы необходимо знать, сколько труда требуется для

производства того или иного предмета потребленія. Оно должно было бы установить общій планъ производства, принимая въ соображеніе полезность разныхъ нужныхъ предметовъ и потребное для ихъ производства количество труда. Но люди могли бы достигнуть всего этого очень просто безъ посредства знаменитой цѣнности. Понятіе цѣнности есть, такимъ образомъ, самое общее и всеобъемлющее выраженіе экономическихъ условій товарнаго производства».

Итакъ, обмѣнъ продуктовъ труда есть необходимое условіе для возникновенія экономической категоріи цѣнности. Теперь намъ ясно, чѣмъ отличается категорія цѣнности отъ категоріи трудовой затраты. Трудовая затрата есть фактъ всеобщій, не связанный съ историческими особенностями данной формы хозяйства; цѣнность же есть историческій фактъ. Для превращенія трудовой затраты въ цѣнность требуется, чтобы устройство общества не давало возможности людямъ выражать трудовую затрату иначе, какъ окольнымъ путемъ, сравненіемъ одного трудового продукта съ другимъ трудовымъ продуктомъ.

Возьмемъ, напр., натуральное хозяйство, потребляющее свои собственные продукты; въ этомъ случаѣ всякій хозяинъ непосредственно знаетъ, сколько труда онъ потратилъ на изготовленіе потребляемаго имъ продукта. То же слѣдуетъ сказать и соціалистической общинѣ, сообща владѣющей средствами производства. Но въ товарномъ хозяйствѣ производитель потребляетъ продуктъ не своего, а чужого труда, и потому не можетъ непосредственно знать, сколько труда заключено въ этомъ продуктѣ. Трудовая затрата остается, однако, по прежнему, основнымъ моментомъ хозяйства. Но выражается она въ товарномъ хозяйствѣ не прямо, въ приравниваніи одного количества труда другому количеству труда, а косвенно, въ приравниваніи одного трудового продукта другому трудовому продукту, въ объективированіи труда въ *цѣнности* товара. Поэтому, хотя субстанцію цѣнности образуетъ человѣческій трудъ, но онъ становится цѣнностью лишь тогда, когда застываетъ въ вещной формѣ товара. «Человѣческій трудъ, правда, образуетъ цѣнность, но не является самъ цѣнностью. Онъ становится цѣнностью лишь въ застывшемъ состояніи, въ вещной формѣ».

Отсюда вытекаетъ та своеобразная особенность товарнаго хозяйства, которую Марксъ называетъ *фетишизмомъ товарохозяйственнаго строя*. Дѣло въ томъ, что основой товарнаго хозяйства, какъ и всякаго иного, остается человѣческій трудъ—взаимная работа членовъ общества другъ на друга. Но эта взаимная работа скрывается въ обществѣ товаровладѣльцевъ подъ совершенно иной категоріей—обмѣна товаровъ. Въ товарномъ хозяйствѣ не трудъ, а продуктъ труда—товаръ—является связующимъ звеномъ между отдѣльными хозяйственными единицами.

Общественныя отношенія объективируются въ товарѣ, который какъ будто одухотворяется и пріобрѣтаетъ самостоятельную жизнь.

Обращеніе товаровъ на рынкѣ есть несомнѣнный результатъ человѣческой дѣятельности. Однако, никакой отдѣльный товаропроизводитель не можетъ управлять этимъ обращеніемъ. Наоборотъ, оно само управляетъ дѣятельностью товаропроизводителя; не человѣкъ господствуетъ надъ товарнымъ рынкомъ, а товарный рынокъ господствуетъ надъ человѣкомъ. Не производитель устанавливаетъ цѣну, а цѣна устанавливаетъ размѣры производства. Товаръ и его цѣна какъ бы совершенно вырываются изъ подъ власти человѣка и становятся его повелителями. Это объектированіе въ сознаніи товаропроизводителей ихъ собственныхъ общественныхъ отношеній въ отношенія вещей, товаровъ, Марксъ и называетъ фетишизмомъ товарнаго хозяйства.

Товарный фетишизмъ выступаетъ съ наибольшей ясностью въ господствующемъ товарѣ товарнаго міра — въ деньгахъ. Золотой телецъ кажется истиннымъ владыкой капиталистическаго міра. Неудивительно, что первые теоретики товарнаго хозяйства—меркантилисты—признали золото единственной абсолютной формой богатства. На чемъ основана цѣнность денегъ? Это кажется рѣшительной загадкой, но фактъ возможности пріобрѣсть на деньги все, что угодно, стоитъ у всѣхъ передъ глазами. Отсюда вытекаетъ ненасытная жажда денегъ, характеризующая психологію товаропроизводителя. «Загадка денежнаго фетиша есть та же загадка товарнаго фетиша, которая лишь стала вполнѣ видимой и ослѣпляетъ взоръ своимъ металлическимъ блескомъ».

Товарный фетишизмъ коренится въ самой природѣ товара и потому не исчезаетъ изъ сознанія товаропроизводителей даже тогда, когда загадка товара, какъ фетиша, разгадана. Сложныя общественныя отношенія, выраженіемъ которыхъ является товарная цѣна, скрыты отъ сознанія товаровладѣльца. Отсюда возникаетъ необходимость разсматривать цѣну не какъ общественное отношеніе, но какъ свойство вещи, товара. Такимъ образомъ, товаръ какъ бы получаетъ въ придачу къ своимъ физико-химическимъ свойствамъ, которыми онъ обладаетъ въ качествѣ матеріальнаго тѣла, еще новое общественное свойство—цѣнность. На самомъ же дѣлѣ цѣнность отнюдь не есть свойство товара, какъ матеріальной вещи, а опредѣленное общественное отношеніе, отношеніе затраты человѣческаго труда.

Товарный фетишизмъ коренится въ основной товарохозяйственной категоріи—цѣнности, ибо цѣнность есть *вещное* выраженіе *общественныхъ* отношеній. Экономическая критика вскрываетъ тайну товара, какъ фетиша, объясняетъ происхожденіе товарнаго фетишизма, показываетъ иллюзію, которая лежитъ въ его основаніи, но самой иллюзіи убить не можетъ. Луна на горизонтѣ кажется намъ большаго діаметра, чѣмъ посреди неба. Мы знаемъ, что это иллюзія, не поддаемся обману чувства, но все наше знаніе безсильно разсѣять иллюзію и

производства того или иного предмета потребленія. Оно должно было бы установить общій планъ производства, принимая въ соображеніе полезность разныхъ нужныхъ предметовъ и потребное для ихъ производства количество труда. Но люди могли бы достигнуть всего этого очень просто безъ посредства знаменитой цѣнности. Понятіе цѣнности есть, такимъ образомъ, самое общее и всеобъемлющее выраженіе экономическихъ условій товарнаго производства».

Итакъ, обмѣнъ продуктовъ труда есть необходимое условіе для возникновенія экономической категоріи цѣнности. Теперь намъ ясно, чѣмъ отличается категорія цѣнности отъ категоріи трудовой затраты. Трудовая затрата есть фактъ всеобщій, не связанный съ историческими особенностями данной формы хозяйства; цѣнность же есть историческій фактъ. Для превращенія трудовой затраты въ цѣнность требуется, чтобы устройство общества не давало возможности людямъ выражать трудовую затрату иначе, какъ окольнымъ путемъ, сравненіемъ одного трудового продукта съ другимъ трудовымъ продуктомъ.

Возьмемъ, напр., натуральное хозяйство, потребляющее свои собственные продукты; въ этомъ случаѣ всякій хозяинъ непосредственно знаетъ, сколько труда онъ потратилъ на изготовленіе потребляемаго имъ продукта. То же слѣдуетъ сказать и соціалистической общинѣ, сообща владѣющей средствами производства. Но въ товарномъ хозяйствѣ производитель потребляетъ продуктъ не своего, а чужого труда, и потому не можетъ непосредственно знать, сколько труда заключено въ этомъ продуктѣ. Трудовая затрата остается, однако, по прежнему, основнымъ моментомъ хозяйства. Но выражается она въ товарномъ хозяйствѣ не прямо, въ приравниваніи одного количества труда другому количеству труда, а косвенно, въ приравниваніи одного трудового продукта другому трудовому продукту, въ объективированіи труда въ *цѣнности* товара. Поэтому, хотя субстанцію цѣнности образуетъ человѣческій трудъ, но онъ становится цѣнностью лишь тогда, когда застываетъ въ вещной формѣ товара. «Человѣческій трудъ, правда, образуетъ цѣнность, но не является самъ цѣнностью. Онъ становится цѣнностью лишь въ застывшемъ состояніи, въ вещной формѣ».

Отсюда вытекаетъ та своеобразная особенность товарнаго хозяйства, которую Марксъ называетъ *фетишизмомъ товарохозяйственнаго строя*. Дѣло въ томъ, что основой товарнаго хозяйства, какъ и всякаго иного, остается человѣческій трудъ—взаимная работа членовъ общества другъ на друга. Но эта взаимная работа скрывается въ обществѣ товаровладѣльцевъ подъ совершенно иной категоріей—обмѣна товаровъ. Въ товарномъ хозяйствѣ не трудъ, а продуктъ труда — товаръ — является связующимъ звеномъ между отдѣльными хозяйственными единицами.

Общественныя отношенія объективируются въ товарѣ, который какъ будто одухотворяется и пріобрѣтаетъ самостоятельную жизнь.

Обращеніе товаровъ на рынкѣ есть несомнѣнный результатъ человѣческой дѣятельности. Однако, никакой отдѣльный товаропроизводитель не можетъ управлять этимъ обращеніемъ. Наоборотъ, оно само управляетъ дѣятельностью товаропроизводителя; не человѣкъ господствуетъ надъ товарнымъ рынкомъ, а товарный рынокъ господствуетъ надъ человѣкомъ. Не производитель устанавливаетъ цѣну, а цѣна устанавливаетъ размѣры производства. Товаръ и его цѣна какъ бы совершенно вырываются изъ подъ власти человѣка и становятся его повелителями. Это объектированіе въ сознаніи товаропроизводителей ихъ собственныхъ общественныхъ отношеній въ отношенія вещей, товаровъ, Марксъ и называетъ фетишизмомъ товарнаго хозяйства.

Товарный фетишизмъ выступаетъ съ наибольшей ясностью въ господствующемъ товарѣ товарнаго міра — въ деньгахъ. Золотой телецъ кажется истиннымъ владыкой капиталистическаго міра. Неудивительно, что первые теоретики товарнаго хозяйства—меркантилисты—признали золото единственной абсолютной формой богатства. На чемъ основана цѣнность денегъ? Это кажется рѣшительной загадкой, но фактъ возможности пріобрѣсть на деньги все, что угодно, стоитъ у всѣхъ передъ глазами. Отсюда вытекаетъ ненасытная жажда денегъ, характеризующая психологію товаропроизводителя. «Загадка денежнаго фетиша есть та же загадка товарнаго фетиша, которая лишь стала вполнѣ видимой и ослѣпляетъ взоръ своимъ металлическимъ блескомъ».

Товарный фетишизмъ коренится въ самой природѣ товара и потому не исчезаетъ изъ сознанія товаропроизводителей даже тогда, когда загадка товара, какъ фетиша, разгадана. Сложныя общественныя отношенія, выраженіемъ которыхъ является товарная цѣна, скрыты отъ сознанія товаровладѣльца. Отсюда возникаетъ необходимость разсматривать цѣну не какъ общественное отношеніе, но какъ свойство вещи, товара. Такимъ образомъ, товаръ какъ бы получаетъ въ придачу къ своимъ физико-химическимъ свойствамъ, которыми онъ обладаетъ въ качествѣ матеріальнаго тѣла, еще новое общественное свойство—цѣнность. На самомъ же дѣлѣ цѣнность отнюдь не есть свойство товара, какъ матеріальной вещи, а опредѣленное общественное отношеніе, отношеніе затраты человѣческаго труда.

Товарный фетишизмъ коренится въ основной товарохозяйственной категоріи—цѣнности, ибо цѣнность есть *вещное* выраженіе *общественныхъ* отношеній. Экономическая критика вскрываетъ тайну товара, какъ фетиша, объясняетъ происхожденіе товарнаго фетишизма, показываетъ иллюзію, которая лежитъ въ его основаніи, но самой иллюзіи убить не можетъ. Луна на горизонтѣ кажется намъ большаго діаметра, чѣмъ посреди неба. Мы знаемъ, что это иллюзія, не поддаемся обману чувства, но все наше знаніе безсильно разсѣять иллюзію и

измѣнить обманчивыя зрительныя представленія. То же слѣдуетъ сказать и о товарномъ фетишизмѣ. Открытіе закона цѣнности, объясненіе товарнаго фетишизма составляетъ—по словамъ Маркса—«эпоху въ историческомъ развитіи человѣчества, но отнюдь не разсѣиваетъ вещной видимости общественныхъ свойствъ труда. Опредѣленіе величины цѣнности рабочимъ временемъ есть тайна, скрытая подъ явными движеніями относительныхъ цѣнностей товаровъ. Раскрытіе этой тайны устраняетъ видимую случайность въ опредѣленіи величины цѣнности продуктовъ труда, но нисколько не устраняетъ ея вещной формы».

Однако, кто понялъ тайну товарнаго фетишизма, того эта иллюзія не можетъ ввести въ обманъ. Иное слѣдуетъ сказать о буржуазной политической экономіи, всецѣло остающейся во власти указанной иллюзіи, порождающей такія проникнутыя фетишизмомъ ученія, какъ ученіе о способности средствъ производства создавать процентъ, земли—создавать ренту и т. п. Одинъ изъ экономистовъ, находившихся во власти товарнаго фетишизма, даже прямо заявилъ, что «цѣнность есть свойство вещи, богатство же (потребительная цѣнность) есть свойство человѣка... Жемчужина или алмазъ имѣютъ цѣнность, какъ жемчужина или алмазъ». Но—замѣчаетъ по этому поводу Марксъ—«до сихъ поръ еще ни одинъ химикъ не открылъ мѣновой цѣнности въ веществѣ жемчуга или алмаза».

Вещи, самой по себѣ, столь же чужда цѣнность, сколь чужды божескія свойства сдѣланному дикаремъ деревянному чурбану. И если для товаропроизводителя вещь является цѣнностью, а деревянный чурбанъ для дикаря богомъ, то это лишь потому, что въ средѣ самихъ товаропроизводителей (а отнюдь не вещей) имѣются общественныя отношенія, выражаемыя категоріей цѣнности, а среди дикарей (а не чурбановъ) имѣются условія, заставляющія дикарей обоготворять чурбаны.

Какое же общественное отношеніе выражается цѣнностью? Отношеніе общественнаго труда, взаимной работы членовъ общества другъ на друга, и при томъ работы не непосредственной, но при посредствѣ обмѣна продуктами труда, становящимися, въ силу этого, товарами. Присущая всякому хозяйству категорія трудовой затраты тѣмъ отличается отъ исторической категоріи цѣнности, что послѣдняя предполагаетъ *матеріальное* выраженіе трудовой затраты въ продуктѣ труда. Отсюда вытекаетъ товарный фетишизмъ, своеобразный общественный миражъ, который исчезнетъ лишь съ паденіемъ товарнаго хозяйства.

«Общественный процессъ жизни, т.-е. матеріальный процессъ производства, лишь тогда сброситъ съ себя мистическое покрывало, когда онъ, какъ продуктъ свободно соединившихся людей, станетъ подъ ихъ сознательный и планомѣрный контроль. Но для этого требуется такая матеріальная основа общества или такой рядъ матеріальныхъ условій его существованія, которыя, въ свою очередь, являются лишь

естественнымъ продуктомъ долгаго и мучительнаго историческаго развитія».

Мистическое покрывало окутываетъ собой всѣ соціальныя отношенія, возникающія на почвѣ товарнаго производства. Отличительной категоріей капиталистическаго строя является капиталъ. Капиталистическое хозяйство есть доведенное до своего завершенія товарное хозяйство, такое товарное хозяйство, въ которомъ не только продукты человѣческаго труда, но и самая рабочая сила человѣка становится свободно отчуждаемымъ товаромъ. Что же такое капиталъ?

Прежде всего, капиталъ не есть вещь и не есть свойство вещи, подобно тому, какъ цѣнность не есть вещь и не есть свойство вещи.

«Накопленный трудъ, служащій для новаго производства — вотъ что такое капиталъ. Такъ говорятъ экономисты.

«Что такое рабъ негръ? Человѣкъ черной расы. Одинъ отвѣтъ стоитъ другого.

«Негръ есть негръ. Но только при извѣстныхъ условіяхъ онъ становится рабомъ. Бумагопрядильная машина есть машина для пряденія хлопка. Но только при извѣстнымъ условіяхъ она становится капиталомъ. Внѣ этихъ условій она настолько же не капиталъ, насколько золото само по себѣ не составляетъ еще денегъ».

Если бы орудіе труда само по себѣ было капиталомъ, въ такомъ случаѣ капиталистическое хозяйство было бы не исторической, преходящей, а постоянной и неизмѣнной формой хозяйства. Нужно было бы говорить о капиталистахъ каменнаго періода, когда человѣкъ началъ пользоваться орудіями труда.

Нѣтъ, капиталъ не есть та или иная вещь. Какъ цѣнность есть нѣкоторое общественное отношеніе, скрытое подъ маской товара, такъ и капиталъ есть нѣкоторое общественное отношеніе, скрытое подъ вещной маской.

Коротко говоря, капиталъ есть цѣнность, пріобрѣтающая въ силу извѣстныхъ общественныхъ отношеній способность къ самовозрастанію. Капиталъ есть цѣнность, которая создаетъ въ пользу своего собственника нѣкоторый избытокъ цѣнности. Это приращеніе, этотъ излишекъ цѣнности Марксъ называетъ *прибавочной цѣнностью*. Surplus Value

Существованіе такой прибавочной цѣнности не подлежитъ сомнѣнію. Въ наиболѣе упрощенной формѣ прибавочная цѣнность проявляется въ видѣ ростовщическаго или ссуднаго процента. Ростовщическій капиталъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, одна изъ древнѣйшихъ формъ капитала. Античному міру была хорошо знакома (и, надо прибавить, была ненавистна) фигура ростовщика, ссужающаго свои деньги и получающаго ихъ обратно съ прибавкой огромнаго процента. Въ ссудномъ капиталѣ загадка прибавочной цѣнности выступаетъ наиболѣе ярко. Капиталистъ бросаетъ въ обращеніе опредѣленную сумму денегъ—и черезъ нѣкоторое время сумма эта возвращается къ своему

исходному пункту въ увеличенномъ видѣ. Создается прибавочная цѣнность, которая и поступаетъ въ распоряженіе капиталиста. Откуда же берется эта прибавочная цѣнность? Не порождаетъ ли ее самъ капиталъ, подобно тому, какъ курица кладетъ яйца или какъ на яблонѣ растутъ яблоки?

Въ ссудномъ капиталѣ капиталистическій фетишъ достигаетъ своей наиболѣе законченной формы, подобно тому, какъ товарный фетишъ достигаетъ полноты своего развитія въ деньгахъ. Какъ цѣнность кажется естественнымъ свойствомъ денежнаго металла, такъ и способность создавать процентъ кажется свойствомъ ссуднаго капитала. Мистическая оболочка совершенно скрываетъ въ ссудномъ капиталѣ его общественное содержаніе. Ослѣпленные чудесной способностью ссуднаго капитала порождать процентъ, экономисты доходили иногда въ своихъ разсчетахъ самовозрастающей силы капитала до геркулесовыхъ столбовъ нелѣпости. Вспомнимъ, напр., знаменитыя соображенія экономиста XVIII вѣка Ричарда Прайса о погашеніи англійскаго національнаго долга.

Достаточно положить на продолжительный срокъ ничтожный капиталъ для возрастанія по сложнымъ процентамъ, и самый огромный долгъ будетъ погашенъ—такъ училъ Прайсъ, ослѣпленный силой самовозрастанія капитала. «Пенни, выданный въ ссуду при рожденіи Спасителя и возрастающій по сложнымъ процентамъ изъ 5%, превратился бы къ настоящему времени въ сумму денегъ, превосходящую по своимъ размѣрамъ 150 милліоновъ земныхъ шаровъ, состоящихъ изъ чистаго золота». Какой бездѣлицей сравнительно съ этими фантастическими золотыми мірами является англійскій національный долгъ! Нужно только предоставить полный просторъ самовозрастающей силѣ капитала, — и труднѣйшіе финансовые вопросы будутъ разрѣшены шутя.

Капиталъ-фетишъ, капиталъ, несущій золотыя яйца, рождающій самъ изъ себя процентъ, находитъ свое наиболѣе яркое и наглядное выраженіе въ ссудномъ капиталѣ. Но чтобы понять тайну процента, чтобы разгадать капиталистическій миражъ, нужно обратиться къ другимъ формамъ капитала. Подобно тому, какъ въ товарѣ скрыта разгадка денежнаго фетиша, такъ и разгадку капитала-фетиша нужно искать не въ ссудномъ, а въ промышленномъ капиталѣ. Промышленный капиталъ выступаетъ на историческую арену гораздо позже ростовщическаго и торговаго капитала. Торговый капиталъ появляется одновременно съ ростовщическимъ, но эра капиталистическаго способа производства начинается лишь съ XVI вѣка. Несмотря на свое позднее появленіе, промышленный капиталъ есть капиталъ по преимуществу. Пока ростовщическій и торговый капиталъ были единственно извѣстными формами капитала, до тѣхъ поръ общій строй народнаго хозяйства не былъ капиталистическимъ. Ростовщикъ и торговецъ

представляютъ собой характерныя фигуры хозяйственнаго міра древнихъ и среднихъ вѣковъ, но не онѣ опредѣлили собой общій типъ античнаго и средневѣковаго хозяйства. Пока ростовщическій процентъ былъ главнѣйшей формой капиталистическаго дохода, до тѣхъ поръ капиталистическій доходъ признавался общественнымъ мнѣніемъ противоестественной и безнравственной формой дохода. И только съ тѣхъ поръ, какъ капиталистическій способъ производства преобразовалъ всѣ основы хозяйства, общественное правосознаніе перестало возмущаться капиталистическимъ доходомъ.

Откуда же возникаетъ прибыль промышленнаго капиталиста? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ намъ рѣшеніе всей загадки прибавочной цѣнности.

Не возникаетъ ли прибавочная цѣнность изъ самого обращенія товаровъ, изъ того, что товары продаются по цѣнамъ, превышающимъ дѣйствительныя цѣнности? Если бы это было такъ, то выигрышъ одного капиталистическаго предпринимателя былъ бы равносиленъ убытку другого. Капиталисты въ своей совокупности, какъ классъ, ничего не выигрывали и не проигрывали бы—только отдѣльные представители класса были бы въ выгодѣ или въ убыткѣ. Но такъ какъ капиталисты, какъ общественный классъ, извлекаютъ прибавочную цѣнность, то, слѣдовательно, источникомъ прибавочной цѣнности не можетъ быть обращеніе товаровъ, несовпаденіе цѣны и цѣнности товаровъ.

Остается искать источника прибавочной цѣнности въ производствѣ товаровъ. Приступая къ производству, капиталистъ долженъ пріобрѣсти товары двоякаго рода: во-первыхъ, средства производства, которыя не могутъ создать никакой новой цѣнности, а только переносятъ на продуктъ цѣнность, заключенную въ нихъ самихъ; и во вторыхъ, рабочую силу человѣка, которая является источникомъ всякой цѣнности. Цѣнность человѣческой рабочей силы опредѣляется на товарномъ рынкѣ такъ же, какъ и всякаго иного товара; трудовая стоимость производства товара-рабочей силы и есть его цѣнность. Пріобрѣтши этотъ товаръ на рынкѣ, капиталистъ пріобрѣтаетъ и право пользованія имъ. Допустимъ, что цѣнность товара — рабочей силы равна 6 часамъ въ сутки, т.-е., что ежедневно требуется шести часовой трудъ для поддержанія работоспособности и жизни рабочаго и его семьи. Если рабочій будетъ работать въ пользу капиталиста тѣ же 6 часовъ, то капиталистъ получитъ отъ рабочаго такую же цѣнность, какую онъ самъ выдалъ рабочему въ видѣ заработной платы; иными словами, никакой прибавочной цѣнности не возникнетъ. Но ничто не обязываетъ капиталиста ограничить рабочій день такимъ короткимъ срокомъ. Онъ купилъ право пользованія рабочей силой въ теченіе всего дня и, естественно, постарается извлечь возможно большую выгоду изъ своего права. Если онъ заставитъ рабочаго работать

12 часовъ въ сутки, то это будетъ вполнѣ согласно съ условіями рабочей сдѣлки. Въ 12 часовъ рабочій создаетъ въ пользу капиталиста двѣнадцать единицъ цѣнности; расходъ же капиталиста на пріобрѣтеніе рабочей силы выразился 6 единицами цѣнности. Разница въ 6 единицъ цѣнности есть чистый выигрышъ нашего капиталиста, прибавочная цѣнность, извлеченная имъ изъ капиталистическаго процесса производства.

Итакъ, тайна прибавочной цѣнности раскрыта. Рабочій работаетъ въ пользу капиталиста болѣе продолжительное время, чѣмъ то, которое требуется для возстановленія полученной имъ заработной платы. Этотъ неоплаченный капиталистомъ прибавочный трудъ и есть источникъ прибыли капиталиста.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что прибавочная цѣнность отнюдь не есть созданіе средствъ производства. Средства производства существовали всегда съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ возвысился надъ чисто животнымъ состояніемъ; но средства производства превратились въ капиталъ лишь съ того времени, какъ на товарномъ рынкѣ появился новый родъ товаровъ—человѣческая рабочая сила. Для этого же, въ свою очередь, требуются опредѣленныя соціальныя отношенія, возникающія путемъ историческаго развитія. Чтобы продавать свою рабочую силу, рабочій долженъ быть, во-первыхъ, лично свободенъ, такъ какъ можно продавать лишь то, на что имѣешь право собственности (рабъ не могъ себя продавать, такъ какъ былъ самъ собственностью господина). Вторымъ условіемъ появленія на рынкѣ товара—рабочей силы является невозможность для рабочаго продавать что-либо, кромѣ своей рабочей силы—отсутствіе у него средствъ производства. Рабочій долженъ быть, слѣдовательно, свободенъ въ двоякомъ смыслѣ: свободенъ лично и свободенъ отъ средствъ къ существованію. Ему противостоитъ капиталистъ, располагающій средствами производства и готовый пріобрѣсть рабочую силу нашего пролетарія, но, конечно, не изъ филантропіи, а съ вполнѣ яснымъ коммерческимъ разсчетомъ—извлечь изъ рабочаго возможно большую сумму прибавочнаго труда.

Теперь намъ ясно, какое общественное отношеніе скрыто подъ вещной маской капитала: отношеніе присвоенія владѣльцами средствъ производства, безъ соотвѣтствующаго эквивалента, болѣе или менѣе значительной части общественнаго труда и общественнаго продукта, присвоенія, вытекающаго изъ капиталистической купли-продажи труда, работы по найму въ пользу капиталиста.

Капиталистъ начисляетъ свою прибыль на весь затраченный въ производствѣ капиталъ, какъ на ту долю капитала, которая превратилась въ рабочую силу, такъ и на средства производства. Но средства производства играютъ въ образованіи прибавочной цѣнности пассивную роль—они только переносятъ на готовый продуктъ свою цѣнность, не создавая новой цѣнности; поэтому Марксъ называетъ ихъ

отходитъ на второй планъ, довольствуясь скромной ролью сотрудника своего великаго друга и популяризатора его взглядовъ. Только послѣ смерти Маркса Энгельсъ пересталъ играть «вторую скрипку» и занимаетъ въ руководительствѣ рабочимъ движеніемъ его мѣсто.

Первымъ совмѣстнымъ трудомъ обоихъ друзей была книга, направленная противъ ихъ прежняго товарища — Бруно Бауэра, (Die heilige Familie. Gegen Bruno Bauer und Konsorten» 1845 г.), написанная въ томъ рѣзко полемическомъ тонѣ, который характеризуетъ всѣ произведенія Маркса.

Въ Парижѣ Марксъ пробылъ недолго. Прусскому правительству удалось выхлопатать у министерства Гизо высылку молодого публициста изъ Франціи за редактированіе небольшой нѣмецкой оппозиціонной газеты «Vorwärts», издававшейся въ Парижѣ. Преслѣдуемый писатель переселяется въ 1845 году въ Брюссель и здѣсь издаетъ въ 1847 г. полемическую книгу противъ Прудона. Марксъ и Энгельсъ становятся членами одного тайнаго политическаго общества и выпускаютъ въ началѣ 1848 г., по порученію этого общества, знаменитый «Коммунистическій Манифестъ».

Затѣмъ слѣдуетъ февральская революція, арестованіе Маркса въ Брюсселѣ и возвращеніе его въ Парижъ по приглашенію одного изъ членовъ временнаго правительства. Вся Европа полна революціонной смуты, Германія волнуется. Марксъ спѣшитъ вернуться на родину и возобновляетъ въ Кельнѣ изданіе газеты «Neue Rheinische Zeitung», просуществовавшей, однако, меньше года. Побѣда реакціи повела къ высылкѣ молодого революціоннаго публициста изъ Кельна, а вслѣдъ затѣмъ и французское правительство запретило ему пребываніе въ Парижѣ.

Тутъ наступаетъ рѣшительный поворотъ въ жизни нашего мыслителя; на политической аренѣ ему дѣлать нечего и онъ удаляется въ обычное убѣжище политическихъ эмигрантовъ европейскаго континента — въ свободную Англію, въ Лондонъ, который и дѣлается его окончательнымъ и постояннымъ мѣстомъ жительства.

Революціонныя бури затихли. Скитанья Маркса кончились и онъ живетъ нѣсколько десятковъ лѣтъ не преслѣдуемый и не тревожимый никѣмъ въ міровой столицѣ. Но это внѣшнее спокойствіе было тяжелымъ испытаніемъ для творца «Капитала». По своей натурѣ онъ былъ борцомъ; его мощная воля требовала энергичной дѣятельности, а, между тѣмъ, политическія условія Европы обрекали его втеченіе длиннаго ряда лѣтъ на полное политическое бездѣйствіе. Когда Марксъ покинулъ континентъ, ему едва исполнился 31 годъ; несмотря на такую молодость, онъ былъ уже однимъ изъ самыхъ видныхъ радикальныхъ публицистовъ Германіи и пользовался огромнымъ вліяніемъ и авторитетомъ среди своихъ единомышленниковъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ революціонномъ движеніи 1848 г., когда даже са-

ленниковъ и пр. Именно въ этомъ смыслѣ теорія прибавочной цѣнности утверждаетъ, что прибыль капиталиста создается не всѣмъ его капиталомъ, а только перемѣнной частью послѣдняго,—рабочей силой, занятой въ производствѣ. Это можетъ быть вѣрно только въ примѣненіи ко всему классу капиталистовъ, но отнюдь не къ отдѣльному представителю капиталистическаго класса.

Распредѣленіе прибыли между отдѣльными капиталистами подчиняется совершенно инымъ законамъ, чѣмъ созданіе прибыли всего капиталистическаго класса. Если бы прибыль каждаго капиталиста была пропорціональна создаваемой въ данномъ предпріятіи прибавочной цѣнности, то въ такомъ случаѣ процентъ прибыли въ различныхъ предпріятіяхъ неминуемо былъ бы различенъ, благодаря различію того, что Марксъ называетъ органическимъ строеніемъ капитала т.-е. распредѣленія капитала на постоянную и перемѣнную часть. Чѣмъ большую долю капитала составляетъ его перемѣнная часть, тѣмъ выше долженъ бы быть процентъ прибыли, такъ какъ только перемѣнный капиталъ создаетъ прибавочную цѣнность. Но условія капиталистической конкуренціи не допускаютъ различія процента прибыли — капиталистическія предпріятія должны давать, въ среднемъ, одинаковый процентъ прибыли, какъ бы ни были велики различія органическаго строенія капитала. Поэтому, не подлежитъ сомнѣнію, что прибыль отдѣльнаго капиталиста отнюдь не пропорціональна создаваемой въ данномъ предпріятіи прибавочной цѣнности и не опредѣляется только перемѣнной частью капитала. Марксъ представляетъ процессъ образованія прибыли въ отдѣльномъ предпріятіи слѣдующимъ образомъ. Для всего класса капиталистовъ единственнымъ источникомъ прибыли является прибавочная цѣнность, создаваемая производительными рабочими. Но отдѣльные капиталисты распредѣляютъ между собой эту прибыль пропорціонально всему затрачиваемому капиталу, а не только перемѣнной его части. Капиталисты, въ предпріятіяхъ которыхъ преобладаетъ перемѣнный капиталъ, побуждаются конкуренціей уступать часть создаваемой въ ихъ предпріятіяхъ прибавочной цѣнности тѣмъ капиталистамъ, въ предпріятіяхъ которыхъ преобладаетъ постоянный капиталъ. Такимъ образомъ, путемъ перераспредѣленія прибавочной цѣнности между отдѣльными капиталистами, осуществляется основной капиталистическій законъ равенства прибылей. Прибыль каждаго отдѣльнаго капиталиста зависитъ въ такой же мѣрѣ отъ постояннаго, какъ и перемѣннаго капитала, но для всего капиталистическаго класса трудъ рабочихъ, занятыхъ въ производствѣ, иначе говоря, перемѣнный капиталъ есть единственный источникъ прибыли.

Теорія прибавочной цѣнности вскрываетъ намъ тайну капитала-фетиша, высшимъ выраженіемъ которой является чудесная способность ссуднаго капитала къ самовозрастанію, къ созданію процента. Если

отходитъ на второй планъ, довольствуясь скромной ролью сотрудника своего великаго друга и популяризатора его взглядовъ. Только послѣ смерти Маркса Энгельсъ пересталъ играть «вторую скрипку» и занимаетъ въ руководительствѣ рабочимъ движеніемъ его мѣсто.

Первымъ совмѣстнымъ трудомъ обоихъ друзей была книга, направленная противъ ихъ прежняго товарища — Бруно Бауэра, (Die heilige Familie. Gegen Bruno Bauer und Konsorten» 1845 г.), написанная въ томъ рѣзко полемическомъ тонѣ, который характеризуетъ всѣ произведенія Маркса.

Въ Парижѣ Марксъ пробылъ недолго. Прусскому правительству удалось выхлопатать у министерства Гизо высылку молодого публициста изъ Франціи за редактированіе небольшой нѣмецкой оппозиціонной газеты «Vorwärts», издававшейся въ Парижѣ. Преслѣдуемый писатель переселяется въ 1845 году въ Брюссель и здѣсь издаетъ въ 1847 г. полемическую книгу противъ Прудона. Марксъ и Энгельсъ становятся членами одного тайнаго политическаго общества и выпускаютъ въ началѣ 1848 г., по порученію этого общества, знаменитый «Коммунистическій Манифестъ».

Затѣмъ слѣдуетъ февральская революція, арестованіе Маркса въ Брюсселѣ и возвращеніе его въ Парижъ по приглашенію одного изъ членовъ временнаго правительства. Вся Европа полна революціонной смуты, Германія волнуется. Марксъ спѣшитъ вернуться на родину и возобновляетъ въ Кельнѣ изданіе газеты «Neue Rheinische Zeitung», просуществовавшей, однако, меньше года. Побѣда реакціи повела къ высылкѣ молодого революціоннаго публициста изъ Кельна, а вслѣдъ затѣмъ и французское правительство запретило ему пребываніе въ Парижѣ.

Тутъ наступаетъ рѣшительный поворотъ въ жизни нашего мыслителя; на политической аренѣ ему дѣлать нечего и онъ удаляется въ обычное убѣжище политическихъ эмигрантовъ европейскаго континента — въ свободную Англію, въ Лондонъ, который и дѣлается его окончательнымъ и постояннымъ мѣстомъ жительства.

Революціонныя бури затихли. Скитанья Маркса кончились и онъ живетъ нѣсколько десятковъ лѣтъ не преслѣдуемый и не тревожимый никѣмъ въ міровой столицѣ. Но это внѣшнее спокойствіе было тяжелымъ испытаніемъ для творца «Капитала». По своей натурѣ онъ былъ борцомъ; его мощная воля требовала энергичной дѣятельности, а, между тѣмъ, политическія условія Европы обрекали его втеченіе длиннаго ряда лѣтъ на полное политическое бездѣйствіе. Когда Марксъ покинулъ континентъ, ему едва исполнился 31 годъ; несмотря на такую молодость, онъ былъ уже однимъ изъ самыхъ видныхъ радикальныхъ публицистовъ Германіи и пользовался огромнымъ вліяніемъ и авторитетомъ среди своихъ единомышленниковъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ революціонномъ движеніи 1848 г., когда даже са-

Прежде всего, устранимъ одно недоразумѣніе. Многіе думаютъ, что соціальныя требованія Маркса логически связаны съ теоріей прибавочной цѣнности. Противъ этого энергично протестовалъ Энгельсъ. Не на теоріи прибавочной цѣнности, а на теоріи развитія капиталистическаго строя, представляющей собой обобщеніе реальныхъ историческихъ фактовъ нашего времени, покоится, по мнѣнію Энгельса, система практической политики марксизма, столь могущественно повліявшая на современное рабочее движеніе.

Въ предисловіи къ I тому «Капитала» Марксъ говоритъ, что его главной задачей является открытіе «экономическаго закона движенія современнаго общества». По своему соціальному идеалу, творецъ «Капитала» былъ послѣдователемъ утопическихъ соціалистовъ. Утописты не только создали этотъ идеалъ, но и подвергли острой и смѣлой критикѣ господствующій соціальный строй—капиталистическое хозяйство. Тѣмъ не менѣе, путь, ведущій отъ общества нашего времени къ обществу будущаго, оставался туманнымъ и неяснымъ. Міръ будущаго является въ изображеніи утопистовъ такихъ глубокимъ контрастомъ сравнительно съ міромъ настоящаго, что казалось непонятнымъ, какъ переберется человѣчество черезъ бездну, отдѣляющую оба эти міра. Кто выведетъ человѣчество изъ «дома сумасшедшихъ», въ который оно заключено теперь, по словамъ Оуэна? Фурье далъ поразительно яркую картину «пороковъ цивилизаціи», но гдѣ же найти въ цивилизованномъ обществѣ силы, способныя разсѣчь «порочный кругъ» цивилизаціи, какъ желѣзными тисками сковывающій общественную жизнь и общественное развитіе? Утописты черпали свое вдохновеніе въ противопоставленіи свѣтлаго, лучезарнаго, гармоничнаго будущаго темному и мрачному настоящему. Однако, въ практической политикѣ приходилось исходить изъ того самаго классоваго общества, изъ того самаго «сумасшедшаго дома», всѣ ужасы котораго такъ геніально изобразили утописты. Нужно было указать въ капиталистическомъ обществѣ элементы и силы, способные осуществить великое соціальное преобразованіе, къ которому съ такимъ энтузіазмомъ утописты призывали человѣчество.

Для рѣшенія этой задачи требовалось открыть «законъ движенія современнаго общества», къ чему и стремился Марксъ. Путемъ обобщенія реальныхъ фактовъ историческаго развитія, Марксъ попытался выяснить, въ какомъ направленіи идетъ это развитіе, какія новыя общественныя формы съ желѣзной необходимостью выростаютъ изъ нѣдръ стараго общества. При этомъ Марксъ естественно исходилъ изъ своей философіи исторіи—изъ доктрины соціальнаго матеріализма, признающей основнымъ и рѣшающимъ моментомъ соціальнаго прогресса развитіе матеріальныхъ условій хозяйственнаго труда. Если хозяйственное развитіе опредѣляетъ собой все остальное, то нарожденіе новаго общественнаго строя должно быть результатомъ закономѣрнаго развитія формы хозяйства, господствующей въ настоящее время. Та-

ковой является капитализмъ. Отсюда получался выводъ, что движущія силы грядущаго соціальнаго преобразованія должны быть созданы развитіемъ капиталистическаго хозяйства.

Такимъ образомъ, проблема осуществленія соціалистическаго строя была сведена соціальнымъ матеріализмомъ къ открытію закона развитія капиталистическаго способа производства. Въ наличности такого развитія нельзя было сомнѣваться. Уже самое поверхностное наблюденіе новѣйшей хозяйственной исторіи обнаруживало глубокія послѣдовательныя измѣненія, которыя претерпѣваетъ капиталистическое хозяйство. Въ сочиненіяхъ утопистовъ (особенно у Фурье) было разбросано множество отдѣльныхъ указаній на общее направленіе капиталистическаго развитія. Но заслуга построенія законченной и систематической теоріи развитія современнаго хозяйственнаго строя, несомнѣнно, принадлежитъ Марксу.

Капиталистическій способъ производства отмѣчаетъ собой новѣйшій фазисъ въ прогрессивномъ развитіи человѣчества. Капиталистическому производству предшествовало мелкое самостоятельное производство, съ одной стороны, и принудительное производство, основывавшееся на крѣпостныхъ отношеніяхъ—съ другой. Обѣ эти формы производства, съ чисто технической стороны, стоятъ несравненно ниже капитализма. Буржуазія сыграла въ высшей степени прогрессивную роль въ исторіи человѣчества. «Буржуазія, гдѣ она достигла господства, разрушила всѣ феодальныя, патріархальныя, идиллическія отношенія. Она безжалостно порвала разнообразныя феодальныя узы, которыя связывали человѣка съ человѣкомъ, и не оставила между людьми никакой иной связи, кромѣ голаго интереса, кромѣ безчувственной «уплаты наличностью». «Буржуазія въ теченіе своего менѣе, чѣмъ столѣтняго классоваго господства, создала болѣе всеобъемлющія и колоссальныя производительныя силы, чѣмъ всѣ предшествующія поколѣнія въ совокупности. Подчиненіе силъ природы, введеніе машинъ, примѣненіе химіи къ промышленности и земледѣлію, паровое судоходство, желѣзныя дороги, электрическій телеграфъ, подчиненіе культурѣ цѣлыхъ частей свѣта, улучшеніе рѣкъ, внезапно выросшіе изъ земли цѣлые народы — какой изъ предшествующихъ вѣковъ могъ предчувствовать, что такія огромныя производительныя силы таятся въ нѣдрахъ общественнаго труда!»

Но эти изумительные успѣхи были куплены дорогой цѣной — цѣной разоренія и пролетаризаціи огромныхъ массъ населенія. Развитіе капиталистическаго способа производства равносильно уничтоженію мелкаго производства. Мелкое производство было господствующей формой промышленности въ докапиталистическое время. Капитализмъ экспропріировалъ мелкаго производителя, лишилъ его орудій производства и сдѣлалъ изъ прежняго самостоятельнаго ремесленника, крестьянина, кустаря, наемнаго слугу капитала.

Однако, чѣмъ шире развивается капиталистическое производство,

чѣмъ полнѣе оно охватываетъ всѣ роды общественнаго труда, тѣмъ ярче выступаетъ коренное противорѣчіе, заложенное въ самомъ существѣ капиталистической формы хозяйства. При господствѣ мелкаго производства форма присвоенія, форма собственности была въ полной гармоніи со способомъ производства. Собственность была индивидуальной и такимъ же индивидуальнымъ было и производство. Напротивъ, въ капиталистическомъ хозяйствѣ производство принимаетъ все болѣе общественный характеръ, а собственность остается, по прежнему, индивидуальной. Никто изъ отдѣльныхъ рабочихъ, занятыхъ на фабрикѣ, не можетъ сказать: «это мой продуктъ, я это сдѣлалъ», ибо всякій продуктъ, создаваемый фабрикой, есть результатъ общей работы многихъ лицъ. Но этотъ общій продуктъ многихъ поступаетъ въ частную собственность одного—капиталиста. Таково неустранимое противорѣчіе капиталистическаго способа производства. И «чѣмъ больше новый способъ производства подчиняетъ своей власти различныя отрасли промышленности, чѣмъ больше онъ низводитъ до жалкихъ остатковъ прошлаго прежнее единоличное производство, тѣмъ ярче выступаетъ наружу несовмѣстимость общественнаго производства съ капиталистическимъ присвоеніемъ».

Въ то же время, въ предѣлахъ самой капиталистической промышленности происходитъ чрезвычайно многозначительная перемѣна. Законы капиталистической конкуренціи (благодаря большей производительности крупнаго производства) требуютъ постояннаго расширенія оборотовъ капиталистическаго предпріятія. Средствомъ для этого служитъ капитализація большей или меньшей доли прибыли. Такимъ образомъ происходитъ то, что Марксъ называетъ *аккумуляціей* средствъ производства—увеличеніе размѣра капиталистическаго предпріятія путемъ накопленія капитала. Отъ аккумуляціи средствъ производства слѣдуетъ отличать ихъ *централизацію*—сліяніе нѣсколькихъ или многихъ капиталовъ въ одинъ капиталъ. Въ первомъ случаѣ каждый капиталъ растетъ собственными средствами—одинъ капиталъ не поглощаетъ другого. Во второмъ случаѣ происходитъ уничтоженіе индивидуальной самостоятельности капиталовъ—«превращеніе многихъ мелкихъ капиталовъ въ небольшое число крупныхъ. Этотъ процессъ тѣмъ отличается отъ перваго, что онъ предполагаетъ лишь измѣненіе въ распредѣленіи имѣющихся уже и функціонирующихъ капиталовъ, и что его поле дѣйствія не ограничено, слѣдовательно, абсолютнымъ ростомъ общественнаго богатства или абсолютными границами накопленія. Капиталъ наростаетъ въ однѣхъ рукахъ *здѣсь*, потому что *тамъ* онъ исчезъ изъ многихъ рукъ».

Централизація капиталовъ вызывается конкуренціей капиталистическихъ предпріятій между собою. Капиталистическій міръ не знаетъ мира—въ немъ кипитъ неустанная ожесточенная борьба, въ которой сильный экспропріируетъ слабаго, и капиталъ побѣжденнаго стано-

вится прекраснѣйшимъ трофеемъ побѣдителя. «Независимо отъ этого, съ развитіемъ капиталистическаго производства создается новая сила—кредитъ, который вначалѣ робко прокрадывается въ видѣ скромнаго пособника накопленія, невидимыми нитями стягиваетъ въ руки индивидуальныхъ капиталистовъ или ассоціацій капиталистовъ денежныя средства, разсѣянныя на поверхности общества въ большихъ или меньшихъ массахъ; но вскорѣ становится новымъ и страшнымъ орудіемъ конкуренціи и, наконецъ, превращается въ громадный соціальный механизмъ для централизаціи капиталовъ».

Конкуренція капиталовъ и кредитъ являются двумя могущественнѣйшими рычагами централизаціи. Централизація довершаетъ дѣло накопленія, давая возможность промышленнымъ капиталистамъ расширять размѣры своихъ операцій. «Будетъ ли этотъ послѣдній результатъ слѣдствіемъ накопленія или централизаціи, произойдетъ ли централизація насильственнымъ путемъ присоединенія, при которомъ нѣкоторые капиталы становятся такими сильными центрами притяженія для другихъ, что побѣждаютъ ихъ индивидуальное сцѣпленіе и притягиваютъ къ себѣ ихъ разрозненные куски, или же сліяніе массы уже образовавшихся или еще образующихся капиталовъ произойдетъ болѣе гладкимъ путемъ, посредствомъ образованія акціонерныхъ обществъ,—экономическое дѣйствіе отъ этого не измѣнится».

Безъ помощи централизаціи образованіе очень крупныхъ капиталистическихъ предпріятій было бы почти невозможно. «Міръ оставался бы еще и до сихъ поръ безъ желѣзныхъ дорогъ, если бы ему пришлось ждать, пока накопленіе поставитъ отдѣльные капиталы въ возможность построить желѣзную дорогу. Централизація же, напротивъ, произвела это сразу посредствомъ акціонерныхъ компаній».

Аккумуляція и централизація средствъ производства чрезвычайно повышаютъ производительность общественнаго труда. Но чѣмъ могущественнѣе производительныя силы капитала, тѣмъ большее значеніе въ жизни капиталистическаго общества пріобрѣтаетъ другое основное противорѣчіе капиталистическаго способа производства—«противорѣчіе между организованностью производства въ отдѣльной фабрикѣ и анархіей производства во всемъ обществѣ». На почвѣ обоихъ указанныхъ противорѣчій капитализма возникаютъ періодическіе промышленные кризисы, отъ которыхъ такъ жестоко страдаетъ капиталистическое хозяйство. «Въ кризисахъ противорѣчіе между общественнымъ характеромъ производства и капиталистическимъ присвоеніемъ насильственно прорывается наружу. Товарный обмѣнъ какъ бы уничтожается; орудіе обращенія—деньги—становится препятствіемъ обращенію; всѣ законы производства и обращенія товаровъ превращаются въ свою противоположность. Экономическая коллизія достигаетъ своего апогея: способъ производства возстаетъ противъ способа обмѣна, производительныя силы возстаютъ противъ способа обмѣна, который онѣ переросли».

исходному пункту въ увеличенномъ видѣ. Создается прибавочная цѣнность, которая и поступаетъ въ распоряженіе капиталиста. Откуда же берется эта прибавочная цѣнность? Не порождаетъ ли ее самъ капиталъ, подобно тому, какъ курица кладетъ яйца или какъ на яблонѣ растутъ яблоки?

Въ ссудномъ капиталѣ капиталистическій фетишъ достигаетъ своей наиболѣе законченной формы, подобно тому, какъ товарный фетишъ достигаетъ полноты своего развитія въ деньгахъ. Какъ цѣнность кажется естественнымъ свойствомъ денежнаго металла, такъ и способность создавать процентъ кажется свойствомъ ссуднаго капитала. Мистическая оболочка совершенно скрываетъ въ ссудномъ капиталѣ его общественное содержаніе. Ослѣпленные чудесной способностью ссуднаго капитала порождать процентъ, экономисты доходили иногда въ своихъ разсчетахъ самовозрастающей силы капитала до геркулесовыхъ столбовъ нелѣпости. Вспомнимъ, напр., знаменитыя соображенія экономиста XVIII вѣка Ричарда Прайса о погашеніи англійскаго національнаго долга.

Достаточно положить на продолжительный срокъ ничтожный капиталъ для возрастанія по сложнымъ процентамъ, и самый огромный долгъ будетъ погашенъ—такъ училъ Прайсъ, ослѣпленный силой самовозрастанія капитала. «Пенни, выданный въ ссуду при рожденіи Спасителя и возрастающій по сложнымъ процентамъ изъ 5%, превратился бы къ настоящему времени въ сумму денегъ, превосходящую по своимъ размѣрамъ 150 милліоновъ земныхъ шаровъ, состоящихъ изъ чистаго золота». Какой бездѣлицей сравнительно съ этими фантастическими золотыми мірами является англійскій національный долгъ! Нужно только предоставить полный просторъ самовозрастающей силѣ капитала, — и труднѣйшіе финансовые вопросы будутъ разрѣшены шутя.

Капиталъ-фетишъ, капиталъ, несущій золотыя яйца, рождающій самъ изъ себя процентъ, находитъ свое наиболѣе яркое и наглядное выраженіе въ ссудномъ капиталѣ. Но чтобы понять тайну процента, чтобы разгадать капиталистическій миражъ, нужно обратиться къ другимъ формамъ капитала. Подобно тому, какъ въ товарѣ скрыта разгадка денежнаго фетиша, такъ и разгадку капитала-фетиша нужно искать не въ ссудномъ, а въ промышленномъ капиталѣ. Промышленный капиталъ выступаетъ на историческую арену гораздо позже ростовщическаго и торговаго капитала. Торговый капиталъ появляется одновременно съ ростовщическимъ, но эра капиталистическаго способа производства начинается лишь съ XVI вѣка. Несмотря на свое позднее появленіе, промышленный капиталъ есть капиталъ по преимуществу. Пока ростовщическій и торговый капиталъ были единственно извѣстными формами капитала, до тѣхъ поръ общій строй народнаго хозяйства не былъ капиталистическимъ. Ростовщикъ и торговецъ

жуазныхъ отношеній собственности; наоборотъ, онѣ становятся слишкомъ могущественными для этихъ отношеній, онѣ связываются послѣдними: преодолѣвая эти узы, производительныя силы приводятъ въ разстройство все буржуазное общество, подвергаютъ опасности самое существованіе буржуазной собственности. Буржуазныя отношенія становятся слишкомъ узкими, чтобы охватить создаваемое ими богатство. Какимъ путемъ преодолѣваетъ буржуазія кризисы? Съ одной стороны, путемъ насильственнаго уничтоженія массы производительныхъ силъ; съ другой же стороны, путемъ захвата новыхъ рынковъ и болѣе глубокаго использованія старыхъ. Другими словами, путемъ приготовленія новыхъ и болѣе могущественныхъ кризисовъ и путемъ сокращенія средствъ борьбы съ этими кризисами. Такимъ образомъ, оружіе, которымъ буржуазія повергла въ прахъ феодализмъ, обращается теперь противъ самой буржуазіи».

Итакъ, чисто экономическія силы, заложенныя въ капиталистической организаціи общественнаго хозяйства, влекутъ ее съ роковой необходимостью къ превращенію въ соціалистическое хозяйство. Рядомъ съ этими слѣпыми, стихійными силами хозяйственнаго развитія дѣйствуютъ въ томъ же направленіи и сознательныя, соціальныя силы, порождаемыя тѣмъ же процессомъ капиталистическаго развитія. Капитализмъ не только приходитъ къ экономическому конфликту, неразрѣшимому на почвѣ существующей организаціи хозяйства и требующему обобществленія средствъ производства, но тотъ же капитализмъ создаетъ и общественный классъ, непосредственно заинтересованный въ такомъ обобществленіи. Этимъ классомъ является пролетаріатъ.

Огромную историческую заслугу капитализма составляетъ вызванный новымъ способомъ производства гигантскій подъемъ производительности общественнаго труда. Но чѣмъ выше подымается общественное богатство, тѣмъ ниже падаетъ тотъ, кто создаетъ это богатство—рабочій.

Ухудшеніе положенія рабочаго есть необходимое слѣдствіе основного закона капиталистическаго накопленія,—того, что по мѣрѣ успѣховъ техники все меньшая доля капитала превращается въ заработную плату, и все большая—въ средства производства. Перемѣнный капиталъ образуетъ все меньшую долю всего общественнаго капитала, а такъ какъ спросъ на рабочія руки создается лишь перемѣннымъ капиталомъ, то, слѣдовательно, и спросъ на рабочія руки, по отношенію ко всему общественному капиталу, долженъ падать (абсолютно онъ возрастаетъ, но возрастаетъ, согласно сказанному, гораздо медленнѣе роста общественнаго капитала и общественнаго богатства). «Капиталистическое накопленіе постоянно создаетъ, пропорціональное своей энергіи и своимъ размѣрамъ, относительно, т.-е. для потребностей капитала въ самовозрастаніи, излишнее рабочее населеніе».

«Крѣпостной, несмотря на господство крѣпостного права, достигъ

того, что сталъ членомъ общины, подобно тому, какъ мелкій буржуа сталъ крупнымъ буржуа, несмотря на иго феодальнаго абсолютизма. Напротивъ, современный рабочій, вмѣсто того, чтобы подыматься съ успѣхами промышленности, падаетъ все ниже условій существованія своего собственнаго класса. Рабочій становится нищимъ и нищета растетъ быстрѣе населенія и богатства. Все болѣе становится очевиднымъ, что буржуазія неспособна оставаться господствующимъ классомъ въ обществѣ, такъ какъ она неспособна обезпечить существованіе своему рабу въ предѣлахъ его собственнаго рабства, такъ какъ она не имѣетъ возможности воспрепятствовать такому паденію этого раба, при которомъ онъ самъ поступаетъ на содержаніе буржуа, вмѣсто того, чтобы содержать ее».

«Накопленіе богатства на одномъ полюсѣ есть въ то же время накопленіе нищеты, мукъ труда, рабства, невѣжества, одичанія и нравственнаго паденія на противоположномъ полюсѣ, т.-е. на сторонѣ класса, производящаго свой собственный продуктъ въ видѣ капитала». Законы капиталистическаго производства вызываютъ образованіе избыточнаго населенія, которое, какъ свинцовая гиря, все глубже и глубже затягиваетъ рабочаго въ безвыходную трясину нищеты «Рабочее населеніе, вмѣстѣ съ производимымъ имъ же самимъ накопленіямъ капитала, создаетъ въ возрастающихъ размѣрахъ средства, дѣлающія часть населенія избыточною. Это есть законъ народонаселенія, характерный для капиталистическаго способа производства; вообще, всякому особенному историческому способу производства свойственны особые законы народонаселенія, имѣющіе историческое значеніе. Абстрактный законъ народонаселенія существуетъ только для растеній и животныхъ до тѣхъ поръ, пока они не подвергаются историческому вліянію человѣка».

Въ чемъ же заключается законъ народонаселенія капиталистическаго способа производства? Въ томъ, что этотъ способъ производства по неизмѣннымъ экономическимъ, соціальнымъ (но не естественнымъ, физіологическимъ) законамъ порождаетъ избыточное населеніе, для котораго нѣтъ мѣста ни въ общественномъ трудѣ, ни въ общественномъ потребленіи, совершенно независимо отъ того, какимъ темпомъ идетъ размноженіе населенія. Это избыточное населеніе образуетъ промышленную резервную армію капитализма, безъ которой капиталистическій способъ производства со свойственными ему періодическими сокращеніями и расширеніями производства не могъ бы существовать. Всякое сокращеніе производства неизбѣжно выталкиваетъ на мостовую тысячи рабочихъ, которыя опять возвращаются къ активной службѣ капиталу при оживленіи промышленности, предшествующемъ кризису. Капиталъ попеременно то притягиваетъ, то отталкиваетъ рабочихъ. Безъ промышленной резервной арміи капиталистическая промышленность не могла бы быстро расширять производство при ожи-

вленіи рынка, что является, въ свою очередь, условіемъ существованія капиталистической промышленности любой страны, конкурирующей на міровомъ рынкѣ. Поэтому, промышленный резервъ столь же необходимъ капиталу, какъ необходимъ военный резервъ государству, охраняющему силою оружія свои интересы. «Характерный жизненный путь современной промышленности... покоится на постоянномъ образованіи, большемъ или меньшемъ поглощеніи и новомъ образованіи промышленной резервной арміи. Въ свою очередь, превратности промышленнаго цикла создаютъ человѣческій матеріалъ для перенаселенія и служатъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ факторовъ его воспроизведенія».

Но кромѣ этого перенаселенія, находящагося въ связи съ фазисами промышленнаго цикла, капитализмъ создаетъ и иныя формы избыточнаго населенія. Марксъ указываетъ три такія формы—текучее, скрытое и стаціонарное перенаселеніе. *Текучее* перенаселеніе вызывается неодинаковостью спроса, предъявляемаго капиталистическимъ производствомъ на различныя возрастныя группы рабочихъ. Наибольшимъ спросомъ со стороны капиталистической промышленности пользуется несовершеннолѣтній трудъ, благодаря чему массы рабочихъ теряютъ работу по достиженіи совершеннолѣтія и входятъ въ составъ текучаго избыточнаго населенія; изъ нихъ вербуется главная армія эмигрантовъ. Далѣе, капиталъ чрезвычайно быстро потребляютъ рабочую силу человѣка. Рабочій, приближающійся къ старости, болѣе не нуженъ капиталу, и также становится элементомъ текучаго перенаселенія.

Существованіе *скрытаго* перенаселенія въ капиталистическомъ обществѣ всего ярче обнаруживается постояннымъ притокомъ рабочихъ изъ деревни въ городъ. Этотъ притокъ не могъ бы имѣть мѣста, если бы въ деревнѣ не имѣлся постоянный контингентъ скрытаго избыточнаго населенія,—рабочихъ, не находящихъ себѣ занятія въ деревнѣ и ожидающихъ только благопріятнаго момента, чтобы покинуть родную деревню, не обезпечивающую заработка, и перейти въ городъ.

Третью, *стаціонарную* форму перенаселенія образуетъ собой многочисленная группа хроническихъ безработныхъ, или же рабочихъ, работающихъ крайне нерегулярно, изрѣдка и случайно. Изъ этой группы вербуются рабочіе въ домашней промышленности, въ предѣлахъ которой капиталистическая эксплоатація достигаетъ своихъ крайнихъ предѣловъ. Сюда же входитъ и низшій слой современнаго общества—бродяги, преступники, проститутки, нищіе. «Нищіе представляютъ собой инвалидный домъ активной рабочей арміи и балластъ промышленной резервной арміи... Чѣмъ больше общественное богатство, чѣмъ значительнѣе функціонирующій капиталъ, размѣры и энергія его возрастанія, а слѣдовательно, чѣмъ больше и абсолютная величина пролетаріата и производительная сила труда, тѣмъ больше промышленная резервная армія. Рабочая сила, готовая къ услугамъ капитала, разви-

вается вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, что и сила расширенія капитала. Относительная величина промышленной резервной арміи возрастаетъ, слѣдовательно, вмѣстѣ съ силами общественнаго богатства. Но чѣмъ больше эта резервная армія въ сравненіи съ активной рабочей арміей, тѣмъ больше стаціонарное перенаселеніе, а нужда его жертвъ обратно пропорціональна мукамъ ихъ труда. Наконецъ, чѣмъ больше инвалидовъ и пр.—этихъ Лазарей рабочаго населенія—и вообще чѣмъ значительнѣе вся промышленная резервная армія, тѣмъ больше офиціальный пауперизмъ. *Это абсолютный всеобщій законъ капиталистическаго накопленія*».

Къ чему же должно привести это накопленіе нищеты, сопутствующее росту богатства, ростъ пролетаріата, все болѣе погружающагося въ бѣдность, по мѣрѣ того, какъ сокращающаяся группа капиталистовъ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ все болѣе коллосальныя средства производства? Капиталистическому способу производства предшествовало мелкое производство, достигшее наибольшаго процвѣтанія «только тамъ, гдѣ рабочій является свободнымъ частнымъ собственникомъ своихъ условій труда, которыя онъ самъ пускаетъ въ ходъ, крестьянинъ—собственникомъ земли, которую онъ обрабатываетъ, ремесленникъ — собственникомъ орудій, съ которыми онъ справляется, какъ виртуозъ съ инструментомъ. Этотъ способъ производства предполагаетъ раздробленіе земли и другихъ средствъ производства. Онъ исключаетъ какъ концентрацію послѣднихъ, такъ и кооперацію, т.-е. онъ не допускаетъ раздѣленія труда внутри одного и того же процесса производства, общественнаго господства надъ природой и управленія ея силами, свободнаго развитія общественныхъ производительныхъ силъ. Онъ совмѣстимъ только съ очень узкими, стихійными рамками производства и общества. Увѣковѣчить его значило бы... декретировать всеобщую посредственность. На извѣстной ступени своего развитія онъ самъ порождаетъ матеріальныя средства своего уничтоженія... Его уничтоженіе, превращеніе индивидуальныхъ и разрозненныхъ средствъ производства въ концентрированныя и общественныя, т.-е. мелкой собственности многихъ въ крупную собственность немногихъ, отнятіе средствъ существованія и орудій труда у народныхъ массъ, эта ужасная экспропріація народной массы составляетъ до-историческій періодъ въ жизни капитала».

Но экспропріировавъ мелкихъ производителей, капиталъ еще не завершаетъ своего развитія. За экспропріаціей рабочаго слѣдуетъ экспропріація самого капиталиста капиталистомъ же. «Одинъ капиталистъ побиваетъ многихъ». Средства производства концентрируются въ рукахъ все меньшей и меньшей группы капиталистовъ. «Вмѣстѣ съ постояннымъ уменьшеніемъ числа капиталистовъ — магнатовъ... увеличивается масса нищеты, угнетенія, рабства. но, съ другой стороны, увеличивается также и сопротивленіе постоянно возрастающаго

рабочаго класса, вышколеннаго, объединеннаго и организованнаго механизмомъ самого капиталистическаго способа производства. Монополія капитала превращается въ путы для дальнѣйшаго развитія того способа производства, который развивался вмѣстѣ съ нею и подъ ея господствомъ. Централизація средствъ производства и обобществленіе труда достигаютъ такой точки, на которой они становятся несовмѣстимыми съ капиталистической частной собственностью. Экспропріаторы экспропріируются».

«Капиталистическій способъ производства... есть первое отрицаніе индивидуальной частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ. Но капиталистическое производство создаетъ съ необходимостью естественнаго процесса свое собственное отрицаніе. Это отрицаніе отрицанія. Оно возстановляетъ не частную собственность, но индивидуальную собственность на основѣ всѣхъ пріобрѣтеній капиталистической эры, на основѣ коопераціи и общественнаго владѣнія землей и средствами производства».

«Превращеніе раздробленной частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ производителей, въ капиталистическую есть, конечно, процессъ несравненно болѣе продолжительный, тяжелый и трудный, чѣмъ превращеніе капиталистической собственности, фактически уже покоющейся на общественномъ производствѣ, въ собственность общественную. Тамъ дѣло шло объ экспропріаціи народныхъ массъ немногими узурпаторами, здѣсь же идетъ дѣло объ экспропріаціи немногихъ узурпаторовъ народными массами».

Резюмируя все сказанное, мы можемъ свести теорію развитія капиталистическаго строя, разработанную Марксомъ и, отчасти, Энгельсомъ, къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Ростъ капиталистическаго производства непосредственно вызываетъ уничтоженіе мелкаго самостоятельнаго производства. Прежніе мелкіе самостоятельные производители становятся наемными рабочими капиталистовъ и пополняютъ собой ряды пролетаріата.

2) Соотвѣтственно этому производство принимаетъ все болѣе общественный характеръ и все ярче выступаетъ наружу несовмѣстимость общественнаго производства съ капиталистическимъ присвоеніемъ.

3) Въ средѣ капиталистическаго производства происходитъ аккумуляція и централизація средства производства. Общественное богатство все болѣе сосредоточивается въ рукахъ сокращающейся кучки капиталистовъ—магнатовъ.

4) Періодическіе промышленные кризисы съ возрастающей силой приводятъ въ разстройство капиталистическое хозяйство. Въ кризисахъ обнаруживается неспособность капитализма руководить общественнымъ процессомъ производства и неизбѣжность крушенія капитализма.

5) Параллельно росту общественнаго богатства, растетъ, при ка-

питалистическомъ способѣ производства, и нищета рабочаго класса. Капиталистическій способъ производства порождаетъ избыточное населеніе, принимающее различныя формы. Промышленная резервная армія является условіемъ существованія капиталистическаго производства.

6) Увеличеніе нищеты и страданій численно все возрастающаго пролетаріата сопровождается ростомъ организаціи рабочаго класса, подъ вліяніемъ условій самого капиталистическаго производства.

7) Такимъ образомъ, капитализмъ, съ одной стороны, становится тормозомъ дальнѣйшаго развитія производительныхъ общественныхъ силъ; съ другой же стороны, капитализмъ организуетъ и общественный классъ, непосредственно заинтересованный въ превращеніи капиталистическаго хозяйства въ соціалистическое.

Въ противоположность утопистамъ, Марксъ не придавалъ никакого значенія выработкѣ плановъ будущаго соціальнаго устройства. Будущій соціальный строй явится естественнымъ результатомъ экономическаго развитія современнаго строя. Общій характеръ общественнаго строя будущаго уже и теперь ясенъ, ибо законы развитія капиталистическаго хозяйства открыты. Что же касается до подробностей, то онѣ пока еще непредвидимы и опредѣляется конкретной экономической и соціальной обстановкой того историнескаго момента, когда совершится ликвидація капиталистическаго способа производства.

Практическая программа марксизма (лежащая въ основаніи практической дѣятельности германской соціалъ-демократіи) сводится, почти исключительно, къ политической организаціи рабочаго класса и къ политической борьбѣ за его интересы. Правда, Марксъ неоднократно выражалъ свое сочувствіе и профессіональной организаціи рабочихъ. Но сочувствіе это было совершенно особаго рода. Марксъ не придавалъ большаго значенія рабочимъ союзамъ, какъ средству поднятія заработной платы и вообще улучшенія положенія рабочаго класса, и если онъ признавалъ желательнымъ распространеніе такого рода организацій среди рабочаго класса, то это лишь потому, что онъ видѣлъ въ нихъ могущественное средство классоваго объединенія рабочихъ. Рабочіе союзы превращаютъ борьбу отдѣльнаго рабочаго съ отдѣльнымъ капиталистомъ въ классовую борьбу рабочаго класса съ классомъ капиталистовъ. Они могутъ служить опорными пунктами для политической организаціи рабочаго класса—и только поэтому Марксъ считалъ нужнымъ ихъ поддерживать.

Съ гораздо меньшимъ сочувствіемъ Марксъ относился къ кооперативному движенію въ его господствующей формѣ—потребительныхъ обществъ.

Женевскій конгрессъ «Интернаціонали» принялъ, согласно предложенію Маркса, слѣдующую резолюцію по вопросу о кооперативномъ движеніи среди рабочихъ:

«Мы совѣтуемъ рабочимъ обратить гораздо больше вниманіе на кооперативное производство (производительныя ассоціаціи. *М. Т.-Б.*), чѣмъ на кооперативныя лавки (потребительныя общества. *М. Т.-Б.*,). Что касается послѣднихъ, то онѣ лишь поверхностно затрогиваютъ современный хозяйственный строй, между тѣмъ какъ первыя захватываютъ самое его основаніе».

Въ III-мъ томѣ «Капитала» имѣется слѣдующее любопытное замѣчаніе о производительныхъ ассоціаціяхъ. «Кооперативныя фабрики—пишетъ Марксъ—представляютъ собой, въ предѣлахъ старой формы, первое измѣненіе этой формы, хотя онѣ, естественно, воспроизводятъ и должны воспроизводить, въ своей фактической организаціи, всѣ недостатки существующей системы. Но въ нихъ уничтожается антагонизмъ капитала и труда. Онѣ показываютъ, какъ на извѣстной ступени развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ и соотвѣтствующихъ послѣднимъ общественныхъ формъ производства естественно развивается и организуется изъ одного способа производства новый способъ производства. Безъ фабричной системы, созданной капиталистическимъ способомъ производства, также какъ и безъ системы кредита, вытекающей изъ того же способа производства, не могла бы развиться кооперативная фабрика. Кредитъ, являясь основой постепеннаго превращенія частныхъ капиталистическихъ предпріятій въ капиталистическія акціонерныя общества, даетъ въ то же время средства для постепеннаго распространенія кооперативныхъ предпріятій въ болѣе или менѣе національномъ масштабѣ. Капиталистическія акціонерныя предпріятія, также какъ и кооперативныя фабрики, являются переходными формами изъ капиталистическаго способа производства въ ассоціированное.

Такимъ образомъ, Марксъ придавалъ производительнымъ ассоціаціямъ извѣстное значеніе, въ качествѣ первыхъ зачатковъ новыхъ, коллективныхъ формъ хозяйства, и не придавалъ въ этомъ смыслѣ почти никакого значенія потребительнымъ обществамъ. Несмотря, однако, на это частичное признаніе со стороны Маркса важности кооперации, кооперативное движеніе не играетъ въ практической программѣ марксизма почти никакой роли. Объясняется это тѣмъ, что та форма кооперации, которая встрѣтила сочувствіе Маркса—производительныя ассоціаціи—на практикѣ не получила и не можетъ получить, при условіяхъ капиталистическаго хозяйства, сколько нибудь-значительнаго развитія и распространенія, между тѣмъ какъ потребительныя общества, къ которымъ Марксъ относился болѣе, чѣмъ холодно, сдѣлали гигантскіе успѣхи.

Переходя къ критикѣ изложенной теоріи развитія капиталистическаго строя, мы прежде всего остановимся на входящей въ ея составъ «теоріи обнищанія» (Verelendungstheorie — этотъ терминъ не принадлежитъ самому Марксу, но онъ очень удачно характеризуетъ

суть дѣла). Приведенныя цитаты изъ сочиненій Маркса не оставляютъ никакого сомнѣнія, что Марксъ смотрѣлъ крайне мрачно на возможность улучшенія положенія рабочаго класса въ предѣлахъ капиталистическаго хозяйства *). Онъ не только не вѣрилъ въ эту возможность, но утверждалъ даже обратное — что благосостояніе рабочаго класса падаетъ по мѣрѣ развитія капиталистическаго производства— рабочій погружается глубже и глубже въ нищету.

Утвержденіе это находится въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ фактами послѣднихъ десятилѣтій. Сознавая это, многіе правовѣрные марксисты нашего времени пытались и пытаются измѣнить смыслъ «теоріи обнищанія» и придать ей болѣе невинный видъ. Съ особеннымъ искусствомъ это дѣлаетъ Каутскій въ своей извѣстной книгѣ о Бернштейнѣ. По толкованію этого остроумнѣйшаго представителя современнаго марксизма, теорію «обнищанія» нужно понимать лишь какъ выраженіе *тенденціи*, а не положительнаго факта, и притомъ тенденціи не къ абсолютному пониженію уровня экономическаго благосостоянія рабочаго класса, а лишь къ *относительному* ухудшенію положенія рабочихъ сравнительно съ положеніемъ капиталистовъ. Нищета, по объясненію Каутскаго, можетъ быть понимаема въ двоякомъ смыслѣ—физіологическомъ, по отношенію къ удовлетворенію человѣкомъ своихъ физіологическихъ потребностей— и въ соціальномъ,— по отношенію къ несоотвѣтствію между потребностями человѣка и возможностью ихъ удовлетворенія. Фактъ увеличенія нищеты въ этомъ послѣднемъ смыслѣ кажется Каутскому безспорнымъ, ибо «сами буржуа признаютъ ростъ нищеты въ соціальномъ смыслѣ, давая ему лишь другое названіе — требовательности рабочихъ. Но дѣло не въ названіи. Дѣло въ томъ, что несоотвѣтствіе между потребностями рабочаго и возможностью удовлетворенія этихъ потребностей при помощи получаемой рабочимъ заработной платы постоянно возрастаетъ... Соціальное обнищаніе растетъ, выражаясь въ болѣе медленномъ повышеніи уровня жизни пролетаріата, сравнительно съ подъемомъ жизни буржуазіи... Возрастаетъ, и постоянно, не физическая, а соціальная нищета, и именно противорѣчіе между культурными потребностями рабочаго и имѣющимися у него средствами для удовлетворенія этихъ потребностей; иными словами, масса продуктовъ, приходящаяся на одного рабочаго, можетъ становиться больше, но *доля* рабочаго въ

---

*) Правда, Марксъ былъ горячимъ сторонникомъ фабричнаго законодательства и видѣлъ въ законодательномъ ограниченіи рабочаго дня одну изъ важныхъ цѣлей рабочаго движенія: онъ привѣтствовалъ англійскій законъ о десятичасовомъ рабочемъ днѣ, какъ великую побѣду англійскаго рабочаго класса. Но это лишь одна изъ многихъ непослѣдовательностей автора „Капитала"—одинъ изъ многихъ примѣровъ несогласованности *теоріи* и *практики* марксизма.

создаваемомъ имъ продуктѣ становится меньше» («Bernstein und das socialdemokratische Programm», 120, 127, 128).

Это можетъ быть вѣрно или невѣрно, но, во всякомъ случаѣ, это не теорія Маркса. Нищета, о которой говоритъ Марксъ, отнюдь не есть «требовательность» рабочихъ, какъ толкуетъ теорію обнищанія Каутскій, и ростъ нищеты, въ смыслѣ Маркса, далеко не равносиленъ росту потребностей рабочаго класса. Ни о какомъ повышеніи потребностей рабочаго класса, съ точки зрѣнія авторовъ «Коммунистическаго Манифеста», не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ рабочій «становится нищимъ и нищета растетъ быстрѣе населенія».

Ростъ капиталистическаго богатства признается въ «Капиталѣ» равносильнымъ «накопленію нищеты, мукъ труда, рабства, невѣжества, одичанія и нравственнаго паденія» рабочаго класса. Языкъ Маркса во всѣхъ этихъ случаяхъ такъ ясенъ и выразителенъ, что никакихъ кривотолковъ не допускаетъ. Авторъ «Капитала» говоритъ не о тенденціяхъ, которыя могутъ и не осуществляться въ дѣйствительности, а о конкретныхъ законахъ капиталистическаго развитія, выражающихся въ реальныхъ историческихъ фактахъ. Марксъ категорически утверждаетъ, что чѣмъ могущественнѣе производительныя силы капитализма, тѣмъ хуже удовлетворяются насущныя, физіологическія потребности рабочаго; болѣе того—рабочій не только низводится капиталистическимъ развитіемъ до положенія нищаго, но онъ регрессируетъ въ физическомъ, умственномъ и моральномъ отношеніяхъ, онъ «вырождается», все болѣе погружается въ невѣжество и нравственное одичаніе.

Такова истинная доктрина Маркса — и если эту доктрину не рѣшается въ настоящее время поддерживать даже Каутскій, то это лишь доказываетъ ея полную несовмѣстимость съ новѣйшими фактами исторіи рабочаго класса. Всѣ основныя соціальныя воззрѣнія Маркса сложились въ эпоху 40-хъ годовъ — въ періодъ пониженія заработной платы, хронической безработицы и огромнаго роста бѣдности и нищеты. Выражая свое убѣжденіе въ невозможности существеннаго и прочнаго улучшенія положенія рабочаго класса въ предѣлахъ капиталистическаго хозяйства, Марксъ стоялъ на почвѣ современныхъ ему историческихъ фактовъ и высказывалъ взглядъ, общій всѣмъ серьезнымъ экономистамъ того времени. Рикардо и Мальтусъ смотрѣли на положеніе и будущность рабочихъ классовъ не менѣе мрачно. Но послѣдующіе историческіе факты лишили теорію обнищанія всякаго значенія и привели къ тому, что даже самые горячіе сторонники марксизма должны, какъ мы видѣли, отказаться отъ нея, замаскировывая свой отказъ отъ теоріи Маркса искаженіемъ ея смысла.

Въ своемъ первоначальномъ видѣ, теорія эта, очевидно, не можетъ быть поддерживаема ни однимъ серьезнымъ экономистомъ. Даже Каутскій долженъ признать, что «нельзя констатировать общаго уве-

личенія физической нищеты въ передовыхъ капиталистическихъ странахъ; всѣ факты скорѣе говорятъ въ пользу того, что физическая нищета въ этихъ странахъ уменьшается, хотя крайне медленно и не повсемѣстно. Уровень жизни работающихъ классовъ въ настоящее время выше, чѣмъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ». Дѣйствительно, врядъ ли даже самый правовѣрный марксистъ рѣшился бы отстаивать теорію обнищанія, въ томъ видѣ, какъ она изложена въ «Коммунистическомъ Манифестѣ» и «Капиталѣ»; врядъ ли, напримѣръ, можетъ встрѣтить сочувствіе въ настоящее время съ чьей бы то ни было стороны (кромѣ развѣ крайнихъ реакціонеровъ) мнѣніе Маркса о растущемъ невѣжествѣ, нравственномъ одичаніи и вырожденіи рабочаго класса. Соціалъ-демократія всего менѣе можетъ защищать этотъ тезисъ, ибо эта защита была бы для нея самоубійственной и равносильной признанію безнадежности своего собственнаго дѣла: побѣда въ общественной борьбѣ не можетъ принадлежать классу, регрессирующему въ умственномъ, моральномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Сильнѣйшаго вѣнчаетъ побѣда, но не численно сильнѣйшаго, а сильнѣйшаго мужествомъ, энергіей, знаніемъ, самопожертвованіемъ, героизмомъ, преданностью общимъ интересамъ. Вырождающіеся, одичавшіе, невѣжественные рабы, каковыми Марксъ рисуетъ рабочихъ, какъ бы многочисленны они ни были, никогда не нашли бы въ себѣ мужества для самоосвобожденія. Если бы теорія вырожденія рабочаго класса была сколько-нибудь обоснована, то мрачныя соціальныя фантазіи иныхъ соціологовъ и романистовъ, предвидящихъ распаденіе человѣческаго общества на два вида, двѣ породы—господъ, владѣющихъ волей и знаніемъ, и рабовъ, превратившихся въ тупыхъ и покорныхъ домашнихъ животныхъ, — были бы самой вѣроятной картиной соціальнаго будущаго. Но, къ счастью, вся эта безнадежная теорія вырожденія большей части человѣчества есть фантазія и ложь, опровергнуты фактомъ несомнѣннаго экономическаго, моральнаго и умственнаго подъема рабочаго класса въ новѣйшее время.

Мы можемъ согласиться съ Каутскимъ, что нижеприводимая характеристика измѣненія положенія рабочаго класса въ Англіи примѣнима и къ другимъ капиталистическимъ странамъ. «Значительная часть рабочаго класса, — говоритъ Сидней Веббъ въ своей брошюрѣ «Labour in the longest reign», — сдѣлала со времени 1837 г. большіе успѣхи, другіе же слои рабочихъ сдѣлали меньшіе успѣхи или даже совсѣмъ не приняли участія въ общемъ прогрессѣ цивилизаціи и богатства. Если мы возьмемъ различныя условія жизни и работы и установимъ уровень, ниже котораго невозможно сносное существованіе, то мы увидимъ, что по отношенію къ заработной платѣ, рабочему времени, жилищамъ и общей культурѣ процентъ живущихъ ниже этого уровня теперь меньше, чѣмъ былъ въ 1837 г. Но мы также найдемъ, что самый низшій уровень теперь такъ же низокъ, какъ и

раньше, и что общее число тѣхъ, кто живетъ ниже установленнаго нами уровня, въ настоящее время, вѣроятно, выше, по своей абсолютной величинѣ, чѣмъ въ 1837 г.»

Центральной идеей марксизма, какъ теоріи современнаго общественнаго развитія, слѣдуетъ признать ученіе о концентраціи средствъ производства. Согласно этому ученію, капиталистическій способъ производства экспропріируетъ мелкихъ производителей, а въ предѣлахъ самой капиталистической промышленности крупный капиталъ поглощаетъ мелкій. Благодаря этому, средства производства, какъ бы подъ вліяніемъ взаимнаго протяженія, сливаются во все болѣе и болѣе обширные скопленія и конгломераты, планомѣрно организованные и объединенные изнутри, но разъединенные и не организованные въ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ. Общество все рѣзче раскалывается на растущую массу пролетаріевъ внизу и на сокращающуюся группу капиталистовъ вверху, сокращающуюся по своей численности, но растущую по своему богатству и экономическому могуществу. Процессъ концентраціи средствъ производства одновременно создаетъ почву для будущаго соціалистическаго производства, ибо благодаря ему производство становится все болѣе крупнымъ, все болѣе общественнымъ, каждое отдѣльное предпріятіе захватываетъ все большую долю общественнаго производства, и, въ то же время, этотъ процессъ усиливаетъ общественные элементы, заинтересованные въ соціалистическомъ переворотѣ, а также численно ослабляетъ элементы, враждебные такому перевороту. Растущая концентрація общественнаго производства легче всего объясняетъ, какимъ образомъ капиталистическій хозяйственный строй превратился въ свою противоположность, какимъ образомъ изъ безпощадной борьбы, угнетенія, эксплоатаціи и ненависти, царящихъ нынѣ, вырастетъ, съ необходимостью естественнаго процесса, сѣмямирной, свободной и равноправной соціалистической ассоціаціи будущаго. Капитализмъ является, при такомъ пониманіи условій развитія соціализма, суровой, но необходимой школой человѣчества, въ которой человѣчество дисциплинируется и накопляетъ силы для того, чтобы взять въ свои руки руководительство общественнымъ производствомъ и замѣнить господствующую нынѣ анархію общественнаго хозяйства планомѣрной, сознательной организаціей его.

Мы сказали, что это ученіе является центральной и — теперь мы можемъ прибавить — самой сильной идеей марксизма. Исторія промышленности всѣхъ капиталистическихъ странъ, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о растущей концентраціи средствъ производства. Правда, мелкое производство въ большинствѣ случаевъ почти не уменьшается по своимъ абсолютнымъ размѣрамъ. Но по своему относительному значенію въ народномъ хозяйствѣ оно быстро падаетъ. Крупное производство растетъ повсемѣстно гораздо энергичнѣе мелкаго. Этотъ

ростъ совершается частью на счетъ мелкаго производства, представители котораго разоряются и опускаются въ ряды пролетаріата. Частью же ростъ крупной промышленности не препятствуетъ одновременному существованію мелкой промышленности. И, наконецъ, въ нѣкоторыхъ своихъ отдѣлахъ крупное производство, развиваясь и расширяя свои операціи, непосредственно содѣйствуетъ и росту мелкой промышленности, поставляя послѣдней новые матеріалы для обработки или удешевляя старые, создавая запросъ на продукты мелкой промышленности, предъявляя требованія на разныя работы, исполняемыя мелкими производителями, вызывая новые промыслы и т. д., и т. д. Въ результатѣ получается, какъ свидѣтельствуетъ промышленная статистика всѣхъ капиталистическихъ государствъ, быстрый ростъ крупнаго производства и значительно болѣе медленный ростъ, а иногда и упадокъ мелкаго производства, которое въ однѣхъ отрасляхъ промышленности уничтожается крупнымъ, а въ другихъ, куда еще не проникла машина, растетъ и развивается. Фабрика и заводъ энергично и неудержимо подвигаются впередъ, захватываютъ одну отрасль промышленности за другой, но такъ какъ одновременно съ этимъ для мелкой промышленности открываются новыя отрасли производства, то болѣе быстрый ростъ фабрично-заводской промышленности иногда не препятствуетъ, во всякомъ случаѣ, гораздо болѣе медленному росту мелкаго производства.

Но если по отношенію къ промышленности теорія Маркса, въ общемъ, подтверждается новѣйшими фактами, то этого отнюдь нельзя сказать про земледѣліе. Благодаря разнообразнымъ техническимъ и экономическимъ условіямъ (большей зависимости сельскохозяйственнаго производства отъ природы, меньшей примѣнимости къ нему машины и раздѣленія труда, большаго значенія въ области сельской промышленности натуральнаго хозяйства и пр., и пр.), крупное сельскохозяйственное производство отнюдь не представляетъ такихъ экономическихъ преимуществъ сравнительно съ мелкимъ, какъ крупное промышленное производство. Къ этому присоединяются различнаго рода соціальныя препятствія, съ которыми приходится бороться крупному сельскому хозяйству (достаточно упомянуть хотя бы о своеобразномъ «рабочемъ вопросѣ» крупнаго земледѣлія—недостаткѣ сельскихъ рабочихъ, бѣгущихъ изъ деревни въ городъ) и которыхъ не существуетъ для мелкой сельскохозяйственной промышленности. Въ силу всѣхъ этихъ причинъ, останавливаться надъ которыми мы не можемъ, въ сельскомъ хозяйствѣ не наблюдается ничего подобнаго концентраціи производства, которое такъ характерно для эволюціи промышленности. Крестьянское хозяйство не только не уничтожается крупнымъ капиталистическимъ земледѣліемъ, но даже растетъ, въ большинствѣ случаевъ, на счетъ этого послѣдняго.

Даже такіе горячіе послѣдователи Маркса, какъ Каутскій, не мо-

гутъ отрицать этого факта. «Ожиданія, выраженныя Марксомъ при открытіи «Интернаціонали»,—пишетъ Каутскій,—не сбылись; упрощенія аграрнаго вопроса путемъ концентраціи всей земельной площади въ немногихъ рукахъ не произошло... Мы никогда не достигнемъ въ сельскомъ хозяйствѣ той простоты и той ясности отношеній, которыя характерны для промышленности. Безчисленныя вліянія въ томъ и другомъ направленіи перекрещиваются въ сельскомъ хозяйствѣ и взаимно уничтожаютъ дѣйствіе другъ друга, классовыя отношенія остаются колеблющимися, въ особенности тамъ, гдѣ мало развита арендная система, гдѣ масса предпринимателей, а часто также и сельскихъ рабочихъ, еще владѣетъ землей. Смѣна времени года нерѣдко приводитъ и къ перемѣнѣ классовыхъ отношеній. Одинъ мѣсяцъ тотъ же деревенскій житель можетъ быть предпринимателемъ, другой мѣсяцъ—наемнымъ рабочимъ».

Статистика показываетъ, что напр., въ Германіи энергичнѣе всего развивается зажиточное крестьянское хозяйство. Точно также въ Англіи среднее и мелкое сельское хозяйство растетъ на счетъ крупнаго (и отчасти очень мелкаго). Ничего подобнаго систематическому поглощенію мелкаго сельскаго хозяйства крупнымъ мы не наблюдаемъ въ настоящее время ни въ одной странѣ.

Такимъ образомъ, къ сельскому хозяйству схема Маркса совершенно неприложима. Но это только ослабляетъ, а не уничтожаетъ значенія этой схемы по отношенію ко всему общественному хозяйству въ совокупности. Въ своей интересной и содержательной книгѣ «Die Agrarfrage» Каутскій рисуетъ яркими чертами необходимый и наблюдаемый во всѣхъ капиталистическихъ странахъ процессъ подчиненія сельскаго хозяйства промышленности; промышленность завоевываетъ все болѣе господствующее положеніе въ народномъ хозяйствѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, промышленное населеніе быстро растетъ на счетъ земледѣльческаго. Сельское хозяйство повсемѣстно даетъ занятіе все меньшей и меньшей долѣ населенія. Опытъ всѣхъ странъ указываетъ на неизбѣжность этого процесса, приводящаго къ тому, что условія существованія и развитія промышленности въ возрастающей степени опредѣляютъ направленіе развитія всего общественнаго хозяйства. Благодаря этому, особенности сельско-хозяйственнаго развитія могутъ совершенно поглощаться преобладающимъ характеромъ промышленнаго развитія. Несмотря на раздробленіе земледѣльческаго производства, все общественное производство, въ цѣломъ, концентрируется; несмотря на ростъ крестьянскаго хозяйства, общая численность пролетаріата быстро растетъ, а число самостоятельныхъ производителей относительно падаетъ; несмотря на упадокъ капиталистическаго земледѣлія, капиталистическій способъ производства все болѣе подчиняетъ себѣ общественное хозяйство.

До сихъ поръ мы говорили о марксизмѣ, какъ научной системѣ,

какъ опредѣленномъ пониманіи причинныхъ законовъ соціальнаго строя; но марксизмъ есть не только объективная научная система Марксизмъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и система практической политики именно въ этомъ тѣсномъ соединеніи объективной науки съ политикой заключается самая характерная особенность и, вмѣстѣ, причина исключительнаго общественнаго вліянія марксизма, сравнительно со всѣми другими соціологическими системами. Мы не будемъ останавливаться надъ разсмотрѣніемъ и оцѣнкой практической программы марксизма замѣтимъ только, что стремленіе марксизма свести все рабочее движеніе къ политической борьбѣ рабочаго класса за свои классовые интересы представляется намъ односторонней политикой. Профессіональныя организаціи рабочихъ, равно какъ и кооперативныя учрежденія въ своей господствующей формѣ—потребительныхъ обществъ—являются столь же существенными факторами соціальной мощи рабочаго класса, какъ и представительство рабочей партіи въ парламентѣ. Но, повторяемъ, критика практической программы марксизма не можетъ быть предметомъ нашего разсмотрѣнія. Мы остановимся лишь на общемъ принципіальномъ вопросѣ—возможно-ли построеніе какой бы-то ни было практической программы общественной дѣятельности всецѣло на научной почвѣ—на почвѣ познанія объективныхъ законовъ историческаго развитія?

Марксисты очень гордятся тѣмъ, что они освободились отъ утопизма. У Энгельса есть брошюра, заглавіе которой—«Die Entwickelung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft»—стало излюбленнѣйшимъ трафаретомъ марксистской популярной литературы. Марксъ превратилъ утопію въ науку—такъ утверждаютъ его послѣдователи. Поэтому, многіе изъ нихъ считаютъ себя въ правѣ относиться съ большимъ пренебреженіемъ ко всякаго рода соціальному идеализму, ибо сами они, по ихъ мнѣнію, не нуждаются въ соціальномъ идеалѣ — соціальный идеалъ замѣняется для нихъ пониманіемъ законовъ историческаго развитія. Стоя на почвѣ матеріалистическаго пониманія исторіи, марксисты полагаютъ, что новый соціальный строй долженъ съ неизбѣжностью естественнаго процесса вырасти изъ нѣдръ стараго, въ силу законовъ экономическаго развитія, передъ которыми не только воля отдѣльныхъ лицъ, но даже и цѣлыхъ общественныхъ классовъ безсильна. Обобществленіе средствъ производства совершится не потому, что частная собственность на средства производства будетъ признана большинствомъ общества несправедливымъ и нецѣлесообразнымъ учрежденіемъ; этого обобществленія требуетъ всемогущее экономическое развитіе, и потому оно должно совершиться, что бы мы ни дѣлали, какъ бы мы ни относились къ грядущему соціальному перевороту.

Въ предисловіи къ нѣмецкому изданію «Нищеты философіи» Энгельсъ говоритъ, что соціальныя требованія Маркса вытекаютъ отнюдь

не изъ признанія капиталистическаго и землевладѣльческаго дохода несправедливой и нежелательной формой дохода, а изъ признанія неизбѣжности крушенія капиталистическаго строя. «Согласно законамъ буржуазнаго хозяйства,—пишетъ Энгельсъ,—большая часть продукта, произведеннаго рабочимъ, принадлежитъ не ему. Если мы говоримъ—это несправедливо, этого не должно быть, то до всего этого хозяйству нѣтъ никакого дѣла. Мы выражаемъ лишь то, что данный экономическій фактъ противорѣчитъ нашему нравственному чувству. Марксъ основывалъ свои соціальныя требованія не на этомъ, а на необходимости крушенія капиталистическаго строя, которое съ возрастающей силой происходитъ на нашихъ глазахъ».

Итакъ, Марксъ, по словамъ Энгельса, основываетъ свои соціальныя требованія на законахъ соціальной необходимости. Конечно, все на свѣтѣ необходимо и подчинено закону причинности, не знающему никакихъ исключеній. Соціальный матеріализмъ приписываетъ рѣшающую роль въ процессѣ историческаго развитія экономической необходимости. Съ этимъ можно соглашаться или нѣтъ, но, во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать, что законъ причинности безусловно господствуетъ въ исторіи человѣчества, какъ и вообще въ природѣ, и что соціальное будущее такъ же детерминировано, необходимо, какъ и соціальное прошлое.

Но Марксъ объясняетъ экономическимъ развитіемъ не только исторію—онъ исходитъ изъ того же и въ своихъ соціальныхъ требованіяхъ. Онъ пробуетъ построить систему практической политики на основѣ познанія законовъ историческаго развитія. Онъ пытается поставить на мѣсто *соціальнаго идеала—соціальное предвидѣніе.*

Но, какъ правильно указываетъ Штаммлеръ, вся наша сознательная дѣятельность неразрывно связана съ психологическимъ убѣжденіемъ въ возможности измѣнить будущее, повліять на него, придать ему желательный для насъ видъ. Если бы мы рисовали себѣ соціальное будущее, въ его конкретномъ видѣ, какъ нѣчто неизмѣнное и необходимое, если бы картина будущаго была намъ ясна во всѣхъ своихъ подробностяхъ, то рѣшимость слѣдовать закону соціальнаго развитія была бы совершенно равносильна «твердому рѣшенію вращаться вмѣстѣ съ землей вокругъ солнца. При рѣшеніяхъ подобнаго рода смѣшиваются два различныхъ и взаимно-исключающихъ класса нашихъ представленій. Или я *познаю* явленія и движенія въ ихъ законосообразной необходимости и предвижу опредѣленный результатъ, какъ причинно неизбѣжный—и тогда для воли и для рѣшеній относительно этого результата не остается мѣста. Или же я имѣю твердое *рѣшеніе* и *волю* что-либо осуществить—и тогда это послѣднее не познано мною, какъ несомнѣнно долженствующее быть въ силу необходимыхъ законовъ природы».

«Кто позналъ, что извѣстный результатъ неизбѣжно произойдетъ

по законамъ природы, тотъ не можетъ содѣйствовать достиженію этого результата. Въ представленіи содѣйствія, помощи чему-либо заключено признаніе, что то, чему помогаютъ или содѣйствуютъ, еще не познано, какъ необходимо имѣющее быть. Эта альтернатива не допускаетъ никакого уклоненія: если научно познано, что извѣстное событіе необходимо наступитъ опредѣленнымъ способомъ, то нѣтъ никакого смысла содѣйствовать именно этому опредѣленному способу его наступленія».

«Каждый, содѣйствующій предвидимому имъ въ общихъ чертахъ или хотя бы лишь вѣроятному ходу развитія долженъ дать себѣ отчетъ, почему онъ желаетъ оказывать такое содѣйствіе. И, очевидно, онъ не можетъ дать такого отвѣта — потому, что событіе, которому оказывается содѣйствіе, все равно неминуемо произойдетъ. Ибо поскольку событіе зависитъ отъ нашего содѣйствія, поскольку событіе можетъ не произойти, постольку оно не познано нами, какъ причинно необходимое событіе: было бы совершенной безсмыслицей содѣйствовать тому, что мы сами признаемъ неизбѣжно долженствующимъ наступить по неизмѣннымъ законамъ причинности».

На это можно возразить, что согласно матеріалистическому пониманію исторіи, необходимость извѣстнаго хода общественнаго развитія обусловливается именно тѣмъ, что наша дѣятельность неизбѣжно принимаетъ то или иное направленіе. Даннаго событія совсѣмъ могло бы не наступить, если бы мы его не желали или не оказывали ему содѣйствія; но такъ какъ мы необходимо *должны*, по неизмѣннымъ законамъ причинности, желать этого событія и оказывать ему содѣйствіе, то мы и предвидимъ его заранѣе, какъ причинно-необходимое. Соціальная необходимость дѣйствуетъ не помимо насъ, а черезъ насъ: мы и наша воля только орудія въ рукахъ этой необходимости, которая управляетъ нами черезъ насъ же самихъ.

Возраженіе это имѣетъ очень убѣдительный видъ, что не мѣшаетъ ему быть совершенно несостоятельнымъ. Вопросъ заключается въ данномъ случаѣ не въ томъ, существуетъ ли соціальная необходимость или нѣтъ, подчиненъ ли историческій процессъ закону причинности или не подчиненъ. Этотъ вопросъ уже давно рѣшенъ философской и научной мыслью въ утвердительномъ смыслѣ. Передъ нами проблема совершенно иного рода—совмѣстима ли свобода нашей сознательной воли съ сознаніемъ необходимости того, на что наша воля направлена. И, опять-таки, дѣло идетъ не о свободѣ воли въ философскомъ смыслѣ. Достаточно того, что *психологически* мы сознаемъ себя свободными (хотя бы это сознаніе было и ошибочнымъ). Могу ли я *хотѣть*, могу ли я напрягать свои силы для достиженія того, что я сознаю, какъ необходимо долженствующее произойти? Вотъ въ чемъ вопросъ.

И мы должны на него отвѣтить категорическимъ—нѣтъ! Мнѣ не зачѣмъ помогать неизбѣжному, тому, что неизмѣримо сильнѣе меня

самого. Психологическая неувѣренность въ будущемъ есть необходимое предварительное условіе сознательнаго волеваго акта. Я *опасаюсь*, что моя бездѣятельность повредитъ дорогимъ мнѣ интересамъ, и я *надѣюсь*, что мои дѣйствія помогутъ послѣднимъ. Эти опасенія и эти надежды указываютъ на незнаніе того, что именно произойдетъ, ибо извѣстное будущее могло бы вызывать лишь вполнѣ опредѣленное отношеніе съ моей стороны—отношеніе радости или грусти — но не того и другого вмѣстѣ.

Поэтому, хотя будущее также подчинено закону причинности, какъ и прошедшее, хотя будущія событія съ такой же роковой необходимостью вытекаютъ изъ настоящихъ, какъ настоящія изъ прошедшихъ, все же психологическая неувѣренность въ будущемъ навсегда останется основаніемъ нашей дѣятельности. А, слѣдовательно, и соціальное предвидѣніе не только не можетъ замѣнить, въ качествѣ мотива къ общественной борьбѣ, соціальнаго идеала, но, наоборотъ, соціальное предвидѣніе, если бы оно было полнымъ, означало бы собой прекращеніе всякой произвольной дѣятельности. Познаніе, доведенное до своего крайняго предѣла, было бы равносильно уничтоженію нашего произвола, сознательной воли.

Соціальное предвидѣніе, конечно, чрезвычайно важно для успѣшности общественной работы. Сознательная дѣятельность предполагаетъ познаніе,—и чѣмъ глубже познаніе, тѣмъ плодотворнѣе работа. Все это—труизмы, которыхъ никому не придетъ въ голову отрицать. И, тѣмъ не менѣе, Штаммлеръ глубоко правъ, утверждая, что полное и абсолютное познаніе будущаго лишило бы всякаго смысла нашу дѣятельность, и потому въ корнѣ убило бы нашу сознательную волю. Такое полное предвидѣніе, однако, безусловно недостижимо для нашей познавательной способности, заключенной въ рамкахъ опыта. Наше познаніе будущаго навсегда обречено быть частичнымъ, оставляя, такимъ образомъ, широкій просторъ для нашей воли.

Но мало хотѣть—нужно *умѣть* достигать желаемаго. Чѣмъ обширнѣе наше предвидѣніе, тѣмъ цѣлесообразнѣе направляются наши усилія, тѣмъ менѣе сталкиваются они съ естественнымъ и необходимымъ ходомъ вещей, тѣмъ болѣе шансовъ на побѣду. Вотъ почему возможно полное предвидѣніе будущаго есть лучшее оружіе въ борьбѣ—за соціальный идеалъ!

Только небольшая доля нашихъ усилій достигаетъ цѣли, вся же остальная наша дѣятельность погибаетъ безплодно, благодаря тому, что сталкивается съ естественными законами природы. Чѣмъ лучше намъ извѣстны эти законы, тѣмъ цѣлесообразнѣе мы направляемъ нашу дѣятельность. Чѣмъ обширнѣе наше познаніе соціальнаго будущаго, тѣмъ болѣе сосредоточивается соціальная работа на объективно достижимомъ—и тѣмъ значительнѣе ея результаты. Такъ, потокъ вздымается всего выше и бѣжитъ всего быстрѣе тамъ, гдѣ бе-

рега всего болѣе стѣсняютъ его бѣгъ. Но если бы берега совсѣмъ сомкнулись,—если бы наше предвидѣніе будущаго стало абсолютнымъ—то и бѣгъ потока долженъ бы былъ прекратиться, наша дѣятельность должна была бы остановиться по отсутствію цѣли. Тотъ же самый результатъ получился бы и въ противоположномъ случаѣ, если бы берега потока такъ широко раздвинулись, что вода перестала бы течь—если бы наше познаніе будущаго оказалось слишкомъ ничтожнымъ для какой бы то ни было сознательной дѣятельности. Абсолютное незнаніе, какъ и абсолютное познаніе не оставляютъ мѣста для цѣлесообразной работы. Нельзя работать, нельзя ставить себѣ сознательныя цѣли, если мы ничего не знаемъ о средствахъ и способахъ достиженія этихъ цѣлей, но и нельзя работать, нельзя ставить себѣ сознательныя цѣли, если мы заранѣе знаемъ, что будетъ завтра, черезъ годъ, черезъ десятки лѣтъ, если мы читаемъ въ будущемъ, какъ въ раскрытой книгѣ. Наша дѣятельность заключена въ этихъ предѣлахъ—относительнаго и ограниченнаго знанія—и она тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ это относительное знаніе полнѣе.

Итакъ, не соціальное предвидѣніе, а соціальный идеалъ является верховнымъ вождемъ въ соціальной борьбѣ. Познаніе есть только вѣрный слуга, выполняющій приказанія своего владыки. Но этотъ сверхопытный владыка—соціальный идеалъ—не создается руками своего слуги.

Прекрасно, если предвидимое нами направленіе историческаго развитія совпадаетъ съ нашимъ идеаломъ. Тогда въ нашемъ соціальномъ міровоззрѣніи нѣтъ никакихъ диссонансовъ и оно все проникнуто здоровымъ оптимизмомъ. Но если картина будущаго, раскрывающаяся передъ нашимъ умственнымъ взоромъ идетъ грубо въ разрѣзъ съ тѣмъ, что мы считаемъ святымъ и высокимъ, если мы не видимъ впереди приближенія къ нашему идеалу, то рѣшимся-ли мы измѣнить нашъ идеалъ, чтобы привести его въ согласіе съ дѣйствительностью? Исторія сохранила намъ примѣры благороднымъ людей, идеалы которыхъ оказались въ непримиримомъ противорѣчіи съ современной имъ дѣйствительностью, благодаря тому, что эти люди были выше своего времени. Подчиняли-ли эти люди свое нравственное сознаніе какимъ бы-то ни было требованіямъ текущей жизни? Нѣтъ и нѣтъ! Чѣмъ глубже была окутывавшая ихъ ночь, тѣмъ дороже становился имъ единственный могучій лучъ свѣта, прорѣзывавшій тьму и исходившій изъ нихъ самихъ, изъ ихъ собственнаго внутренняго міра, изъ ихъ непобѣдимаго идеала. Ни для чего въ мірѣ не согласится человѣкъ съ нравственно развитымъ сознаніемъ поступиться своимъ идеаломъ, который есть единственное верховное, чистѣйшее и прекраснѣйшее благо, единственная абсолютная цѣнность, нѣчто безконечно и безусловно обязательное, то, ради чего всѣмъ можно пожертвовать, но что само никогда, ни для кого и ни для чего не можетъ быть предметомъ жертвы.

Ничего не можетъ быть несправедливѣе презрительнаго отношенія

многихъ марксистовъ къ соціальному идеализму вообще, и къ идеализму великихъ утопистовъ въ частности. Отъ утопистовъ Марксъ получилъ (не говоря уже объ остальномъ) самое важное и цѣнное — соціальный идеалъ. И лишь при свѣтѣ этого идеала Марксъ могъ выработать свое замѣчательное ученіе объ объективныхъ законахъ капиталистическаго развитія. Пренебреженіе къ соціальному идеализму не только теоретически неправильно, но и практически вредно. Теоретически неправильно потому, что въ своей практической работѣ марксизмъ столь же мало можетъ обойтись безъ соціальнаго идеала, какъ и другія историческія общественныя движенія. Практически же вредно потому, что великая борьба требуетъ и великаго напряженія силъ личности. Откуда же человѣческая личность можетъ взять эти силы, какъ не изъ преданности идеалу? Безъ энтузіазма, безъ безкорыстнаго, религіознаго подчиненія себя, своей личности, всѣхъ интересовъ, всей своей жизни чему-то болѣе высокому, чѣмъ мы сами, нельзя достигнуть великихъ соціальныхъ цѣлей, которыя марксизмъ получилъ, какъ драгоцѣнное наслѣдіе, отъ утопистовъ. А только идеалъ—прекраснѣйшее достояніе нашего духа—можетъ порождать энтузіазмъ.

Борьба съ идеализмомъ ведетъ къ равнодушію къ широкимъ общественнымъ задачамъ, требующимъ самоотверженной работы и самопожертвованія личности. Эгоистическій интересъ не можетъ не занять въ нашей душѣ пустого мѣста, остающагося послѣ исчезновенія идеала. И если марксизмъ, на практикѣ, не утратилъ энтузіазма, то лишь потому, что, вопреки всякой теоріи, марксистское движеніе осталось проникнутымъ могучей струей соціальнаго идеализма. Сѣрая теорія оказались не въ силахъ заглушить прекрасный ростъ золотого дерева жизни. Но этотъ результатъ былъ достигнутъ лишь пожертвованіемъ логической стройностью марксизма.

Мы переживаемъ теперь знаменательную эпоху, когда старое рушится и отовсюду растутъ побѣги новой жизни. Идетъ новый міръ, все большія народныя массы собираются вокругъ краснаго знамени соціализма. Пока—это знамя отчаянной борьбы, знамя революціи. Но прійдетъ время, когда для соціализма, побѣдившаго капиталистическое рабство, на первый планъ выступятъ положительныя, творческія задачи. Какъ устроить жизнь на новыхъ началахъ свободы, правды и справедливости? Марксизмъ не интересовался подробностями будущаго соціальнаго строя, потому что этотъ строй казался ему далекимъ. Но, чѣмъ ближе мы къ нему будемъ, тѣмъ важнѣе для насъ будутъ задачи, которыя привлекали къ себѣ все вниманіе создателей современнаго соціализма — великихъ утопистовъ. И именно въ этомъ направленіи соціалистической мысли нашего времени предстоитъ огромная творческая работа. Предстоитъ великое возрожденіе утопическаго соціализма.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
ПРЕДИСЛОВІЕ		III
ОЧЕРКЪ I.	Происхожденіе англійскаго капитализма	1
ОЧЕРКЪ II.	Адамъ Смитъ	16
ОЧЕРКЪ III.	Промышленная революція	33
ОЧЕРКЪ IV.	Школа Смита	45
ОЧЕРКЪ V.	Великіе утописты	73
ОЧЕРКЪ VI.	Соціально-политическое направленіе	140
ОЧЕРКЪ VII.	Австрійская школа	177
ОЧЕРКЪ VIII.	Движеніе въ пользу національзаціи земли	186
ОЧЕРКЪ IX.	Критическій соціализмъ	205

*PB-46110-SB
5-19T

ТОГО ЖЕ АВТОРА.

Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Изд. третье. 1907. Ц. 2 р. 50 к. Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ «Наша Жизнь».

Современный соціализмъ въ своемъ историческомъ развитіи. 1906. Ц. 75 к. Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ «Трудъ».

Теоретическія основы марксизма. Изд. третье. 1906. Ц. 75 к. Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова.

Національзація земли. Изд. второе. 1906. Ц. 60 к. Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова.

Промышленные кризисы. Изд. второе. 1900. Ц. 2 р. 25 к. Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ О. Н. Поповой.

Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова.